THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

НЕДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ.

Dmitriev, Nikolai

НЕДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ

НИКОЛАЯ ДМИТРІЕВА.

Лѣсъ. — Вода. — Студенческія воспоминанія о московскомъ университетѣ. — Не забудь. — Дикая. — Грезы и слезы. — Лѣсные голоса. — Кивачъ. — Подъ березами.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА И ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

1865.

PG3321
D55N5
141665*

Дозволено цензурою. С. Петербургъ, 8 февраля, 1864 года.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КНИГОПРОДАВЦА М. О. ВОЛЬФА.

ЛѢСЪ.

I.

Шоссе кончилось съ своими полосатыми столбами, ямщиками, наводками и т. п. Надо было своротить въ сторону и ѣхать верстъ 50 проселкомъ, то есть по дорожкамъ, которыхъ никто не прокладываетъ и не поправляетъ. Я нанялъ пару крестьянскихъ лошадей и телѣгу. Молодой бѣловолосый парень, по имени Василій, взмостился на передокъ телѣги съ твердымъ намѣреніемъ доставить барина благополучно. Поѣхали.

Напрасно упрекаютъ нашу природу въ однообразіи, даже въ непривлекательности. Она, конечно, не блеститъ смѣлыми и великолѣпными очертаніями, но, посвоему, прекрасна: въ ней такъ много привѣтнаго, сердечнаго — того вообще, что хорошо и безъ блеска и роскоши. Пригорки, ручейки, перелѣски смотрѣли на меня такъ ласково, такъ радушно, какъ-будто здо-

ровались съ добрымъ знакомымъ. По обѣимъ сторонамъ дороги шла наша рожь-матушка; ея золотое море разстилалось такъ привольно и такъ покойно; изъ него повсюду глядѣли васильки и своимъ мягкимъ, чуднымъ цвѣтомъ такъ пріятно нѣжили взоры... Возлѣ ржи, по окраинамъ дороги, толпились цвѣты всѣхъ сортовъ и видовъ. Вотъ бѣложелтый попъ; вотъ разнаго рода желтые цвѣты, которыхъ и названья неизвѣстны; вотъ одиноко-стоящая гвоздика выглядываетъ изъ-подъ листа подорожника; выше всѣхъ колеблются на тоненькихъ своихъ стебляхъ колокольчики, а вотъ и фіялка лиловая или бѣлая, какъ невѣста. Поле кончилось; съѣзжаемъ съ горы; рѣчка змѣйкой ползетъ подъ горою, то съуживается и прячется въ бархатный зеленый кустарникъ, то раскидывается довольно широко и прыгаетъ по каменистому дну.

Переѣхали рѣчку, взъѣхали на гору. Деревня. Старухи съ дѣтьми сидятъ подъ тѣнью своихъ избушекъ. Мужики смотрятъ съ любопытствомъ на проѣзжаго барина и кланяются, снимая шляпы. Деревню проѣхали; опять поле и наконецъ лѣсъ.

— А что, великъ ли этотъ лѣсъ? спросилъ я Василья.

— Боръ-отъ? спросилъ Василій.

— Ну, боръ, что ли? сказалъ я.

— Да, это боръ, продолжалъ парень:—великъ. Дорога все песчаная; верстъ, почитай, пятнадцать придется ѣхать пескомъ, до Сыпушинской мельницы. Такой ужь тутъ песокъ, что ужасти! Только когда дождичекъ смочитъ, такъ ѣхать и можно, а то колесо по ступицу такъ и вязнетъ.

И боръ этотъ разстилался верстъ на сто въ окружности; стоялъ онъ и шумѣлъ своими мохнатыми вершинами неизмѣнно, Богъ знаетъ, кои вѣки. Сосны его, точно заколдованныя, не расли и не старѣлись. Сѣдые старики утверждали, что и въ ихъ дѣтствѣ боръ былъ все такой же: ни больше, ни меньше.

Наступалъ вечеръ. Тучи сбирались на дальнемъ горизонтѣ, и душный, знойный день обѣщалъ грозу. Боръ проѣхали; зазеленѣли опять поля и покосы, смѣняясь перелѣсками, а между тѣмъ ночь наступила. Темная туча ползла съ запада и заслоняла небо. Отдаленная молнія и громъ доносились уже до слуха. Тма была страшная.

— Экъ пахлобучило! сказалъ Василій, поглядыя на небо.

— Далеко ли еще намъ ѣхать? спросилъ я.

— Да еще верстъ десятокъ будетъ.

— Бѣда, братъ; вѣдь промочитъ до костей.

— Промочитъ-то, промочитъ, да теметь-то такая, что ничего не видно.

— Хоть бы куда заѣхать, Василій, сказалъ я.

— Да куда заѣдешь? Деревень-то здѣсь близко нѣтъ.

— А вотъ давича-то видѣли на бугрѣ барскій домъ: это что?

— Это Анютино. Трофима Петровича знавали?

— Нѣтъ, не знавалъ; но ничего, хоть къ нему бы заѣхать. Далеко ли?

— Далеко-то не далеко, отвѣчалъ парень: — да...

— Ну, да что? спросилъ я съ нетерпѣніемъ.

Парень замолчалъ; и молчаніе это было чрезвычайно непріятно. Молнія усиливалась; раскаты грома приближались. Съ минуты на минуту надо было ждать проливнаго дождя. Того и гляди, свалишься въ какой-нибудь оврагъ. Пріятно ли?

— Поѣзжай, братъ, поскорѣе къ Трофиму-то Петровичу. Далеко ли до него? снова спросилъ я молодца.

— Недалеко, отвѣчалъ Василій, двухъ верстъ не будетъ, да...

Опять молчаніе.

— Ну, что же да? сказалъ я съ досадою.

Парень почесалъ затылокъ и пропустилъ сквозь зубы:

— Лѣсомъ ѣхать надоть — Волосятевомъ.

— Ну, такъ что-жъ? спросилъ я.

— Да ничего, отвѣчалъ парень: — только... ишь ты какъ жаритъ! сказалъ онъ, снявъ шляпу и перекрестясь при страшномъ ударѣ грома.

Лошади, испуганныя, стали. Дождя еще не было, но ослѣпительная молнія такъ и бросалась въ глаза. Послѣ молніи ночь казалась еще темнѣе. Василій рѣшился наконецъ поворотить къ усадьбѣ. Лошади, почуявъ близость жилища, побѣжали бодро. Проѣхали поле, потомъ другое. Громъ усилился страшно, и наконецъ дождь хлынулъ, какъ изъ ведра. Лошади остановились.

— Что такое? спросилъ я, думая не въ яму ли какую заѣхали.

— Воротца, отвѣчалъ Василій, и сидѣлъ, какъ вкопанный, въ телѣгѣ.

— Ну, такъ вставай же и отворяй скорѣй! говорилъ я неповоротливому крестьянину.

Василій сидѣлъ. Это меня сердило и удивляло. Что за чудакъ! При блескѣ молніи видѣлъ я возлѣ самыхъ лошадиныхъ мордъ воротца, за которыми чернѣлъ сосновый лѣсъ, а по сю сторону лежало чистое поле, и только возлѣ самыхъ воротъ стояло громадное сухое дерево, раскидывая кругомъ костлявыя вѣтви.

— Да ну же, поворачивайся, наконецъ! сказалъ я Василью, рѣшительно выходя изъ терпѣнія.

Василій, медленно и не говоря ни слова, вылѣзъ и сталъ возлѣ телѣги, переминаясь съ ноги на ногу.

— Далеко ли?

— Да вотъ проѣхать только...

Опять молчаніе.

— Что проѣхать? допрашивалъ я Василья.

Парень не отвѣчалъ ни слова. Это ужасъ! Что за столбнякъ напалъ на него?

— Да далеко ли, наконецъ? вскричалъ я Василью такъ, что даже эхо закричало въ лѣсу. — Что у тебя, языкъ, что ли, отнялся, дуракъ? Говори!

Наконецъ, кажется, и парня моего горе взяло.

— Да вотъ лѣсомъ только проѣхать, отвѣчалъ онъ съ сердцемъ: — вѣдь по-русски говорятъ! Ну, съ версту только и будетъ... вотъ этимъ проѣхать надоть... Ну, что еще толковать-то... знамо только Волосятевомъ проѣхать... Господи Іисусе Христе! эка вѣдь поднялась стихія! свѣту Божьяго не видно! толковалъ онъ, крестясь.

А громъ, молнія, вѣтеръ и ливень точно спорили между собою.

— Такъ, ну же, двигайся, что ли! говорилъ я,

видя, что мой Василій рѣшительно не отходитъ отъ телѣги и не думаетъ отворять воротецъ.

Опять молчаніе. Все это мнѣ, наконецъ, надоѣло. Промоченъ я уже былъ до нитки. Вѣтеръ и громъ заглушали рѣчи. Я замолчалъ.

Василій посеменилъ съ минуту; наконецъ съ какою-то внезапною рѣшимостью онъ вскочилъ въ телѣгу, всталъ на ноги, взялъ въ руки возжи, и круто поворотилъ отъ воротецъ. Потомъ, страшно захлеставъ лошадей, онъ пустилъ, что ни есть духа, по полю. Съ часъ телѣга скакала по пашнѣ, кочкамъ, лугамъ и буеракамъ; лѣсъ же все болѣе и болѣе оставался въ сторонѣ. Выбравшись на какую-то дорогу; мы скоро потомъ подъѣхали къ строенію. Видно было, что мы околесили версты три лишнихъ, но зато лѣсомъ не ѣхали.

II.

Кто бывалъ въ положеніи, подобномъ моему, то есть ночью, вымоченный до костей, въ грязной телѣгѣ, тотъ пойметъ, съ какимъ удовольствіемъ взглянулъ я на огонекъ, свѣтившійся въ окнахъ Анютина. Хоть я не зналъ хозяевъ, но кому не извѣстно радушіе нашихъ сельскихъ обывателей? Мнѣ же ничего было не надобно, кромѣ теплаго угла. Телѣга подъѣхала къ крыльцу, на которомъ меня встрѣтилъ хозяинъ. Это былъ высочайшій мужчина, рябой, въ нанковомъ сертукѣ, съ коротенькой трубочкой въ зубахъ. Объяснивъ ему причину моего поздняго пріѣзда, я просилъ извиненія, что безпокою.

— Помилуйте, помилуйте! Истинно одолжили! говорилъ хозяинъ, вводя меня въ комнату и радушно пожимая мнѣ руку. — Садитесь пожалуйста. Рекомендуюсь: помѣщикъ Трофимъ Петровъ Коринъ. Чаю сейчасъ. Эй, Мишка, чаю! поскорѣй! — Э! да вамъ надо сейчасъ переодѣться, бѣлье чистое! — Ты, Мурусъ! что буркалами-то хлопаешь? обратился онъ къ человѣку, у котораго на первомъ планѣ виднѣлись усы и выпученные глаза: — поди, скажи Сашѣ, чтобы закуску, водки поскорѣй, да чаю! Сейчасъ согрѣетесь, почтеннѣйшій! — Да живо! черти! Что вы тутъ рты-то разинули? — Откуда изволите ѣхать, батюшка?

— Да издалека, Трофимъ Петровичъ!

— Вѣрно изъ губернскаго.

— Нѣтъ, подальше, Трофимъ Петровичъ: я изъ Петербурга, вотъ въ вашу сторону.

— То-есть какъ же изъ Петербурга? спросилъ Трофимъ Петровичъ, видимо смутившись. По правдѣ сказать, ему едва-ли случалось видать людей изъ Петербурга.

— Я студентъ и занимаюсь естественными науками. Въ вашъ край ѣду по собственной надобности и вмѣстѣ имѣю ученое порученіе ознакомиться съ здѣшней флорой.

Между нами будь сказано, ѣхалъ-то я только на урокъ во время ваканціи, а ужь ученымъ-то естествоиспытателемъ я себя вообразилъ потому, что мнѣ не было тогда и 20 лѣтъ отъ-роду.

— А, вотъ какъ-съ! воскликнулъ Трофимъ Петровичъ, выслушавъ меня: — Пріятно, очень пріятно! Это слава Богу-съ! Вотъ видите какъ поньче, и къ намъ

стали заглядывать! А то, повѣрите ли, я вотъ, этакъ, когда подумывалъ о службѣ-то вообще, такъ удивлялся даже: какъ это тамъ управляютъ у васъ, въ Петербургѣ-то? Этакая даль! Какъ это они знаютъ, что у насъ дѣлается, кто богатъ, кто бѣденъ, что растетъ, чѣмъ промышляютъ? Ну, вѣдь подати надо брать: значитъ, надо вѣдь знать, у кого что есть... Эй ты, буря! что ногами-то мѣсишь? — обратился онъ къ толстѣйшей бабѣ: что вы чаю-то не даете! Да водки подайте! Поди, скажи Сашѣ! Да живо! черти! пошевеливайся! Передушу всѣхъ! Фофаны!

Суета пошла страшная. Дѣйствительно, скоро подали чай и уставили цѣлый столъ закусками и водками, рюмками и стаканами.

— Чего прикажете? обратился ко мнѣ Коринъ:— закусите сперва, или чайку? А я бы совѣтовалъ водочки сперва: съ дороги-то васъ бы согрѣло. Выкушайте-ко, — прибавилъ онъ, наливая двѣ рюмки. Позвольте узнать имя и отчество.

Я сказалъ ему.

— Будьте здоровы! воскликнулъ Трофимъ Петровичъ, выпивая рюмку водки. — Эй, Ѳедька! буркало, сюда!.. Ворочайся тамъ, въ сапожищахъ-то, чурбанъ! Ступай, скажи Гаврилѣ, чтобъ лошадей-то онъ убралъ и овса далъ, хорошаго овса — знаешь, что въ маленькомъ сусекѣ. Да ямщика сюда! Ну, поворачивайся живо, Топтыгинъ! — Кто васъ привезъ, батюшка? отнесся онъ ко мнѣ.

— Крестьянинъ изъ деревни Зарѣчной, Василій.... отвѣчалъ я: — не знаю какъ по отчеству.

— Василій: это изъ второй избы возлѣ дороги: изба новенькая съ свѣтелкой.

— Да, да, эта.

— Ну, Васька Журавль — знаю. Парень степенный. — Эй, Журавля послать сюда! Ты, Куликъ, Журавля-Ваську сюда! Живо! ну, ковыляй ногами-то!

Василій явился. Помолясь Богу, онъ степенно поклонился Корину. Трофимъ Петровичъ тотчасъ же къ нему обратился:

— Ахъ ты, журавль тонконогій, осина долговязая! Экъ тебя вспарило, родимаго! Что глазами-то поводишь, какъ сова угорѣлая? Подходи сюда, говорилъ онъ, наливая двѣ рюмки. — Гдѣ старый-то: дома нынче, или въ городѣ?

— Нынче въ городу, батюшка Трофимъ Петровичъ, торгуетъ. Скотина-то подороже стала, такъ выгодно, а мы самъ-третей управляемся. Старикъ-то на досугѣ и торгуетъ.

— Ну, пей, пей! говорилъ Трофимъ Петровичъ, выпивая рюмку вмѣстѣ съ крестьяниномъ.

Василій, выпивъ рюмку, поставилъ на столъ и поклонился Трофиму Петровичу.

— А что же за пшеницей-то нынче не пріѣзжали? спросилъ громкимъ голосомъ Коринъ: — али разбогатѣли, шельмы, такъ и знать не хотите?

— Обошлись, батюшка, своей, говорилъ крестьянинъ: — такъ и не безпокоили. Дай Богъ здоровья милости вашей; впередъ, батюшка, не откажите.

— Пріѣзжай, дурова голова, бери! Станетъ не про тебя... Ну, пей! — И Трофимъ Петровичъ налилъ

двѣ рюмки. Выпивъ одну, онъ подалъ другую Василью.

— Не много ли будетъ, батюшка? отозвался крестьянинъ.

— Пей, гусь бѣлоголовый! закричалъ Трофимъ Петровичъ:—Развѣ я безъ тебя не знаю, много тебѣ, или нѣтъ? Пей, коли даютъ! Меньше, что ли, ума-то у меня, чѣмъ у тебя? Пей, да ума не пропей. Что не женишься, Журавль? Пора. Что головой-то болтаешь? Солоду, что ли, у меня нѣтъ на̀ пиво? Сто ведръ вари — отпущу. И на свадьбу, дуракъ, зови — пріѣду.

— Дай Богъ здоровья, батюшка, милости просимъ.

— Ну, ступай, Вася, кротко прибавилъ Трофимъ Петровичъ: — поѣшь тамъ, что Богъ послалъ, да и съ Богомъ усни. А завтра утромъ, какъ встанешь, ко мнѣ — слышишь?... Эй ты, Ѳекловна! что павой-то ходишь! Накормить Ваську хорошенько, чтобъ не буркало у него на животѣ-то... Эй! прощай, Вася!

Покончивъ съ Васильемъ, Трофимъ Петровичъ принялся за меня. Онъ безпрестанно упрашивалъ обратиться къ столу, загроможденному графинами и закусками; но я такъ обрадовался чаю, что рѣшительно отказался отъ закуски. Коринъ не унывалъ: приглашая меня *выкушать водочки съ дорожки*, онъ каждый разъ выкушивалъ самъ. Я былъ этому очень радъ, отчасти потому, что свободно могъ довольствоваться чаемъ, который, послѣ холодной ванны, казался чуть не божественнымъ напиткомъ, а отчасти по другой причинѣ. Въ сосѣдней комнатѣ, двери которой были растворены, разливала чай молоденькая дѣвочка. Она

такъ отличалась отъ всего ее окружавшаго, что невольно привлекла мое вниманіе и любопытство. Все бѣгавшее, шмыгавшее или стоявшее въ самомъ безсмысленномъ положеніи: лакеи, дѣвки, бабы, мальчишки — все это было одѣто съ очевиднымъ пренебреженіемъ къ туалету. Физіономіи носили печать или рѣшительной тупости, или явнаго плутовства. Но всѣ, и дураки, и плуты, были подъ вліяніемъ постояннаго страха. Совсѣмъ другое представлялось въ молоденькой дѣвочкѣ: это именно и была та Саша, которую баринъ уже называлъ. Бѣленькое, нѣжное ея личико и черные глаза, то лукавые и быстрые, то задумчивые и томные, представляли совершенное спокойствіе. Для нея какъ-будто не существовалъ Трофимъ Петровичъ съ его криками и ругательствами: она спокойно разливала чай, мелькомъ посматривая на проѣзжаго. Привѣтливая улыбка ея свѣжихъ и милыхъ губокъ явно вызывала на разговоръ. Видно, что ей не сидѣлось, а такъ и хотѣлось поболтать, посмѣяться. Я нѣсколько разъ покушался войти съ нею въ разговоръ — такъ привѣтливо и симпатично смотрѣли ея глазки и смѣялись губки; но не зналъ, какъ къ ней обратиться, кто она была: дочь ли хозяина, сестра, жена, экономка, гувернантка, или просто горничная. Желая узнать объ этомъ, я завелъ разговоръ съ Коринымъ:

— Надѣюсь, Трофимъ Петровичъ, что въ добавокъ къ вашему гостепріимству вы присоедините и откровенность. Прошу покорнѣйше, не стѣсняясь, сказать мнѣ, когда кончается вашъ вечеръ: я буду въ

отчаяніи, если сколько-нибудь побезпокою васъ или ваше семейство.

— Э-ге-ге-ге! воскликнулъ Трофимъ Петровичъ:— Вотъ, какъ-разъ видно, что петербургскій! Съ какими финтифантами поговариваетъ! Меня, батюшка, побезпокоить нельзя, потому что я всегда радъ гостю, какъ родному. А мое семейство? Оно все заключается въ моей персонѣ. Прошу любить, да жаловать. Байбакъ, сударь, байбакъ! Десять лѣтъ, какъ овдовѣлъ, какъ нѣтъ моей радости Олёнушки, а дѣти примерли еще при женѣ-голубушкѣ — царство ей небесное! Вотъ и доживаю вѣкъ-съ одинъ, какъ старая осина, что у нашего попа на задворкѣ. Одинъ, батюшка, какъ перстъ.

— А родные ваши? спросилъ я.

— Родные-съ? — И Трофимъ Петровичъ махнулъ рукою.—Прахъ ихъ побери совсѣмъ! Отъ нихъ, кромѣ сплетней и дрязговъ, ничего не дождешься. Вотъ недавно пріѣзжала ко мнѣ сестрица троюродная, старая дѣвка, лѣтъ пятидесяти... «Батюшка, братецъ, вы одна наша защита и радость, денно и нощно молимъ Бога за ваше здоровье...» — «Ладно, ладно,» отвѣчалъ я: «дѣло-то говори: зачѣмъ больше пожаловала?»—Ну, вотъ видите: ржицы на посѣвъ, да скотинка попадала, такъ нельзя ли парочку свинокъ; да того, да сего, набралось-таки порядочно. Ну, думаю, чужимъ не отказываю, а эта все-таки родная, хоть и седьмая вода на киселѣ. Уѣхала сестрица — и пять подводъ пошли за ней съ разными снадобьями. Какъ вы думаете: какую молитву прочитала она за мое здоровье? На другой же день по всему околотку разсла-

вила, что я живу съ Сашей, и что она всѣмъ домомъ у меня вертитъ. Какова соколёна!.. Вчера проѣзжалъ ихный попъ, отецъ Ѳедосѣй, такъ я его, какъ отца духовнаго, просилъ сказать сестрицѣ такой поклонъ: «если она гдѣ-нибудь и какъ-нибудь попадется мнѣ на глаза — читала бы отходную: запорю до-смерти нагайками.»

— Отчего же это васъ такъ огорчило?

— Оттого, сударь, во-первыхъ, что она свинья: такъ за добро не платятъ; а, во-вторыхъ, оттого, добавилъ Коринъ, съ особеннымъ неудовольствіемъ: — что это клевета.

И Трофимъ Петровичъ выпилъ еще рюмку.

— Разумѣется, продолжалъ Коринъ, расположенный къ откровенности послѣ многихъ рюмокъ водки: — разумѣется, ни для меня, ни для Саши безчестья въ этомъ нѣтъ: она моя раба прирожденная, некраденая, недареная; но все-таки это клевета, сказалъ Коринъ, стукнувъ кулакомъ объ столъ такъ, что рюмки поскакали со стола.

Саша стояла у того же столика, и кокетливо опустила глазки. Бѣлыя щеки ея покрылись яркимъ румянцемъ, а полная молодая грудь волновалась отъ сдавленнаго чувства — какого? — трудно было угадать. Саша окончательно меня заинтересовала.

— Саша! закричалъ Коринъ: — да хоть бы ты поподчивала петербургскаго-то барина; авось хоть онъ у тебя не побрезгаетъ. Вѣдь я медвѣдь; имъ, можетъ, противно и сидѣть-то съ нашимъ братомъ, деревенщиной.

— Да они еще чай кушаютъ, весело отвѣчала Саша: — а потомъ, если угодно будетъ, такъ поужи-

наютъ. Хотите еще чаю? — И Саша подошла ко мнѣ за стаканомъ.

— Нѣтъ, благодарю! Я напился у васъ чаю съ такимъ удовольствіемъ, съ какимъ давно не пивалъ.

— Ну, такъ покушайте чего-нибудь, говорила дѣвушка: — За что же вы барина-то обижаете? Вѣдь вы ничѣмъ его такъ не порадуете, какъ покушаете безъ церемоніи. Смотрите, какіе вы худенькіе! Вамъ надобно въ деревнѣ пополнѣть.

— Молодецъ, Саша, молодецъ! завопилъ Коринъ:— Вотъ, молъ, выкушайте-ко сперва водочки-то. Вѣдь я, молъ, черезъ уголь перегоняла. А вотъ, молъ, и рыжички мои — попробуйте! Молоденька, молъ, я, а посмотрите какіе рыжички!

Саша подошла къ столу, и, взявъ подносъ съ водками и закусками, поднесла ко мнѣ.

Я налилъ рюмку, выпилъ и закусилъ рыжиками; водка и рыжики оказались дѣйствительно хорошими.

— Да по одной-то не закусываютъ, кричалъ Коринъ: — выпейте-ко еще! — Саша снова подала мнѣ водку, и сказала:

— Вѣрно, гость-то боится разговориться, оттого и не кушаетъ. Что вы молчите? Видно, кого-нибудь жаль въ Петербургѣ?

— Нѣтъ, Саша, никого не жаль, и пью твою водку съ удовольствіемъ.

— Такъ что же вы молчите? Напугались, что ли, дорогой-то? Вѣдь у насъ здѣсь не очень чистое мѣсто.

— Ну, полно врать! вскричалъ Коринъ: — какого ты бѣса тутъ городишь?

— Нѣтъ, я-то не перепугался, отвѣтилъ я Сашѣ: — а вотъ ямщикъ мой такъ чуть-ли не струсилъ. Подъѣхавъ къ послѣднему лѣсу, черезъ который, кажется, шла прямая дорога, онъ рѣшительно отказался ѣхать этимъ лѣсомъ, и, сломя голову, понесся по пашнѣ и буеракамъ мимо. Не понимаю, что это значитъ.

— Вотъ оттого-то и не понимаете, что не знаете; а вотъ еслибъ...

— Полно! перебилъ ее Коринъ: — Пошла, ложись спать! Нечего вздоръ-то молоть: на ночь чепуху не городятъ.

— Да вѣдь хуже, какъ вдругъ баринъ-то услышитъ невзначай — перепугается.

— Что услышитъ? Дай-ко сюда поляниновки, такъ и не услышитъ. Выкушайте-ко вотъ этого, сударь! Доложу вамъ, что и въ Питерѣ этого, можетъ, кушать не будете. Ну, ступай спать, обратился Коринъ къ Сашѣ: — нечего языкъ-то чесать.

III.

Дѣвушка вышла. Я выпилъ поляниновки, и крѣпко пожалѣлъ, что Саша ушла. Я видѣлъ, что ей очень не хотѣлось уходить. Новое лицо, столь рѣдкое въ захолустьѣ, пробуждало въ ней сильное желаніе разболтаться. Я видѣлъ, что она была въ сосѣдней комнатѣ и вовсе не намѣревалась спать. Мнѣ хотѣлось ее вызвать.

— Зачѣмъ вы услали Сашу? спросилъ я Трофима Петровича.

— Все вретъ, отвѣчалъ сердито Коринъ.

— Да что вретъ? Про какіе это страхи она говоритъ?

— Про какіе! возразилъ Коринъ: — Вы, вѣдь петербургскіе да ученые господа, все на свѣтѣ знаете. Насъ, дураковъ деревенскихъ, какъ-разъ на смѣхъ поднимете. А вотъ пожили бы вы здѣсь, такъ иной разъ позадумались бы. Ну, да что теперь объ этомъ говорить!

— Сашу вы услали, Трофимъ Петровичъ, сами говорить не хотите, а между тѣмъ любопытство мое вы раздражили сильно. Чего это боятся здѣсь всѣ, и Саша, и ямщикъ... «да, кажется, и вы сами, Трофимъ Петровичъ,» подумалъ я, но не сказалъ... Что это такъ всѣхъ пугаетъ?

— Что? возразилъ Коринъ: — что? — Лѣсъ! Вамъ, вѣдь, пожалуй, смѣшно покажется, а послушайте-ко въ иную ночь — будете помнить? Этакого горла окаяннаго, прости Господи, на всемъ свѣтѣ не отыщешь.

— Да кто же это у васъ тамъ голоситъ? спросилъ я, смѣясь, Трофима Петровича.

— Лѣшій! отвѣчала Саша изъ сосѣдней комнаты.

Коринъ вскочилъ. «Я тебя вздую!» закричалъ онъ во всю комнату. Часу не можетъ, чтобъ не врать чепухи. И нашла время! прибавилъ онъ, посмотрѣвъ на громадные стѣнные часы временъ Елисаветы Петровны. Они показывали XII.

Вся эта сцена была такъ забавна, что, при всемъ желаніи не сердить хозяина, хотя и оригинальнаго,

но добраго и гостепріимнаго, я не могъ удержаться отъ улыбки.

Трофимъ Петровичъ это замѣтилъ, и ему стало совѣстно. На Сашу полился потокъ всякихъ возгласовъ и упрековъ; но я замѣтилъ ясно, что Трофимъ Петровичъ обращался съ Сашей вовсе не такъ, какъ съ другими: онъ не то, чтобъ ее уважалъ — себя онъ ставилъ выше всѣхъ и всего — но какъ-будто побаивался. Все это возбуждало мое любопытство.

Трофимъ Петровичъ, сконфуженный, ходилъ молча по комнатѣ. Я молчалъ, изъ опасенія какимъ-нибудь неловкимъ словомъ поднять бурю. Коринъ заговорилъ первый.

— Я не баба деревенская. Всякому дурацкому болтанью вѣрить не стану. Мало ли что говорятъ: языкъ безъ костей, гнется. Да ужь и ваши-то умники хороши! Нагородятъ иной разъ такое, что самый глупый мужикъ съ похмѣлья не наскажетъ. Кто у васъ тамъ «Вѣчнаго Жида» написалъ?

— Евгеній Сю, отвѣчалъ я.

— Прямой Сю! вскричалъ Коринъ: — Сю онъ и есть! Что онъ тамъ нагородилъ? какого дьявола наплелъ въ сорока-то частяхъ? Я самъ, сударь, люблю иногда почитать и весьма уважаю просвѣщеніе. Вотъ, напримѣръ, Полеваго «Исторія Наполеона» — ну, это дѣло понятное. Пріятно прочитать жизнь великаго человѣка. А то описываетъ шельму какого-то, жида-христопродавца, да говоритъ еще, что тотъ жилъ чуть не 2,000 лѣтъ! Слышите — жидъ! Повѣрите ли? Принесли мнѣ прочитать отъ скуки, я и ну! Читалъ, читалъ, частей 18 прочиталъ; смотрю, еще столько же

лежитъ! Господи помилуй! Я заплакалъ съ досады, и изорвалъ остальныя части. Не ври, нѣмецъ!

Какъ ни оригинально было мнѣніе Корина о литературѣ, я, однакожъ, удержался отъ улыбки.

— Надо отдѣлять, сказалъ я:—вымыселъ отъ дѣйствительности. Фантазія писателя иногда допускаетъ...

— Фантазія! перебилъ Трофимъ Петровичъ:— какой-нибудь жидконогій французъ навретъ книгу въ полпуда, чтобъ набить себѣ карманы, такъ тутъ ничего — фантазія, тутъ-де кроется мысль. А какъ здѣсь въ-явѣ иногда творятся дѣла, которыя не разберешь, и мужикъ, вовсе не такой глупый, какъ вы изволите полагать, по-своему это объясняетъ — такъ вы посмѣиваетесь. Тутъ нѣтъ ни истины, ни фантазіи. Эхъ вы, господа!

— Да что же такое? Трофимъ Петровичъ, скажите мнѣ; вѣдь вы напрасно на меня нападаете. Я очень бы хотѣлъ знать, о чемъ вы говорите, и ничего не знаю.

— Докладываютъ-съ мнѣ, продолжалъ Коринъ, какъ-будто не слушая: — что у меня пропала чалая кобыла. Какъ пропала? Да я вчера слышалъ ея колоколку въ Волосятевѣ — вотъ въ этомъ лѣсу-то, прибавилъ помѣщикъ, указывая рукою въ окно. — «И мы, говорятъ, слышали, да нѣтъ ея тамъ. Вотъ ужь третій день нѣтъ. Съ ногъ сбились. Всю Старую обѣгали, и на Гари были — нѣтъ и слѣда тамъ. Да и пашковскіе пастухи не видали.» — «Да черти этакіе!» говорю я: «она въ Волосятевѣ. Колоколу-то свою я изъ тысячи узнаю. Вчера своими ушами слышалъ». — «Нѣтъ, батюшка, сбились съ ногъ — нѣтъ.» — «Колоколка, ровно бы, и наша, а лошади нѣтъ». — Что за оказія та-

кая? подумалъ я. — «Иди за мной!» закричалъ я ребятамъ. Пошли. Только-что вошли въ ельникъ, колоколка-то и слышна! — «Это что?» спросилъ я.—«Наша, говорятъ, точно что.» — «Такъ что же вы?» — Ну, пошли на бряканье колоколки. Все ближе, ближе... вдругъ, что за оказія?... колоколка-то брячитъ назади, чуть-чуть не на задворкѣ у меня. — Что это? Когда же она поспѣла перебраться? Эка воръ-лошадь, думаю. Воротились; идемъ. Колоколка ближе, ближе — стой! Не слышно, замолкла! Мы крикнули. Кобыла узнала сенькинъ голосъ: заржала! Колоколка опять застучала... слышу: лошадь снова на другомъ краю! Что за дьявольщина! подумалъ я. Опять къ кобылѣ. Ну, подходимъ; вотъ, кажется, передъ носомъ... не тутъ-то было: гдѣ-то за лѣсомъ, чуть-чуть стышатся звуки... Вѣрите ли, весь Божій день прорыскали — не нашли чалой кобылы. «Чтобъ она издохла!» сказалъ я, и воротился домой... Какъ вы объ этомъ подумаете? А вѣдь лѣснишко-то дрянь, на ладони у меня не уставится, двухъ верстъ не будетъ поперечнику.

— Странно! сказалъ я: — не ошиблись ли вы въ колоколкѣ?

— Въ томъ-то и дѣло, что не ошиблись.

— Ну, какъ же, лошадь такъ и пропала?

Коринъ замолчалъ, а потомъ тихо и задумчиво сказалъ, наливая еще рюмку водки:

— Въ томъ-то и дѣло, что не пропала: привела въ ту же ночь!

— Кто привела? спросилъ я.

— А вотъ этотъ бѣсъ, сказалъ Коринъ, указавъ на комнату, гдѣ находилась Саша.

— И ночью? спросилъ я съ невольнымъ удивленіемъ.

— Ночью, той же ночью... проклятой ночью... Эй? закричалъ Коринъ: — растянулись, набили животы! Сюда!

Изъ всѣхъ дверей появились лакеи, бабы мальчишки и т. п.

— Дунька гдѣ?

— У васъ въ комнатѣ-съ.

— Сюда! закричалъ Коринъ, положительно пьяный.

Вошла молодая дѣвушка, по-крестьянски одѣтая, миловидная и стройная, но блѣдная, убитая, робкая. Стыдливо поклонилась она мнѣ и стала передъ Коринымъ.

— Ну! закричалъ онъ: — что ты тамъ дѣлала? Пойдемъ! А я вамъ разскажу лучше! прибавилъ Коринъ, обращаясь ко мнѣ. — Коновалъ Гришка, бѣшеный, пробирался ономнясь изъ Дудкина. Была тамъ работа... жеребята да котята, то да се; попотчивали маленько, но ничего... Дудкино отсюда верстъ двѣнадцать. Хмѣль прошелъ; идетъ себѣ потихоньку да пѣсенку попѣваетъ. Ну, Волосятево! Шельма продувная, въ одно ухо влѣзетъ, въ другое вылѣзетъ — горя мало! идетъ... Шелъ, шелъ — измучился; нѣтъ конца! Что за чудо? Лѣсъ всего двѣ версты съ небольшимъ. Опять идетъ; глядь! опять тѣ же воротца, въ которыя вошелъ! Гришка инда покраснѣлъ; радъ-радъ, что никто не знаетъ, не вѣдаетъ. Выругался тутъ, да и пошелъ опять. Потъ прошибать сталъ. Что за дьявольская сила! Кажись давно бы придти надо. Идетъ, идетъ — измучился и чуть не сунулся носомъ въ

Сушу — вотъ наша-то рѣка, она же и черезъ лѣсъ протекаетъ; такъ, рѣченка, курица по колѣно перейдетъ, но дѣло-то въ томъ, что Суша течетъ совсѣмъ не въ той сторонѣ, куда онъ шелъ-съ! Вышелъ совсѣмъ въ другую сторону! Гришка всталъ, оглядѣлся, и опять выругался хуже прежняго... Такая собака на все, что ужасъ! Пошелъ... и вышелъ куда? какъ вы думаете?

— Куда? спросилъ я.

— А вонъ куда! отвѣчалъ Коринъ, и указалъ рукою въ окно.

Я посмотрѣлъ. Чудная лѣтняя ночь дремала надъ полями. Луна освѣщала и безъ того нетемную ночь. Воздухъ послѣ дождя былъ свѣжъ и благоуханенъ. Предъ глазами, возлѣ самаго лѣса, о которомъ шла рѣчь, сіяла церковь, окруженная крестами и буграми деревенскаго кладбища.

— Какъ! спросилъ я: на кладбище?

— Да-съ, на кладбище, отвѣчалъ Коринъ, расхаживая по комнатѣ съ сложенными назадъ руками: — на кладбище-съ; а ему надо было идти въ Ѳедотово, совсѣмъ въ другую сторону. Бѣшеный струсилъ, навострилъ лыжи, да опять ударился лѣсомъ. Вѣрите ли, сударь, выбился изъ силъ и легъ подъ сосной!

— Такъ, такъ, легъ подъ сосной, добавилъ лакей, стоявшій у двери: — недалече отъ вражка.

— Ну, да, у вражка, говорилъ Коринъ: — Да какъ онъ легъ, сударь, какъ пошелъ, какъ пошелъ... Коринъ махнулъ рукою и замолчалъ.

— А что жъ? спросилъ я.

— Ничего. Спать пора, отвѣчалъ Коринъ: — До свиданія. Вамъ все готово.

— Что же сдѣлалось съ коноваломъ?

— А что! Пришелъ на другой день, блѣдный и осунувшійся, какъ кошка. Въ двѣ недѣли едва поправился: измучился совсѣмъ!

— Да что жъ? Коновалъ, вѣроятно, выпилъ лишнее?

— Выпилъ лишнее! вскричалъ Коринъ: — Умны вы! Бѣшеный выпилъ лишнее! Да онъ сороковую бочку выпьетъ — ни почемъ! Вы очень резоны-то всѣ объясняете; а пожаловали бы вы сюда иную ночь, такъ посмотрѣлъ бы я... Спокойной ночи! Усните хорошенько съ дорожки.

Коринъ подалъ мнѣ руку, и, сопровождаемый блѣднолицей и печальной дѣвушкой, ушелъ. Ѳедоръ, малый лѣтъ семнадцати, отвелъ меня въ комнату, гдѣ была приготовлена для меня постель.

Все видѣнное и слышанное мною такъ было ново и оригинально для меня, лѣтъ десять невыѣзжавшаго изъ города, что невольно возбуждало любопытство. Пока мальчикъ раздѣвалъ меня и убиралъ платье, я старался разспросить кое-что.

— Что же это сдѣлалось съ коноваломъ? спросилъ я.

— Да ничего-съ, отвѣчалъ мальчикъ: — лѣшій обошелъ. Это бываетъ. Вѣдь они никакого вреда человѣку не дѣлаютъ; только обойдутъ развѣ, такъ изъ лѣсу ни за что не выйдешь! Ну, и напужаютъ страшно. Скотину иной разъ загонятъ туда, что хоть тресни не сыщешь; а послѣ сама придетъ, исхудалая и чахлая. Въ лѣсу-то у насъ ужасъ такой бываетъ, что спать индо нельзя: такъ гагайкаетъ, что страхъ!

— Да что же у васъ за лѣсъ такой?

— Да ужь такой лѣсъ, отвѣчалъ Ѳедоръ: — такъ ужь, видно, онъ уродился. На вражкѣ-то тутъ Клементій похороненъ.

— Какъ на вражкѣ? Почему онъ тутъ похороненъ?

— Онъ удавился, такъ тутъ и похороненъ. Клементій по травнику лечилъ, и съ нечистыми знался. Кто мельницу строилъ, такъ ужь непремѣнно его звали, а не то не будетъ пути: пронесетъ въ первую же весну. А ужь зубы да лихоманки какъ заговаривалъ, такъ это ужасти: поговоритъ да водицей попрыскаетъ— рукой сниметъ.

— Отчего же онъ удавился?

— Да прахъ его знаетъ! отвѣчалъ мальчикъ, взявъ сапоги: — никто не видывалъ его въ церкви. Только, бывало, ночью на кладбище сходитъ да принесетъ оттуда травы, да земли, да Богъ знаетъ чего. Разъ похоронили барыню, которую онъ лечилъ лѣтъ десять. Онъ ночью-то пошелъ къ ней на могилу, да и воротился чуть-живой. Поутру и нашли его въ сѣнникѣ: виситъ на веревкѣ. Ну, и похоронили въ Волосятевѣ подъ осиной. Старая такая осина: ей, чай, лѣтъ сто есть. Дѣдушкѣ Никифору ужь девяносто лѣтъ, а онъ говоритъ, что изъ дѣтства помнитъ ее все такою же.

Мнѣ сильно хотѣлось спать, и я простился съ мальчикомъ. Онъ вышелъ, затворивъ дверь, но чрезъ минуту опять воротился.

— А вы откуда ѣхали? спросилъ меня Ѳедоръ.

Я ему сказалъ.

— Можетъ, видѣли сухое-то дерево у Филипповскихъ воротецъ, въ яровомъ полѣ?

— Видѣлъ, отвѣчалъ я.

— Ну, такъ тутъ кладъ зарытъ. Въ Волосятевѣ жилъ когда-то разбойникъ — давно ужь это было; бабушка Ненила разсказывала, что онъ до нея еще жилъ, и она слышала о немъ отъ барина, къ которому разбойникъ этотъ пріѣхалъ, да и велѣлъ выдать тысячу рублей, а не то, говоритъ, разорю. Ну, тотъ и выдалъ. Потомъ разбойникъ пропалъ, а деньги-то зарылъ подъ елкой въ котлахъ, да и заклялъ. Многіе видѣли, что надъ этимъ мѣстомъ огонекъ теплится, ровно свѣчка. А подойшь поближе, такъ свѣчка-то и пойдетъ, и пойдетъ, да въ лѣсъ!

— Вотъ бы ты вырылъ кладъ, сказалъ я.

— Нѣтъ, страшно, отвѣчалъ мальчикъ: — надо, вѣдь, ночью копать, да и заклятіе не знаешь какое дано. Разъ косиковскіе мужики цѣлую ночь рыли: заступы-то такъ объ котлы и стучатъ; ужь и ушки, кажись, отрыли; золота видимо-не-видимо, такъ и горитъ. Только-что хотятъ за ушки-то взяться, а котлы-то снова и уйдутъ въ землю. Изрыли земли пропасть, а не достали клада.

— Такъ развѣ никто не знаетъ заклятья?

— Да кто его знаетъ! Говорятъ, шелепинскій дьячекъ знаетъ, Косой, Василій Ликандрычъ. Вотъ Петька Гагана, портной коломягинскаго барина — злой такой баринъ, звѣрь, полвотчины разбѣжалось — выманилъ, говорятъ, заклятье у Косаго. Ведро вина ему выпоилъ, да и дома, что у него было, продалъ, и все отдалъ Косому. Ну, и пошелъ ночью копать, такъ и не возвращался: провалился, говорятъ. Лѣсъ-то чу, такъ и стопалъ въ эту ночь.

— Да не бѣжалъ ли и Гагана вслѣдъ за своей братьей?

— Какое бѣжалъ! На другое утро нашли тутъ кафтанъ, поясъ его и крестъ. Куда жъ безъ кафтана-то пойдетъ!

IV.

Я наконецъ услалъ разскащика и, утомленный дорогой, угощеньемъ и длиннымъ вечеромъ, уснулъ какъ убитый. Когда же проснулся, солнце было уже высоко. Я открылъ окно—и очаровательный деревенскій пейзажъ раскинулся передо мною. Усадьба Корина стояла на горѣ, у подошвы которой игриво бѣжала Суша. Какъ веселы и милы были ея гористые берега, покрытые зеленымъ, молодымъ кустарникомъ или бархатными лугами! По нимъ уже карабкались деревенскіе мальчики и дѣвочки, ища земляники. По обѣимъ сторонамъ разстилались поля, покрытыя различными хлѣбами. На противоположномъ берегу стояло село, привѣтно осѣняя мирныя пашни своими блестящими крестами: такъ проста, спокойна была окрестность. «Откуда могли придти въ голову такія бредни?» подумалъ я, вспомнивъ вчерашніе разсказы, и взглянулъ на лѣсъ. Темная зелень его, дѣйствительно, нѣсколько сурово оттѣняла правую сторону пейзажа, но отъ этого окрестность еще болѣе выигрывала, еще веселѣе улыбалась. Лѣсъ примыкалъ почти къ самому двору Корина, круто спускался къ рѣкѣ, скрывалъ ее совершенно въ чащѣ деревъ, и зеленою опушкою поднимался въ гору.

— Что это, сударь, до-сихъ-поръ почиваете? послышался за мною голосъ: — мужики ужь обѣдать пріѣхали, а вы все почиваете. Пора!

Это была Саша. Она принесла мнѣ подносъ съ чайнымъ приборомъ, и поставила его на столъ. Я подошелъ къ Сашѣ, чтобъ поболтать съ ней, но, взглянувъ на нее, остановился. Передо мною стояло такое прекрасное и милое созданіе, которое не часто случается встрѣтить. Крики и разсказы Корпна, бѣготня его прислуги, полумракъ, царствовавшій въ комнатѣ, освѣщенной сальною свѣчкою, не дали мнѣ разсмотрѣть Сашу. При свѣтѣ солнца она была очаровательна. Можетъ-быть, вамъ случалось видать такія лица въ дальнихъ нашихъ поселеніяхъ. Такъ иногда, посреди брошеннаго и заросшаго сада, встрѣчаешь чудную лилію, одинокую, но тѣмъ не менѣе плѣнительную. Саша была почти брюнетка; темно-каштановые волосы густо и роскошно покрывали голову, а бѣлое, нѣжное, удивительно-нѣжное личико дышало такой чистотой, такой дѣвственной прелестью! Но всему этому придавали особенную прелесть удивительные ея глазки; такіе глаза, кажется, только и могутъ родиться въ свѣжей зелени полей и лѣсовъ нашихъ. Глаза ея были синіе, но въ нихъ было столько глубины, нѣги, жизненной влаги, что вчера вечеромъ, осѣненные темными рѣсницами, они показались мнѣ черными. Глаза эти смотрѣли на васъ то съ удивительною нѣжностью, то лукаво и кокетливо, и горѣли какъ огоньки; словомъ, Саша глазами могла говорить болѣе, чѣмъ языкомъ, хотя и языкъ у нея былъ развязный. Прибавьте къ этому и нѣжную шейку, по которой струились жилки, роскош-

ную и упругую грудь, которая такъ и рвалась изъ-подъ бѣлой косынки, и то невыразимое, но чудное, что дается блескомъ и цвѣтомъ первой свѣтлой молодости, тогда вы будете имѣть понятіе о Сашѣ. Ароматный воздухъ полей, синее небо способствовали развитію такого созданія. Это былъ настоящій полевой ландышъ, чистый, нѣжный, благоуханный. Я такъ пристально и съ такимъ изумленіемъ смотрѣлъ на Сашу, что она покраснѣла. Манеры ея были тѣ же, какія обыкновенно бываютъ у горничныхъ, особенно-приближенныхъ къ господамъ. Она была ловка, развязна, кокетлива и приэтомъ удивительно стыдлива.

— Какъ хорошо... утро, сказалъ я, желая похвалить вовсе не утро.

— Было хорошо, отвѣчала Саша съ улыбкой: — да вы проспали. Теперь ужь полдень и жарко.

— Какъ хороша ты! сказалъ я и, признаюсь, сконфузился.

Саша слегка покраснѣла и чуть замѣтно улыбнулась.

— Ну, а еще что? спросила она, лукаво поглядѣвъ на меня.

— Больше ничего, отвѣчалъ я: — ты и утро, прекрасны, но ты, Саша, лучше.

— Какіе вы чудные! сказала, помолчавъ, Саша и посмотрѣла на меня такъ, что на этотъ разъ я покраснѣлъ. — Долго вы у насъ пробудете? спросила она.

— Нѣтъ, недолго, отвѣчалъ я: — но желалъ бы...

— Что желали бы?

Я не зналъ, что отвѣчать, потому что и самъ не зналъ, чего желалъ — такъ было хорошо возлѣ этого

милаго существа! Разговоръ видимо не вязался, и я свелъ его на вчерашнюю тему.

— А Трофимъ Петровичъ, кажется, таки побаивается сосѣдняго лѣса.

— Еще бы! отвѣчала дѣвушка.

— А ты не боишься?

Саша покачала головою, и сказала смѣло:

— Не боюсь; я ничего не боюсь.

— И лѣшихъ? спросилъ я.

Саша внимательно посмотрѣла на меня, потомъ отвѣтила:

— И лѣшихъ!

Я засмѣялся.

— Да неужели ты, такая милая и умная дѣвушка, вѣришь этимъ глупостямъ? спросилъ я.

— А вы не вѣрите?

— Разумѣется, не вѣрю.

— И не боитесь?

— И не боюсь.

— Ну, смотрите! У насъ дѣйствительно чудеса творятся, страшныя чудеса! Ночью туда не всякій ходитъ.

— А ты ходишь?

— Хожу, отвѣчала дѣвушка.

— Зачѣмъ? спросилъ я.

— За чѣмъ пошлютъ.

— Какъ же ты не боишься?

— Я ничего не боюсь, отвѣчала Саша, взглянула на меня своими большими глазами, и убѣжала.

Я напился чаю. Трофима Петровича не было: онъ гдѣ-то вдали шумѣлъ съ мужиками. Мнѣ надо было

ѣхать, а не простясь уѣхать не хотѣлось. Я закурилъ сигару и сѣлъ у окна. Минутъ черезъ десять явилась Саша, подвязанная бѣлымъ платкомъ и съ корзиною.

— Пойдемте за грибами, сказала она.

— Куда? спросилъ я, еще не зная, на что рѣшиться: идти, или ждать Корина.

— Въ лѣсъ, отвѣчала она: — въ Волосятево, вотъ въ этотъ страшный лѣсъ. И Саша пристально посмотрѣла мнѣ въ глаза.

— Пойдемъ, пойдемъ, Саша, сказалъ я: — какъ не посмотрѣть на такой удивительный лѣсъ!

Сашу ждали уже нѣсколько дворовыхъ дѣвушекъ и мальчиковъ, всѣ съ корзинами. Я велѣлъ сказать Трофиму Петровичу, чтобъ онъ меня извинилъ, что я пошелъ осматривать страшный лѣсъ.

И мы погрузились въ зеленыя тѣни лѣса. Кому удавалось переноситься изъ душныхъ петербургскихъ улицъ въ благоуханную атмосферу деревень нашихъ, тому, вѣроятно, будетъ понятно то чувство удовольствія, которое ощущалъ я, бродя подъ зелеными, свѣжими вѣтвями лѣса. Грудь дышала свободнѣе и легче; какое-то новое, или, лучше сказать, давно забытое счастіе ощущали чувства. На душѣ становилось свѣтло и покойно. Самые предметы глядѣли какъ-то знакомо и привѣтно. Все было такъ зелено, счастливо! Для меня же все имѣло особую, неизъяснимую, хотя и грустную прелесть; они мнѣ напоминали иное мѣсто и иные годы, чистые годы дѣтства. Свѣжи и дѣвственны встали въ моемъ воображеніи зеленыя дубравы, гдѣ впервые почувствовались красоты Божьяго міра. Эта беззвучная тишина лѣса была мнѣ красно-

рѣчивѣе всякаго слова. Пустые и ничтожные предметы были исполнены для меня самаго милаго значенія. Тропинка, вьющаяся по лѣсу, дорога съ ея колеями, наполненными вчерашнимъ дождемъ, были какъ-будто старыми знакомыми, съ которыми я встрѣтился послѣ долгой разлуки. Не дѣдушка ли Семенъ проѣхалъ это на своемъ любимомъ пѣгомъ меринѣ, тотъ дѣдушка Семенъ, который, возвращаясь съ сѣнокоса, привозилъ такія чудныя дудочки и такъ отлично игралъ на нихъ? А кусты земляники напоминаютъ ее съ простою, но неизмѣнною любовью, тету Марію; выкормышъ ея уже выросъ и отъ няньки перешелъ на руки Ѳедосея Кирилыча; но для нея онъ все тотъ же милый, безпомощный младенецъ. Почти съ восхода солнечнаго сидитъ она въ дѣвичьей, держа берестяный тюричокъ съ свѣжею земляникой: это она ждетъ своего молодаго барина, а барину вставать не хочется, потому что надо садиться за сложеніе, вычитаніе и т. п. А скотникъ Фока Макарычъ, извѣстный чуть-ли не въ цѣломъ уѣздѣ подъ именемъ кума-Макарыча, у котораго были такіе славные разсказы о лѣсахъ дремучихъ, непроходимыхъ; у него были когда-то большія, сильныя собаки, которыя на медвѣдей ходили, и волковъ душили какъ зайцевъ. И все былые и милые годы вставали передо мною...

— Что же вы грибовъ-то не берете? спросила моя спутница.

— Ты за меня бери, Саша, отвѣчалъ я: — а мнѣ надо посмотрѣть на вашъ лѣсъ. Отчего это всѣ его боятся? Онъ такой зеленый, кудрявый.

— Вотъ еще! перебила Саша, смѣясь:—не успѣли

войти, да ужь и толкуете. Погодите: вѣдь это мы только на опушкѣ, а пойдемте-ко дальше, пойдемте скорѣе!

Я пошелъ за дѣвушкой. Сперва она шла по тропинкѣ, потомъ тропинка исчезла, и зеленый кустарникъ смѣнился темнымъ сосновымъ лѣсомъ. Огромныя сосны и ели дѣйствительно сумрачно смотрѣли послѣ яркихъ березъ, рябинъ и елошника. Кой-гдѣ упавшая отъ бури ель своими корнями, покрытыми черноземомъ, вставала, какъ чудовище, передъ путникомъ, и загораживала дорогу. Чѣмъ далѣе мы шли, тѣмъ гуще и темнѣе становился лѣсъ. Минутъ черезъ 20 мы вышли на рѣку — и я удивился. Что это сдѣлалось съ этою чистою, веселою рѣчкою? Тамъ, за лѣсомъ, она, какъ веселое дитя, бѣжала по камешкамъ межь зеленыхъ луговъ, а здѣсь, заваленная, загроможденная огромными каменьями, покрытыми темнымъ мохомъ, она какъ-то дико смотрѣла. Берега были круты, обрывисты и голы; корни деревьевъ, какъ кости, торчали изъ обрывовъ; надъ ними повисли густыя вѣтви сосенъ. Отъ этихъ черноземныхъ береговъ, чрезвычайно-осыпавшихся, отъ этого мрачнаго вида елей рѣка была черна, какъ смола, и сердито смотрѣла на путника. Самое теченіе ея приняло здѣсь другой характеръ: въ одномъ мѣстѣ она вилась какимъ-то водоворотомъ, въ другомъ вспрыгивала, на гряду черныхъ камней, и оттуда съ глухимъ шумомъ бросалась водопадомъ, а иногда вдругъ вся скрывалась подъ густымъ валежникомъ, покрытымъ почвою и травою, откуда какъ-то свирѣпо вырывалась будто изъ подземелья.

— Въ самомъ дѣлѣ, страшный лѣсъ, сказалъ я.

— А-га! отвѣчала Саша, улыбаясь: — А вотъ я вамъ покажу Бѣсовъ Вражикъ, такъ тутъ-то что вы скажете? И она пошла дальше по берегу ручья.

Саша знала лѣсъ, какъ свои комнаты. Она весело мелькала между деревьями, перепрыгивала черезъ валежникъ, и шла прямо къ цѣли. Признаюсь, я съ тайнымъ удовольствіемъ слѣдилъ за ней. Въ ней было что-то общее съ свѣжестью этого воздуха, съ синевою ясной лазури, съ благоуханіемъ долины. Щечки ея разрумянились, глазки блистали какимъ-то весельемъ и счастіемъ, а губки, маленькія, красныя губки, какъ онѣ были хороши! Наконецъ Саша остановилась; я взглянулъ, и дѣйствительно былъ пораженъ дикою, какою-то мрачною красотою мѣста. Это былъ оврагъ, поросшій густымъ лѣсомъ. Бугристое, неровное очертаніе береговъ его представляло какую-то своенравную игру природы. Мѣстами изъ темнаго лѣса выпячивался берегъ утесомъ, и каменистая, сѣрая его вершина такъ странно смотрѣла посреди сосноваго лѣса. Но всего удивительнѣе было дно оврага: тамъ что-то шумѣло, клокотало, а что — неизвѣстно. Лѣсъ и валежникъ скрывали дно оврага.

— Что? спросила Саша, глядя мнѣ въ глаза.

— Прелесть! отвѣчалъ я.

— Пойдемте внизъ.

— Да тутъ не сойдешь, сказалъ я.

— Идите за мною, такъ сойдете.

Дѣвушка взяла нѣсколько вправо, и, держась за зеленыя вѣтви деревьевъ и за густую траву, стала спускаться внизъ. Я замѣтилъ, что Саша шла путемъ

нѣсколько-протоптаннымъ. Въ минуту мы прошли крутизну и, скрытые нависшими темными елями, какъ тучей, очутились на берегу ручья, который шумно и торопливо несся посреди зелени. Мѣсто было прелестно и своеобразно; это какое-то подземное зеленое царство. Солнце мѣстами пробивалось сквозь темнозеленую тучу густаго лѣса, и освѣщало кой-гдѣ рѣчку и берегъ: оттого неосвѣщенныя мѣста казались еще темнѣе. Саша скромно остановилась на берегу и задумчиво стала смотрѣть на воду. Я взглянулъ на нее, и какая-то странная серьезность на ея лицѣ удивила меня. Молча отошла она отъ берега и сѣла. Я усталъ и охотно помѣстился возлѣ нея. Въ этой густой зелени, въ изумрудномъ полумракѣ, еще ярче выступали бѣлизна и свѣжесть ея лица. Но Саша была задумчива и смотрѣла въ рѣку. Румянецъ игралъ на щекахъ ея, глаза горѣли.

— О чемъ ты задумалась, Саша? спросилъ я.

— Думаю, глубока ли здѣсь рѣка? отвѣчала она.

— Зачѣмъ же тебѣ это?

— Затѣмъ, чтобъ утопиться.

— Это что значитъ?

Саша, не обращая вниманія на мои слова, задумчиво сказала: «здѣсь я умру; здѣсь будетъ моя могила; здѣсь, подъ зелеными деревьями, куда никто не ходитъ, куда только я хожу, а когда ходить не буду, здѣсь будетъ моя могила.»

Считая эти слова за обыкновенную болтовню дѣвушки, я засмѣялся. Саша вскочила и подбѣжала къ рѣкѣ. Ставъ на колѣни, она опустила руку съ берега;

по берегъ былъ довольно высокъ, и Саша едва достала до воды.

— Поддержите меня, сказала она, подавая мнѣ руку.

Одною рукою я взялъ ее за бѣлую, полную руку, а другою долженъ былъ держать за талію. Саша, повиснувъ на моей рукѣ, опустила руку въ воду. Косынка спала съ ея шеи, и на темномъ фонѣ воды обрисовались бѣлыя плечи.

Надъ нами были зеленые своды лѣса, подъ нами бархатъ луговаго берега, въ рукахъ у меня чистая, какъ ландышъ, полевая красавица; я слышалъ, чувствовалъ тревожное дыханіе ея груди. Мнѣ было 20 лѣтъ, Сашѣ 17, и вы не удивитесь, читатель, что дыханіе въ груди моей сжалось. Я поднялъ Сашу, обнялъ ее и прильнулъ устами къ горячимъ губамъ дѣвушки. Я еще стоялъ ошеломленный, какъ Саша, подобно дикому ястребу, вырвалась изъ моихъ рукъ, и побѣжала въ гору. Для меня исчезли и лѣсъ, и солнце, и Трофимъ Петровичъ, и мои ученые планы, прошедшее и будущее, и даже самъ я...

Опомнившись, медленно сталъ я подниматься въ гору; сердце мое билось, кровь такъ и бросалась въ лице. Я вышелъ, но Саши не было: я крикнулъ: «Саша!» мнѣ отвѣчали: «ау!» но голосъ былъ не ея. Я пошелъ на голосъ, и встрѣтился съ одной изъ дѣвушекъ, которая была съ нами.

— Гдѣ же Саша? спросилъ я.

— А вонъ она сейчасъ прошла.

— Куда-жъ она?

— Да домой пора. Мы уже набрали грибовъ, и вамъ пора кушать. Баринъ ждетъ.

Мы дѣйствительно скоро соединились, всѣ и пошли домой. Я взглянулъ на Сашу: Боже мой, какимъ сумракомъ покрылось ея свѣтлое личико! Я заговорилъ. Саша отвѣчала: «да» и «нѣтъ». Мнѣ стало досадно, потомъ скучно, наконецъ скверно, а Саша все-таки была сердита и встревожена.

V.

Трофимъ Петровичъ Коринъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ дикихъ самородковъ помѣщичьяго быта, которые теперь и въ глуши не часто встрѣчаются. Это была чистая смѣсь скиѳа съ патріархальнымъ добродушіемъ нашихъ сельскихъ обитателей. Съ одной стороны, это былъ деспотъ, даже тиранъ, а съ другой — добрякъ, готовый на всякое благотвореніе, хотя иногда и самое благотвореніе принимало форму не очень привлекательную. Въ домашнемъ быту онъ слышать не могъ о противорѣчіи. Волю свою онъ почиталъ закономъ непреложнымъ, чуть ли не отъ самого Бога происходящимъ. При малѣйшемъ противорѣчіи, Трофимъ Петровичъ, какъ дикій конь, становился на дыбы. «А кто здѣсь господинъ?» кричалъ онъ своимъ могучимъ голосомъ. «Учить, что ли, кто меня захочетъ? кланяться, что ли, я кому стану?» Отличный хозяинъ, знатокъ деревенскаго дѣла, онъ распоряжался какъ монархъ. Власть свою надъ крестьянами онъ считалъ рѣшительно-безграничною, и эта власть дѣйствительно

достигала иногда чудовищныхъ размѣровъ. Если Трофимъ Петровичъ находилъ, что такая-то Анисья, дочка Кузьмы Нефедьева, можетъ удостоиться его благоволенія, онъ немедленно приказывалъ взять ее въ комнаты, и считалъ это вполнѣ законнымъ, даже благодѣтельнымъ для бѣдной семьи. «А кто она такая, сударь?» говаривалъ онъ въ подобныхъ случаяхъ. «Дворянка, что ли, какая? Развѣ я пропился да проигрался, и не смѣю распоряжаться въ моемъ имѣніи? Развѣ я спрашивать кого стану?»

Такого-то звѣря воспитала въ Трофимѣ Петровичѣ боярская воля, а въ сущности это былъ человѣкъ добрый, нерѣдко великодушный и поразительной честности. Чужая собственность была для него рѣшительно святыня. Всякое посягательство на чужое право онъ считалъ важнѣе всѣхъ преступленій, и говаривалъ, что тотъ пересталъ быть дворяниномъ, кто разъ замаралъ себя такою низостью. Тутъ онъ былъ рѣшительно страшенъ для сосѣдей-помѣщиковъ. Языкъ его падалъ какъ топоръ на обидчика, и защититься отъ него было нельзя ни рѣчью, ни дланью. Трофимъ Петровичъ имѣлъ горло дикаго вепря, и гнулъ подкову, какъ воскъ. Онъ былъ въ высшей степени радушенъ и гостепріименъ; но и гостепріимство его бывало иногда тяжеловато. Гость, волей или неволей, долженъ былъ пить и ѣсть все, что было угодно Трофиму Петровичу. «Что вы не кушаете?» говорилъ, напримѣръ, Трофимъ Петровичъ: «Не станетъ, что ли, у меня про васъ? Подлецовъ кормлю, а вамъ-то хватитъ.» Въ первый же день моего знакомства я испыталъ свойство его повелительнаго гостепріимства. Когда

я выразилъ желаніе отправиться въ путь, Трофимъ Петровичъ отвѣчалъ: «Зачѣмъ вы поѣдете? Развѣ кто васъ гонитъ? Ко мнѣ и за десять верстъ пріѣзжаютъ, да гостятъ по недѣлѣ, а вы чуть не съ того свѣта пріѣхали, да и оглобли поворачиваете! Погостите у меня-съ. Дайте на себя полюбоваться. Вѣдь намъ не часто приходится съ умными и просвѣщенными людьми бесѣдовать. Хотя мы люди и неученые, а умѣемъ отличать хорошихъ людей отъ болвановъ. Скоро мои имянины, и я въ календарѣ запишу, если вы у меня этотъ день пробудете.»

Приглашеніе было такъ искренне и вмѣстѣ лестно для молодаго самолюбія, что трудно было отказаться. Къ тому же — что таить? — Саша, прогулка въ заколдованномъ лѣсу — все это странно и смѣшно мнѣ теперь, а тогда, въ полномъ цвѣтѣ юности.... Я остался и чуть не разцѣловалъ Трофима Петровича за его приглашеніе.

Разъ сидѣли мы поздно вечеромъ въ той же комнатѣ, гдѣ провелъ я первый вечеръ. Разговоръ какъ-то не клеился. Хозяинъ молча ходилъ по комнатѣ и насвистывалъ какую-то пѣсню. Я сидѣлъ и смотрѣлъ въ окошко. Такъ непріятно было на душѣ: не то, чтобъ мнѣ жаль было Саши, а просто было досадно и неловко. Съ самой проклятой прогулки она ни минуты не оставалась со мною наединѣ. Со всѣмъ мученіемъ молодой крови, мнѣ хотѣлось сказать ей что-нибудь: хоть извиниться, спросить, отчего она хочетъ утопиться, проститься, наконецъ; но не было никакой возможности сказать ей ни одного слова. Я видѣлъ ее только при другихъ, и, задумчивая, унылая, она была

еще лучше. Такимъ образомъ я очутился въ томъ непріятномъ и глупомъ положеніи, въ какомъ обыкновенно бываетъ человѣкъ, когда сдѣлаетъ глупость, а поправиться не можетъ. Плохо и сердцу, и самолюбію! Я проклиналъ и Корина, и себя, что остался, но дѣлать было нечего.

Стали подавать чай, и почему-то Саша стала подавать его сама. Когда Коринъ вышелъ, я спросилъ ее объ этомъ.

— Мнѣ хочется васъ развеселить, отвѣчала Саша, весело и нѣжно смотря мнѣ въ глаза: — Отчего это вы такіе сердитые? Соскучились, что ли, у насъ? Скоро же!

Въ одно мгновеніе пало бремя, угнетавшее душу; въ одно мгновеніе сердце забилось такъ, какъ можетъ оно биться только въ двадцать лѣтъ.

— Не скучно мнѣ, а грустно, отвѣчалъ я: — и виною этого ты, Саша.

— Это почему? Сами виноваты, да на меня сваливаете.

— Да, я виноватъ; но мнѣ только и хотѣлось сказать, что я виноватъ. А ты убѣгаешь отъ меня, говорить не хочешь. Точно я въ чумѣ. За что ты на меня сердишься?

— За что мнѣ на васъ сердиться? Да я и не смѣю на васъ сердиться; я никогда на васъ не сердилась, но...

— Что-жъ «но?» говорилъ я, ловя каждое слово.

Саша потупила глазки и покраснѣла. Помолчавъ съ минуту, она сказала:

— Я боялась васъ, вы меня испугали; я думала,

что вы меня убьете. Какъ можно такъ... вы мнѣ были страшны!

— Саша, какъ тебѣ не стыдно? Не сердись.

— А вы на меня не сердитесь?

— Нѣтъ, никогда.

— И не будете?...

Вошелъ Коринъ. Саша отошла къ чайному столику и стала сбирать чашки. Я замѣтилъ необыкновенную перемѣну въ Сашѣ. Весь вечеръ она была весела и какъ-то странно озабочена. Личико ея сіяло такимъ счастіемъ! Она то задумывалась, то улыбалась сама съ собой. Даже одѣта была въ этотъ разъ лучше и милѣе. Бѣлые воротнички такъ нѣжно ластились къ ея шейкѣ!

«Эй!» раздался голосъ Трофима Петровича.

Изъ всѣхъ дверей появились мальчишки, лакеи, дѣвки, бабы.

— Что васъ тамъ пришибло? Не знаете, что ли, своего дѣла? Скажите Сашѣ, чтобъ дала намъ закусить, да живо! Э-ге! прибавилъ онъ, выглянувъ изъ окна: — тма какая наворотила: дождя бы не было завтра, а сѣна-то у меня стоговъ на пять подкошено — худо!

Столъ, по обыкновенію, покрылся яствами и напитками. Коринъ пригласилъ меня и выпилъ рюмку.

— Вотъ-съ, въ такую-то ночь, началъ онъ, закусывая маринованной уткой: — ѣхалъ я однажды по городу. Имѣнье-то это-съ, трущоба-то эта чортова, только-что досталось мнѣ по процессу. Тяжба тянулась лѣтъ двадцать; мужичонки не знали никакой власти,

спились да смотались совсѣмъ. Завелся грабежъ да воровство — разбойники такіе стали, что ужасъ! Вотъ я ихъ и взялъ въ ручки! Коноводовъ-то въ солдаты перебрилъ, а тѣхъ, которые полегче мошенничали, при первомъ же знакомствѣ, велѣлъ передрать. Завелъ барщину да распашку — работай! Вотъ имъ и не по губѣ! Думали, гадали, какъ дѣлу помочь, и придумали убить меня. Сенька Хропыль — ухо-малый, не давай только потачки — золото! — все это пронюхалъ, провѣдалъ и сказалъ мнѣ. «Молчи,» говорю, «Сеня, никому ни гу-гу, только самъ смотри въ оба.» Вотъ я и ѣду съ нимъ на бѣговыхъ дрожкахъ осенью. Въѣхали въ этотъ лѣсъ-то окаянный; тма такая покрыла, что ужасъ! И безъ того ночь была темная, а лѣсишко-то этотъ не великъ, но такой густой — ну, тма несосвѣтимая! Дорога, однако, знакомая; лошадь привычная; ѣдемъ себѣ рысцой. Вдругъ, чубарая-то моя точно вкопанная стала. Это что за штука? «Держи, Сенька, возжи, я слѣзу!» Смотрю: дерево срублено въ обхватъ да поперегъ дороги и свалено, а они-то, шельмы, промежъ ельника-то и шмыгаютъ. «Эге!» подумалъ я, да взялъ первое попавшееся деревцо и выворотилъ его съ корнемъ. «Выходите мошенники!» закричалъ я, индо лѣсъ шарахнулся. «Выходи, кому жизнь недорога! Положу свою голову, коли силы не хватитъ, да ужь изъ васъ десятка не досчитаетесь.» Слышу: лѣсъ хруститъ, а подступу нѣтъ. «Вороти, Сеня, лошадь, говорю, пусть подвернется который, я сшибу ему башку-то. Поѣзжай шагомъ! пусть не хвастаютъ, разбойники, что я отъ нихъ побѣжалъ.» Сенька поворотилъ лошадь и поѣхалъ шагомъ, а я за дрожками

шелъ пѣшкомъ, поглядывая назадъ: ни одна шельма не подступилась.

Въ это время звонъ колокола уныло раздался въ полѣ.

— Вотъ и кавалеръ нашъ проснулся! молвилъ Коринъ, выпивая рюмку: — Это, изволите видѣть, сторожъ церковный. Весь околотокъ знаетъ, что онъ постоянно пьянъ и что ночью спитъ такъ, что и пушками не разбудишь; нѣтъ, все-таки иной разъ, съ похмѣлья, что ли, позвонитъ: стерегу-де! Ой, старый хрѣнъ!...

Въ воздухѣ было такъ тихо и чисто, что звуки колокола, даже послѣднія замиранія его были точно въ комнатѣ. Трофимъ Петровичъ, какъ будто пробужденный унылыми звуками, опять выпилъ рюмку и сталъ приглашать меня. Но едва послѣдніе звуки колокола утонули въ воздухѣ, какъ страшное грохотанье, подобно горному громовому эху, заревѣло въ темнотѣ. Черный лѣсъ, тучей стоявшій въ сторонѣ, весь охватился этими страшными, неистовыми звуками. Что-то неслыханное, дикое, свирѣпое слышалось въ этомъ воплѣ. Я взглянулъ на Корина: онъ стоялъ блѣдный, какъ смерть, и неподвижный.

Но надо было видѣть, что сдѣлалось съ Сашей. Она, какъ птица, бросилась къ окну при первыхъ же звукахъ, и напряженно смотрѣла въ страшную темноту ночи. Звуки то гремѣли, то грохотали, то стенали, какъ вопли, то удалялись, то приближались и какъ будто рвались въ окна... наконецъ смолкли.

Признаюсь, я былъ удивленъ. Ничто знакомое не могло напомнить, объяснить этотъ голосъ. Это не

вопли человѣка, не ревъ звѣря, не стонъ вѣтра ночнаго; тутъ было все это вмѣстѣ, и все-таки съ примѣсью чего-то такого, чему нѣтъ ни имени, ни подобія.

Я взглянулъ на Сашу, надѣясь отъ нея узнать тайну, и тутъ уже не зналъ что думать. Что сдѣлалось съ Сашей? Она стояла у окна; щеки ея горѣли; глаза, чудные, синіе глаза, искрились какъ звѣзды; какая-то непонятная улыбка полуоткрыла ея губки, сквозь которыя, какъ перлы, блестѣли зубы. Вся фигура ея представляла такую энергію, такую лихорадочную напряженность, что въ эту минуту она мнѣ показалась дѣйствительно не Сашей. Нельзя сказать, чтобъ она была лучше, чѣмъ прежде, но въ эту минуту она была удивительна.

— Эка сила! сказалъ кто-то въ прихожей: — Вотъ ужь съ мѣсяцъ не оралъ. Точно кто его давитъ, прости Господи!

Коринъ молча ходилъ по комнатѣ и искоса посматривалъ на Сашу. Наконецъ не вытерпѣлъ и закричалъ ей:

— Что ты буркалами-то хлопаешь? Любо, что ли?

— Любо, отвѣчала Саша.

— А что любо? Ты думаешь, я не знаю, что это за штуки? Ловягинскіе разбойники снова какіе-нибудь фокусы затѣваютъ. Я ихъ вздую, мошенниковъ!

— Да вѣдь въ прошлый разъ вы посылали въ Ловягино. Сенька верхомъ скакалъ, какъ угорѣлый. Всѣхъ до одного нашли — дома спали, а между-тѣмъ онъ кричалъ до разсвѣта.

— Кто онъ? Дура!

— Лѣшій, отвѣчала Саша спокойно.

Коринъ взбѣсился. Онъ, какъ лютый звѣръ, бросился къ Сашѣ. Я думалъ, что онъ ее растерзаетъ, но Трофимъ Петровичъ, дойдя до комнаты, въ которой была Саша, остановился, посмотрѣлъ на нее какъ-то странно и только сказалъ:

— Вонъ пошла!

Лѣсъ загрохоталъ снова. Коринъ налилъ огромный стаканъ портвейна и выпилъ залпомъ. Околдованный страшнымъ волшебствомъ этихъ звуковъ, я пошелъ въ ту комнату, гдѣ была Саша. Ея не было. Я посмотрѣлъ въ окно...

Черной стѣной стоялъ лѣсъ предъ глазами; ни одна вѣтвь его не колыхалась въ воздухѣ; какъ всегда, покойно почивали поля и долины; какъ всегда, мирно осѣняли ихъ небеса и звѣзды. Но чѣмъ неподвижнѣе была природа, тѣмъ страшнѣе и грознѣе казался голосъ невѣдомой силы...

VI.

Знойный іюльскій день лежалъ надъ полями. Такъ свѣтло, весело, пышно было въ природѣ! Я взялъ палку и пошелъ бродить по берегу рѣчки. Это былъ самый удобный путь для прогулокъ; нельзя было заблудиться. Берега рѣчки были тѣнисты и зелены: они то разстилались лугами, то сжимались надъ рѣкою въ видѣ крутыхъ и весьма-высокихъ горъ. Особенно любилъ я входить по рѣкѣ въ Волосятево. Вступая въ лѣсъ, рѣчка рѣзко измѣняла свою физіономію: изъ свѣтлаго ручья она вдругъ дѣлалась сумрачнымъ, сер-

дитымъ потокомъ. Любуясь лѣтнею природою, я шелъ по берегу, и совершенно незамѣтно дошелъ до того, что далѣе ступить было нельзя: берегъ огромнымъ бѣлымъ камнемъ выпятился въ рѣку, и совершенно загораживалъ дорогу. Пока я стоялъ въ раздумьѣ, куда направиться, надо мною раздался чей-то голосъ: «тутъ не перейдете; воротитесь немного назадъ.» Я взглянулъ вверхъ, но солнечные лучи били прямо въ глаза: нельзя было смотрѣть въ высоту.

— Не перейдешь тутъ, сударь! послышался другой голосъ: — воротись маленько, да взлѣзь сюда: тамъ берегъ поотложе; вотъ тамъ, у вражка-то, перейдешь.

Я воротился и дошелъ до того мѣста, гдѣ берегъ поросъ травою и некруто поднимался вверхъ. Взойдя на гору, я встрѣтилъ говорившихъ со мною. Подъ раскидистою старою сосною сидѣлъ на самомъ отвѣсѣ скалы старикъ-крестьянинъ въ рубашкѣ и съ непокрытой головой, а возлѣ него стоялъ молодой человѣкъ, котораго наружность почти изумила меня — такъ она была привлекательна. Это былъ высокаго роста стройный господинъ, съ такимъ милымъ и симпатичнымъ лицомъ, что оно съ разу располагало въ его пользу. Каштановые волосы, кольцами падавшіе на плечи, и усы еще ярче выказывали бѣлизну или, лучше, блѣдность его лица. Сквозь золотыя очки смотрѣли прекрасные каріе глаза. Одѣтъ онъ былъ изящно и слишкомъ-щеголевато для деревни: въ черномъ сертукѣ съ бѣлымъ жилетомъ; коричневая тирольская шляпа лежала подъ деревомъ. Вокругъ него лежали и шныряли псы разныхъ мастей и породъ; они заворчали было при видѣ меня, но незнакомецъ ихъ оговорилъ, и они

смолкли. Онъ тотчасъ подошелъ ко мнѣ и отрекомендовался. Это былъ помѣщикъ недальняго селенія, Михайло Павловичъ Чурскій. Я сказалъ ему свое имя.

— Тутъ нельзя перейти рѣку — началъ онъ — не по чемъ: нѣтъ ни камней, ни валежника и довольно глубоко. А вотъ сейчасъ за этимъ бугромъ, она опять бѣжитъ по камешкамъ, такъ тамъ и перейдете.

Благодарю васъ, сказалъ я. — Собственно мнѣ и переходить-то не зачѣмъ. Я такъ брожу безъ дѣла и безъ цѣли.

— А въ такомъ случаѣ не угодно ли присѣсть съ нами и отдохнуть? Жарко ужасно!

Я сѣлъ, и тутъ только замѣтилъ, какая дивная мѣстность разстилалась: надъ нами чернѣлъ лѣсъ, а передъ глазами было свѣтозарное, сіявшее пространство. Внизу струилась рѣка, черная отъ висящаго надъ нею лѣса; но за рѣкою лѣсъ разступался чѣмъ далѣе, тѣмъ шире, и между этими темными рамами блестѣло пространство, все залитое горячими лучами солнца. Желтоватая рожь перемежалась лугами розовыми, отъ безчисленнаго количества кашки, или зелеными кустарниками молодаго орѣшника. Мѣстность чуть-чуть поднималась, и тамъ, вдали, какъ изъ зеленаго моря, высовывалась деревня, а еще далѣе, гдѣ ничего уже не было видно, сверкало по-временамъ что-то огненное: это шпиль далекой колокольни. Самой колокольни не было видно, а золотой крестъ ея игралъ лучами солнца и вспыхивалъ иногда какъ свѣчка.

— Чудное мѣсто! сказалъ я въ невольномъ восхищеніи.

— Да, это Лобачъ называется, отвѣчалъ Чурскій.

— Вашъ лѣсъ вообще удивителенъ. Онъ наполненъ не одними воображаемыми чудесами, но и дѣйствительными.

— Неспокойный лѣсъ, замѣтилъ старикъ, не глядя на насъ.

Чурскій улыбнулся и молчалъ.

— Отчего же? спросилъ я.

— Да ужь Богъ его знаетъ, такая ужь видно его порода. Вонъ у насъ, на Гари, дремучій лѣсъ, медвѣди ходятъ, а ничего, ступай по солнышку — всегда выйдешь; этотъ же и весь-то съ овчинку, а закружитъ сейчасъ.

— А съ тобой развѣ случалось, дѣдушка Никифоръ? спросилъ Чурскій.

— Какъ не случаться, благословлёный! сколько разъ случалось! Да вотъ, помнишь, какъ телка-то, Любимка, завалилась, такъ я и пошелъ въ Волосятево посмотрѣть, не тутъ ли. Солнышко было ужь невысоко; я походилъ, и, какъ стало смеркаться, пошелъ домой — нѣтъ Любимки! Что-жъ ты думаешь, родимый, вѣдь не вышелъ—окружилъ! Бился, почесь, до полуночи— никакъ! То къ вражку придешь, то опять въ Сушу такъ и ткнешься. Что, думаю, за оказія? Да ужь въ полночь-то онъ загагайкалъ, такъ я и смекнулъ: «ишь ты, думаю, сила лѣсная! не угодилъ видно!» Ну, ладно, и легъ подъ дерево. Поутру глядь — и лежу-то почти у воротецъ. Такой ужь!...

— Да не кричалъ ли кто просто? не пѣсня ли?

— Какая пѣсня, родной мой! Кто экія пѣсни поетъ, инда стонъ стонтъ? Да и собака, Обрывалко, была со мною, такъ подъ тебя и подбивается да ску-

литъ. Человѣка или звѣря не поробѣлъ бы, на медвѣдя хаживалъ. Нѣтъ, это онъ батюшка... водятся-таки.

— Вотъ видите ли, сказалъ Чурскій, улыбаясь: — какія здѣсь чудеса у насъ? Да еще то ли есть: въ народѣ существуетъ твердая увѣренность, что тутъ кладъ зарытъ.

— Зарытъ, зарытъ, благословлёный, подхватилъ старикъ: — подъ сухой елкой зарытъ, вотъ что у Филипповскихъ воротецъ.

Я припомнилъ это сухое дерево, которое видѣлъ при въѣздѣ.

— И стоитъ это дерево все сухое болѣе ста лѣтъ, продолжалъ Никифоръ:—и не валится, потому заклятье положено стоять ему дотолѣ, пока не вынутъ клада. Да таки и находили, да не все.

— Кто же спросилъ я.

Старикъ помолчалъ съ минуту и продолжалъ:

— При дѣдушкѣ ихъ (Никифоръ указалъ на Чурскаго) Васильѣ Степановичѣ — царство ему небесное, вѣчный упокой! — былъ у него старостою Аѳанасій Петровичъ Думный, старикъ степенный и умный; дѣдушка любилъ съ нимъ бесѣдовать. Когда кручина сильная, что ли, одолѣвала покойника, онъ по цѣлымъ днямъ ходилъ по комнатѣ, заложивъ руку за спину. Тогда ужь, бывало, не подходи къ нему кой-какъ; но и въ такіе часы онъ требовалъ къ себѣ Думнаго Аѳанасія Петровича. Сидитъ съ нимъ, бывало, часъ, другой, и случалось, повеселѣетъ. «Раздумалъ мнѣ думу Думный,» молвитъ, бывало, сердечный, и велитъ угостить Аѳанасія Петровича чаемъ и водкой.

Вотъ этотъ-то Думный пахалъ однажды возлѣ сухой ели. Какъ-только онъ поведетъ соху отъ дерева, слышитъ подъ землей-то словно колокольчикъ звенитъ. Поотъѣдетъ отъ дерева — ничего. Вотъ онъ опять ведетъ борозду отъ дерева, опять за сохою: динь-динь-динь! Вспахалъ загонъ, что у дерева, сталъ другой пахать — нѣту. Что за оказія? На другое утро Думный сталъ боронить и почалъ съ этого загона. Слышитъ и за бороной: динь-динь-динь. Сталъ боронить другой загонъ—ничего! Задумался Аѳанасій Петровичъ. Слыхалъ онъ о кладѣ, зарытомъ подъ елью, но зналъ, что тутъ заклятье положено, а какое — никто не зналъ. Безъ этого заклятья вырыть кладъ нельзя, развѣ на то будетъ воля Божія, либо кто душу свою загубитъ, а Думный былъ старикъ благочестивый и набожный. Въ эту же самую ночь снится Аѳанасью Петровичу сонъ: предсталъ ему старецъ, весь бѣлый, сѣдой и древній, и говоритъ ему: «копай на загонѣ.» Аѳанасій Петровичъ перекрестился и заснулъ опять. На другую ночь тотъ же сонъ: тотъ же сѣдовласый старикъ, какъ туманъ бѣлый, стоитъ предъ нимъ и говоритъ: «копай на загонѣ.» На третью, на четвертую ночь то же — отступу нѣтъ. Аѳанасій Петровичъ отправился къ священнику. «Такъ и такъ,» говоритъ, «батюшко, видно на то воля Божія.» — «Ну, Господь тебя благословитъ,» сказалъ отецъ Григорій: «коли найдешь, церковь Божью не забудь.» Аѳанасій Петровичъ въ тотъ же день учалъ копать на загонѣ. И только копнулъ разъ пятокъ, заступъ-то и началъ стучать о что-то звонкое; съ каждой лопатой Думный сталъ выкидывать кресты золотые, да деньги старинныя золотыя жь и кубки серебряные

съ чеканомъ. Кресты и образа отдалъ Думный въ церковь Божью, а деньги, кубки и разную посуду взялъ себѣ. И сталъ богатѣть и богатѣть Аѳанасій Петровичъ. А дѣти его теперь купцы въ нашемъ-то городу.

— Въ этомъ лѣсу, сказалъ Чурскій: — должно быть, жили не одни лѣшіе. Теперь только онъ сдѣлался такъ страшенъ. Знаете ли, вѣдь и къ этому мѣсту, гдѣ мы теперь, поздно вечеромъ не всякій пойдетъ, а иные такъ и днемъ обходятъ?

— Это почему? спросилъ я.

— Да вотъ видите, этотъ бѣлый огромный камень, который помѣшалъ вамъ идти по берегу. Онъ лбомъ выдается надъ рѣкою: оттого и лобочемъ называется. На сто верстъ въ окружности вы не найдете такого огромнаго камня; сверхъ того, разсказываютъ, что камень все растетъ.

— Растетъ, благословленый, растетъ! На моей памяти таки раздался порядкомъ; былъ великъ, правда, но не такой. Растетъ, растетъ, голубчикъ.

— На этомъ-то камнѣ, продолжалъ Чурскій: — появляется иногда старикъ, бѣлый какъ лунь. Долго и молча сидитъ онъ на камнѣ и задумчиво, грустно смотритъ на незабудки, растущія вокругъ камня. И надо вамъ сказать, чудныя незабудки: такихъ нигдѣ не найдете.

— Говорятъ, говорятъ, батюшко Михайло Павловичъ, возразилъ Никифоръ: — самъ я не видалъ, нечего грѣшить, а многіе видали: дебѣлый, говорятъ, старикъ, лѣтъ ста, и все-то чу, смотритъ на незабудки, но

никого не трогаетъ. Посидитъ, молча, въ сильной кручинѣ, посидитъ долго, и уйдетъ подъ камень.

— Кто жъ это? спросили мы въ одинъ голосъ.

Старикъ замолчалъ. Видно было, что онъ что-то обдумывалъ или вспоминалъ. Черезъ минуту онъ началъ:

— А вотъ, сударь, какое тутъ дѣло было. Когда я народился, то царствовала великая императрица Екатерина, а до нея-то царствовалъ Петръ Великій Алексѣевичъ; такъ вотъ, значитъ, за этимъ-то благовѣрнымъ царемъ Алексѣемъ царствовалъ государь Грозный и неукротимый, какъ буря степная. Многія онъ царства полонилъ, и страшенъ былъ не только своимъ, но и сусѣдямъ. У него былъ любимый бояринъ богатѣющій и родовитый, но экой же строптивый духомъ, какъ и царь боговѣнчанный. У этого-то боярина была дочка неописанной красоты; словно ангелъ была она сердцемъ и разумомъ: такое ужь Божіе созданіе на землѣ народилось. И полюбилъ, сударь, эту дѣвицу царскій юноша, красивый и храбрый, да небогатый и родомъ-то незнатный. А и боярышнѣ-то онъ приглянулся. «Что это,» думаетъ старикъ, «невѣста моя всѣмъ отказъ да отказъ: нѣтъ ли тутъ худа?» — «И за кого же ты пойдешь?» спрашиваетъ старикъ. «А вотъ за того» — отвѣчала боярышня. «Ну, такъ нѣтъ же!» сказалъ отецъ: «скорѣй съ бѣлымъ камнемъ повѣнчаешься, чѣмъ съ этимъ скоморохомъ!» Сѣлъ на коней и привезъ сюда дѣвицу. А здѣсь верстъ на тысячу лѣсъ дремомъ дремалъ. Старикъ вырубилъ здѣсь на горѣ лѣсъ, и построилъ хоромы. Грозный бояринъ день и ночь рыскалъ на коняхъ по дикому лѣсу и

давилъ волковъ да медвѣдей, а бѣдная-то молодка все ходила къ камню, лила слезы въ текучъ-ручей и знай причитала: «не забудь меня, милый!» Не прошло и году, какъ невѣста повѣнчалась съ бѣлымъ камнемъ: зачахла и померла, а земля-то, гдѣ капали ея слезки, съ тѣхъ поръ и поростаетъ незабудками. Строптивый старикъ бросилъ и лѣсъ, и волковъ, и медвѣдей, все ходилъ на камень да смотрѣлъ на незабудки. Богатство свое: кубки, чаши золотыя, образа въ жемчугахъ и камняхъ самоцвѣтныхъ — все велѣлъ зарыть въ землю. Умирая, приказалъ похоронить себя подъ этимъ камнемъ. Вотъ онъ и встаетъ иногда изъ могилы да смотритъ на незабудки. Можетъ, дочка-то говоритъ съ нимъ цвѣтами да горючими слезами.

Я взглянулъ внизъ, и дѣйствительно вокругъ камня лежалъ точно коверъ бирюзовый: чудныя незабудки обсыпали весь берегъ.

— Ну, простите, родимые! сказалъ дѣдушка Никифоръ, вставая: — надо на коровушекъ посмотрѣть.

Старикъ всталъ, взялъ свою длинную палку, и быстро пошелъ по лѣсу.

— А повѣрите ли, сказалъ мнѣ Чурскій, что Никифору, у котораго нѣтъ ни одного сѣдаго волоса, около восьмидесяти лѣтъ? Въ прошломъ году пріѣхалъ ко мнѣ землемѣръ. Дѣдушка Никифоръ, къ немалому моему удивленію, сталъ очень пристально всматриваться въ землемѣра. «Узнаешь, что ли?» спросилъ я. — «Да, да, благословленый,» отвѣчалъ онъ: «Къ намъ наѣзжалъ тоже межевой, да тотъ былъ подюжѣе, и постарше теперь долженъ быть: давненько то ужь было.» Оказалось, что старикъ вспомнилъ межеваго, ко-

торый пріѣзжалъ къ моему дѣду во время генеральнаго межеванія при Екатеринѣ II.

Я простился съ Чурскимъ, получивъ настоятельное приглашеніе пріѣхать къ нему поскорѣе. Впослѣдствіи я узналъ хорошо этого добраго и милаго человѣка. Недалеко за Волосятевомъ была его усадьба. Миша съизмалолѣтства былъ другъ полей и лѣсовъ своей родины. Бывало, только-что встанетъ, какъ тотчасъ сходитъ на задворку, гдѣ ужь зеленѣло чистое поле. Онъ зналъ окрестныя мѣста, какъ свои пять пальцевъ. Гдѣ родятся грибы и какіе именно, когда и гдѣ спѣютъ такія-то ягоды — Михайлу Павлычу извѣстно было въ подробности. Не было въ окрестности мужика, бабы, не говоря ужь о дѣвушкахъ, которыхъ бы Миша не зналъ. И Мишу всѣ обожали вокругъ, начиная отъ мальчиковъ до семидесятилѣтнихъ старухъ. Мужики называли его *душевнымъ бариномъ*, а бабы — *сердешнымъ, совѣтлянымъ;* красныя же дѣвушки при одномъ имени его краснѣли и только приговаривали: «охъ, ужь Михайло Павлычъ!»

Одною изъ замѣчательныхъ сторонъ въ характерѣ Чурскаго было то, что онъ постигъ тайну не думать о завтрашнемъ днѣ. Когда онъ кончилъ курсъ въ гимназіи, умерла его старушка-мать. Опекуны и процессы завладѣли имѣніемъ. Мишѣ нужно было отправляться въ университетъ, а денегъ у него всего-на-все былъ одинъ золотой. Миша пошелъ на постоялый дворъ нанимать лошадей; но только доѣхать до Москвы просили вдвое больше того, что было у Миши. — Онъ отправился на Волгу, и подошелъ къ первой стоявшей лодкѣ. — «Куда?» спросилъ онъ. — «Въ Казань.» —

«Сколько стоитъ?» — «Пять рублей». — Миша ступилъ на лодку, и выложилъ на мозолистую руку бурлака единственный полуимперіялъ. Пріѣхавъ въ Казань, Чурскій тотчасъ принялся за экзаменъ. Все шло хорошо; но, на бѣду, открытая его личность скоро привлекла къ нему молодежь. Миша развернулся и закутилъ напропалую; экзамены шли, а Миша пѣлъ комаринскую и выплясывалъ трепака такъ, что стѣны гостинницы дрожали отъ рукоплесканій. Экзамены кончились, а Миша *срѣзался*, какъ говорятъ студенты. Что дѣлать? Миша ни минуты не думалъ. Онъ положилъ за пазуху свой гимназическій аттестатъ, взялъ палку и отправился пѣшкомъ чуть не за тысячу верстъ. Въ пыли съ ногъ до головы и обросшій бородой, явился онъ въ одинъ изъ лицеевъ. Начальство уважило благородство стремленій въ молодомъ человѣкѣ: Чурскій былъ принятъ на казенное содержаніе. Душа студенческой компаніи, бѣльмо на глазу инспекторовъ и субинспекторовъ, Миша, однако-жъ, учился хорошо и жилъ кое-какъ въ лицеѣ. Вдругъ случилась исторія: Миша пропалъ! Прошелъ день, два, три, недѣля — Миши не было! Начальство спохватилось. Дѣлать нечего, дали знать полиціи, начались поиски — Миши не было! Чрезъ нѣсколько времени Мишу накрыли, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, въ цыганскомъ таборѣ, во время самой разудалой пляски съ цыганами. Цѣлую недѣлю Чурскій прожилъ въ таборѣ, чтобъ выучиться цыганской пляскѣ.

Сдѣлавшись помѣщикомъ, Миша ни сколько не измѣнилъ своему характеру. И теперь его чаще всего можно было встрѣтить съ ружьемъ въ рукахъ бродящаго

по лѣсу. Окруженный дворовыми ребятами, онъ ползалъ по горамъ за дикими орѣхами, лазилъ по деревьямъ за черемухой, за рябиной, или ворочалъ камни, тогда какъ его спутники, по туземному выраженію, щупали налимовъ. Въ жаркій полдень Миша лежалъ иногда подъ навѣсомъ ракиты вмѣстѣ съ крестьяниномъ, и толковалъ — о чемъ?... да обо всемъ: о покосахъ, о змѣяхъ, которыхъ было такъ много на мельницѣ, о томъ, что рожь нынче хороша, а у Тышкевича такъ не очень хороша, о ястребѣ, который перебилъ всѣхъ утокъ у просвирни, о засѣдателѣ, который опился и умеръ въ Петровки. Крестьянинъ засыпалъ подъ говоръ, а Миша, раскинувшись на муравѣ, смотрѣлъ на рѣчку, небо, зелень, копны сѣна и на лѣсъ, задумчиво стоявшій вокругъ. Михайло Павловичъ не то, что любилъ сельскую природу — онъ жилъ ею, она была необходима ему, какъ воздухъ, какъ пища. Заговорите съ нимъ о красотѣ какой-нибудь мѣстности или прелести деревенской жизни, онъ рѣдко разговорится. Но необходимо, чтобъ красота и прелесть эти существовали: безъ нихъ, кажется, и существованіе Миши было бы невозможно.

VII.

«Пойдемте къ обѣднѣ!» раздался за мною голосъ, когда я садился за утренній чай. Я обернулся; Саша стояла въ дверяхъ, и такой свѣжестью и чистотою дышала вся ея фигура! Она была въ бѣломъ платьѣ, которое, сказать по правдѣ, удивило меня и богатствомъ, и изяществомъ. Голубыя серьги въ ушахъ и

такой же бархатокъ на головѣ сообщали еще болѣе нѣжности ея личику. Въ этомъ нарядѣ, при сіявшей пышности лѣтняго утра, Саша была уже не ландышъ скромный, а пышная лилія. Я заглядѣлся на Сашу.

— Пойдемте къ обѣднѣ, повторила она.

— Саша, отвѣчалъ я: — ты прелесть!

— Да пойдете ли вы къ обѣднѣ? спрашивала дѣвушка, и чуть замѣтная улыбка промелькнула на ея губкахъ.

— Зачѣмъ, Саша? Грѣхъ. Я не буду молиться... Ты всегда хороша, а сегодня...

— Ахъ, полноте! Пойдемте къ обѣднѣ. Баринъ уѣхалъ, и узнавъ, что вы вчера поздно воротились отъ Чурскаго, не велѣлъ васъ будить... Я и не будила, но ждала, чтобъ вы проснулись; потомъ я пошла одѣваться. Вотъ и одѣлась... Я, вѣдь, знаю, что вы любите ландыши.

И Саша, покраснѣвъ, взглянула на меня, какъ-будто спрашивая: «понялъ ли?»

Сильно забилось мое молодое сердце! Мы отправились.

Послѣ обѣдни товарищемъ моимъ была уже не Саша: я долженъ былъ ѣхать съ Трофимомъ Петровичемъ. Церковь хотя и была въ нѣсколькихъ шагахъ отъ усадьбы, но какъ же помѣщикъ пойдетъ пѣшкомъ? И мы должны были околесить версты двѣ, чтобъ имѣть удовольствіе, или, лучше сказать, неудовольствіе, промчаться въ пролеткѣ и на тройкѣ, правда, отличной, но чуть-чуть не бѣшеной.

День шелъ по обыкновенію. Обѣдъ съ громаднымъ пирогомъ и безконечными наливками былъ гомериче-

скій. Трофимъ Петровичъ не давалъ мнѣ отдыха, подкладывалъ мнѣ на тарелку, подливалъ въ рюмки, и не забывалъ себя.

— Да что вы, батюшка, точно мамзель какая, говорилъ онъ: — экъ васъ профессоры-то зачитали! и пищи-то лишились! — Танька Кургузая! гдѣ она? Поди, скажи Сашѣ, чтобъ подала ту, знаешь, что куму Гаврилѣ подается, когда пріѣзжаетъ. Сегодня, для праздника, потѣшимъ мамона. А хорошо сдѣлали, что въ церковь Божію пріѣхали: православному не слѣдуетъ забывать храмы Божіи. У васъ, вѣдь, тамъ, поди, Богъ знаетъ что толкуютъ! Я въ полку, служилъ, такъ у насъ былъ одинъ волтеріянецъ, тоже изъ ученыхъ: ни во что не вѣрилъ: «ничего, говоритъ, нѣтъ; ничего не существуетъ, и я, говоритъ, не существую, а только кажусь — такъ, призракъ.» Да оно и точно, что былъ ровно призракъ: худой да блѣдный, и сгинулъ, какъ собака.

— Что же съ нимъ сдѣлалось?

— Въ мистики пошелъ! Закружился, завертѣлся: все, чу, не такъ да не этакъ, да все надо передѣлать да перестроить... Ну, и сгибъ гдѣ-то.

Къ концу обѣда, оказалось, что Трофимъ Петровичъ дѣйствительно, потѣшилъ мамона. Какъ только онъ вышелъ изъ-за стола, тотчасъ же раздалось его громогласное: «эй!» — «До свиданія!» обратился онъ ко мнѣ: «погуляйте, государь мой, а я пойду, полежу маленько.» И Коринъ, по обыкновенію, ушелъ полежать маленько, то есть, по крайней мѣрѣ, часовъ на пять.

Я былъ радъ — я былъ одинъ. Кровь двадцатилѣтняя заговорила громкимъ, понятнымъ голосомъ. Но гдѣ

она? Я сѣлъ у окна, и смотрѣлъ на знойную окрестность. Солнце жгучими лучами обливало поля, луга и лѣса; главы церковныя да и самый воздухъ горѣли такъ, что на нихъ смотрѣть было больно. Я всегда любилъ этотъ праздничный блескъ нашей природы, а теперь онъ мнѣ какъ-то лучше еще казался: онъ отвѣтно звучалъ душѣ моей; въ самой душѣ было что-то роскошное, пѣвучее, свѣтлое. Вся природа казалась мнѣ страстной красавицей, раскинувшейся и нѣжно смотрѣвшей на милаго.

— Хотите малины? спросилъ меня знакомый голосъ, и Саша, разрумяненная зноемъ, стояла въ дверяхъ.

— Саша, войди, сказалъ я умоляющимъ голосомъ. Сердце мое сжалось.

— Хотите малины? повторила она, и шопотомъ прибавила: — пойдемте въ садъ.

— Пойдемъ, пойдемъ!

Садъ Трофима Петровича былъ подъ окнами, и спускался съ горы надъ рѣчкою. Передъ окномъ былъ цвѣтникъ, а далѣе, на горѣ, сѣялись овощи, расли ягоды и зеленѣлъ великолѣпный малинникъ.

Саша, какъ легкая лань, подошла къ малиннику, и полная, бѣлая ея ручка засверкала по зелени малинника: она срывала ягоды, набирала ихъ и подавала мнѣ. Но, по мѣрѣ того, какъ ягоды исчезали, Саша заходила въ глубь малинника; ея платье безпрестанно зацѣплялось за сучья и вѣтви: я отдѣвалъ его. Наконецъ, яркая зелень малинника, вся пропитанная горячими лучами солнца, скрыла насъ совсѣмъ. «Вотъ ягоды! вотъ ягоды!» указывала мнѣ Саша: «да что вы

не видите, что ли?» И Саша подошла ко мнѣ ближе и подала ягоды: я чувствовалъ жаръ ея молодаго тѣла, глаза Саши млѣли — въ моихъ глазахъ темнѣло.

— Саша, сказалъ я, схвативъ ее за руку: — неужели ты не знаешь? неужели ты не видишь?...

— Шш... шш... услышатъ! отвѣчала красавица, слегка высвободивъ свою пышную ручку, и глядя на меня съ такою чудною ласкою своими синими, теперь какъ дымомъ подернутыми, глазами.

Саша пошла далѣе. Я опять смирился и слѣдовалъ за дѣвушкой.

Историки доказываютъ, что величайшія міровыя событія совершаются иногда вслѣдствіе ничтожныхъ, самыхъ маленькихъ случайностей. Кажется, не будь этихъ случайностей, такъ и великія міровыя событія не совершились бы. Не увези Парисъ Елену, не было бы ни троянской войны, ни «Иліады» Гомера; не разбранись два монаха въ кельѣ, не было бы и реформаціи. Что-то подобное случилось и въ моей исторіи. Простая, самая ничтожная случайность дала направленіе и развязку всему — самая ничтожная случайность, даже говорить совѣстно. Малинники, какъ извѣстно, только и живутъ ломомъ да дрязгомъ. Но это бы еще ничего, а бѣда въ томъ, что тамъ больше всего растетъ репейникъ, извѣстный колючій, досадный, цѣпкій репейникъ. Ничто не можетъ такъ надоѣсть, какъ его непрошеная нѣжность, вслѣдствіе которой, онъ такъ и льнетъ къ вамъ. Но въ эту минуту репейникъ мнѣ былъ милѣе всѣхъ цвѣтовъ на свѣтѣ: я безпрестанно снималъ его колючія шишки съ платья и волосъ Саши... Наконецъ... пустое! вздоръ!... огром-

ная шишка репейника упала прямо на грудь Саши. Я вспыхнулъ. Саша видѣла репейникъ, но не трогала. Она шла впередъ, и какою-то особою нѣгою дышали ея губки и горѣли глаза. Грудь еще сильнѣе заволновалась подъ репейникомъ. Зайдя въ самую глушь, Саша упала на траву, и сказала: «жарко!»

— Саша... сказалъ я шопотомъ, садясь возлѣ нея.

— Что? отвѣчала Саша тоже шопотомъ.

— Отдай мнѣ этотъ цвѣтокъ.

— Какой цвѣтокъ?

И Саша, приподнявшись на одной рукѣ, съ притворнымъ удивленіемъ смотрѣла мнѣ въ глаза.

— Вотъ этотъ, отвѣчалъ я Сашѣ, и указалъ на грудь.

Она посмотрѣла на цвѣтокъ. Темныя рѣсницы ея упали и щеки покрылись яркимъ румянцемъ. Когда рѣсницы поднялись, глаза Саши были полны туманной влаги. Цвѣтокъ оставался на груди.

— Саша, позволь, отдай!

Дышать мнѣ становилось трудно...

Саша помолчала минуту, и наконецъ тихо, тихо прошептала:

— Возьмите!

Читатель, увольте меня отъ описанія этой проклятой минуты, такой минуты, для которой собственно и невозможно описаніе. Вообразите только зеленый пологъ малинника, надъ нимъ одно раскаленное небо, бунтующій пылъ юности и млѣющую, роскошную и жаркую, какъ день, нимфу лѣса... Я растворилъ объятія, чтобъ скрыть въ нихъ эти чудныя плечи...

— Шш... шш!.. закричала Саша, и быстрѣе птицы вскочила съ травы: — Что вы! Какъ это можно! Здѣсь? шептала она мнѣ, нѣжно, страстно улыбаясь: — кругомъ люди, всѣ видятъ... Ступайте въ лѣсъ, во вражикъ, знаете... гдѣ въ первый разъ... помните? — И она такъ нѣжно смотрѣла мнѣ въ глаза: — ступайте, шептала она мнѣ, почти касаясь щеки моей губками: — ступай... я прійду сейчасъ. — И Саша выпорхнула изъ малинника.

Полный мучительнаго блаженства, я пошелъ въ знакомое мѣсто; оно хорошо мнѣ было памятно: я часто любовался его дикою красотою. Я сошелъ подъ зеленый навѣсъ лѣса, и легъ на траву.

Какая тишина, какое спокойствіе въ природѣ! Теплая нѣга дышала въ воздухѣ. Зелень лѣса, какъ пологъ, закутывала отовсюду. «Саша, Саша,» шептали губы: «Саша, Саша,» шептало эхо. И я прислушивался. Кромѣ журчанья ручья, ничего не было слышно.

Кто изъ васъ, читатели, не ждалъ чего-нибудь, кого-нибудь? Кто не считалъ томительныхъ, тяжкихъ минутъ, которыя тянулись какъ годы? Но ожиданія любви мучительно-долги. Я вслушивался въ малѣйшій шелестъ листа или насѣкомаго, входилъ въ гору, смотрѣлъ сквозь неподвижные стволы деревъ — Саша не шла. Я снова спускался къ рѣчкѣ подъ навѣсъ деревъ. Какимъ чуднымъ уединеніемъ полно было мѣсто! Какою свѣжестью и чистотою блистали воды ручья! Но Саша не шла... Что-жъ это? Не спросилъ ли ее Трофимъ Петровичъ? Но когда же онъ такъ рано просыпается? Не заблудилась ли она? И я крикнулъ вполголоса: «Саша, Саша!»

«Саша, Саша,» отвѣтило эхо.

Въ воздухѣ становилось не такъ свѣтло и знойно. Солнце уже не горѣло надъ головою. Время склонялось къ вечеру. Что же это значитъ? Неужели она обманула? Но зачѣмъ же? Развѣ я ее просилъ, развѣ я надоѣдалъ ей? Вѣрно я ее не разслушалъ. Можетъ быть, она назначила не то мѣсто, и Саша сидитъ и ждетъ меня теперь гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. О, какой же я болванъ! какой болванъ! Ну, если Саша ждетъ, и я не увижу ея, золотыя минуты идутъ, дивное мгновеніе исчезнетъ навсегда.

«Саша!» крикнулъ я во всю грудь.

«Саша!» грянуло эхо, сто разъ повторившись, и все смолкло.

Да, все смолкло, но не въ сердцѣ. Тревога, горе, досада, страхъ, самолюбіе, какъ змѣи зашевелились на сердцѣ. Не обманула ли? не насмѣялась ли? не упала ли? не захворала ли? не Коринъ ли? не лѣшій ли? не дьяволъ ли этого проклятаго лѣса? Все ворочалось, мѣшалось, стонало въ душѣ, а Саши все не было. Тѣни деревъ удлинялись. Вечерній сумракъ ложился подъ пѣсню какой-то птицы. Прохладой сумерокъ повѣяло въ воздухѣ. Ясно, что ждать было нечего.

Возвратясь, я засталъ Трофима Петровича за чаемъ. Съ просонья, онъ сурово смотрѣлъ на все.

— Погуляли? промолвилъ онъ мнѣ.

— Да, отвѣчалъ я.

— Что сегодня за чай дурацкій! крикнулъ онъ. Кто это наливаетъ?

— Савишна, отвѣчалъ мальчикъ.

— Ну, такъ и есть! А Саша гдѣ?

Кровь бросилась у меня къ сердцу.

— Варенье варитъ, отвѣчалъ тотъ же мальчикъ.

— Вотъ выдумала варить варенье въ праздникъ! ворчалъ Коринъ: — Ну, да пусть ее!

Мнѣ стало невыносимо-тяжело. Я выпросилъ у Трофима Петровича лошадей и уѣхалъ къ Чурскому.

VIII.

— Оно, если хотите, и я не вѣрю, но совершенно отказаться отъ этого независящаго отъ насъ чувства я не могу. Есть въ насъ какое-то темное, неизвѣстно откуда пришедшее убѣжденіе въ сверхъестественномъ. Оно живетъ въ душѣ противъ воли. Ужь вы какъ хотите называйте это чувство, оно есть: всякій ощущаетъ невольную неловкость въ дремучемъ лѣсу ночью, на пустынномъ берегу рѣкъ, словомъ, когда одинъ, лицомъ къ лицу очутится съ великими стихіями міра. Душа признаетъ ихъ могучую, независимую отъ насъ жизнь. Вѣдь насъ живитъ безсмертный духъ; природу живитъ ея собственный стихійный духъ. Каждымъ поступкомъ и движеніемъ нашимъ управляетъ то или другое чувство, побужденіе, сила; каждымъ явленіемъ природы управляетъ также сила, нѣчто живое и намъ неподвластное. Мудрено ли, что человѣкъ иногда робѣетъ предъ этими непостижимыми силами?

Такъ разсуждалъ Михайло Павловичъ, сидя передо мною за стаканомъ чаю, тогда какъ я, измученный тревогами этого дня, лежалъ на кушеткѣ. Философія

Чурскаго меня занимала: въ ней по крайней мѣрѣ много было поэзіи.

— Ну, помилуйте, Михайло Павлычъ, замѣтилъ я: — неужели въ лѣшихъ-то вѣрить?

— Въ лѣшихъ? возразилъ Чурскій, улыбаясь: — да, вѣдь, не златорунный же овенъ, въ самомъ дѣлѣ, сидѣлъ въ Колхидѣ, за которымъ ѣздилъ Язонъ, а манили туда грековъ просто огромныя богатства и золотая руда, которой и теперь, вѣроятно, полонъ Кавказъ. Дѣло не въ формѣ, не въ образѣ, не въ словѣ, которымъ выражается народъ, а въ смыслѣ, въ духѣ явленія. А этотъ смыслъ — вѣчная и непоколебимая жизненная сила есть въ природѣ. Крестьянинъ, живущій запросто съ природою, признаетъ, чувствуетъ эти силы явленій не хуже насъ; но, по неразвитости своей, онъ не пойметъ этихъ силъ такъ духовно и безтѣлесно, какъ человѣкъ развитый. Вѣдь лѣсъ тоже живой организмъ, онъ тоже продуктъ силъ вѣчно-творящихъ. И кто подсмотрѣлъ эти силы? Онъ имѣетъ свой міръ, свои законы и свою сумрачную, дикую растительную жизнь. Крестьянинъ говоритъ, что эта жизнь и пораждаетъ живыхъ существъ; они созданы духомъ лѣса: они гамятъ, шумятъ, какъ лѣсъ, въ бурю ночную; но они также и безвредны, какъ лѣсъ. А вы думайте и рѣшайте какъ хотите!

— Я думаю, Михайло Павлычъ, что не худо бы теперь выпить вина — для смѣлости, знаете: такъ вы меня напугали своими лѣшими.

— Ну, вы думаете лучше меня, весело сказалъ Чурскій, и крикнулъ мальчика. — Скажи Марѳѣ Петровнѣ, обратился онъ къ вошедшему, чтобъ она по-

дала то вино, которое я привезъ изъ Москвы. Вели и закуску подавать: вѣдь ужь десять часовъ, да и желудокъ — лучшій нашъ брегетъ.

Признаюсь, я искалъ въ винѣ спасенія отъ той душевной тревоги, которая меня волновала. Точно всѣ чувства вышли на бой и боролись внутри. Сильнѣе всѣхъ кричало самолюбіе, потомъ стыдъ, обманутая надежда и — къ чему таить? — не то, что любовь, не то, что горячка крови, а что-то среднее между тѣмъ и другимъ. Юность имѣетъ свои права, да еще какія!

Мальчикъ поставилъ на столъ закуску. Чурскій выпилъ стаканъ, и сдѣлался еще разговорчивѣе.

— Нельзя, сказалъ онъ: — съ повѣрьями и даже съ предразсудками народа обращаться слишкомъ безцеремонно: въ нихъ всегда есть истина, и она для меня еще лучше въ мѣстномъ, поэтическомъ нарядѣ. Знаете ли, милостивый государь, продолжалъ Чурскій: — что если обратить вниманіе на преданія нашего края, то онъ будетъ имѣть богатую исторію. Можетъ быть, тамъ, гдѣ вы теперь видите лѣсъ, окажутся богатыя людскія обиталища. У народа есть твердое убѣжденіе, что въ Волосятевѣ жилъ когда-то бѣлый старикъ. И это убѣжденіе основательно. Волосятево представляетъ странную мѣстность: весь лѣсъ изрытъ, ископанъ. Огромныя четырехугольныя ямы, теперь поросшія лѣсомъ — явныя русла высохшихъ прудовъ; а ровъ правильный и ровный, а эти валы и холмы, расположенные точно по рисунку — все это чисто дѣло рукъ человѣческихъ. Ясно, что тутъ было жилье и большое жилье, укрѣпленное.

— Тутъ вѣрно и жилъ тотъ разбойникъ, о которомъ я слыхалъ.

— Разбойникъ или нѣтъ, но только жилъ кто-то, продолжалъ Чурскій:—и, какъ вы хотите, я убѣжденъ, что тутъ найдутся и сокровища. Народъ испоконъ-вѣка вѣритъ, что подъ этой сухой елкой зарытъ кладъ. Я знаю не одинъ Никифоровъ случай, что въ Волосятевѣ находили монеты и вещи. Старый обычай нашъ хоронить сокровища въ землю объясняетъ это...

— Такъ вотъ, прервалъ я собесѣдника: — вмѣсто того, чтобъ толковать о лѣшихъ, лучше порыть бы въ Волосятевѣ.

— А заклятіе-то? отвѣчалъ Чурскій, смѣясь; потомъ продолжалъ свою рѣчь: — многое показываетъ, что тамъ, гдѣ теперь Волосятево, когда-то не было лѣса, тогда какъ кругомъ онъ «дремомъ-дремалъ», какъ говоритъ дѣдушка Никифоръ. Недалеко за моею усадьбою есть лѣсъ, котораго названье показываетъ его древность. Сторона эта называется «Старая». Посмотрѣли бы вы на нашу Старую! прибавилъ Чурскій.

Михайло Павловичъ выпилъ вина и продолжалъ. Видно, что онъ говорилъ о предметѣ хорошо ему знакомомъ. Вино разогрѣло его фантазію; въ противномъ случаѣ, онъ рѣдко распространялся.

— Лѣсъ въ Волосятевѣ хотя и рослый, но это молодой лѣсъ: деревья зелены, крѣпки. Посмотрите-ко на Старой, и особенно въ той части, которая когда-то выгорѣла, отчего и называется Гарью. Эхъ! вскричалъ Миша, пойдемте-ко на Старую! Ночь — чудо!

Нѣтъ, ужъ лучше завтра, замѣтилъ я, питая теперь отвращеніе ко всемъ лѣсамъ на свѣтѣ.

— Вѣковыя дряхлыя деревья, — продолжалъ разскащикъ: — вышины необъятной, какъ-то печально киваютъ головами, будто знаютъ, что они уже прожили свою пору. Съ корня до вершины стволы ихъ и вѣтви покрыты сѣрымъ мохомъ. Что-то грустное и важное видно въ этихъ великанахъ, которые нерѣдко, будто срѣзанные невидимою смертью, валятся отъ собственной дряхлости. Оттого тамъ лежатъ цѣлыя горы упавшаго лѣса: это мертвое подземное царство, пріютъ для медвѣдей, которыхъ тутъ немало. Видно, что легло тутъ не одно поколѣніе этого царства.

— Ну, и тамъ есть лѣшіе? спросилъ я.

Миша замолчалъ; потомъ съ скрытой улыбкой сказалъ:

— Тамъ нѣтъ лѣшихъ. Дались вамъ эти лѣшіе! Смотрите, не попадитесь... А какъ вамъ понравился портвейнъ?

— Хорошъ, сказалъ я, и замолчалъ.

— Вы что-то сегодня неразговорчивы, сказалъ Миша, который, напротивъ, былъ въ самомъ лучшемъ расположеніи духа. — Выпейте-ко еще, чокнемтесь.

Мы чокнулись, но разговоръ все какъ-то не вязался. Мнѣ было не до лѣшихъ и не до Старыхъ, а Чурскому явно хотѣлось спѣть пѣсню, пуститься вприсядку или что-нибудь подобное. Онъ поглядѣлъ въ окно, и замѣтилъ: «Славная ночь!» Ночь дѣйствительно была прекрасная. Прохладой и свѣжестью дышала она въ окна. Полная луна освѣщала дальнія поля и играла мѣстами въ рѣчкѣ. Чурскій то затягивалъ пѣсню, то разсказывалъ про свои охоты и студенческія похожде-

нія. Но, замѣтивъ мое непобѣдимое молчаніе, онъ вскричалъ наконецъ:

— Да что, лѣшій, что ли, васъ обошелъ, въ самомъ дѣлѣ? Что съ вами?

— Да ничего, Михайло Павлычъ, что-то, не говорится. Бываетъ!

Миша замолчалъ, и опять подошелъ къ окну. Чудная лѣтняя ночь манила его на волю; онъ долго смотрѣлъ на поля, на небо; потомъ подошелъ къ столу, подумалъ о чемъ-то, и улыбнулся своей доброй, милой усмѣшкой.

— Знаете ли что? обратился онъ ко мнѣ.

— Что? спросилъ я.

— Хотите видѣть лѣшаго?

— Хочу, отвѣчалъ я.

— Петя! крикнулъ Чурскій.

Мальчикъ лѣтъ восемнадцати, живой и стройный, съ чрезвычайно смышленой физіономіей, явился въ дверяхъ.

— Въ походъ! сказалъ Чурскій.

Какъ бѣсенокъ, юркнулъ Петя изъ комнатъ, и послышалось безпрестанное его топанье, стучанье посудой, ключами и т. п. Чрезъ нѣсколько минутъ Петя явился съ огромнымъ сакъ-вояжемъ, вполовину набитымъ. Къ удивленію моему, туда же онъ сталъ втискивать бутылки и закуску, стоявшія на столѣ.

— Это для чего? спросилъ я.

— Конечно, не для лѣшаго, отвѣчалъ Михайло Павловичъ.

Выйдя на крыльце, Чурскій свиснулъ. Легкіе и веселые дворовые псы примчались отвсюду, и запры-

гали вокругъ Чурскаго. Нѣкоторые скакали ему на грудь и лизали лице. Веселый и довольный, Миша гладилъ, трепалъ собакъ и нѣжно приговаривалъ.

Звѣздный пологъ одѣвалъ поля, холмы и долины. Тишина царствовала невозмутимая, но не та важная, торжественная тишина, которую чуялъ Байронъ на Леманѣ, въ виду грозныхъ Альпъ и подоблачныхъ ледниковъ, а ласкающая, покойная тишина полей нашихъ. Собаки быстро и весело мелькали въ полумракѣ, и только нелѣпый крикъ коростеля слышался гдѣ-то за рѣкою. Мы прошли поле и приблизились къ лѣсу. Какъ сурово глядѣлъ онъ во мракѣ ночи! Но Миша весело отворилъ воротца, и скрылся звѣздный пологъ. Лохматыя вѣтви сосенъ покрыли насъ, какъ тучей. Изрѣдка звѣздочка мелькала сквозь вѣтви, какъ-будто переглядываясь съ свѣтящимся червякомъ, который такъ же свѣтло и такъ же неподвижно сіялъ подъ родимымъ мохомъ. Чурскій шелъ скоро.

Я повѣрилъ моему спутнику: есть нѣчто живое, говорящее въ природѣ. Казалось мнѣ, сумрачно и сердито смотрѣлъ на меня лѣсъ за то, что я отказывалъ ему въ его жизни, въ его тайнахъ, въ его обитателяхъ. Мы осторожно стали спускаться въ оврагъ, по едва замѣтной тропинкѣ, задавленной густыми соснами, и еслибъ Чурскій не велѣлъ зажечь фонаря, то подъ этимъ непроницаемымъ лѣснымъ сводомъ рѣшительно ничего не было бы видно. Чѣмъ ниже мы спускались, тѣмъ свѣжѣе становилось; наконецъ, послышалось тихое журчанье ручья. На берегу его мы остановились.

— Зажигай, Петя! сказалъ Михайло Павловичъ.

Петя притащилъ нѣсколько прутьевъ сухаго хвороста и зажегъ небольшую теплину. Вскорѣ веселый огонекъ освѣтилъ темныя сосны и рѣзво заигралъ на свѣтлой зелени березъ и рябины; но тѣмъ страшнѣе стоялъ вдали лѣсъ, неосвѣщенный огнемъ.

Я тотчасъ замѣтилъ, что это былъ тотъ же самый дьявольскій вражекъ, куда ходилъ я съ Сашей, только мѣсто было другое; та же веселая рѣчка, тотъ же бархатный берегъ, и темный сосновый навѣсъ закрывалъ отсюду его уединенную прохладу.

Петя вытащилъ коверъ, поставилъ на него вино, стаканы, закуску; сверхъ того, онъ положилъ еще какой-то свертокъ. Любопытный до всего, я посмотрѣлъ въ свертокъ: тамъ были фрукты и пирожное.

— Это для чего? спросилъ я.

— Это для лѣшаго, отвѣчалъ Миша, и засмѣялся.— Ну, Петя, валяй! обратился онъ къ мальчику.

Только-что Чурскій проговорилъ эти слова, какъ Петя, здоровый малый, грянулъ своею молодою могучею грудью пѣсню, которой Михайло Павловичъ вторилъ еще болѣе могучимъ голосомъ:

Ого-го! луна блеститъ,
Къ другу милому дѣвица спѣшитъ.
Ого-го! корабль плыветъ,
Другу милому счастье несетъ.
Ого-го! луна свѣти,
Къ другу милому дѣвица лети.
Ого-го! теменъ боръ зашумѣлъ:
Другу милому пѣсню запѣлъ.

Могу ли передать все то необыкновенное, чѣмъ былъ пораженъ мой слухъ, мое воображеніе, весь я?

При первыхъ же звукахъ пѣсни, какой-то странный вопль раздался по лѣсу, откликнулся въ другомъ мѣстѣ, охватилъ лѣсъ и понесся всюду. Эти звуки то уносились далеко и замирали, то снова вырывались издали, доносились до слуха, оглушали, поражали, и пѣсня, пѣтая только двумя, гремѣла, будто была составленая изъ тысячи голосовъ, дикихъ, могучихъ, совершенно необыкновенныхъ. Въ этомъ перекатномъ, дикомъ эхѣ исчезали голоса самихъ пѣвцовъ, и, казалось, самъ черный лѣсъ ожилъ и своею растительною широкою грудью загремѣлъ ни для кого невѣдомую пѣсню. Этого мало: внезапные полуночные звуки испугали все, что было живаго въ лѣсу: стаи воронъ, сорокъ, дятловъ, глухарей и тысячи другихъ пернатыхъ, мирно-спавшихъ на вѣтвяхъ, поднялись въ одинъ мигъ и наполнили воздухъ крикомъ. Тамъ, вдали, шарахнулся конь, жевавшій росистую траву, и стадо запоздавшихъ барановъ бросилось по лѣсу. Все это: пѣсню, крики птицъ, топотъ коня и животныхъ, лай собакъ, бросившихся за ними въ погоню — все это сто разъ повторяло страшное громовое эхо и составляло какой-то дикій, стихійный оркестръ, похожій и на вой моря, и на стонъ битвы, и на вопль вѣтра, и на все это вмѣстѣ, или, лучше сказать, ни на что въ мірѣ непохожій.

Чурскій замѣтилъ мое изумленіе.—То-то, батюшка, сказалъ онъ: — вотъ онъ каковъ лѣсокъ-то нашъ! А вѣдь дѣло просто объясняется: Оврагъ этотъ, какъ я вамъ уже говорилъ, обставленъ безпрерывными отвѣсными горами, которыя расположены подъ разными углами: они-то и отражаютъ наши голоса, передавая

одинъ другому. Изъ береговъ этихъ, вѣроятно, были сдѣланы какія-то укрѣпленія, ибо ихъ отдѣлка чрезвычайно-правильна и разсчитана. Весь оврагъ удивительно отражаетъ звукъ; но мѣсто, гдѣ мы теперь, въ этомъ отношеніи, чисто-акустическое чудо. Здѣсь нельзя шепнуть, чтобъ шопотъ не разнесся по лѣсу. Большаго труда стоило мнѣ отыскать это мѣсто, гдѣ зародилось лѣсное эхо.

— Что, Петя, не слышно? обратился онъ къ мальчику.

— Нѣтъ еще, нечуть... отвѣчалъ тотъ, прислушиваясь: — Постойте... ровно что-то хрустнуло... Нѣтъ, ничего.

Воцарившаяся тишина показалась мнѣ еще величавѣе. Очарованный прелестью и вмѣстѣ странностью минуты, я ждалъ охотно и безъ напряженнаго любопытства дальнѣйшихъ проказъ Чурскаго.

Пѣсня грянула снова и согласное эхо снова заревѣло въ деревьяхъ, надъ деревьями и, кажется, въ самомъ небѣ. Снова деревья будто растворили свои деревянныя груди, угрюмо смотря на меня, чуждаго для нихъ пришельца; снова смолкла пѣсня, но лѣсъ долго еще гремѣлъ свое дикое, сосновое:

Ого-го! лети, лети...

Чурскій и Петя прильнули ухомъ къ воцарившейся тишинѣ: одно мертвое молчаніе отвѣчало имъ. Но вотъ... чрезъ нѣсколько минутъ, вдали, чуть слышно, будто треснулъ верескъ. Петя вскрикнулъ: шш! Чурскій прильнулъ ухомъ въ ту сторону. Чрезъ нѣсколько минутъ, дѣйствительно сталъ доноситься трескъ сучьевъ. Потомъ явственно была слышна чья-то торопливая по-

ходка по ломанному лѣсу. Съ удивленіемъ, не зная что подумать, я ждалъ неизвѣстнаго мнѣ гостя. Кто онъ? другъ Чурскаго, такой же чудакъ, какъ онъ, подруга его, или участникъ какихъ-нибудь затѣй смѣшныхъ, нелѣпыхъ? Безмолвно прислушивался я къ торопливымъ шагомъ; вотъ онъ приближается; вотъ онъ уже на горѣ; вонъ что-то бѣлое мелькнуло посреди освѣщенной зелени; вотъ бѣлое замелькало по тропинкѣ, ведущей къ намъ; вотъ ближе, ближе, скорѣй, скорѣй; вотъ все оно освѣтилось яркимъ заревомъ теплины — и Саша, какъ голубь, бросилась на шею Чурскому...

Быстрая тройка Трофима Петровича мчала меня изъ Анютина. Пристяжныя гнулись кольцомъ, и кучеръ, котораго самъ Коринъ называлъ не иначе, какъ Иваномъ Васильечемъ, бойко посвистывалъ на козлахъ. Съ грустнымъ чувствомъ смотрѣлъ я на остающееся за мною жилье съ его обитателями. Постепенно что-нибудь исчезало отъ глазъ и терялось въ пространствѣ. Прежде всего скрылся подъ горою потокъ, по которому такъ недавно бродилъ я при блескѣ утренняго солнца. Потомъ исчезъ Трофимъ Петровичъ, котораго сѣрый сертукъ скоро слился съ сѣдыми стѣнами постарѣвшаго зданія; за нимъ пропала огромная стая прислуги, разбредшаяся въ разныя стороны. Долѣе всѣхъ бѣлѣла вдали стройная фигура Саши, какъ запоздалая звѣзда на утреннемъ небосклонѣ; но и она потухла. Вотъ и сѣдыя зданія слились съ сѣрѣвшеюся далью, и только черный лѣсъ сурово глядѣлъ на меня, какъ-будто слѣдя за тройкой. Наконецъ, и онъ потерялся

въ безразличномъ кольцѣ горизонта. Людское обиталище, такъ привѣтливо и странно встрѣтившее меня на пути жизни, потонуло въ безднѣ пространства.

Въ безднѣ другаго океана скоро потонула и юность. Смѣнили ее другіе годы, другія битвы. Разумъ и опытъ закалили сердце, и оно уже сурово смотритъ на мудреное поприще жизни. Иными кажутся люди, иной голосъ слышится въ природѣ. Но воспоминаніе, *этотъ вѣтеръ, дующій изъ прошедшаго,* какъ сказалъ поэтъ, освѣжаетъ усталую душу; она выводитъ иногда былое —

И много милыхъ тѣней возстаетъ!

Волшебные сны, поэтическія бури, свѣтлые спутники давно улетѣвшей молодости, воскресаютъ, какъ живые. И среди нихъ рисуется нерѣдко *ея* граціозный образъ, — и шумитъ сосновый лѣсъ, сумракомъ покрывая свои тайны.

ВОДА.

I.

Однажды въ сельцѣ Наумовѣ случилось престранное происшествіе. Кучеръ Андрей Васильевъ, извѣстный, впрочемъ, болѣе подъ именемъ Дудки, на которую онъ былъ похожъ по необыкновенной длиннотѣ своей и тонкости, найденъ былъ полумертвымъ на берегу рѣки Бѣлой. Въ первыя минуты отъ него не могли добиться никакого толка: онъ только мычалъ и лягался, потомъ одолѣлъ его страшный сонъ, а потомъ ужь, къ вечеру на другой день, онъ очнулся, и разсказъ его поразилъ ужасомъ все селеніе. Дудка шелъ изъ села Куликова домой довольно поздно. Вмѣсто того, чтобы идти обыкновеннымъ путемъ и перейти рѣку по мосту, Дудка взялъ влѣво, пошолъ тропами, и намѣревался перейти рѣку по лавѣ, которая была недалеко отъ Завитка. Мѣсто это вообще не

пользовалось хорошею репутаціею, но Дудка былъ безстрашенъ, и ни во что не вѣрилъ. Вотъ онъ подошелъ къ рѣкѣ, и только-что ступилъ на лаву, какъ въ водѣ, прямо подъ бревномъ, служившимъ для перехода, кто-то захохоталъ. Онъ глядитъ — дѣвка, онъ посмотрѣлъ дальше — опять дѣвка, за лавой — тоже дѣвка, такъ и мелькаютъ! У него закружилась голова, а дѣвки щиплютъ его да хохочутъ. Онъ сталъ отбиваться, но какъ ни махнетъ, руки бьютъ воздухъ, а дѣвки знай щекочутъ да хохочутъ. «Выбился изъ силъ, Ѳедя, — говорилъ Дудка стоявшему возлѣ него парню, — упалъ съ лавы, а они меня мыкали, мыкали, да такъ и бросили безъ памяти — ужь не помню въ рѣкѣ или на берегу.» — Ѳедя при этомъ разсказѣ ничего не сказалъ, а только почесалъ за поясомъ, но на другой день всѣ окрестныя селенія говорили, что на Завиткѣ случилась опять оказія: водяныя дѣвки утопили наумовскаго кучера Дудку.

Какъ ни удивительно такое происшествіе, однако подобныя не рѣдко случались въ Наумовѣ.

Исторія сельца Наумова, подобно исторіи Сѣверо-американскихъ штатовъ, не можетъ начаться фразой, столь употребительной у историковъ: начало и происхожденіе его теряется во мракѣ глубочайшей древности. Какъ великое Сѣверо-американское государство возникло и возвеличилось на памяти нашихъ отцовъ, такъ и исторія Наумова вся разыгралась на собственной нашей памяти. Въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія оно получило начало, а въ сороковыхъ покончило свое существованіе тихо, безъ всякихъ бурныхъ потрясеній. Основателемъ его былъ управляющій

имѣніями господъ Петровскихъ — дядя Кузьма или дядюшка Кузьма, который, впрочемъ, сокращенно, на языкѣ простолюдиновъ, назывался просто — *дяшка Кузьма*. Онъ посовѣтовалъ владѣльцамъ основать тутъ усадьбу, т. е., по обычаю, сначала поставить скотные дворы, потомъ флигель съ людскою избою, а въ послѣдствіи уже, при помощи Божіей, и домъ для господъ. Дворы и флигель были поставлены, но господскій домъ, для котораго было выбрано самое лучшее мѣсто, не поспѣлъ устроиться. Поводомъ къ основанію Наумова служила не одна красота мѣстоположенія, которая была очень замѣчательна; но, напротивъ, хозяйственныя соображенія. Земля тутъ была чрезвычайно плодородна. У подножія самой горы, на которой стояло Наумово, протекала рѣка Бѣлая. Берега ея покрыты были чудными сѣнокосными лугами, или по-тамошнему *наволоками*. Такъ называются тѣ прибрежныя луговыя пространства, на которыя весенняя водополь *наволокаетъ* особеннаго рода илъ, отчего и происходитъ ихъ сильная растительность. Луга такъ свѣжи и пышны, что по праву величаются въ туземныхъ пѣсняхъ бархатными, шелковыми. Рѣка, вѣроятно, была бы очень невелика, еслибъ не была значительно поднята множествомъ мельницъ. Не только на разстояніи узаконенномъ, но даже и на неузаконенномъ были мельницы. Плотины и гати, задерживая воду, дѣлали рѣку чрезвычайно глубокою и широкою. Рѣка была богата рыбою; назовите какую хотите породу ея — по мнѣнію туземцевъ, она непремѣнно существовала въ Бѣлой. Сказывали, что въ ней видѣли однажды сома, который во время водополи будто бы заплылъ туда изъ Волги; что

будто бы сомъ схватилъ однажды портнаго Бурлычку за ногу, когда тотъ, возвращаясь изъ села Куликова, переходилъ Бѣлую въ бродъ, и совсѣмъ было утащилъ его въ омутъ; но, къ счастію, Бурлычка былъ въ сапогахъ, поэтому сомъ стащилъ съ него только сапоги, а Бурлычка выплылъ. Мы не можемъ вполнѣ ручаться за появленіе сома въ Бѣлой, ибо едва ли онъ могъ перебраться черезъ гати; къ тому же Бурлычка слылъ за человѣка не очень храбраго и любилъ выпить.

Словомъ, Наумово была прелесть усадьба, и какъ бы, кажется, не жить въ такомъ пріятномъ и удобномъ помѣщеніи! Вотъ въ томъ-то и дѣло, что не все то золото, что блеститъ: наумовскіе поселенцы, или, лучше сказать, переселенцы изъ другой старой усадьбы, далеко не были довольны своимъ новымъ обиталищемъ. Никакъ не могли они привыкнуть къ этому мѣсту. Впрочемъ и дѣйствительно были довольно важныя неудобства. Вотъ хоть бы этотъ лѣсъ, что стоитъ за Наумовымъ: кромѣ волковъ, которые по зимамъ залѣзали чуть не въ избы къ дворовымъ людямъ, были тамъ другіе обитатели, вовсе не животной и не человѣческой, однимъ словомъ, *не нашей природы*, отчего и называются *ненашими*. Ужасъ обнималъ не только женское, но и мужское населеніе, когда среди ночи вдругъ раздавалось въ лѣсу страшное уханье или какое-то щелканье. Тетка Марья положительно говорила, что это *ненашій;* но староста Денисъ, который терпѣть не могъ, чтобы при немъ болтали всякую чепуху, говорилъ, что это вовсе не ненашій, а нечистая сила. Нѣкоторые, похрабрѣе, заговаривали было, что

это филинъ, сова или дятелъ — куда! — такихъ вольнодумцевъ и слушать не хотѣли. — Скотникъ Заусай, суровый съ вида и дерзкій на слова, напускалъ на нихъ такую брань, что Боже упаси. «Филинъ! говорилъ онъ, а кто опомнясь у бурой-то кобылы заплелъ гриву такъ, что и топоромъ не разрубишь? — Филинъ небось? Пришелъ бы ты ко мнѣ ночевать въ скотную, такъ я бы посмотрѣлъ на твою-то храбрость.... Ночесь, какъ скотина-то начала ревѣть да метаться, такъ ужасъ!» — «Ну, это иное дѣло, отвѣчали вольнодумцы — это, знамо, домовой — это бываетъ!»

Но и это бы ничего: ну, не ходи въ лѣсъ не вовремя. А вотъ, что будешь дѣлать съ рѣкою, которую не обойдешь, не объѣдешь. Вѣдь безъ воды жить не станешь, а рѣка-то была какая-то неблагословенная, вся была покрыта омутами, изъ которыхъ самый скверный, какъ нарочно, былъ недалеко отъ Наумова. Дѣйствительно, въ полуверстѣ отъ усадьбы, рѣка круто поворачиваетъ вправо, отчего и мѣсто получило названіе Завитка. Рѣка тутъ была необыкновенно глубока. Не разъ пробовали ее мѣрять, но и дна не достали. Вотъ этотъ-то омутъ особенно считался неблагопріятнымъ мѣстомъ. По ночамъ нерѣдко тамъ слышалось необыкновенное плесканье, какой-то странный женскій хохотъ. Крестьянка деревни Починокъ пошла разъ ночью за водою, и воротилась оттуда чуть не сумасшедшая. На доскахъ, кототорыя были прикрѣплены къ берегу, чтобы съ нихъ было удобнѣе черпать воду и мыть бѣлье, сидѣла нагая баба съ предлинными распущенными волосами. Вѣсть эта немедленно разнес-

лась по окрестностямъ, и страшное мѣсто навсегда было оставлено жителями. Вода въ этомъ омутѣ такъ винтомъ и вертѣлась. По немъ и на лодкѣ ѣздили только въ крайней необходимости. Всѣмъ извѣстна была страшная участь одного смѣльчака, который смѣялся надъ разсказами простолюдиновъ. Дьячекъ сосѣдняго сѣла Никандръ, а на языкѣ деревенскихъ обитателей — Ликандро, прозванный, за необыкновенную черноту лица, Котломъ, съ страшною бранью хвалился, что онъ за полштофа вина вышугаетъ изъ омута всю нечистую силу. Такъ какъ для такого важнаго дѣла нашлись охотники пожертвовать полуштофомъ, то Котелъ раздѣлся и бросился въ воду. Изъ омута Котелъ болѣе не показывался. Не смотря на неутомимые поиски и тѣла его найти не могли. Съ той поры омутъ окончательно сдѣлался страшнымъ. Само собою разумѣется, что исторія, случившаяся съ Дудкой, не могла расположить въ пользу проклятаго омута.

II.

— Жарко, Макарычъ?

— Благодать, сударь!

— Какая тутъ благодать, жара такая, что дѣваться некуда.

— Да хлѣбамъ-то хорошо, сударь! Дождичка-то было довольно, такъ вотъ теперь и хорошо теплецо-то-съ. Ишь ты какъ все позеленѣло!

И на лицѣ говорившаго это крестьянина или, скорѣе, двороваго человѣка показалось выраженіе такого

благополучія, какъ будто онъ сейчасъ сдѣлался богатъ и счастливъ. Онъ оглядывалъ кругомъ пылающее подъ солнечными лучами пространство, улыбался и какъ будто говорилъ съ полями и рощами. Собесѣдникъ его былъ самъ владѣлецъ села Наумова Александръ Павловичъ Петровскій. По наружности, это былъ молодой человѣкъ, даже очень молодой, довольно высокаго роста. Лице его, на которомъ не было ни слѣда бороды, было прекрасно и особенно возбуждало симпатію тѣмъ, что носило постоянно какую-то тѣнь печали, задумчивости. Въ самой улыбкѣ его была вовсе не веселость, а скорѣе грусть. Онъ также пристально смотрѣлъ вдаль.

Что же было тамъ вдали? Да ничего особеннаго. Огромное пространство, бывшее передъ ихъ глазами, дѣйствительно зеленѣло. Весна только-что прошла. Рожь еще не бурѣла, или, по крайней мѣрѣ, мало; яровыя поля были лучше всякаго бархэта; но еще роскошнѣе были луга по обоимъ сторонамъ рѣки. Какъ покойно лежала рѣка въ этомъ бархатномъ ложѣ, какою свѣжестію, чистотою дышали ея воды, какъ ясно отражались въ ней небо и эти летучія лѣтнія облака, которыя заглядывали въ рѣку, будто для того, чтобы посмотрѣться и убѣжать. За рѣкою поднимались поля, посреди которыхъ мирно лежали деревни и села съ ихъ бѣлыми храмами, кой-гдѣ зелено-кудряво росъ березнякъ и ельникъ, а мѣстами темнѣлъ соснякъ. Некруто поднимаясь, мѣстность сливалась наконецъ съ горизонтомъ. Вотъ и все, что было вдали; но на всемъ этомъ пространствѣ, кромѣ свѣжести и яркости красокъ, кромѣ разнообразія очертаній было еще что-то:

былъ какой-то тихій покой, что-то унылое, невеселое, но удивительно мирное. На душѣ становилось какъ-то твердо-покойно, глядя на это тихое, хотя и громадное пространство.

— Славное мѣсто, Макарычъ, сказалъ молодой человѣкъ, продолжая глядѣть вдаль.

— Какое мѣсто-съ? спросилъ Макарычъ.

— Да вотъ это Наумово.

— Какое это мѣсто-съ, — отвѣтилъ энергически старикъ, махнувъ рукою: — что это за мѣсто. Супротивъ Грибкова — куда!

— Помилуй, Симонъ Макарычъ, да Грибково совсѣмъ въ ямѣ стоитъ, а здѣсь, смотри-ко: вѣдь на 20 верстъ видно кругомъ.

— Да что-что высоко-то-съ? что въ этомъ-съ? Живемъ на юру, прости Господи! Селеній близко нѣтъ — вонъ починокъ за рѣкою, да и въ тотъ не попадешь скоро; народъ кругомъ воръ. Какъ можно Грибково-съ! Тамъ все подъ рукою, кругомъ все усадьбы, господскіе домы; народъ все дворовый, обстоятельный.

— Здѣсь село торговое, напротивъ, — возразилъ баринъ, — ярмарка, мѣста плодородныя, наволоки, рѣка большая подъ носомъ, мельницъ пропасть!

— Богъ съ ней и съ рѣкой-то-съ, — махнулъ рукою Симонъ Макарычъ: — Что въ ней? Рыбы здѣсь никто не ловитъ, развѣ-что когда мельники побалуютъ. Дичи никакой нѣтъ, одна только утка кряковая. А между тѣмъ....

— Что же между тѣмъ? спросилъ Александръ Павловичъ.

— Да ничего-съ — такъ-съ.

— Какъ же ничего?

— Дрянь всякой столько, что и....

— Какая же это дрянь? допытывался молодой человѣкъ.

— Да прахъ ее знаетъ. Ваша милость, можетъ, и не повѣрите — у васъ, въ городу-то, вѣдь, смѣются надъ этимъ. Да тамъ и нѣтъ тово. А, вѣдь, вонъ не далеко ходить, съ шорникомъ-то Ѳедотомъ недавно было: сняли съ разщепленнаго дерева еле-еле живаго. Нѣтъ-съ, какое это мѣсто!

— Что же было съ Ѳедотомъ? Я не слыхалъ.

— Да что! Объ этомъ говорить-то, батюшка, нехорошо! Оттого мы и не докладывали. Вѣдь ужь этому не поможешь, такъ что-жъ тутъ?

— Да что же, однако? спросилъ баринъ своего собесѣдника?

— Да завелъ опять-съ.

— Какъ завелъ?

— Да такъ-съ, завелъ. Позапрошлое лѣто пошелъ онъ въ село Куликово: день-то торговый — такъ купить кой-что для сбруи. Потолкался на торгу-то-съ, встрѣтился съ ребятами, покалякали, выпили по стаканчику, и домой было. Но только онъ изъ-за возовъ-то, а староста Савелій Антонычъ ему навстрѣчу. Навеселѣ — дѣло праздничное. «А, Ѳедотъ Никитичъ, ко мнѣ чайку напиться!» Ну, Ѳедотъ — шорникъ, человѣкъ нужный, а тотъ человѣкъ торговый — дляче не зайти чайку напиться. Сидятъ; хозяинъ-то винца поставилъ; посидѣли таки порядкомъ, стемнѣло совсѣмъ; пошелъ домой Ѳедотъ; идетъ себѣ поти-

хоньку, но только-что подойдетъ къ Завитку-то-съ — вотъ, знаете, омутъ, гдѣ рѣка-то загибается — откуда ни возьмись Савелій Антонычъ, на чемъ свѣтъ стоитъ молитъ: «воротись еще рюмочку выпить!» Ну, тотъ воротился — идутъ; вдругъ пропалъ Савелій Антонычъ, а Ѳедотъ-то очутился во ржи по горло. Вышелъ изо ржи — пошелъ; только-что подходитъ къ Завитку, а Савелій Антонычъ съ полуштофомъ въ рукахъ такъ и ублажаетъ: «воротись, говоритъ, только-что купилъ, и не распечаталъ еще — зачѣмъ отстаешь?» — Да повѣрите ли, сударь, водилъ его всю ночь, а къ утру нашли его въ разщепленномъ деревѣ — завязъ совсѣмъ, еле живъ; знаете тутъ, коло Завитка-то, есть разщепленная сосна — громомъ что ли ее разщепило, такъ и развалилась надвое до половины, кабы не держалъ съ боковъ-то лѣсъ — такъ совсѣмъ бы разломилась: въ этомъ-то деревѣ его и увязило. И какъ его вознесло туда?

— Да онъ просто пьянъ былъ, замѣтилъ Александръ Павловичъ.

— Помилуйте, пьянъ. Кабы пьянъ былъ, такъ не взлѣзъ бы на дерево. Туда и трезвый не скоро попадетъ. Да и всего-то, говоритъ, кажись, три стаканчика выпилъ. Какъ туда пьяному попасть помилуйте! Нѣтъ, ужь это такъ-съ! Вонъ дѣдушка Денисъ ничего не пьетъ, а подите-ко, ономнясь пять разъ подъ мостъ подводило. Идетъ по прямой дорогѣ ясно, а вдругъ такъ и ткнется въ рѣку носомъ, стоитъ подъ мостомъ... Нѣтъ-съ, нехорошое мѣсто этотъ Завитокъ.

— Далеко отсюда?

— Какое далеко-съ, и полуверсты не будетъ, возлѣ старой мельницы. Рѣка тутъ круто поворачиваетъ

вправо, а въ уголъ ручей впадаетъ, такъ въ углу-то тутъ глубь такая, что ужасъ. Вода-то такая черная.

Въ это время кто-то довольно полновѣсно хлопнулъ разскащика по сухощавой спинѣ и звонкимъ голосомъ проговорилъ:

— Черная, черная, такая же черная, какъ Фокина телка, что ты за домоваго-то принялъ. Ну-ка, пусти, что разсѣлся на дорогѣ-то!

И съ этими словами промелькнула мимо Макарыча дворовая дѣвушка Лиза. Старикъ съ неодолимымъ отвращеніемъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, и только сказалъ: «бѣсъ!»

Лиза была полная, краснощекая дѣвушка, съ черными, какъ черносливины, глазами. Молодые дворовые ребята завистливо посматривали на ея дородныя плечи, которымъ, отъ ихъ загорѣлыхъ, мозолистыхъ рукъ, не мало доставалось. Попавъ въ лапы какого нибудь 25-лѣтняго Никанора, который одною рукою выдвигалъ изъ сарая старую четырехмѣстную карету, Лиза какъ рыбка билась, увертываясь отъ поцѣлуевъ милаго волокиты. Не жаловалъ ее только Симанъ Макарычъ. Когда Лиза, бывало, идетъ по двору, неся воду изъ рѣки или корзину съ грибами, Макарычъ всегда съ неудовольствіемъ отъ нея отвертывался. Петровскій, почти постоянный собесѣдникъ старика, нерѣдко спрашивалъ его о причинѣ такой немилости; но тотъ какъ-то неопредѣленно выражался и махалъ рукою. Одинъ разъ только, въ минуту откровенности, на которую ловко былъ наведенъ Петровскимъ, онъ сказалъ про Лизу: «да прахъ ее знаетъ, что за дѣвка; вѣдь не поймешь же всего, а таскается ночью на рѣку,

вретъ всякую чепуху, языкъ ровно помело. Полюбовники у нея тамъ, что ли... или впрямь... Макарычъ остановился.

— Что же впрямь? подхватилъ Петровскій.

— Да бѣсъ ее знаетъ! Спросите ее, она и понесетъ: чу, къ сестрамъ ходитъ; онѣ, чу, любятъ на мѣсяцѣ грѣться; онѣ, чу, ночью выходятъ со дна рѣчнаго, качаются на зеленыхъ деревьяхъ — и понесетъ, и понесетъ; ну, что вы станете тутъ толковать-то?

Макарычъ былъ чудакъ, если хотите, но ужь онъ вѣрилъ вполнѣ въ то, что разсказывалъ. Онъ былъ уроженецъ южныхъ губерній, переселенъ въ сѣверныя и недавно въ Наумово. Настоящую профессію Симана Макарыча мы не можемъ въ точности опредѣлить. Онъ былъ когда-то ткачемъ, но это было очень давно. Потомъ онъ былъ слесаремъ, сапожникомъ, прикащикомъ, пастухомъ и многимъ другимъ. Въ описываемое нами время, когда молодой помѣщикъ пріѣхалъ въ Наумово, Макарычъ былъ просто дворовымъ человѣкомъ и исполнялъ легкія полевыя работы: къ тяжелымъ онъ былъ неспособенъ, потому что былъ хилъ и болѣзненнаго сложенія. Но у Макарыча было одно занятіе, которому онъ остался вѣренъ во всю жизнь— это охота. Еще изъ Саратова, будучи мальчикомъ, прибылъ онъ съ кремневымъ ружьемъ, которое пріобрѣлъ за два рубля ассигнаціями: съ этимъ же ружьемъ, уже старикомъ, бродилъ онъ по наумовскимъ прибрежнымъ кустарникамъ. Не только по праздникамъ, но даже и въ рабочіе дни, когда другіе отдыхали, онъ урывался, хоть на полчаса, и обѣгалъ сосѣднія болота или кустарники. Всѣ роды охоты ему были зна-

комы! и какихъ звѣрей и птицъ не зналъ онъ! Стоило начать разговоръ объ охотѣ—Симанъ Макарычъ готовъ былъ повѣствовать всю ночь. Для похвалъ своему ружью онъ не находилъ словъ: и вѣрно-то оно было, и далеко било, и легко, и сподручно, и не толкало ни сколько. Однимъ словомъ, всѣ достоинства ружей, за которыя платятъ 100 и 150 рублей, были въ ружьѣ Макарыча. Петровскій, томимый скукою, любилъ съ нимъ бесѣдовать, и не одну утреннюю зарю встрѣчалъ съ Макарычемъ на наумовскомъ крыльцѣ, гдѣ мы ихъ видѣли сейчасъ. Въ бродячей своей жизни старикъ пріобрѣлъ отличныя мѣстныя познанія и простую, немудрую любовь къ природѣ. Онъ любовался явленіями природы молча и благоговѣйно; въ объясненіе ихъ не пускался. Если же случалось, то, по простотѣ и по недальнему развитію, толковалъ ихъ, конечно, наивно, по стародавнимъ дѣдовскимъ преданіямъ и повѣрьямъ.

III.

«Вотъ и изучайте бытъ русскаго народа, думалъ про себя владѣлецъ сельца Наумова, задумчиво бродя по зеленымъ берегамъ Бѣлой: тамъ наглость и грабежъ, здѣсь пьянство и предразсудки, Кучеръ Дудка и шорникъ Ѳедотъ, конечно, были мертвецки пьяны, отчего въ глазахъ у нихъ Богъ знаетъ что представилось. Однакожъ, надо посмотрѣть, что это за Завитокъ. О немъ, дѣйствительно, разсказываютъ много.» Такъ думалъ Александръ Павловичъ, и не чувствовалъ жары, обливавшей всю природу. Деревенское солнце наше

не то, что городское. Оно благодатнѣе льетъ лучи свои на зеленыя нивы и рощи. Къ тому же влага рѣки и кустарники защищали его отъ солнца. Свѣтло и величаво лежала рѣка въ пустынномъ молчаніи природы. Ни одна струйка не шевелилась. Изрѣдка только серебряная рыбка выскочитъ изъ гладкой поверхности на воздухъ, играя при блескѣ лѣтняго солнца. Въ травѣ кричали кузнечики, а въ небесахъ разсыпались трели жаворонка. Зеленыя ивы плакали по берегамъ своими листьями, нависшими надъ рѣкою. Рябина и кленъ еще зеленѣе вырѣзывали свои узорчатые листья, на солнечномъ воздухѣ; орѣшникъ и неизмѣнная подруга наша береза не уступали имъ въ яркости красокъ. Нѣсколько далѣе мѣстность стала измѣняться. Наволоки съ своими небольшими кустарниками стали смѣняться густымъ лѣсомъ, который все ближе подступалъ къ рѣкѣ. Ландшафтъ становился темнѣе; сначала небольшой ельникъ, а потомъ и довольно глухой сосновый лѣсъ надвинулись къ рѣкѣ. Путникъ нашъ осмотрѣлся: «гдѣ же Завитокъ? подумалъ онъ, не прошелъ ли я?» Но рѣка еще не поворачивала вправо, хоть и гнулась то въ ту, то въ другую сторону. И Александръ Павловичъ шелъ далѣе. Вотъ лѣсъ все гуще и гуще, и, наконецъ, когда Петровскій подошелъ къ небольшому овражку, лѣсъ уже висѣлъ, какъ туча, надъ головою. Надо было перейти вражекъ, на днѣ котораго громко журчалъ ручей. Тутъ только вспомнилъ Петровскій, что вотъ здѣсь и долженъ быть Завитокъ, въ уголъ котораго впадаетъ ручей, и хотѣлъ перейти вражекъ, но онъ такъ густо поросъ колючимъ можжевельникомъ, что не только пройти, но и видѣть

сквозь него ничего нельзя было. Путникъ нашъ взялъ влѣво; но дальше отъ рѣки ельникъ становился еще чаще: онъ пошелъ вправо къ самой рѣкѣ, и здѣсь, у самаго устья ручья, могъ перешагнуть его свободно. Поднявшись снова на круть оврага, онъ увидѣлъ, что это и есть Завитокъ. Бѣлая здѣсь, дѣйствительно, загибалась дугою вправо. Правый берегъ ея былъ песчанъ и пустыненъ, а на лѣвомъ къ самой рѣкѣ прижимался зеленый лужокъ, который круто поднимался, и на самой-то высотѣ берега угрюмо стоялъ сосновый лѣсъ, покрывая черною тѣнью и лугъ, и воду, и даже противоположный песчаный берегъ. Петровскій остановился невольно. Мѣсто было необыкновенно угрюмо, и какъ-то дико-прекрасно. Лѣсъ какъ будто стерегъ дорогія ему воды. Омутъ беззвучно, неподвижно лежалъ подъ навѣсами сумрачнаго своего друга. Темны и глубоки были его воды, въ которыхъ не видно было ни рыбки, ни растенія. Теченія тоже не было замѣтно, и щепка, брошенная Петровскимъ, вертѣлась посреди омута на одномъ мѣстѣ. Тишина царствовала мертвая, не слышно было ни птицы, ни кузнечика, только струйки ручья, впадающаго въ омутъ, серебристо звучали. Долго любовался Петровскій романическою красотою мѣста, и ему еще смѣшнѣе показались страхи простолюдиновъ. Надо было, однакожъ, пройти далѣе. Вотъ лава, гдѣ случилась исторія съ Дудкой. Мѣстность совсѣмъ измѣнилась, лѣсъ пошелъ своею прямою дорогою, а рѣка снова текла межъ зеленыхъ, душистыхъ береговъ, играя серебромъ и золотомъ подъ блескомъ горячаго солнца. Поднявшись на гору, Петровскій долго бродилъ по зеленой окрестности. Наконецъ, посмо-

трѣвъ на часы, онъ пошелъ домой тою же дорогою. Ему хотѣлось еще разъ взглянуть на это нехорошее, какъ говорилъ Макарычъ, мѣсто. Вотъ опять его лѣсной сумракъ и неподвижныя темныя воды... Но это что такое? Слышенъ плескъ воды! Петровскій остановился и сталъ прислушиваться. Вновь тишина стояла мертвая. Петровскій взглянулъ на омутъ—тамъ никого не было, но воды омута, неизвѣстно отчего, слегка волновались. Герой нашъ пошелъ далѣе... вдругъ ясный, звонкій хохотъ женщины. Александръ Павловичъ опять остановился—что за чудо!—прислушался: ручей журчалъ говорливо въ кустарникахъ, и только! Петровскій опять пошелъ по лугу. «Идетъ!» вскричалъ женскій голосъ. Петровскій вздрогнулъ; онъ взглянулъ на рѣку — тихо, но сердито смотрѣли ея воды, и опять ни одна струйка ея не шелохнулась. Онъ посмотрѣлъ въ лѣсъ — стволы деревъ стояли еще неподвижнѣе, и ничего живаго не видно было между ними. Петровскій понялъ, что всплескъ ручья, или, можетъ быть, крикъ птицы онъ принялъ за голосъ. Онъ перешагнулъ ручей, и сталъ подниматься въ гору; сучья захрустѣли подъ его ногами... «Сюда, сюда, шш!» раздался опять гдѣ-то нѣжный голосъ. Юноша поспѣшно взобрался на гору, и снова оглядѣлъ все пространство. Неподвижность, сумракъ лѣса и сердитое молчаніе воды — тѣ же.

Нашъ герой, нашъ изучатель нравовъ и повѣрій русскаго народа окончательно струсилъ. Ни у кого изъ насъ нѣтъ положительной увѣренности, что все на свѣтѣ извѣстно. У каждаго человѣкъ на днѣ души лежитъ мысль, что можетъ совершиться въ природѣ и

то, до чего еще не домыслился разумъ, не доискалась наука, а можетъ быть и не доищется никогда. Кто поручится за себя, что никогда и ни въ какомъ случаѣ не дрогнетъ передъ таинственными силами природы и передъ силами духа, еще болѣе таинственными. Словомъ, вопросъ о непонятномъ, о сверхъестественномъ, столь странный въ нашъ вѣкъ паровъ и телеграфовъ, подавляемый всѣми орудіями разсудка и естествознанія, все-таки хранится еще на душѣ каждаго. Говорятъ обыкновенно: что непонятно, того и не существуетъ; но вѣдь говорящіе такъ, можетъ быть, не были въ положеніи Александра Павловича. А еслибъ были, то, можетъ быть, и они призадумались бы на краю этого чернаго омута, подъ елями неподвижно стоящаго и незнакомаго лѣса. Герой мой, не видя ничего, довольно быстро пошелъ отъ оврага, и тогда-то какое плесканье и хохотъ поднялись сзади. Теперь уже не обманывали уши: странный могучій плескъ раздавался въ водѣ, повторялся лѣсомъ и сквозь плескъ прорывался звонкій, какой-то странный, серебристый женскій голосъ.

Черезъ нѣсколько времени, Александръ Павловичъ, разумѣется, посмѣялся надъ своею трусостію и положилъ умолчать вовсе объ этомъ происшествіи. Дѣло, вѣроятно, было очень просто: полоскались гдѣ нибудь домашнія птицы, деревенскіе мальчишки, а, быть можетъ, и дѣвчонки: струсили, увидавъ наумовскаго барина, и притаились въ лѣсу. Остальное сдѣлало воображеніе. Но пустынная и задумчивая мѣстность очень понравилась Петровскому: она соотвѣтствовала тяжелому настроенію его души. Томимый скукою и бездѣйствіемъ, онъ часто ходилъ туда и смѣялся надъ

разсказами Макарыча. О происшествіи, случившимся съ нимъ самимъ, онъ, конечно, и забылъ.

Однажды, на закатѣ солнца, Петровскій, съ неизмѣннымъ своимъ егеремъ, возвращался съ охоты. Ходили они много, въ яхташѣ барина и за поясомъ охотника было довольно дичи, такъ немудрено, что они утомились. Путь былъ далекъ, хотя Наумово и было уже видно. Да и чего не увидишь съ такой высоты, гдѣ присѣли охотники. Это было самое высокое мѣсто праваго берега Бѣлой. Лѣвый былъ весь темный, весь поросталъ сосновымъ лѣсомъ. Кой гдѣ только выступали изъ лѣса поле и частію господская усадьба, Наумово. Чѣмъ далѣе, тѣмъ лѣсъ былъ выше, выше; вдали, на горизонтѣ, изъ него выступала гора, на которой виднѣлись не то пни деревьевъ, не то разрушенное зданіе. Рѣка, подобно холодной красавицѣ, лежала межъ ревнивыхъ береговъ, изъ которыхъ одинъ ластился къ ней своею бархатною зеленью, а другой сумрачно и грозно заглядывалъ въ холодный ея обликъ своимъ темнымъ лѣсомъ.

— Какая пропасть лѣса-то тутъ, обратился Петровскій къ Макарычу, вдоволь насмотрѣвшись на картину.

— Да что-что много? — отвѣтилъ недовольный старикъ: — хорошаго-то въ немъ ничего нѣтъ. Дичи, почитай, никакой. Ходишь, ходишь, только воронъ прокаркаетъ. Вся сторона, сударь, здѣшняя какая-то— Богъ ее знаетъ — не веселая.

— Какъ не веселая, а ярмарки-то куликовскія, а кабакъ царевъ.

— Да что это!—возразилъ егерь:— мѣста-то не ве-

селыя; вѣдь вотъ Грибково, такъ что это? Куда ни пойди — птицы какой хочешь, ягода разная, грибы. Да и мѣсто — ровно садъ. Помните Останино? А здѣсь вонъ... И Макарычъ сердито указалъ на черную стѣну лѣса.

Послѣдніе лучи заходящаго солнца освѣтили молчаливыя и неподвижныя его вершины. Тамъ, гдѣ лѣсъ стоялъ выше, онъ освѣщался солнцемъ, а въ другихъ мѣстахъ уже весь закутался въ вечерній сумракъ. На высокой горѣ что-то вспыхнуло, какъ огонь.

— Это что? спросилъ Петровскій своего собесѣдника.

— Это крестъ! отвѣчалъ тотъ.

— Какой крестъ?

Макарычъ, подумавъ немного, отвѣтилъ: — Вотъ хоть бы и это-съ! все здѣсь какъ-то не по-людски дѣлается.

— Что же тутъ не по-людски? спрашивалъ Петровскій.

Старикъ, послѣ значительнаго молчанія, сказалъ: вотъ, изволите видѣть крестъ-то-съ; въ крестѣ-то образъ врѣзанъ, такъ на стеклѣ солнышко-то и играетъ — подальше отъ креста-то-съ строеніе: это село Непогожее. Теперь оно принадлежитъ какому-то Василію Ѳедотычу Расторгуеву. Онъ не живетъ тутъ. Да вѣдь отъ этого не лучше будетъ.

— А что же?

Макарычъ опять помолчалъ довольно знаменательно, и заговорилъ: — Отъ слова не придетъ, но и Расторгуевъ не долго повертится — увидите. Это ужь такое

имѣнье. Вотъ ужь на моемъ вѣку баръ пять перемѣнилось: какъ только кто купитъ — умретъ!

— Что же это значитъ?

— Да мѣсто не такое, чтобы жить тутъ.

— Отчего же?

— Да вотъ, видите этотъ крестъ-то? Тутъ когда-то былъ монастырь—и мощи святыя почивали. Но вдругъ святителю-то не угодно стало почивать тутъ, онъ и скрылся подъ спудъ. Видно прогнѣвали его отцы-то или православные. Богъ знаетъ! Монастырь послѣ того сталъ бѣднѣть да бѣднѣть; монахи перемерли или перешли въ другіе монастыри; мѣсто запустѣло; старинная церковь и кельи рухнули. Теперь только и видны горы мусора, поросшія крапивой и шиповникомъ. На этомъ-то мѣстѣ, гдѣ была церковь, и поставили крестъ.

— Отчего же мрутъ помѣщики-то въ Непогожевѣ?

— Да, Богъ знаетъ. Земля-то эта прежде принадлежала угоднику. А когда монастырскія-то земли отошли въ казну, такъ эту землю купилъ кто-то. Но не успѣлъ совсѣмъ построиться, какъ и умеръ. Такъ съ тѣхъ поръ все и мрутъ. Вотъ поживетъ ли Василій Ѳедотычъ. А ужь онъ было попробовалъ лѣску продать.

— А что же?

Опять послѣдовало многознаменательное молчаніе: потомъ старикъ продолжалъ: — Вотъ тамъ, гдѣ вы видите пни-то обгорѣлые, назадъ тому года три, все это былъ лѣсъ, отличный строевой лѣсъ. Вся эта земля, и лѣсъ, и угодья, — я сказывалъ тебѣ, — были монастырскіе; опосля ужь перешли къ владѣльцамъ. Вотъ и этотъ лѣсъ принадлежалъ къ Непогожеву. И

росъ этотъ лѣсъ больше ста лѣтъ, никто его не трогалъ. Такъ, рубили только на собственную потребу. Вдругъ пріѣхалъ Василій Ѳедотычъ. Осмотрѣлъ, оглядѣлъ — видитъ, лѣсу видимо-невидимо, и все лѣсъ ядреный, зеленый! Созвалъ купцовъ да и продалъ лѣсъ. Какъ ты думаешь, Александръ Павлычъ? Въ ту же ночь загорѣлся!...

И разскащикъ съ видомъ совершеннаго изумленія хлопнулъ Петровскаго по плечу, и умолкъ!

— Да не въ томъ еще чудо, — продолжалъ Макарычъ, — а ты погляди, какъ уцѣлѣлъ чужой-то лѣсъ. Дачи-то все смежныя, былъ одинъ сплошной лѣсъ. А вѣдь какъ отрѣзало: сгорѣлъ лѣсъ Расторгуева, и пожаръ погасъ. Власъ Потапычъ разсказывалъ — вотъ старичекъ, который и не-вѣсть сколько лѣтъ живетъ тутъ въ часовнѣ возлѣ креста-то — онъ разсказывалъ, что собственными глазами видѣлъ — монахъ съ крестомъ все ходилъ коло пожара-то: гдѣ онъ пройдетъ, тамъ и погаснетъ. Такъ и сгорѣла только дача Василія Ѳедотыча.

Разскащикъ умолкъ; лучи заходящаго солнца потухли на лѣсѣ. Погасъ и огонекъ надъ горою. Путники спустились къ рѣкѣ.

— Сюда, сударь — сказалъ охотникъ — вотъ по дорогѣ.

— Какъ по дорогѣ? Этакую даль? Пройдемъ здѣсь, по тропѣ, черезъ лаву.

У старика сердце перевернулось; надо было идти черезъ Завитокъ, а тутъ, какъ нарочно, недавняя исторія съ Дудкой. Какъ ни совѣстно было Макарычу — онъ, однакожъ, своротилъ на мостъ, сказавъ, что ему

нужно зайти на мельницу. Петровскій понялъ настоящую причину такого отступленія; не желая, однакожъ, смущать своего пріятеля, онъ не препятствовалъ ему, и пошелъ одинъ черезъ лаву. Лѣсомъ обошелъ онъ рѣку, и, погруженный въ обычныя свои думы, тихо подошелъ къ омуту, который въ полумракѣ сумерокъ еще грознѣе смотрѣлъ на сосны. Вотъ и ручей. Петровскій сталъ спускаться подъ гору, чтобы обойти его, и вдругъ остановился, какъ окаменѣлый: передъ нимъ, на муравѣ изумруднаго берега, возлѣ самаго омута, въ блескѣ роскошной дѣвственной прелести, лежала русалка!

И хорошо, что Петровскій сталъ неподвижно, а то, быть можетъ, онъ погибъ бы. Положивъ щечку на лѣвую руку, русалка держала въ правой вѣтку, которою по временамъ струила воду. Лица ея не было видно; но эти руки, чистыя, тонкія, какъ у мраморной статуи; эти плеча, бѣлѣвшія молодостію; этотъ станъ, гибкій и тонкій....

Петровскій былъ удивленъ, ошеломленъ; и не зналъ что дѣлать. Удалиться, сдѣлать движеніе, это значило дать замѣтить себя невѣдомому существу, а этого ему, по чувству понятной деликатности, не хотѣлось. Но если былъ пораженъ нашъ путникъ, то каково же было изумленіе русалки, когда на темной водѣ, въ которую она внимательно всматривалась, увидала она прекрасный образъ юноши! Все описываемое нами такъ долго, конечно, было дѣломъ минуты; на другую русалка исчезла—куда, какъ?—Петровскій рѣшительно не могъ понять. Онъ оглядывалъ рѣку, смотрѣлъ сквозь вѣтви. На рѣкѣ была невозмутимая тишь наступаз-

шей ночи, въ вѣтвяхъ воцарялся таинственный сумракъ; слышенъ былъ чей-то шопотъ; но Богъ знаетъ, не шептали ли это древесныя листья, не журчалъ ли свою неумолчную рѣчь ручей серебристый.

IV.

На другой день утромъ Петровскій былъ разбуженъ какимъ-то необыкновеннымъ крикомъ многихъ голосовъ, раздававшихся вдали. Онъ поднялъ стору и увидѣлъ толпу своихъ дворовыхъ, возвращавшихся съ сѣнокоса, которые страшно о чемъ-то шумѣли. Такъ какъ кричали въ одно время рѣшительно всѣ, то, естественно, что разобрать, въ чемъ дѣло, было невозможно. Энергичнѣе всѣхъ болтались въ воздухѣ руки прикащика Дениса Васильева, который, не видя никакой возможности перекричать всѣхъ, старался по крайней мѣрѣ жестами высказаться, какъ можно яснѣе и выразительнѣе. По мѣрѣ приближенія къ господскому дому, голоса дѣлались тише и наконецъ совсѣмъ смолкли. Петровскій, думая о вчерашней встрѣчѣ, располагалъ было напиться чаю совершенно спокойно, какъ вдругъ доложили ему о приходѣ прикащика.

— Толкуй теперь съ нимъ, подумалъ съ досадою баринъ; однакожъ велѣлъ войти.

Мужикъ съ окладистою черною бородою и съ большими такими же волосами на головѣ, вошелъ въ залу. Помолясь усердно образамъ, онъ благочестиво поклонился Петровскому, и прямо заговорилъ:

— Я къ милости вашей, батюшка Александръ Павловичъ! Власть ваша — мнѣ дѣлать больше нечего; наше дѣло мужицкое — защитите.

— Что такое? спросилъ помѣщикъ.

— Да перекосилъ опять! Прошлаго года чуть не на полстога оттягалъ, а нынче еще больше. Что ни говори, слышать ничего не хочетъ. Вѣдь безъ васъ, батюшка, съ нимъ уему никакого нѣтъ. Отрѣжетъ полнаволока — да и шабашъ! Станешь говорить — зашумитъ, закричитъ такъ, что всплачешь да и уйдешь. Власть ваша, Александръ Павловичъ, а вы его въ резонъ какой-нибудь уставьте.

— Да кто же это насъ такъ обижаетъ? спросилъ Петровскій.

— Да вотъ — маіоръ-съ. Вѣдь ни одного лѣта не проходитъ, чтобы съ нимъ не было брани. Ономнясь по веснѣ заперъ свою мельницу на всѣ поставы, да и только. Ну, нашу и подперло — колеса-то захлебались — стала! «Батюшка Василій Иванычъ, говорю, хоть двои воротца открой — вѣдь молоть нельзя!» Куда-ты! — «Ахъ ты, говоритъ, борода такая сякая, да я тебя,» говоритъ; — ну, шумъ такой поднялъ — что станешь дѣлать! Вѣдь все-таки господинъ, намъ не стать!

— Да что это за маіоръ, гдѣ онъ живетъ?

— Да вотъ недалеко — въ Зеленовѣ. И дѣло-то, кажись, сусѣдское, и на знати все: вѣдь еще папенька вашъ, да и дѣдушка-то-съ были съ нимъ въ пріятельствѣ. Ну, ничего не беретъ. Правъ ли, не правъ ли — знать ничего не хочетъ — шумитъ?

— Зачѣмъ же онъ перекашиваетъ?

— Да Господь его знаетъ. Сѣна у самого впятеро больше нашего, наволоковъ тма, а каждый годъ копенъ пять, шесть ужь непремѣнно отхватитъ. И тутъ ужь никакіе резоны не уймутъ. Скоситъ, да свезетъ на свои участки — поди бери. «Вилами, говоритъ, бока пропорю.»

— А нынче много перекосилъ?

— Да на полстога, почитай, будетъ.

— Гдѣ же?

— Вотъ на Бережкахъ — изволите знать наволокъ-отъ Бережка.

— Знаю.

— Сталъ говорить, — куда-те! «Я, говоритъ, всю бороду тебѣ по вѣтру пущу.» Онъ бить не бьетъ, нечего напрасно говорить, но шумитъ такъ, что слова вымолвить нельзя; такъ и уйдешь.

— Ну, вели заложить дрожки, я сейчасъ поѣду къ маіору. Какъ его зовутъ?

— Василій Иванычъ Синицынъ; вотъ недалеко здѣсь усадьба-то его, съ версту.

— Ну, ступай, вели заложить лошадей.

Черезъ полчаса нашъ Александръ Павловичъ катилъ на тройкѣ буланыхъ по дорогѣ къ Зеленову. Дудка представлялъ теперь не дудку, а какую-то дугу, концы которой составлялись изъ его колѣнъ и носа; онъ безпрестанно и притомъ безъ всякой нужды покрикивалъ на лошадей. Дорога поворотила вправо и стала спускаться подъ гору въ низменную ложбину. На другой сторонѣ этой ложбины дорога опять поднималась въ гору, и наверху горы изъ густой

зелени деревьевъ, виднѣлось строеніе, повидимому, барское.

— Что это за деревня — спросилъ Александръ Павловичъ.

— Это-съ — отвѣтилъ кучеръ — Зеленово-съ. Тутъ и живетъ маіоръ-съ, Василій Иванычъ.

Стали въѣзжать въ гору. По правую сторону дороги пряталась въ гущу деревьевъ усадьба маіора, а по лѣвую возвышался небольшой, но конусообразный холмъ, наверху котораго виднѣлось какое-то странное бѣлое строеніе — не то будка, не то часовня, не то сторожка — вся совершенно бѣлая, какъ будто оштукатуренная.

— Что это такое? спросилъ Петровскій кучера, указавъ на бѣлое.

— Это-съ — отвѣчалъ Дудка — это маіоръ-съ, Василій Иванычъ. Это они сами и есть; они всегда тутъ стоятъ, когда не на работѣ-съ.

Александръ Павловичъ изумился. Приближаясь къ холму, дѣйствительно уже можно было различить, что это не строеніе, а огромнаго роста и необъятной толщины человѣкъ, въ бѣлой рубашкѣ, въ такихъ же шараварахъ и съ головою, покрытой густыми сѣдыми волосами.

— Такъ это самъ помѣщикъ и есть? спросилъ Петровскій кучера, желая увѣриться, такъ ли онъ его разслышалъ.

— Да-съ, это онъ-съ, маіоръ Василій Иванычъ, отвѣтилъ Дудка, снимая почтительно шляпу передъ бѣлой фигурой, которая, какъ мраморная, неподвижно стояла, смотря на проѣзжающихъ.

Петровскій всталъ съ дрожекъ. Увидя, что сзади холмъ былъ совершенно отлогъ, онъ пошелъ съ этой стороны къ Синицыну. Тотъ, замѣтивъ это, обернулся къ нему, и съ тою же неподвижностію смотрѣлъ на пріѣзжаго. Петровскій подошелъ къ старику и отрекомендовался.

— Радъ познакомиться — заговорилъ Синицынъ — вѣдь я васъ на рукахъ носилъ. Вы къ моей Матрешѣ ватрушки кушать прихаживали, а съ батюшкомъ-то вашимъ мы подъ Рущукомъ Измаилъ-пашу совсѣмъ было въ плѣнъ взяли — да ушелъ проклятый.

Говоря это, старикъ сходилъ съ холма и направился къ дому. Василій Ивановичъ Синицынъ былъ старожилъ этого края. Не было лица популярнѣе его въ околоткѣ. Въ цѣломъ уѣздѣ онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ маіора, хотя онъ вовсе былъ не маіоръ, а подполковникъ. Почему Василія Ивановича никто не хотѣлъ признавать подполковникомъ — объяснится, если мы нѣсколько познакомимся съ его біографіею. Когда-то, очень давно, едва ли кто нибудь, даже и самъ маіоръ помнитъ, когда именно, Василій Ивановичъ вышелъ въ отставку съ чиномъ маіора и поселился въ Зеленовѣ. Снявъ старый свой вицъ-мундиръ, покрытый медалями всѣхъ кампаній — отъ суворовской итальянской до турецкой Дибича, онъ заперъ его въ сундукъ, и надѣвалъ только въ Свѣтлое Христово Воскресенье къ заутрени и къ обѣднѣ; вмѣсто него, онъ облекся въ болѣе удобное одѣяніе, т. е. въ бѣлую рубаху и таковые же шаравары. Въ этомъ костюмѣ можно было видѣть его всюду, какъ на работахъ, такъ и у себя дома. Зимою эта одежда замѣнялась

огромнымъ бѣлымъ бараньимъ тулупомъ и такою же круглою шапкою, которые роскошно согрѣвали богатырскіе члены маіора.

Замѣнивъ блистанье латъ
Тогой гражданина,

маіоръ принялся за свое имѣнье не кое-какъ, а собственными руками. Ни одинъ стогъ сѣна, ни одна скирда хлѣба не ставились безъ его геркулесовскихъ мышцъ. Такъ жилъ маіоръ лѣтъ 20 въ своемъ Зеленовѣ, шумя на своихъ покосахъ, мирно разсказывая про свои походы, мѣшая событія, лица, мѣста, эпохи, прилыгая сколько угодно, потому что возраженій ни откуда послѣдовать не могло. Большую часть разсказовъ маіора знали наизусть всѣ окрестные обитатели. Вдругъ, въ одно прекрасное утро, доложили Синицыну, что пришелъ къ нему сотскій Иванъ Долгій. Маіоръ вышелъ и Долгій, вывернувъ изъ стараго платка большой конвертъ, подалъ его ветерану. — «Это что?» спросилъ Василій Ивановичъ. — Сотскій отвѣчалъ: «не знаемъ — засѣдатель велѣлъ снести.» Василій Ивановичъ ушелъ въ свою гостиную, вынулъ изъ кіоты старыя очки, которыя лежали тутъ вмѣстѣ съ восковыми свѣчами, ладаномъ и артусомъ, посмотрѣлъ на адресъ, печать, распечаталъ, и, на сколько осталось у него умѣнья разбирать грамоту, прочелъ бумагу. Это было ни болѣе, ни менѣе, какъ увѣдомленіе, что маіоръ Синицынъ, во время своей службы, выслужилъ на чинъ подполковника, а потому и производится въ оный. Мы не знаемъ съ достовѣрностью, обрадовался ли маіоръ чину, только онъ вышелъ къ сотскому, и сказалъ: «ну, что же?» Тотъ отвѣчалъ, растопыря руки: «ничего,

какъ вамъ угодно, засѣдатель велѣлъ снести — больше ничего.» — «Ну, такъ ступай, поѣшь тамъ, — сказалъ новый подполковникъ, — поди въ избу.» Этимъ и окончилось полученіе подполковничьяго чина Василіемъ Ивановичемъ. Мужики хотя и говорили, что маіору губернаторъ прислалъ чинъ за старую службу, но, не смотря на это, маіоръ остался маіоромъ. «Маіоръ поѣхалъ въ городъ, маіоръ выстегалъ куребринскаго Проньку на гороховищѣ, маіоръ выдалъ Путанку Матрену за Заусая, маіоръ поставилъ пять стоговъ на Вражкахъ.» Словомъ, маіоръ и маіоръ звенѣло вездѣ.

— Я и дѣдушку-то вашего зналъ, какъ свои пять пальцевъ, — толковалъ колоссальный старикъ, входя въ комнаты, и погружаясь въ огромныя и неизвѣстно какого времени кресла: — Вмѣстѣ за зайцами ѣзжали. У, какой былъ наѣздникъ! но я былъ удалѣе его. Куда! А давно изволили въ имѣньице-то пожаловать? Видно хозяйствомъ желаете позаняться?

— Да, я думаю немного позаняться этимъ имѣньицемъ, — сказалъ застѣнчиво гость, стыдясь внутренно, что говорилъ сущую неправду.

— Служить изволите? спросилъ Синицынъ.

— Нѣтъ.

— А что же?

Петровскому опять стало неловко; но сознаться, что онъ ничего не дѣлаетъ, ему не хотѣлось. Скрѣпя сердце, онъ отвѣтилъ:

— Я... я занимаюсь литературой.

— Какой литературой? спросилъ Василій Ивановичъ, нѣсколько озадаченный.

— Я печатаю въ газетахъ статьи своего сочиненія.

— У, у! вскричалъ маіоръ. Вотъ я думаю, скука-то, сударь! И читать-то нынѣшнія книги бѣда, а ужь сочинять-то ихъ, я думаю, просто Божіе наказаніе. У насъ былъ полковой командиръ Дыба, такъ тотъ, бывало, какъ принесутъ съ почты Московскія Вѣдомости, не распечатывая и валяетъ ихъ въ печку. «Дайте прочесть, полковникъ!» говорятъ ему бывало офицеры. «Чего тебѣ, говоритъ, прочесть, не видалъ что ли дряни-то? Приказный что ли ты? Вотъ ты что читай!» И укажетъ бывало на стѣну, гдѣ у него висѣло оружіе — арсеналъ цѣлый. Лихой былъ полковникъ.

— А вы участвовали въ кампаніи 12 года? спросилъ Петровскій, желая отвести разговоръ отъ своего положенія. Маіору больше ничего не надо было. Это значило завести машину:

— И, и! вскричалъ маіоръ, — отъ Смоленска до Парижа такъ-таки все за Наполеономъ и шелъ. Да одинъ разъ совсѣмъ было его поймалъ. Это было при Добруджѣ: онъ поѣхалъ изъ крѣпости-то, чтобы улизнуть.

— При Добруджѣ, кажется, французовъ не было, скромно замѣтилъ гость.

— Ну, какъ не было? Развѣ я тамъ не воевалъ что ли?

— Да не при Дорогобужѣ ли?

— Да и говорятъ тебѣ при Дорогобужѣ, что жъ ты путаешь. Мы съ поручикомъ Незамайкой какъ грянемъ за нимъ съ казаками. Я и вижу — одинъ-то, усатѣе всѣхъ такъ впереди и скачетъ. Я за нимъ: погоди, думаю, голубчикъ; подскакалъ да и хвать его за ногу: такъ и притащилъ его въ лагерь за сапогъ.

— Какъ! Наполеона?!

— Нѣтъ, надулъ, не онъ оказался, такъ, маршалъ какой-то. И сколько мы ихняго брата тогда брали, э, э! Бывало поѣдемъ съ казаками ночью, да десятка три и привеземъ на арканахъ. Точно сонныхъ куръ возили.

— Вы были въ Парижѣ?

— Эва! сказалъ маіоръ. Еще бы не быть. И какая свалка была! Съ 15 егерскимъ мы бывало какъ войдемъ въ улицу-то — народа видимо невидимо, такъ и начнемъ стрѣлять: всѣхъ почти положимъ.

— А вы когда начали службу-то-съ? спросилъ Петровскій, желая отвести героя отъ Парижа, гдѣ ужь онъ очень разстрѣлялся.

— Я? — отвѣтилъ маіоръ: — Въ 1765 году, при Петрѣ I.

— Какъ, помилуйте, при Петрѣ I, — смѣясь возразилъ Петровскій, — да Петра тогда уже 40 лѣтъ, какъ на свѣтѣ не было.

— Какъ не было? — вскричалъ маіоръ, разсердясь: — Ну, что ты говоришь не было! Да и на часахъ-то у него сколько разъ стаивалъ въ Георгіевской залѣ. Бывало пріѣдетъ Александръ Васильевичъ, да бѣгомъ черезъ всю-то залу къ нему.

— Помилуйте, Василій Ивановичъ, да Суворовъ...

— И, и... продолжалъ маіоръ, не обращая вниманія на возраженіе: — Какъ мы съ нимъ воевали-то. Въ турецкую кампанію я командовалъ мушкетерами подъ Прейсишъ-Эйлау. Подъѣхалъ ко мнѣ покойный свѣтъ, да и говоритъ: пали, Синицынъ, изо всѣхъ пушекъ! У, какъ я началъ палить, ну, всѣхъ почти и перестрѣлялъ. Да турку и бить легче: онъ только сначала горячится, а потомъ побѣжитъ какъ разъ.

Такъ разсказывалъ маіоръ свои бивачныя воспоминанія, когда вниманіе Петровскаго привлекъ внезапный трескъ и шумъ чего-то съ оглушительнымъ звономъ колокольца. Петровскій оглянулся и увидѣлъ, что весь этотъ гвалтъ происходилъ отъ огромныхъ стѣнныхъ часовъ съ деревяннымъ циферблатомъ, наверху котораго нарисованы были розаны. Мухи и время до такой степени раскрасили этотъ циферблатъ, что трудно было разсмотрѣть не только розаны, но даже и самыя цифры. Сумасшедшіе часы пробили кажется разъ 20, потомъ остановились, а черезъ минуту опять принялись колотить. Мебель, стѣны и все зданіе носило характеръ такой стародавней эпохи, что можно было подумать и въ самомъ дѣлѣ, не при Петрѣ ли I служилъ маіоръ. Въ комнатѣ было какъ-то тяжеловато и темно. Садовыя деревья загораживали почти всѣ окна. Все, вмѣстѣ съ путаницей маіоровыхъ разсказовъ, дѣлало какое-то утомительное впечатлѣніе. Не было ни свѣтлаго луча, ни свѣтлой мысли.

— Васька! — обратился наконецъ маіоръ въ сосѣднюю комнату, — что же обѣдать? Да водки подали бы. Пойдемте-ко, впрочемъ; сами выпьемъ. Какъ ваше имя-то и отчество? Александръ Павлычъ? У насъ былъ генералъ Александръ Павлычъ Ермоловъ. П, и, какой былъ удалой!

Маіоръ подошелъ къ чему-то въ родѣ чулана, отворилъ туда дверь, и налилъ изъ стоявшаго на полкѣ графина двѣ небольшія рюмки. Мальчикъ въ это время принесъ хлѣба съ солью. Маіоръ насолилъ круто огромный ломоть хлѣба, выпилъ рюмку, и сталъ ѣсть. По-

томъ онъ ввелъ гостя въ слѣдующую комнату, гдѣ накрытъ уже былъ столъ на три прибора.

— Прошу покорно, — сказалъ маіоръ: — А что же Липа? — обратился Василій Ивановичъ къ хорошенькой дѣвушкѣ, которая ставила на столъ миску со щами.

— Онѣ не такъ здоровы, головка болитъ-съ.

— Что это? — сказалъ маіоръ, — не угорѣла ли вчера въ банѣ? Ну, дѣлать нечего.

За обѣдомъ Синицынъ продолжалъ свои бивачные разсказы, въ которыхъ простое вранье мѣшалось съ явною ложью и хвастовствомъ. Кушаньямъ конца не было. При этомъ Петровскій замѣтилъ, что дѣвушки, подававшія на столъ, были все разныя и какъ на отборъ прехорошенькія. Всѣ онѣ съ чрезвычайнымъ любопытствомъ смотрѣли на молодаго и прекраснаго собою гостя. Какую-то лукавую полуулыбку можно было замѣтить почти у всѣхъ. Но что всего страннѣе показалось гостю, такъ это то, что почти всѣ дѣвушки имѣли какое-то сходство въ наружности, какъ будто онѣ были сестры.

— Не дуренъ же штатъ у маіора, подумалъ собесѣдникъ Синицына; да кажется и не малъ, добавилъ онъ, глядя на прекрасную брюнетку съ смуглыми, но въ высшей степени нѣжными чертами лица и съ роскошными формами, принесшую блюдо земляники. Маіоръ истреблялъ огромное количество щей, пироговъ, баранины, земляники, не обращая вниманія ни на гостя, ни на подававшихъ.

Вотъ кончился и обѣдъ, а Петровскій все еще не успѣлъ заговорить о причинахъ своей поѣздки. Маіоръ опустился въ свои олимпійскія кресла и неумолкаемо

толковалъ о Потемкинѣ, о Суворовѣ, о Дибичѣ; наконецъ маіоръ погрузился въ совершенную дремоту. Петровскому было неловко оставаться долѣе, и онъ уѣхалъ, получивъ самую искреннюю просьбу *приходить* почаще. Петровскій уѣхалъ отъ маіора съ досадою и почти съ отвращеніемъ: такое впечатлѣніе произвела на него личность этого господина, который былъ бы отличный мужикъ, если-бъ не занялъ у цивилизаціи мастерства лгать и хвастать. Но штатъ маіора, особенно смуглая брюнетка, пріятно рисовались въ воображеніи молодаго человѣка.

V.

Вскорѣ одно печальное происшествіе побудило Петровскаго вновь отправиться къ Василью Ивановичу. Далеко за полночь Александръ Павловичъ лежалъ у себя на кушеткѣ, и читалъ *божественную комедію* Данта. Великолѣпные образы, какъ вылитые, вставали по волѣ безсмертнаго поэта. То съ страданіемъ на челѣ, то строгіе и угрюмые каратели безчестія, то съ небесною благостію Беатриче, выступали эти дѣти страдальческой Италіи, и читатель не чувствовалъ теченія времени.

Вдругъ скрипъ двери вывелъ его изъ очарованія. Въ прихожей послышались чьи-то шаги, наконецъ тощая и на этотъ разъ блѣдная фигура Макарыча предстала передъ Петровскимъ.

— Что такое? спросилъ онъ невольно.

Макарычъ, помолчавъ немного, проговорилъ наконецъ, переминаясь съ ноги на ногу: — вы не пужайтесь, сударь...

— Что такое случилось? Говори скорѣе, повторялъ встревоженный молодой человѣкъ, вставъ поспѣшно съ дивана.

Макарычъ опять помолчалъ немного и съ мучительною медленностью продолжалъ: — Вотъ, вѣдь, вы, сударь, не вѣрили; все, говорите, пустяки бабы болтаютъ... Оно, конечно, всему вѣрить нельзя — да, вѣдь, вотъ...

— Да говори же, — вскричалъ наконецъ гнѣвно Петровскій, — что такое случилось?

Охотникъ умолкъ совсѣмъ, и раскрылъ ротъ, будто соображалъ, какъ произнести роковое слово. Наконецъ, заикнувшись раза два, промолвилъ: — Лизавета утопилась.

Петровскій былъ пораженъ, какъ громомъ. Дантъ выпалъ изъ рукъ его, онъ сѣлъ на стулъ и не могъ выговорить слова.

— Какъ утопилась? — спросилъ наконецъ Петровскій, съ глубокимъ чувствомъ, — несчастная дѣвушка!

Охотникъ помолчалъ опять; повидимому, онъ самъ былъ пораженъ не менѣе барина.

— Какимъ же образомъ утопилась, разскажи? допытывался Петровскій.

— Да говоритъ тоже, что сестры...

— Какъ говоритъ, кто? тревожно допрашивалъ Петровскій Макарыча, который съ непоколебимою медленностію пропускалъ слова, точно червонцы.

— Да Лизавета-съ; она и разсказываетъ.

— Да кто же утопился-то? вскричалъ наконецъ запальчиво молодой человѣкъ: — Ты, Симанъ, положительно глупъ! Говори же, кто утопился и какъ; говори хорошенько, не ври.

— Я вамъ докладываю, сударь, что сейчасъ принесли съ Завитка Лизавету. Она бросилась въ омутъ, но, по счастью, были близко мужики, вытащили, стали откачивать; но теперь все вретъ, ничего не добьешься.

— Такъ она жива еще? вскричалъ Петровскій.

— Да, жива еще, процѣдилъ неохотно старикъ.

Петровскій поспѣшно перешагнулъ сѣни и вошелъ въ людскую, которая была напротивъ. На постелѣ лежала Лиза въ сильномъ жару и въ бреду, но, при взглядѣ на Петровскаго, она его узнала, хотѣла встать, схватила его руку, поцѣловала и заплакала. Потомъ въ безпамятствѣ опять упала на подушку и стала бредить.

Молодой баринъ немедленно велѣлъ принять всѣ медицинскія средства, какія только зналъ; потомъ позвалъ охотника, — человѣка, совершенно тамъ ненужнаго, — и велѣлъ разсказать происшествіе.

— Вотъ то-то и есть, сударь, — началъ въ свою очередь наставительно Макарычъ, — я вѣдь говорилъ, что не пошто по ночамъ таскаться на рѣку, что до добра такая повадка не доведетъ, — въ водѣ по ночамъ мало ли что быть можетъ; вотъ оно и вышло моя правда, а вы не вѣрили...

— Да ты говори про дѣло, полно болтать-то.

— Въ послѣднее время она все была какъ-то скучна-съ! Похудѣла, поблѣднѣла и на рѣку еще

чаще стала ходить. Я и говорю баушкѣ Ѳедорѣ, что Лизавета нехороша — поговори, молъ, съ ней. А та махнула рукой — я боюсь! — Ну, такъ и ничего. Вчера свадьба была на мельницѣ: мельникъ женилъ на вольной дѣвицѣ сына, — богатая, чу, да красивая такая. Ну, и Лиза была на свадьбѣ. Ничего, чу, веселая такая. Пѣла все пѣсни съ дѣвицами, и вино, чу, пила. Вдругъ точно кто ее треснулъ, какъ зареветъ вдругъ въ хору-то да бѣжать. Ну, ужь было поздно — хмѣльненьки были всѣ, не слыхали; многіе ужь и по домамъ пошли; шли и наши, Андреянъ столяръ съ ребятами. Идутъ себѣ да калякаютъ. Вдругъ Ивана Шошу кто-то хвать по спинѣ: смотрятъ Лизавета. Экъ тебя нелегкая! выругался Шоша. Ну, такъ бы и ничего. А дѣвка обѣжала ихъ, подняла камень, да и пырь въ нихъ: прямо въ лобъ Заусаю. Тотъ, знаете, огонь. Ахъ ты, говоритъ, дьяволъ этакой! — да за ней; та отъ него; ребята въ хохотъ, да за ними. Дѣвка добѣжала до Завитка, да прямо съ песчанаго-то бугра и бухъ въ омутъ. Такъ ребята-то и остолбенѣли; однако схватили жерди съ огорода, и ну ее пригребать; такъ, чу, не беретъ жердей-то. Однако вытащили и откачали.

— Что же за причина? Отчего она бросилась?

— Причина, причина — вотъ та и есть причина, что вода; я вѣдь говорилъ вамъ, что здѣшнее мѣсто — къ ночи и говорить-то нехорошо, — вы не вѣрили, а теперь вотъ сами изволите видѣть, добавилъ старикъ съ видомъ совершенной побѣды.

— Какая тутъ вода! говорилъ Петровскій, — не люди ли скорѣй виноваты, чѣмъ вода.

— Помилуйте-съ, вѣдь ее никто не совалъ. Нѣтъ, нѣтъ ужь, батюшка, много грѣха было на этомъ омутѣ. Окаянное мѣсто-съ.

— Однако, Макаровъ, завтра чуть свѣтъ послать за докторомъ.

— Ну, за докторомъ не за докторомъ, а къ Олимпіадѣ Васильевнѣ спосылать надо-съ. Это такъ-съ.

— Что это за Олимпіада Васильевна?

— Барышня-съ, маіорова дочка.

— Что же она колдунья, что ли? спросилъ иронически Александръ Павловичъ, зная предразсудки охотника.

— Какая колдунья, — отвѣтилъ тотъ, обидѣвшись, — ничего не колдунья-съ, а предобрѣйшая барышня. Весь околотокъ за нее Бога молитъ. Вотъ про другихъ того не скажешь.

— Такъ у него не одна дочь, значитъ?

— Какая одна! Ихъ и не сочтешь, только ублюдки тѣ. Вотъ онѣ, вѣроятно, и Лизавету-то погубили. Только и знаютъ таскаться по ночамъ, настоящія вѣдьмы.

— Да что же это за дочери, допытывался молодой человѣкъ, припомнивъ странное сходство физіономій у маіоровыхъ дѣвушекъ.

— Маіоръ-то, сударь, пакостникъ страшный — онъ уже лѣтъ 20 и Таинъ Святыхъ не принимаетъ — только исповѣдается, а не пріобщается. Вотъ и родятся этакія вѣдьмы. Олимпіада-то Васильевна много горя изъ-за нихъ принимаетъ. Вѣдь, сударь, у него вся дворня, почитай, состоитъ изъ его дочекъ, и всѣ, вѣдь какъ нарочно, въ него, пучеглазыя такія, прости, Господи!

— Какъ же это такъ?

— Да такъ-съ, отвѣчалъ старикъ. Съ тѣхъ поръ, какъ у него умерла его законная-то супруга, такъ у него постоянно любовница, а не то двѣ. Онѣ и родятъ кажинный годъ — да все дѣвокъ... Вотъ у нихъ въ позапрошломъ году тоже была исторія.

— Какая же?

— Да музыканта водяной стащилъ за ноги въ омутъ, вотъ въ Завитокъ же.

— Какого музыканта?

— Музыканта, Ѳоку Данилыча. Тоже была свадьба. Хлепиковскій баринъ женился. Вотъ онъ и подрядилъ Ѳоку Данилыча играть у него на свадьбѣ два дня за полтинникъ. Ну, Ѳока Данилычъ и игралъ. Угощали его такъ, что на! — Водкой, наливками, винами разными, хоть окатись. Старикъ таки любилъ выпить. На третій день вечеромъ онъ и пошелъ домой, а на дорогѣ-то ему тотъ да другой: выпей, да выпей. Не хочу, говоритъ Ѳока Данилычъ, не надо. Выпей, пристаютъ, да и только, такъ стаканами-то въ рыло ему и суютъ. Что же-съ, вѣдь не отбился, взялъ стаканъ съ виномъ въ руку, а другую-то поднялъ — знаете, перекреститься хотѣлъ передъ рюмкой-то — глядь: нѣтъ ни рюмки, ни вина, ни людей, а самъ-то онъ стоитъ въ водѣ по горло, и скрипка плаваетъ возлѣ. Съ тѣхъ поръ бросилъ Ѳока Данилычъ скрипку, и вотъ ужь пять лѣтъ, какъ не играетъ.

— Ну, однакожъ, прощай, — сказалъ сердито собесѣдникъ Макарыча, — спать пора. Такъ завтра я поѣду къ маіору; вели приготовить лошадей.

— Да, ужь какое завтра, сказалъ охотникъ, указывая на лучи солнца, пробивавшіеся сквозь ставни: ужь бѣлый день.

— Ну, такъ ступай.

Макарычъ поклонился и вышелъ, но въ прихожей, подержась за ручку двери и что-то подумавъ, воротился къ барину и добавилъ:

— Съ тѣхъ поръ, сударь, Ѳока Данилычъ ни одной рюмки не выпьетъ, не перекрестивъ ее. Не могу, говоритъ. Вотъ и я, сударь, грѣшный человѣкъ, пью иногда, а ужь не перекрестивши рюмки, капли не выпью — не хорошо-съ, мало ли что можетъ случиться.

— А лучше бы ты посовѣтовалъ, — возразилъ строго Петровскій, — музыканту, да и самому себѣ, вовсе не пить водки; тогда и водяныхъ бы не было.

Макарычъ послѣ такого неожиданнаго замѣчанія вышелъ молча изъ комнаты.

Смутно было на душѣ нашего героя. Эта несчастная дѣвушка, вчера еще цвѣтущая здоровьемъ и молодостью, а сегодня полумертвая и безумная; эта проклятая ночь съ водяными призраками и съ страшною дѣйствительностію! Александръ Павловичъ не могъ спать, и даже радъ былъ проникающему сквозь ставни свѣту. «Что ни говори, а вотъ она вода-то, подумалъ невольно Петровскій, на душѣ-то все таки скверно. Мудрено ли послѣ этого, что про нее будутъ и Богъ знаетъ что разсказывать.» Съ этими мыслями онъ толкнулъ створы окна, чтобы открыть вмѣстѣ съ ними и ставень. Ему хотѣлось освѣжить чувства дневнымъ свѣтомъ, изъ темныхъ призраковъ прямо перейти въ свѣтлую зеленую долину, по которой текли воды Бѣ-

лой. Рама уступила его давленію, ставень отворился, дневной свѣтъ дѣйствительно ослѣпилъ его, но представившееся его взорамъ такъ его поразило, что онъ почти въ испугѣ отошелъ отъ окна. Тамъ, гдѣ текла рѣка, тамъ, гдѣ лежали ея берега, тамъ, гдѣ взбѣгали на горы поля и кустарникъ — теперь ничего не было: ни рѣки, ни береговъ, ни полей; было только одно безбрежное море. Вдали, какъ надгробный мавзолей, сверкалъ крестъ сельской колокольни. Изъ отдаленнаго края этого моря выступалъ лучезарный полукругъ солнца, и первыми своими лучами позолотилъ это бѣлое и безпредѣльное пространство. Черезъ нѣсколько времени море стало колебаться. Солнечная теплота мѣстами прогоняла туманы; мѣстами, какъ чудовище, вылѣзалъ черный ельникъ; мѣстами выплывалъ, какъ изумрудный островъ, зеленый берегъ; мѣстами засверкала и стальная поверхность Бѣлой. Тишина была невыразимая. Только съ крыльца доносились изрѣдка громкіе возгласы: «Убѣлюся свѣтомъ яко ризою... омыеши мя и паче снѣга убѣлюся... Духа твоего Святаго не отыми отъ мене и проч.» Это Макарычъ стоялъ на колѣняхъ и клалъ земные поклоны на сверкающій вдали крестъ колокольни.

VI.

Подъѣзжая къ Зеленову въ весьма мрачномъ расположеніи духа, Александръ Павловичъ ясно увидѣлъ сквозь отворенныя окна, какъ мелькнуло бѣлое платье и какая-то дѣвушка быстро убѣжала изъ гостиной,

при видѣ его экипажа. «Деревенщина, — подумалъ Петровскій, — да еще лекарка!»

— Дома Василій Ивановичъ? спросилъ онъ встрѣчавшаго его на крыльцѣ мальчика въ венгеркѣ со свѣтлыми пуговицами и босикомъ.

— Дома-съ, отвѣчалъ тотъ.

— Доложи.

— Сейчасъ за ними побѣжали-съ.

— Да гдѣ же онъ?

— На старой мельницѣ.

— Далеко?

— Нѣтъ-съ, недалеко; они сейчасъ придутъ-съ.

— Ну, а барышня дома?

— Дома-съ.

— Доложи. Я пріѣхалъ именно къ ней; дѣло очень нужное.

— Сейчасъ-съ.

Мальчикъ ушелъ. Слышенъ былъ чей-то говоръ, потомъ шопотъ, наконецъ мальчикъ вышелъ и отвѣтилъ: — нѣтъ ихъ дома, по грибы ушли съ дѣвушками.

Петровскій ясно видѣлъ, что это вздоръ, что это болѣе ничего, какъ деревенское жеманство, а Петровскому было не до него.

— Ну, такъ веди меня къ Василію Ивановичу, сказалъ онъ сердито.

Вскорѣ Александръ Павловичъ увидѣлъ своего сосѣда на самомъ поприщѣ его дѣятельности. Съ огромною, чуть не въ возъ, ношею сѣна двигалась его геркулесовская фигура навстрѣчу Петровскому.

— Здравствуйте, сказалъ Петровскій, протягивая руку Синицыну.

— Здравствуйте, батюшка, — отвѣчалъ тотъ, обливаясь потомъ: — милости просимъ. Ну, что вы, здоровы ли?

— Я къ вамъ съ просьбою, Василій Ивановичъ...

— Съ какой, сударь? съ испуганнымъ видомъ спросилъ Синицынъ: — не хлѣба ли? акъ ни зерна нѣтъ. Самъ не знаю, какъ добиться до нови. А ужь овса, такъ съ великаго поста — ни!

— Нѣтъ, мнѣ не хлѣба, я къ вашей дочкѣ; у меня больная есть, а онѣ такъ добры, говорятъ, что помогаютъ.

— О, помогаетъ; ухъ, какъ помогаетъ! У насъ въ полку былъ докторъ, нѣмецъ или жидъ, Богъ его знаетъ, Шмукъ по фамиліи, такъ тотъ, бывало, все горчишниками катаетъ. Разъ у поручика Тыртыченка руку подстрѣлило. Шмукъ перевязалъ и тотчасъ поставилъ ему горчишники подъ ложечку: «не такъ тошно будетъ,» говоритъ.

— У меня случилось пренепріятное дѣло, прервалъ Петровскій болтовню Синицына.

— Какое, сударь?

Петровскій разсказалъ печальную исторію Лизы.

Маіоръ выслушалъ, и наконецъ спросилъ: — да отчего же вы ее лечить-то хотите?

— Да какъ же, она въ бреду, въ безпамятствѣ!

— Въ безпамятствѣ! У насъ этакъ же барабанщикъ Щипчикъ свалился съ моста въ Дунай, и совсѣмъ ужь ко дну пошелъ, да я бросился и вытащилъ. Что же? Какъ откачали, такъ я тутъ же велѣлъ начистить зеленыхъ, да такъ ему спину-то взбарабанилъ, что знатно, и бреда не было.

Возмутительно было Петровскому слышать эти рѣчи стараго дикаря. Онъ хотѣлъ перемѣнить разговоръ, и тутъ ему пришла на умъ жалоба Дениса на обиды маіора. Проникнутый досадою, онъ прямо объяснилъ маіору, что нехорошо такъ обижать его мужиковъ. Гигантскія мышцы маіора поколебались.

— Я перекосилъ?! вскричалъ онъ, входя къ себѣ на крыльцо: я перекосилъ?! Ахъ онъ борода чертова! перекосилъ! Да онъ самъ, подлецъ, обворовалъ меня совсѣмъ. Ахъ онъ... да онъ у меня въ прошломъ году пять стоговъ увезъ, такъ таки и увезъ прямо съ наволока. Ахъ онъ быкъ толстошеей! Да я его утоплю, своими руками жорновъ на шею навѣшу...

— Помилуйте, Василій Ивановичъ, это мой крестьянинъ.

— Какъ твой крестьянинъ! оралъ Синицынъ, — да онъ, подлецъ, третьягодня налопался у меня водки да пива и пирога пшеничнаго; да онъ воръ чистый; онъ у меня съ мельницы шестерню унесъ, всѣ новины у дѣвокъ перетаскалъ къ себѣ въ сушило.

— Кушать пожалуйте, — сказала прехорошенькая дѣвушка, подойдя къ маіору,—кушанье ужь поставлено.

— Пойдемте обѣдать, сказалъ онъ Петровскому, окончательно взбѣшенному этимъ шумомъ.

— Лизка хорошо сдѣлала, что не утопилась, — продолжалъ свое Синицынъ: — А вотъ кабы грѣхъ-то случился, такъ вотъ ты тогда и узналъ бы, что это такое: наѣхалъ бы судъ, да слѣдствіе; корми, поп. А впрочемъ тутъ толковать нечего. Да вотъ и лекарка, — сказалъ онъ, войдя въ гостиную, — вотъ дочка-то Олимпіада Васильевна, рекомендую. Липа! со-

сѣдъ Александръ Павлычъ, сынокъ Павла Дмитрича, помнишь?

Случалось ли вамъ, добрый читатель, засыпать во время бурной и ненастной ночи, а поутру просыпаться и видѣть солнце во всемъ блескѣ, зелень въ благоуханіи, въ воздухѣ свѣжесть и яркость. На душѣ вдругъ становится свѣтло и благополучно. Вчерашней смуты и безурядицы въ природѣ точно не существовало, будто ясный день воцаряется и въ душѣ. Вотъ такое точно чувство вдругъ осѣнило Петровскаго, когда онъ взглянулъ на молодую дѣвушку, смиренно стоявшую у стола. При взглядѣ на Петровскаго, она вся вспыхнула и долго не могла оправиться; Петровскій сталъ разговарить съ отцомъ. Липа уставилась въ тарелку, и не поднимала лица. Наружность Олимпіады Васильевны принадлежала къ числу тѣхъ, которыя трудно объясняются и еще труднѣе описываются. Это была высокаго роста блондинка. Лице ея было, если хотите, одно изъ самыхъ обыкновенныхъ съ большими глазами, не то голубыми, не то сѣрыми, съ маленькимъ ротикомъ. Если, что было въ ней прекраснаго, такъ это стройный, граціозный, гибкій станъ, ея античныя бѣломраморныя плечи и руки, въ которыхъ сказывалось много жизни и, быть можетъ, страсти. Но тайну-то неизъяснимой прелести составляло все-таки лице, простое, доброе и почти до болѣзненности нѣжное. Эти ясные, большіе глаза, этотъ тонкій, нѣжный, чистый, какъ снѣгъ нагорный, цвѣтъ ея лица, такъ напоминали чистыя лица Мурильо, что думалось: не съ полотна ли сошла эта болѣе небесная, чѣмъ земная дѣвушка? Когда она улыбалась и когда слышался

ея тихій, мягкій голосъ, можно было навѣрное сказать, что эта улыбка и этотъ голосъ могутъ имѣть непобѣдимую силу. Петровскій съ изумленіемъ смотрѣлъ на дѣвушку, и думалъ, какимъ образомъ могло расцвѣсть это прекрасное созданіе на такой грубой почвѣ.

— Разъ, когда мы стояли на Дону,—началъ опять маіоръ: — вдругъ распустили слухъ, что жида Шмуля ночью водяной спихнулъ въ рѣку. А Шмуль-то разсказалъ мнѣ иное. На него напали солдатики Якутскаго полка, да кистенемъ и свалили за-мертво. Потомъ вынули у него мошну-то съ деньгами, да чтобы скрыть и концы въ воду, взяли да и скатили его въ рѣку, а сами тягу. Въ водѣ-то жидъ очнулся — холодно ужь было, около Покрова...

— Я къ вамъ съ просьбою, Олимпіада Васильевна, — обратился молодой человѣкъ къ барышнѣ: — вотъ у меня случилось какое несчастіе, помогите.

— Какое? тихо спросила дѣвушка, и видя, что гость смотритъ прямо на нее, снова сильно покраснѣла.

Петровскій разсказалъ происшествіе; Липа слушала внимательно, и вдругъ поблѣднѣла.

— Пошлите за докторомъ скорѣе, — отвѣтила она, — я могу ли тутъ помочь? Въ пустыхъ и незначительныхъ болѣзняхъ всѣ могутъ быть полезны, а отъ такой... нѣтъ, пошлите за докторомъ, а до тѣхъ поръ я буду наблюдать.

И голосъ дѣвушки былъ такъ нѣженъ, полонъ такого сочувствія.

— Лиза бредитъ? спросила тревожно Олимпіада Васильевна, и нетерпѣливо ждала отвѣта.

— Бредитъ, отвѣчалъ Петровскій.

— О чемъ?

— Да вотъ, говоритъ, что ее звали сестры, свѣтлый мѣсяцъ, зеленыя вѣтви; обыкновенное горячечное состояніе.

Липа задумалась. На нѣжномъ ея лицѣ изобразилось такое горе, что Петровскій рѣшительно думалъ, что она заплачетъ.

Послѣ обѣда Олимпіада Васильевна тотчасъ же подошла къ Петровскому, и застѣнчиво объявила, что она сейчасъ же пойдетъ къ Лизѣ, а Петровскій посидитъ съ отцомъ. Но маіоръ уже дремалъ, а Петровскій объявилъ, что онъ за честь себѣ почтетъ, если она позволитъ ему сопутствовать, что экипажъ его готовъ.

— Помилуйте, зачѣмъ же экипажъ, — отвѣтила дѣвушка, — здѣсь близко — нѣсколько шаговъ.

— Какъ нѣсколько шаговъ? спросилъ Петровскій, — я ѣхалъ....

— Да, объѣздъ великъ, а пѣшкомъ идти гораздо ближе. Впрочемъ, — прибавила смущенно дѣвушка, — вы поѣзжайте, я приду къ больной; только я надѣюсь, вы пожалуете къ намъ чай кушать.

Петровскій поблагодарилъ и поѣхалъ. Онъ сильно торопилъ свою тройку, чтобы принять милаго медика; но каково же было его удивленіе, когда, подъѣзжая къ своему флигелю, онъ увидѣлъ, что Олимпіада Васильевна была уже тамъ.

— Послушайте, Александръ Павлычъ, — сказала дѣвушка стыдливо, — я прошу васъ объ одномъ: позвольте мнѣ при моихъ посѣщеніяхъ быть съ Лизой одной или вотъ съ Катей. И Липа указала на сто-

явшую возлѣ нея дѣвушку; это была та самая брюнетка, которая поразила его въ первый пріѣздъ къ маіору.

— Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ Петровскій.

Липа отправилась къ больной. Побывъ тамъ довольно долго, дѣвушка вышла вся въ слезахъ.

— Что? спросилъ Петровскій.

— Страдаетъ, отвѣчала Липа.

— Чѣмъ? быстро повторилъ юноша.

Дѣвушка остановилась, и, подумавъ, сказала: — горемъ!

— Но какимъ? Что же съ ней дѣлать?

— Оставьте ее, Александръ Павлычъ! Я ее вылечу. Вы не сердитесь на нее, — Бога ради, не сердитесь, — я прошу васъ.

— Помилуйте, за что? Вы такъ добры; могу ли я не исполнить вашей воли.

Липа пошла домой; за ней отправился и Петровскій, еще болѣе не понимая исторіи Лизы. Они шли по направленію къ Завитку.

— Такъ мы черезъ Завитокъ пойдемъ? замѣтилъ Петровскій.

— Нѣтъ, отвѣтила быстро Липа.

— Черезъ Завитокъ, барышня! замѣтила сзади Катя.

— Ахъ, Катя, нѣтъ! вскричала почти сердито дѣвушка, и вся вспыхнула.

Петровскій взглянулъ на нее: она шла потупивъ очи; Петровскій взглянулъ на Катю — о какъ лукаво посмотрѣла она на него своими черными маслянистыми глазами, какъ улыбнулась! Петровскій замѣтилъ тутъ, что Катя просто красавица. Сквозь смуглый цвѣтъ кожи

пробивался румянецъ, и маленькія губки рдѣли кораловымъ цвѣтомъ.

— А черезъ Завитокъ развѣ нельзя пройти? спросилъ снова Петровскій.

— Нельзя, поспѣшно отвѣтила Липа.

Петровскій посмотрѣлъ на Катю; она опять такъ взглянула на него своими большими глазами, что они явно говорили: «можно.»

Черезъ нѣсколько минутъ они были дома. Скоро Липа стала разговорчива, и только по временамъ страшно конфузилась. Особенно, когда Петровскій заводилъ рѣчъ о Лизѣ, Липа вся вспыхивала. Все это для Петровскаго становилось загадкой неразрѣшимой.

VII.

Болѣзнь Лизы длилась долго, но здоровая ли молодость, или таинственное леченіе страннаго медика побѣдили: дѣвушка выздоровѣла. Въ это время Петровскій совершенно сблизился съ семействомъ маіора. Онъ привыкъ къ его громогласной болтовнѣ, похожей на шумъ его же собственной мельницы. Все время онъ проводилъ съ Липой, читая съ нею книги, которыхъ у него былъ большой и, надо сказать, замѣчательный выборъ.

Мы должны сказать, что юный герой нашъ былъ изъ числа людей далеко не дюжинныхъ. Онъ принадлежалъ къ эпохѣ, хотя уже отшедшей, но еще недавней, которой современное поколѣніе напрасно отказываетъ въ историческомъ значеніи. Онъ былъ еще очень молодъ,

и не вполнѣ понималъ, отчего его сердце нерѣдко наполнялось невыразимою безотчетною тоскою, отчего ему такъ невыносимо было въ кругу, которому присвоено было названіе образованнаго, отчего такъ отрадны были ему сумрачные, *облитые горечью и злостью*, звуки нашихъ поэтовъ и страстныя, сжимающія сердце, строфы Байрона. Онъ еще не понималъ, что эту тоску вымучивала окружающая сфера, но жить въ ней уже не могъ. Не поладивъ со службой, которая не мирилась съ просвѣщеніемъ, онъ бѣжалъ въ деревню, и сталъ лицомъ къ лицу съ міромъ, о которомъ онъ только зналъ понаслышкѣ. Объ этомъ мірѣ уже тогда ходили разнородные толки: одни говорили, что въ немъ хранятся всѣ преданія нашего прошедшаго и залоги будущаго; другіе отрицали въ немъ всякое гражданское, общественное значеніе, а оставляли за нимъ грубую силу массы. Легко представить, какъ грустно было Петровскому, когда представителями этого міра явились предъ нимъ Дудка и Макарычъ, съ ихъ предразсудками и пороками.

Тоска пуще прежняго одолѣла Петровскаго. Онъ рѣшительно не зналъ бы, что дѣлать и куда бѣжать, еслибъ не семейство маіора, или лучше, еслибъ не дочь его, съ которой онъ, совершенно неожиданно, могъ говорить о многомъ. Это было странное и тоже не совсѣмъ правильно развившееся существо. Воспитанія она не получила никакого. Сельскій священникъ выучилъ ее читать, писать и катехизису. Лолотта и Фанъ-Фанъ была первая книга, которую она прочла. Потомъ попадались ей нѣсколько романовъ Радклифъ и рукопись Кавказскаго Плѣнника, которую она спи-

сала и выучила наизусть. Вотъ все, что она прочла, но у Липы былъ еще наставникъ строгій и суровый, съ которымъ суждено было ей пройти путь свой отъ младенчества — это горе. Оставшись малюткой послѣ матери, она поступила прямо въ руки грубо-развратнаго отца, или, лучше сказать, въ руки еще болѣе грубыхъ и развратныхъ наложницъ его. Будучи дитятей, она не понимала окружающаго, да и ея не замѣчали. Но по мѣрѣ того, какъ она подростала, дѣвушка чуткимъ инстинктомъ, сильно въ ней развитымъ, постигала всю гнусность среды, въ которой жила. Вмѣстѣ съ тѣмъ и на нее, какъ на будущую наслѣдницу, какъ на законную власть, стали смотрѣть съ ненавистью всѣ тѣ, которымъ выгодно было имѣть власть въ своихъ рукахъ. А изъ такихъ людей состояла почти вся дворня. Легко представить, сколько грубыхъ оскорбленій, сколько тайной и сдержанной злобы должна была перенесть несчастная дѣвушка. И нѣтъ ни одной души, которая поняла бы ея положеніе такъ, какъ она понимала его въ своемъ сердцѣ; нѣтъ никого, кто бы понялъ и раздѣлилъ съ нею скорбь этого безотраднаго положенія! Не найдя привѣта въ людяхъ, она искала его въ благодатной природѣ, которая такъ привѣтливо улыбалась ей отъ колыбели. Еще ребенкомъ, она по цѣлымъ часамъ просиживала подъ окномъ, и, подперши руками бѣлокурую свою головку, смотрѣла, какъ на синемъ небосклонѣ прихотливо развивались летучія облака и вились туманы надъ рѣкою. Чаще всего она бродила по берегамъ рѣки Бѣлой и слушала отъ окрестныхъ поселянъ странные разсказы о стихійныхъ ея обитателяхъ. Разсказы эти не только

не пугали ея, но напротивъ становились здоровой и питательной пищей для чистой и поэтической ея души. Они научили ее смотрѣть на природу не какъ на мертвую, безжизненную матерію или сухой скелетъ, а какъ на живой, одушевленный организмъ, полный великихъ и таинственныхъ силъ, которыми надѣлилъ ее Творецъ вселенной. Ей понятенъ былъ смыслъ и рѣчи этой природы; ей улыбались цвѣты, ей говорили свои тайны лѣса и долины, ей шумѣли волны Бѣлой свои пѣсни.

Вотъ почему Петровскій нашелъ въ душѣ ея готовую, роскошную, хотя еще невоздѣланную почву, природу чуткую и отвѣтную для всего лучшаго, что есть въ человѣкѣ. Съ самаго начала, — страннымъ казалось это Петровскому, — Олимпіада Васильевна почти не выносила его присутствія. При видѣ его, она до того конфузилась, что не знала что дѣлать. Юноша объяснялъ это деревенскою застѣнчивостію и необыкновенною кротостію ея сердца. Скоро однакожъ это миновалось. Дѣвушка перестала дичиться постояннаго своего посѣтителя, а потомъ стала единственною его собесѣдницею. Сближеніе прежде всего, какъ мы сказали, произошло на книгахъ. Съ ней онъ читалъ творенія великихъ поэтовъ и историковъ, говорилъ о красотѣ художественныхъ созданій, о благѣ обществъ, нерѣдко повѣрялъ ей свои скорби, свою скуку, свои неудавшіяся стремленія, и проигранныя битвы. Липа говорила мало, но понимала все. Въ душѣ ея все отражалось ясно и вѣрно. Читая Данта, Шекспира, Байрона, или Гиббона и Руссо, Петровскій открывалъ ей міръ, почти невѣдомый для нея, но чудный и великій.

Липа впервые встрѣтила такого человѣка, какъ Петровскій; съ тайнымъ удивленіемъ и отрадой она замѣтила, что онъ мыслилъ подобно ей, хотя высоко стоялъ надъ нею по развитію и знаніямъ. Разумѣется, что она смотрѣла на своего собесѣдника или *учителя*, какъ она его называла, съ тѣмъ восторженнымъ благоговѣніемъ, съ какимъ обыкновенно смотритъ юность на людей съ идеями, съ высшимъ развитіемъ, съ чистыми, благородными стремленіями. Петровскій полюбилъ Липу, какъ дитя, какъ младшую сестру, а Липа привыкла совершенно къ Петровскому, и съ книгою въ рукѣ еще чаще бродила по берегамъ рѣки Бѣлой.

Разъ Петровскій пришелъ въ Зеленово, и никого не засталъ дома: Василій Иванычъ былъ на работахъ, а Липа гдѣ? Богъ знаетъ. Не смотря на то, Александръ Павловичъ не уходилъ; онъ осмотрѣлъ комнаты и садъ, ища глазами кого-то. Но другіе глаза видно тоже кого-то высматривали. Изъ зеленыхъ кустовъ орѣшника выставилась чернокудрявая головка Кати; «барышни нѣтъ дома,» сказала она, подойдя къ гостю.

— Гдѣ же?

— Онѣ гуляютъ на рѣкѣ. Извольте идти туда; вы ее найдете.

— Да я не знаю дороги, милая Катя; проводи, пожалуйста.

— Ужь не знаете! Больше года здѣсь живете, да не знаете! Говорите-ко...

— Право не знаю, Катя, проводи пожалуйста, упрашивалъ молодой человѣкъ. Катя, будто нехотя, согласилась.

— Катя, — спросилъ идучи гость, — ты часто смотришься въ зеркало?

— Никогда, отвѣчала лукаво дѣвушка.

— И хорошо дѣлаешь, а то ты влюбилась бы въ себя.

Дѣвушка вспыхнула отъ удовольствія, и потомъ тотчасъ сказала: — Кромѣ самой себя, никто не влюбится.

— Нѣтъ, я боюсь смотрѣть на тебя.

— Что-жъ? я такъ страшна?

— Нѣтъ, ты такъ прекрасна.

Дѣвушка опять покраснѣла. Между тѣмъ они вступили въ лѣсъ, примыкающій къ рѣкѣ, и въ скоромъ времени подошли къ омуту, давно знакомому читателю. Отъ усадьбы маіора онъ былъ въ нѣсколькихъ шагахъ. Подъ темными навѣсами сосенъ, на изумрудной зелени берега, Катя съ черными своими волосами и смуглыми щеками, разрумяненными зноемъ крови, была очаровательна.

— Катя, посидимъ здѣсь, сказалъ Петровскій, взявъ ее за руку.

— Некогда, сказала робко дѣвушка, и хотѣла вырвать руку.

— Катя, ты чудо какъ хороша; ну, посидимъ здѣсь минуту: я усталъ. Петровскій сѣлъ на берегу, привлекъ Катю на колѣни и поцѣловалъ.

— Ахъ, Александръ Павловичъ, вы опять! вскричала дѣвушка стыдливо. Вырвавшись изъ рукъ Петровскаго, она сѣла возлѣ него, и, оправившись, сказала «озорникъ».

— Да развѣ грѣхъ поцѣловать такую милую и удную дѣвушку, какъ ты?

— Грѣхъ, грѣхъ — не знаю грѣхъ ли, только е велятъ, сказала смуглянка, нѣжно смотря въ глаза оношѣ.

— То-то и хорошо, что не велятъ, сказалъ Петровкій, осыпая поцѣлуями щечки и шею красотки.

Мы страшно боимся, чтобы читатель не обвинилъ асъ въ безнравственности, въ оскорбленіи чувства ѣломудрія и приличія. Возможно ли, чтобы молодой еловѣкъ съ такими стремленіями, сейчасъ проповѣдикъ всего великаго и возвышеннаго, такъ низко паалъ! Увы, читатель, къ стыду человѣческой приоды, это возможно. И въ зрѣломъ, мудромъ возрастѣ озможны строгія сужденія о жизни и легкія, слабыя римѣненія ихъ къ дѣлу. А герой мой былъ еще такъ олодъ, еще увлеченія и восторги юности имѣли всю релесть для него и ему жаль было съ ними разстаться. А Катя, Катя... какъ обольстительно хороши я бархатные глаза! А этотъ красный, какъ маковый вѣтокъ, ротикъ и эта кожа, смуглая, кажется, а между ѣмъ эта смуглость такъ нѣжна, прозрачна и чиста. Когда, бывало, Катя надѣнетъ свое синее платье, да, путя, натыкаетъ себѣ въ волосы гроздовъ рябины, изъ ея выходила такая изящная фигура, какія встрѣчаются олько у Рембрандта. Петровскій — стыдно сказать — осхищался чистотою, невозмутимою нѣжностію и изяществомъ души Липы; но кровь бросалась у него въ ице, когда появлялась ея любимая служанка. Лукавая муглянка понимала это, играла въ опасную игру и

въ ея глазахъ не въ первый уже разъ темнѣло отъ поцѣлуевъ красиваго сосѣда.

— Ну, ступайте же, ступайте къ барышнѣ-то! Вы вѣдь жить безъ нея не можете.

— Ревность, подумалъ Петровскій, и сказалъ: — да, Катя, она дѣйствительно прелестная дѣвушка.

— Сердце сердцу вѣсть подаетъ, и она въ васъ души не слышитъ и говоритъ...

— Что говоритъ?

— Говоритъ, что... я не знаю ужь какъ вамъ сказать; мы вѣдь не умѣемъ такъ говорить, какъ вы ее научили... Катя хотѣла что-то сказать, какъ вдругъ страшный всплескъ воды раздался возлѣ нихъ, повторился въ лѣсу, и — странно!... пустынныя воды омута, неизвѣстно отчего, заколебались. Петровскій вздрогнулъ. Катя бросилась опрометью бѣжать, шепнувъ спутнику: — водяной, водяной.

— Уфъ, уфъ, фыррр... раздавалось между тѣмъ по лѣсу, и воды омута еще сильнѣе колебались.

— Лей, Митинька, лей, батюшка, уфъ, уфъ, лей, родной мой, хорошенько! Ладно, ладно, уфъ, уфъ, фырр...

Петровскій еще болѣе удивился, когда по голосу узналъ маіора; но гдѣ онъ? откуда шелъ его голосъ? — этого понять не могъ. Онъ пошелъ на голосъ.

— Ладно, ладно, Митя, — вопилъ маіоръ, — на спину-то, на спину-то, батюшка; охъ хорошо... Ну-ко еще, голубчикъ, ведерко, другое, третье... Уфъ, уфъ, фырр... о-о-охъ! Вотъ хорошо-то, вотъ теперь и полегчало. Направляясь къ голосу, молодой человѣкъ долженъ былъ отойти отъ омута и идти лѣсомъ, по-

томъ надо было спуститься къ вражку и обойти колючій кустарникъ, закрывающій устья ручья. Черезъ нѣсколько шаговъ онъ увидѣлъ на томъ же ручьѣ прекрасное водное пространство, довольно обширное, все закрытое зелеными вѣтвями. Посреди этого пространства, по поясъ въ водѣ, стояла колоссальная фигура маіора, и Митя, т. е. огромнаго роста мужикъ съ рыжей бородой, лилъ на него ведрами воду. Когда мужикъ переставалъ лить, маіоръ начиналъ присядать въ водѣ, отчего почти вся рѣчка выступала на берегъ. Петровскій, смѣясь, смотрѣлъ на водянаго.

— А, Александръ Павловичъ, — закричалъ Синицынъ, — здравствуй! Не хочешь ли, братецъ, покупаться? Важно теперь — какъ разъ полегчаетъ. А то жара такая, что ужасъ. Здѣсь бочажокъ-то славный такой, песчаный. Нарочно расчищаю кажинный годъ для дѣвокъ-то, нарочно и липками-то обсадилъ. А то покупаться негдѣ. Въ Бѣлой воды и много, да толку мало: то глубоко, то ломъ такой, то всякая дрянь водится. — Митя, хорошо, а-а-а, хорошо, родной, лей!

Петровскій взглянулъ на ручей, и ему безъ разсказовъ объяснилась тайна появленія русалокъ. Вверху ручей опять съуживался кустарникомъ, а внизу, будучи еще уже, подходилъ подъ зеленый и непроницаемый сводъ колючаго мужжевельника, и, покрытый этимъ навѣсомъ, впадалъ въ омутъ. Незнакомому трудно было найти это мѣсто, со всѣхъ сторонъ заросшее колючими кустами. Было ясно, что русалки могли полоскаться въ этомъ серебристомъ, чистомъ пространствѣ ручья, никѣмъ невидимыя по руслу

ручья, покрытому темнымъ сводомъ лѣса, появляться на омутѣ и исчезать непонятнымъ для путника образомъ.

VIII.

Однажды нашему герою было очень скучно. Лѣто было на исходѣ. Ровно годъ прошелъ, какъ онъ въ деревнѣ — еще годъ, безплодный годъ! Нѣтъ хуже положенія безцѣльнаго, когда не знаешь, куда идти и зачѣмъ идти. Тоска и тревога одолѣваютъ сердцемъ. Подперши голову обѣими руками надъ развернутою книгою, сидѣлъ Петровскій и много скорби написано было на его лицѣ. Темная, беззвѣздная ночь покрывала все мракомъ, было такъ тихо, что свѣчка, горѣвшая предъ окномъ, стояла спокойно. Вдругъ шелестъ чьей-то походки послышался въ саду подъ окнами. Петровскій прислушался — ничего нѣтъ! Но вскорѣ шелестъ повторился. Петровскій взглянулъ въ окно, и невольно вздрогнулъ: въ глубинѣ сада, на яркой полосѣ свѣта, идущаго изъ окна, стояла бѣлая женщина. При взглядѣ на Петровскаго, она, какъ молнія, исчезла. Кто тутъ? невольно окликнулъ Александръ Павловичъ. Отвѣта не было. Онъ вышелъ на крыльце: вдали, по направленію къ рѣкѣ, дѣйствительно двигался какой-то бѣлый призракъ; но тамъ и много было призраковъ: надъ рѣкою вились туманы; они, какъ привидѣнія, носились межъ кустарниковъ, исчезая и появляясь снова.

— Вода! подумалъ обитатель Наумова, привыкнувъ къ прихотливымъ дѣйствіямъ своей сосѣдки-рѣки. Онъ

же не въ первый разъ замѣчалъ подобные призраки; о никогда обманъ зрѣнія не былъ такъ поразителенъ. Петровскій воротился въ комнату, и сѣлъ снова читать. Черезъ минуту шелестъ повторился и въ окно влетѣло что-то черное, ударивъ прямо въ голову хозяина; онъ взглянулъ: на полу лежала еловая шишка. Петровскій разсмѣялся и немедленно вышелъ въ садъ. Сначала было все тихо, но потомъ снова бросили въ него чѣмъ-то. Скоро Петровскій очутился передъ двумя дѣвушками; одна изъ нихъ была Лиза, другая Катя. Вотъ призраки-то, подумалъ Петровскій; однако-жъ онъ замѣтилъ, что обѣ дѣвушки были не въ бѣлыхъ платьяхъ. Впрочемъ Александру Павловичу теперь было не до призраковъ; онъ услалъ Лизу готовить ему ужинъ, и, подойдя къ Катѣ, обнялъ ее и поцѣловалъ.

— Ахъ, постойте, — шептала Катя, — будетъ, Александръ Павловичъ, перестаньте... Ахъ! вскрикнула она наконецъ громко.

— Шш! — отвѣтилъ Петровскій: — Не стыдно ли тебѣ, Катя! Вѣдь ты меня мучишь. За что? А я тебя такъ люблю, солгалъ Петровскій.

— Да, любите; всѣ вы говорите, что любите, а потомъ и насмѣетесь. Вонъ и Лизѣ говорилъ мельникъ, что любитъ, да и погубилъ ее. Не даромъ барышня ее отговаривала.

— Какъ, развѣ это причина? развѣ барышня знала?

— Еще бы! Видались на Завиткѣ-то и все ей сказывали. Разъ вашего Дудку мы до того напугали, что тотъ и въ воду упалъ. Насилу мы его вытащили. — И Катя захохотала.

— Чѣмъ же лечила барышня Лизу?

— Да ничѣмъ — словами. Вѣдь она и больна не была: ей было тошно, ей жить не хотѣлось. А барышня ее уговаривала. Вѣдь если барышня съ кѣмъ будетъ говорить о горѣ, такъ горе непремѣнно пройдетъ, право, — вы не вѣрите? — всѣ такъ говорятъ; вотъ и Лиза наконецъ ей обѣщала непремѣнно выздоровѣть и забыть сквернаго Пашку.

— Такъ, не стыдно ли, ты меня съ скверным Пашкой сравниваешь? Можно ли надъ тобою смѣяться, надъ такою прелестью, — говорилъ лукавый соблазнитель, обнимая Катю и цѣлуя ея свѣжія, горящія щеки. Катя не противилась, только иногда вздрагивала и отъ сдержаннаго дыханія говорила тихо.

Лиза прибѣжала и сказала, что кушанье готово. Катя, будто ни въ чемъ не бывало, стояла передъ Петровскимъ, и говорила: — Барышня вѣдь васъ поминала сегодня. Отчего вы это такъ давно не были? Я говорила ей, что вы завтра вѣрно придете. Такъ вотъ я и угадала, — твердила лукаво дѣвушка: — Завтра?

— Непремѣнно приду, поспѣшилъ отвѣтить Петровскій.

— Прощайте, до завтра!

Лиза увернулась куда-то. Петровскій опять обнялъ Катю.

— Катя, когда же?

— Ахъ, полноте; придете завтра?

— Приду, но клянусь тебѣ, если ты будешь меня мучить, я не буду больше ходить къ вамъ, прощайте.

— Ну, придите, придите завтра, тамъ увидимся, шептала Катя на устахъ молодаго человѣка.

— Но когда, когда? твердилъ Петровскій.

— Завтра, завтра... скажу, — чуть слышно прошептала дѣвушка, и убѣжала.

Завтра былъ Петровскій у Синицына. Войдя въ садъ, онъ увидѣлъ, что Олимпіада Васильевна занималась весьма важнымъ деревенскимъ дѣломъ. Подъ зеленымъ навѣсомъ клена, бузины и рябины сидѣла она, окруженная своими дѣвушками, и разбирала на тысячу сортовъ рыжики, которые чистили окружавшія ее. Нѣкоторыя изъ дѣвушекъ были просто красавицы; Катя затмѣвала всѣхъ выраженіемъ знойной страсти и роскоши; но всѣ эти полевыя красавицы были гораздо плѣнительнѣе, когда возлѣ нихъ не было Липы. Странное дѣло! Никто не сказалъ бы, что Липа красавица; но возлѣ нея казались грубыми, тяжелыми всѣ эти сельскія прелести. Въ ея природѣ было что-то въ высшей степени чистое, женственное, глубоко нѣжное, то, что кажется такъ хрупко, непрочно, а между тѣмъ оно-то и сильно. Возлѣ ея бѣлаго, херувимскаго личика такою рѣзкою казалась жаркая смуглоатость кожи Кати; черные, искрометные глаза ея были чѣмъ-то буйнымъ, дерзкимъ и нечистымъ передъ небеснымъ выраженіемъ голубыхъ глазъ Липы. Вся фигура ея была олицетвореніемъ какой-то идеальной прелести.

— Отчего вы такъ давно не были у насъ? — спросила Липа: — папа васъ долго ждалъ и не дождался.

— Не могъ, Олимпіада Васильевна; дѣла по имѣнію, то да другое, отвѣтилъ гость и посмотрѣлъ на Катю.

Черные глаза Кати, прежде столь буйные, были на этотъ разъ глубоко потуплены. Она боялась взглянуть на Петровскаго.

— Худо, подумалъ молодой человѣкъ.

— Добрый знакъ! шепнулъ въ ухо Мефистотель.

— Ну, что ваши георгины? спросилъ посѣтитель хозяйку.

— О, идутъ прекрасно.

— Нельзя ли взглянуть?

— Погодите, мы кончимъ, тогда...

Петровскому нужно было переговорить съ Катей.

Разборъ дѣйствительно приходилъ къ концу; кучи рыжиковъ различныхъ сортовъ, начиная отъ рыжика съ рябиновую ягодку до почтеннаго въ мѣсяцъ величиною, лежали на зеленомъ дернѣ. Наконецъ работа окончилась и Олимпіада Васильевна съ одной изъ дѣвушекъ пошла вымыть руки. Прочія тоже стали разбредаться въ разныя стороны. Быстрѣе всѣхъ бросилась сквозь зеленые кусты Катя; но Петровскій нагналъ ее.

— Катя, ты опять меня обманываешь.

Дѣвушка, не смотря на свою бойкость, вздрогнула и хотѣла вырваться; но Петровскій крѣпко обнялъ ее и поцѣловалъ. Катя встала, какъ вкопанная. Опустивъ глаза, она, какъ въ околдованномъ кругѣ, стояла подъ вѣтвями. Петровскій съ задержаннымъ дыханіемъ цѣловалъ ее. Катя была неподвижна.

— Катя, когда? твердилъ неотвязный.

Дѣвушка молчала.

— Когда, когда? повторялъ онъ, держа въ объятіяхъ роскошную смуглянку.

— Боюсь, прошептала Катя.

— Ахъ Катя, Катя, какъ я люблю тебя, какъ ты прекрасна! Ну, скажи мнѣ послѣднее слово. Если нѣтъ, то я уйду, убѣгу, уѣду.

— Ахъ, нѣтъ, сказала тихо дѣвушка, постойте!

— Но когда же, когда? твердилъ настойчиво Петровскій.

— Сегодня.... прошептала едва слышно Катя, скрывая лицо на груди молодаго человѣка: — Вы уйдите пораньше и потомъ придите, когда стемнѣетъ....

— Куда?

— На Завитокъ, почти отчаянно проговорила красавица.

Петровскій обнялъ ее, и Катя съ млѣющими глазами, съ какою-то судорожною, страстною улыбкою, полуживая прильнула къ устамъ того, кому уже предалось ея молодое и страстное сердце.

Счастливый и восторженный, Петровскій вошелъ въ комнаты. Воинственный хозяинъ сидѣлъ уже въ креслахъ и курилъ свою коротенькую трубку.

— А вы точно Раевскаго батарея, — обратился онъ къ Петровскому, — покажетесь да и скроетесь. Что вы тамъ подѣлывали у себя на юру-то. Хлѣба-то, хлѣба у васъ нажали — и!

— Да, довольно, отвѣчалъ молодой помѣщикъ, не имѣя и понятія о томъ, сколько у него нажали хлѣба.

— Добрый у васъ мужикъ Дениско-то. Я его люблю — степенный мужикъ.

— А давно ли вы его честили такъ, что....

— Такъ еще бы, — закричалъ воинъ, вспомнивъ старую исторію, — еще бы онъ обокралъ меня, раз-

бойникъ, да я бы сталъ его гладить по головѣ; да я пятьсотъ бы ему велѣлъ влѣпить! Да, знаете ли, въ 37 егерскомъ я велѣлъ однажды весь баталіонъ высѣчь, да и за другой было принялся, да ужь маіоръ Хлѣбосольный укротилъ: «смягчись, говоритъ, Василій Ивановичъ!»

— Александръ Павловичъ, — спросила Липа, стоя у окна и смотря въ дальнее поле, золотившееся отъ послѣднихъ лучей солнца, и какъ будто не слыхавшая изступленныхъ рѣчей своего батюшки, — Александръ Павловичъ, правится вамъ стихотвореніе Пушкина: *Три ключа?*

— Какъ же не нравиться? Это одно изъ лучшихъ его произведеній. А вамъ?

— Мнѣ не нравится; впрочемъ не то, что не нравится, но я тутъ не понимаю одного.

— Чего же?

И Липа слабымъ и нѣжнымъ своимъ голосомъ прочла:

Въ степи мірской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробились три ключа:
Ключъ юности — ключъ быстрый и мятежный,
Кипитъ, бѣжитъ, сверкая и журча;
Кастальскій ключъ волною вдохновенья
Въ степи мірской изгнанниковъ поитъ;
Послѣдній ключъ — холодный ключъ забвенья,
Онъ слаще всѣхъ жаръ сердца утолитъ.

— Что же тутъ непонятнаго?

Липа подумала, потомъ сказала:

— Да вотъ послѣдняго я и не понимаю:

Послѣдній ключъ — холодный ключъ забвенья,
Онъ слаще всѣхъ жаръ сердца утолитъ.

— Что же тутъ непонятнаго?

— Какъ же забвенье можетъ утолить жаръ сердца, да еще слаще всѣхъ?

— Да, бываютъ положенія, въ которыхъ человѣку нужно бы забвенье.

— Что же это? преступленія?

— Не всегда преступленія; вѣдь жизнь наша не всегда течетъ по зеленому и свѣтлому полю; бываютъ времена, когда душа болитъ, ждетъ лучшаго, а этого лучшаго нѣтъ; времена борьбы, сомнѣнія, тоски, паденія; невозвратно потерянное счастье, напрасно и на вздоръ растраченные годы; — вотъ тогда-то и цѣлителенъ холодный ключъ забвенья.

Липа молчала, а потомъ какъ бы отвѣтила стихами Лермонтова о Демонѣ:

Забвенья не далъ Богъ.
Да онъ и не взялъ бы забвенья.

— Вы чисты, — возразилъ съ любовію Петровскій, — въ вашей душѣ все свято, какъ въ храмѣ; въ нее не проникаютъ темные лучи другаго міра, мрачнаго, но могучаго. Оттого вамъ и непонятно многое. И слава Богу! прибавилъ Петровскій грустно.

Липа задумчиво глядѣла въ поле и качала головою. Богъ знаетъ, соглашалась ли она съ Петровскимъ, или думала «не правда, не правда.»

— Какой это Кастальскій ключъ? перервалъ внезапно маіоръ: — У казначея апшеронскаго полка былъ ключъ, которымъ никто, кромѣ его, не могъ отпереть сундука; только онъ, кажется, не Кастальскимъ назывался.

— Поэзія названа здѣсь Кастальскимъ ключемъ, проговорилъ молодой человѣкъ.

— А! возразилъ старикъ и удовольствовался этимъ восклицаніемъ, хотя чуть ли не въ первый разъ слышалъ слово поэзія.

Петровскій посматривалъ на часы и на заходящее солнце. Зеленый лѣсъ уже значительно потемнѣлъ, только верхушки его, кой-гдѣ позлащенныя желтыми лучами, издали казались точно горѣвшими. Наконецъ и онѣ угасли. Сумракъ и тишина постепенно нисходили. Петровскій съ мучительнымъ нетерпѣніемъ дождался этой минуты, и раскланялся. Онъ пришелъ домой, надѣлъ шинель и съ лихорадочною дрожью отправился на мѣсто свиданія.

IX.

Привѣтъ вамъ далекіе, давно отшедшіе годы молодости, привѣтъ со всѣми вашими заблужденіями, бѣдами и бурями! Какъ послѣдніе лучи заходящаго свѣтила золотятъ грустными лучами покрывающіяся сумерками долины, такъ изъ туманной дали свѣтитъ еще намъ веселая лучезарная юность, все болѣе и болѣе погружаясь въ сумракъ прошедшаго. Съ грустною улыбкою и слезой благословенія смотримъ мы на эти прошлые, благодатные годы. Такъ старый ветеранъ, искалѣченный въ битвахъ, смотритъ на игры дѣтей и крутитъ свой сѣдой усъ въ раздумьѣ. Какъ все иначе казалось въ эти поэтическіе годы! Не тѣ были дубравы, не тѣ поля и долины, все какъ-то

свѣтлѣе, благоуханнѣе казалось. Были рѣчи и у ручья, и у дерева, и у звѣзды небесной, — дивныя рѣчи! Не та была и красота, и женщина, чѣмъ теперь. Вся она была создана изъ цвѣта и гармоніи, вся дышала нѣжностію, лаской, страстью. Теперь старое, сѣдое время Богъ знаетъ что показываетъ въ женщинѣ: и уста лукавыя, и взоръ предательскій, и длани корыстныя, и сердце порочное. Мимо всего этого мчится юность; она не видитъ, не знаетъ, не признаетъ ничего этого. Счастья и радости проситъ она отъ женщины, и счастье и радость повиваютъ голову безумцевъ. Вамъ рога и горе, мудрые мужи опыта; имъ игры и буйный пылъ опьяняющей страсти. Вы говорите: она мила, но она — fi donc! — она субретка, цвѣточница; она красавица, говоритъ юность, и пьетъ полной чашей первые восторги наслажденій. Петровскій стоялъ подъ темными навѣсами лѣса. Внизу мрачно чернѣла неподвижная бездна омута, и только звѣзда играла въ темномъ его ложѣ. Лихорадочная дрожь мучила его. И отчего? Ночь была теплая. Онъ прислушивался къ каждому звуку, но звуковъ почти не было, только внизу бормоталъ ручей. Время казалось ему безконечно долго. Вотъ что-то треснуло; Петровскій прислушался — тихо, какъ въ могилѣ; досадно. Вотъ послышался шелестъ — Петровскій притаилъ дыханіе; неизвѣстно отчего каркнулъ три раза воронъ, и опять все умолкло. Вдали только пѣла окрестность: былъ Ильинъ день, и въ сосѣднихъ деревняхъ былъ праздникъ. По вечерней тиши разносилась вольная русская пѣсня. Юноша ждалъ своей возлюбленной со всѣмъ мученіемъ страсти, но она не

шла. Уже и пѣсни замолкли въ окрестностяхъ. Изрѣдка только проносился по полю богатырскій русскій свистъ или крикъ молодецкій. Это подгулявшій крестьянинъ идетъ одинъ-одинехонекъ по торной дорогѣ, и пошатываясь, тѣшитъ свою молодецкую удаль богатырскимъ посвистомъ. Тишь непомѣрная лежала въ лѣсу, еще неподвижнѣе покоился Завитокъ, а Кати не было.

— Обманула, подумалъ Петровскій, и сердце какъ-то трудно поворотилось.

Снова прислушивался Петровскій. Легкій вѣтеръ, пробѣжавшій по говорливой осинѣ, журчанье ручья, крикъ крошечной птички, все приводило въ трепетъ моего героя — а Катя не шла.

— Дура! сказалъ про себя взбѣшенный любовникъ. — Да и я дуракъ. Уцѣпился за молоденькую дѣвчонку, да и изнываю. Велика бѣда! Ну, не идетъ — чортъ съ ней!

— А вѣдь не идетъ... но, можетъ быть, она будетъ еще. Послушаемъ: это что? Хруснулъ верескъ, замолкъ, опять хруснулъ. Птица, спугнутая кѣмъ-то, вспорхнула тамъ вдали. Вотъ опять щелкнула переломленная палочка; да, шаги; вотъ шелестъ вѣтвей, сквозь которыя кто-то явно продирается; вотъ и шумъ платья — волшебный шумъ!

— Катя, ты? — «Я!» — шепнулъ кто-то изъ-за вѣтвей, и Александръ Павловичъ обнялъ дрожащую дѣвушку.

Намъ теперь надо бы удалиться изъ этого лѣса, добрый читатель! Благоразуміе требовало бы закрыть глаза тамъ, гдѣ слѣдуетъ. Пусть кудрявыя сосны закрывали бы ласки любовниковъ; пусть вода Бѣлой знала бы

ихъ тайны; пусть косматый сатиръ, оскаливъ зубы, продирался бы сквозь чащу; но на повѣствователѣ лежитъ трудная обязанность зорко слѣдить за своими героями и не забывать ихъ даже тогда, когда они сами себя забудутъ.

— Ангелъ мой! — шепталъ Петровскій, сажая къ себѣ на колѣни трепещущую дѣвушку и цѣлуя ея плечи: — зачѣмъ ты такъ долго не приходила?

— Барышня долго не ложилась — все гуляла.

— Гдѣ гуляла?

— По рѣкѣ.

— Такъ поздно?

— Да она сюда каждый почти вечеръ ходитъ.

— Что же она дѣлаетъ?

— Да Богъ ее знаетъ.

— Ну, а ты, что думаешь? спросилъ Петровскій, находясь самъ въ большомъ недоумѣніи. Онъ былъ робокъ; онъ не зналъ что дѣлать.

— Катя! — шептали его уста, — я тебя люблю, безумно люблю.

Дѣвушка билась у него на груди, дыханіе ея было прерывисто: — Да, любите; вы всѣ говорите, что любите, а потомъ и простись. Вѣдь и вы уѣдете?

— Ахъ нѣтъ, мой другъ, я никогда не покину тебя.

— Никогда? повторяла Катя, робко прижимаясь къ его устамъ, — никогда?

Петровскій чувствовалъ зной ея ланитъ и буйный трепетъ сердца. Его сердце замирало. «Ахъ боюсь,» шептала Катя. —«Моя радость,» говорилъ влюбленный. Какъ умирающая голубка, нѣжно и робко отбивалась Катя... стыдливые духи лѣса уже побѣжали прочь.

— Мать Пресвятая Богородица! раздался вдругъ голосъ надъ головами любовниковъ, и ружейный выстрѣлъ освѣтилъ мгновеннымъ пламенемъ лѣсъ и воду. Какъ испуганный орелъ, вскочилъ Петровскій и бросился на выстрѣлъ.

Кто-то бился въ оврагѣ у ручья, бормоча несвязныя рѣчи; кто-то съ невѣроятною быстротою взобрался на гору и бросился бѣжать. Петровскій пустился въ погоню; неизвѣстный мчался, какъ стрѣла, и только слышались его стоны и топотъ. Потревоженный любовникъ бросилъ бѣглеца и воротился на мѣсто — Кати не было. — Катя! шепнулъ онъ. Отвѣта не было. — Катя! повторилъ онъ голосомъ. Опять молчаніе. Петровскій оглядѣлся кругомъ; сумрачныя сосны стояли неподвижно, нѣмая ночь молчала; онъ съ тоскою слушалъ это мучительное молчаніе, и долго не хотѣлъ вѣрить, что ни жаркихъ устъ, ни трепетной груди, ни смуглыхъ щекъ нѣтъ уже въ лѣсу.

Съ тоскою на сердцѣ пошелъ Петровскій домой, проклиная невѣдомаго путника.

На другой день Петровскій лежалъ въ раздумьѣ на своей кушеткѣ, какъ ему доложили, что Симанъ Макаровъ очень боленъ.

— Что у него? спросилъ онъ жену охотника.

— Да животъ, говоритъ, болитъ, отвѣтила та: — Вчера воротился поздно съ шепелихинскаго праздника, пришелъ чуть живъ, безъ языка совсѣмъ, и ружье обронилъ, не въ мочь было нести.

Петровскій, угадывая, кто былъ нарушителемъ его благополучія, пошелъ къ своему собесѣднику. Тотъ

блѣдный и встревоженный почти не смотрѣлъ на своего барина.

— Что съ тобою? спросилъ послѣдній.

— Животъ, сударь, болитъ, подрѣзало совсѣмъ.

— Да что ты, выпилъ что ли лишнее?

— Все, сударь, у васъ выпилъ, да выпилъ. Я вчера только пиво и пилъ, а вина-то и трехъ стакановъ не выпилъ.

— Да отчего же это съ тобою?

— Отчего! отвѣтилъ насмѣшливо Макаровъ — и замолчалъ.

— Гдѣ же ты ружье-то потерялъ?

— Гдѣ! опять воскликнулъ Макаровъ и отворотился къ стѣнѣ.

Петровскій ушелъ съ досадою, а старикъ разсказывалъ окружающимъ: — Иду я по куликовскому-то полю, прямо на мостъ, а мнѣ и попадаются на встрѣчу филипповскіе ребята: «куда, говорятъ, по мосту-то не пройдешь, карета, чу, сегодня провалилась. — Гдѣ же идти-то? — Ну, гдѣ, говорятъ, черезъ Завитокъ. — Что станешь дѣлать-то? Не лечь же въ полѣ! Авось, молъ, Господь пронесетъ; такъ нѣтъ, закончилъ Макарычъ, гладя себя по животу....

— Ой дѣвоньки, разсказывала вечеромъ у куликовскаго колодца молодая баба; вотъ горе-то у бабушки Марьи, старика-то Макарыча, охотника-то наумовскаго, водяной закаталъ до смерти. Дернула его нелегкая идти съ Ильина дня черезъ Завитокъ: только, чу, ступилъ на берегъ, глядь, а немытый-то, какъ уголь чорный, ѣздитъ верхомъ на водяной дѣвкѣ. Старый-то не будь плохъ, выстрѣлилъ, да бѣжать, а

водяной-то, чу, за нимъ катышемъ, катышемъ. Насилу угналъ, лежитъ теперь пятый день безъ языка.

И по деревнямъ снова разнеслось, что водяной цѣлую ночь каталъ по полю наумовскаго охотника, и только къ утру бросилъ чуть живаго въ межевую яму.

X.

Сумраченъ сидѣлъ Александръ Павловичъ въ одинокой своей кельѣ. Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ тяжелѣе давило это безплодное существованіе. Ему стыдно было и самого себя и даже людей. Все жило, двигалось, стремилось къ чему нибудь, а я.... думалъ онъ: Слишкомъ годъ смотрю на эти безплодныя поля и глупыя воды. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, наполнить существованіе чтеніемъ Шекспира съ Олимпіадой Васильевной и ухаживаніемъ за Катей, добавилъ, помолчавъ, Александръ Павловичъ. При этой мысли ему дѣйствительно стало стыдно передъ самимъ собою. «Дуракъ однако же этотъ Симанъ!» вскричалъ онъ потомъ съ досадою.

Петровскій опять погрузился въ размышленіе: «а вѣдь, можетъ быть, Симанъ и доброе дѣло сдѣлалъ. Зачѣмъ же я внесу горе и преступленіе въ семью, такъ радушно меня принявшую? зачѣмъ рядомъ съ херувимскою чистотою Липы поставлю гадость и порокъ? зачѣмъ горемъ, раскаяніемъ, страданіемъ заплачу за искреннюю довѣренность дѣвушки простой, но прелестной?» Такъ чистый ангелъ говорилъ въ душѣ

молодаго члеовѣка, а Мефистофель между тѣмъ шепталъ ему въ ухо: «Полно! для кого ты бережешь эти красы, незримо развившіяся подъ сѣнію липъ и черемухи, при благоуханіи полевыхъ цвѣтовъ? Кому сохранишь эти пропитанныя страстью прелести? Какой нибудь Вавила Петровъ мозолистою рукою оборветъ эти изящныя красы, которыя природа, невѣдомо какъ и для чего, сотворила на удивленіе міру, и смелетъ онъ эти красы, какъ мелетъ жерновъ колючее сѣмечко ячменя и листокъ розы? Безчувственно сорветъ онъ эту дѣвственную чистоту и страстныя прелести, и отцвѣтутъ онѣ, никѣмъ не признанныя, никого не вдохновляя.» Вѣдь чортъ знаетъ, думалъ Петровскій. дѣвушка развилась до могучей страсти, и первый встрѣчный мужикъ выпьетъ чашу дорогаго вина, не понимая, что выпилъ.... Но пусть же не я. Дурно заплатить неблагодарностію той семьѣ, гдѣ Липа! Да не лучше ли оставить все это и уѣхать поскорѣй куда нибудь! «А ты видѣлъ черное пятнышко на шейкѣ Кати, — твердилъ Мефистофель, — тамъ, гдѣ не всякому можно его видѣть? ты знаешь, какъ вокругъ этой шеи, нѣжность которой поспоритъ съ нѣжностію твоихъ столичныхъ красавицъ, вьются мягкіе, черные волосы? ты помнишь ея глаза послѣ твоихъ поцѣлуевъ, а ты помнишь недавнія объятія и стонъ, и трепетъ?» — Ѳедоръ! крикнулъ Петровскій. — Дай мнѣ одѣться, сказалъ онъ вошедшему мальчику, ходя по комнатѣ въ сильномъ волненіи. Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже въ Зеленовѣ.

Какъ майское утро, встрѣтила Липа Петровскаго. Она была въ бѣломъ платьѣ, и только бирюзовая

брошка зеленѣла на груди. Такой небесной чистотой вѣяло отъ всей ея фигуры, что нашъ молодой грѣшникъ остановился и въ изумленіи смотрѣлъ на Липу. Женскимъ тактомъ поняла дѣвушка тайну этого изумленія, и чувство упоенія пробилось въ сильномъ румянцѣ ея и въ голубыхъ глазахъ.

— А я была въ отчаяніи, — сказала Липа, — я думала, что вы не придете сегодня. За что же такъ жестокъ ко мнѣ Александръ Павловичъ, — говорила Липа съ нѣжной улыбкой и краснѣя, — сегодня-то?

— Олимпіада Васильевна, да что же такое сегодня? Вы такъ прекрасны, и отъ васъ вѣетъ такою небесною благостію...

— Ну, полноте, полноте, я знаю, какъ вы умѣете говорить; сегодня день моего рожденія, я была въ церкви, молилась... молилась... твердила задумчиво дѣвушка.

— О чемъ? съ участіемъ спросилъ посѣтитель.

Липа молчала, но лице ея было серьезно.

— Ну, вѣдь не правда ли о женихѣ? шутя замѣтилъ собесѣдникъ.

Липа вся вспыхнула и покачала головой. Потомъ, оборотясь къ Петровскому, серьезно сказала. «Вы можете быть увѣрены, что я никогда не выйду замужъ. Я это знаю. Я и молилась, чтобы... Впрочемъ, что объ этомъ говорить. Пойдемте въ садъ, тамъ у насъ опять работа. Сегодня крыжовникъ обираютъ. Вотъ и вы пособите.

Онъ вошелъ въ садъ. По горѣ его и по всѣмъ куртинамъ дѣйствительно росъ крыжовникъ и смородина. Всѣ дворовыя дѣвушки разсыпались по кустамъ и оби-

рали ягоды. Сердце Петровскаго опять какъ-то иначе застучало: вонъ ея бѣлое платье мелькнуло межъ кустами, вонъ ея роскошныя руки извиваются между зелеными вѣтвями.

— Вотъ берите-ко со мной, — сказала Липа, садясь подъ кустъ крыжовника и ставя себѣ на колѣни корзину: — Садитесь!

Петровскій сѣлъ у ногъ дѣвушки и смотрѣлъ, какъ ея блѣдные пальцы, покрытые кольцами, сверкали межъ колючихъ прутьевъ. Когда Петровскій взглянулъ на Липу, на эту чудную нѣжность лица, на бѣлизну ея шеи, на эти тонкія, почти черныя брови, которыя составляли какую-то рѣдкую гармонію съ бѣлизною тѣла, на эту грудь, на которой дѣвственно покоилась бирюзовая брошка; когда онъ во всей этой благородной красотѣ прозрѣлъ ту же силу страсти, но не той крикливой страсти, которая мечется въ глаза полнотою формъ и зноемъ красокъ, а страсти могучей и сдержанной, которая несется въ извѣстныхъ границахъ и только въ минуты высшія полна, всемогуща, какъ море, — ему стало стыдно, стыдно, когда онъ вспомнилъ при этомъ и о Катѣ.

— Не бросить ли всю эту бродячую жизнь, подумалъ Петровскій, — не кончить ли ее у ногъ этого чуднаго существа... но...

— Отчего же это вы обрекаете себя на такое безбрачіе? спрашивалъ Петровскій.

Липа молчала.

— Ужь не были ли вы влюблены въ кого нибудь?

Липа молчала, потомъ усмѣхнулась и отвѣчала: — была.

— Въ кого же?

Липа взглянула на Петровскаго, усмѣхнулась и сказала: — въ воду.

— Это что? — смѣясь, возразилъ Петровскій, — что за водяная любовь? Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, — шутилъ Петровскій, — кто вашъ возлюбленный? говорите: хорошъ онъ?

— Прекрасенъ.

— Да кто же онъ? Вѣдь мы съ вами друзья, — неужели нельзя сказать? Вѣдь вы сказали бы своей подругѣ все; — есть у васъ подруга?

— Есть, отвѣтила Липа.

— Кто?

— Вода.

— Ну, что это! возразилъ Петровскій съ досадою: — Вы шутите надо мною. Вотъ онѣ женщины-то! Мы повѣряемъ имъ все, а онѣ... куда! Чего, чего я не разсказалъ вамъ про себя! А вы? Какъ тайна, такъ и молчаніе. Вѣдь повѣряете же вы кому нибудь ваши мысли, ваши тайны?...

— Повѣряю, отвѣтила дѣвушка.

— Кому же? спросилъ Петровскій.

— Водѣ, отвѣтила Липа серьезно.

— Что за чудо, подумалъ наконецъ Петровскій, и припомнилъ, что Катя дѣйствительно разсказывала, будто Липа любитъ очень рѣку, и часто ходитъ туда, просиживая на берегу до глубокой полуночи.

— Впрочемъ, — сказалъ гость, — про вашу рѣку, особенно про омутъ, разсказываютъ и Богъ знаетъ что. Говорятъ, что въ ней живутъ и русалки, и водяные.

— Не знаю, отвѣтила Липа, я родилась на берегу этой рѣчки, выросла, наконецъ, въ ея водахъ.... я видѣла....

— Кого видѣли? перебилъ нетерпѣливо юноша.

— Его, отвѣтила Липа серьезно.

— Да кого же, Олимпіада Васильевна?

— Кого люблю.

— Но кто же онъ? Олимпіада Васильевна, вѣдь это, наконецъ, начинаетъ меня мучить.

— Онъ прекрасенъ, великъ, отвѣтила съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ Липа.

— Ой! раздался гдѣ-то могучій голосъ: — Липа! Ой, гдѣ ты? Олимпіада Васильевна! — кричалъ въ кустахъ Василій Ивановичъ.

Липа, медленно поднявшись, пошла къ маіору. Петровскій слѣдовалъ за нею, удивляясь странному одушевленію своей собесѣдницы. Колоссальное туловище бѣлѣло межъ вѣтвями.

— А, здравствуйте! — закричалъ онъ, увидя сосѣда. — Липа! да что же ты не поподчуешь пріятеля-то? Онъ обѣдать не пришелъ сегодня — въ день твоего рожденія! Пожалуй, и подчивать-то не за что. Вели-ко сюда подать малиновки.

Липа ушла, задумчиво обрывая вѣтку, а Синицынъ сѣлъ на скамью подъ навѣсомъ столѣтняго дуба. Петровскій молчалъ, думая о странныхъ рѣчахъ дѣвушки. Липа возвратилась; за нею несли бутылку наливки. Она весело помѣстилась возлѣ отца, и наливала рюмки. На лицѣ ея не было и слѣда прежняго одушевленія.

Петровскій поздравилъ Липу и выпилъ за ея здоровье.

— Хороша наливка? спросила она.

— Чудная, отвѣтилъ тотъ.

— Ну, такъ пейте еще, сказала Липа, наливая рюмки. Маіоръ и гость чокнулись и выпили рюмки.

— Такъ какъ же, — спросилъ Александръ Павловичъ Липу, — тайна не открывается?

— Я вамъ, вѣдь, сказала, молвила тихо Липа.

— Что такое? спросилъ отецъ.

— Да вотъ Олимпіада Васильевна говоритъ, — отвѣтилъ Петровскій, — что она влюблена въ водянаго, что подруга у нея вода.

— Фу, какая гадость! крикнулъ маіоръ и плюнулъ. Липа встала и пошла къ дѣвушкамъ. Маіоръ молчалъ, потомъ началъ: — Далась ей эта вода. Бродитъ, какъ тѣнь, по берегу Бѣлой или сидитъ тамъ до полуночи. Глупостей слушать нечего, однако все-таки надо остерегаться: бѣсъ-то силенъ — горами качаетъ.

— Помилуйте, — возразилъ Петровскій, — что же можетъ быть тутъ худаго? Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, не русалки же...

— Русалки! крикнулъ отецъ, — чортъ ихъ подери. У насъ въ полку случилась вотъ какая исторія. Былъ у насъ юнкеръ, Петя Бородинъ — красавчикъ мальчикъ, лѣтъ шестнадцати. По лицу-то ему впрочемъ и четырнадцати дать было нельзя — дитя да и только. Рѣдкой красоты мальчикъ. Бывало въ киверѣ-то, словно дѣвушка въ солдатскомъ костюмѣ. Вотъ и случись на ту пору у генерала нашего бригаднаго балъ. Приглашены были всѣ офицеры, пригласили и Петю. А у генерала была женка; молоденькая такая да хорошенькая. То есть, по-моему, красоты въ ней особенной

не было, но томности было очень много: тоненькая, блѣдненькая — точно тѣнь легкая, бывало, ходитъ. Но предобрѣйшая душа была — все это у ней на лицѣ написано. Вотъ-съ, какъ представили ей Петю, она такъ и уставилась на него. «Какое милое дитя!» проговорила она тихо, но такъ, что Петя слышалъ. Мальчикъ вспыхнулъ. Во весь вечеръ Петя такъ и увивается возлѣ генеральши, танцуетъ съ нею, — ну, словомъ, млѣетъ. А она все толкуетъ съ нимъ, да разъ, батюшка, говоря съ нимъ — меня-то она не замѣтила — дитя вы еще, говоритъ, да взяла его этакъ за подбородокъ-то, да рукой-то своей крошечной и раздушенной, потрепала по щекѣ. Ни живъ и ни мертвъ мой Петя. Ну, думаю, развращеніе эти балы. Какъ вы думаете, влюбился ребенокъ въ генеральшу; ума ряхнулся совсѣмъ, да и только. По церквамъ, по гуляньямъ рыскаетъ нашъ Петя, а генеральша, разумѣется, и забыла. Похудѣлъ и пожелтѣлъ Петя. Куда дѣлась и красота! Вдругъ на тотъ разъ бухъ нашего генерала въ переводъ. Попрощался тотъ съ бригадою и уѣхалъ, а Петя сгибъ да и только. Сначала мы и не замѣтили, сталъ онъ задумчивъ, сердитъ и все бывало исчезалъ куда-то. Мы поразвѣдали: ходитъ, батюшка, къ Днѣпру, сидитъ на берегу, да все-то, чу, въ воду смотритъ; то, чу, улыбнется, то, чу, заплачетъ, а иногда и рѣчи какія-то говоритъ. Какъ вы думаете! разъ шелъ онъ съ нашими офицерами по мосту, да вдругъ какъ закричитъ: она, она! — и бухъ въ воду. Туда, сюда бросались, лодки не было — вытащили черезъ три часа мертваго. Вотъ оно, батюшка, въ водѣ-то какіе дьяволы сидятъ. Грѣхъ-то силенъ.

— Да вѣдь Олимпіада Васильевна не влюблена, слава Богу.

— Влюблена! возразилъ старикъ: — Въ какого чорта здѣсь влюбишься! Не въ попова же сына Ваську: рожа съ пивной котелъ и вся истыкана.

Въ это время изъ-за кустовъ вышла Катя и поставила на столъ тарелку отборнаго крыжовника. — Олимпіада Васильевна прислала, сказала она. Гость взглянулъ на дѣвушку: темныя глаза ея устремились на него, и Петровскій замѣтилъ роковую синеву подъ глазами. Сердце снова забилось у Петровскаго пуще прежняго.

— А въ Малороссіи у насъ, — говорилъ Спицынъ, — дѣвки безпрестанно таскаются по рѣкамъ. Подите-ко какія бываютъ исторіи: у меня кучеръ, Ѳедька, за волосы разъ вытащилъ дѣвку; такъ-таки ее было и утянуло.

Маіоръ вышелъ, и тотчасъ какъ дверь балкона за нимъ затворилась, румяная головка Кати выставилась изъ-за вѣтвей. Она будто мимоходомъ, подошла къ столу и шепнула: — все съ барышней, да съ барышней, а вчера что говорили?

— Катя, полно, отвѣтилъ молодой человѣкъ и хотѣлъ взять за руку дѣвочку. Та отошла. «Барышня здѣсь,» сказала она. Петровскій всталъ и пошелъ къ Олимпіадѣ Васильевнѣ. Задумчиво стояла она на пригоркѣ и смотрѣла, какъ послѣдніе лучи солнца еще играли на верхушкѣ лѣса и облакахъ, а луна, долины и рѣчки уже покрывались мягкою лѣтнею темнотою. Вдали звучала громкая пѣсня; жнецы, возвращаясь съ поля, пѣли, прерывая пѣсню то хоромъ, то внезап-

ною рѣчью. Звонкая окрестность доносила все до слуха.

— Прекрасный вечеръ, сказалъ Петровскій Липѣ.

— Да, отвѣтила она задумчиво.

— Вы сегодня какъ-то странны, Олимпіада Васильевна, т. е. какъ-то особенно прекрасны.

— Благодарю, — сказала спокойно Липа, — мнѣ дѣйствительно сегодня какъ-то особенно грустно. Впрочемъ это бываетъ со мною; не все же смѣяться.

И Липа, поправляя кусты цвѣтовъ, пошла далѣе. Петровскій не мѣшалъ ей; да онъ, правду сказать, искалъ глазами другую. Дѣвушки уже расходились, но Катина головка еще мелькала въ кустахъ. Петровскій осторожно подошелъ къ ней.

Чудный вечеръ, благоухающій воздухъ, зеленыя кудри кустарника, вдохновляющая сила вина, влюбленная красотка, воспитанная зноемъ нашихъ полей и благоуханіемъ долинъ и рощъ — Петровскій обнялъ дѣвушку!

— Ты бросила меня вчера, сказалъ онъ ей.

— Я испугалась, — отвѣчала трепещущая Катя, цѣлуя протянутыя губы своего возлюбленнаго: — Я мучилась до самаго вашего прихода — я думала, васъ убили, твердила влюбленная дѣвушка.

— Сегодня, Катя, придешь, туда же?

— Приду, — отвѣчала чуть слышно дѣвушка, — когда всѣ лягутъ.

— О, Катя, какъ ты мила, какъ я тебя люблю, — говорилъ юноша, обнимая Катю, — какъ я люблю тебя!

— Любишь? — шептала безсознательно дѣвушка, — любишь?... повторяла она, не отнимая прозрачной своей шейки отъ поцѣлуевъ.

— О люблю, люблю! вскрикнулъ пылко юноша. Но едва онъ сжалъ въ своихъ объятіяхъ роскошный станъ полевой красотки, она вдругъ, какъ испуганная птичка, выпорхнула у него изъ рукъ и улетѣла. Петровскій изумился. Онъ оглянулся и остолбенѣлъ самъ: наверху пригорка, надъ кустами ивы, которые его закрывали, стояла Олимпіада Васильевна!

— Скверно! подумалъ Петровскій съ страшнымъ смущеніемъ, и пошелъ. — Впрочемъ, продолжалъ онъ, разсуждая самъ съ собою, — она добра, какъ ангелъ, — проститъ.

Сконфуженный, онъ однакожъ робко вошелъ въ комнаты. Маіоръ ушелъ уже въ свою спальню; онъ посмотрѣлъ въ садъ — Липы тамъ тоже не было, чему и радъ былъ Петровскій.

— Такъ приходи же, шепнулъ онъ Катѣ, которая провожала его со свѣчкой.

— Приду, — отвѣтила та, — но поздно: барышня долго не спитъ.

XI.

Лунная, бѣлая ночь спустилась на поля, долины и горы. Пашни и нивы такъ покойно лежали подъ серебристыми лучами мѣсяца. Рѣка то пряталась въ темные берега и кустарники, то сверкала свѣтлымъ зеркаломъ, отражая бѣлое небо. Кой-гдѣ вставали и

шевелились туманы. Тамъ, какъ бѣлыя горы, громоздились они надъ болотистыми лугами, а тамъ вились и носились, какъ газовые покровы. Тишина была неизъяснимая. Раздался только въ прозрачной тишинѣ хлопъ воротецъ, послѣ какого-то прохожаго, да слышался иногда всплескъ воды отъ шевельнувшейся рыбы или птицы. Было такъ свѣтло, что Петровскій невольно оглядывался, не видятъ ли его тайнаго путешествія. Но, по мѣрѣ того, какъ онъ подходилъ къ Завитку, лѣсъ его закутывалъ болѣе и болѣе, и наконецъ закрылъ совсѣмъ сосновою тучею. Тутъ было уже такъ темно, что послѣ полеваго свѣта трудно было различать предметы. Лунные лучи кой гдѣ только пробивались сквозь вѣтви, и свѣтили на двухъ, трехъ кустахъ зеленой травы. Какъ ни билось сердце нашего влюбленнаго, какъ ни страстно было ожиданіе, но невольная робость, которую испыталъ онъ и въ прошлый разъ, овладѣла имъ снова. Вотъ и ручей. Осторожно спустился онъ на дно оврага, куда недавно слетѣлъ охотникъ. Тихо, стараясь сколь возможно скрывать свои шаги, Петровскій поднялся на гору и подошелъ къ берегу омута. Закрытый, завѣшанный темными навѣсами густаго лѣса, омутъ чернѣлъ подъ горою. Грозно глядѣла снизу его темная пучина. Петровскій невольно содрогнулся — такъ мрачно смотрѣла неизмѣримая его глубь. Но гдѣ она? Герой оглянулся: на бархатномъ лугу, гдѣ вчера онъ обвивалъ дѣвственныя, молодыя плечи, никого не было. Онъ поглядѣлъ кругомъ — черными истуканами смотрѣли пни и стволы деревъ, а вверху висѣли сосновыя тучи, сквозь которыя можно было видѣть мѣстами бѣлыя небеса. —

«Катя!» вполголоса крикнулъ Петровскій — отвѣта не было. Еще не пришла, подумалъ онъ и сѣлъ на берегу омута. Тишина водворилась страшная. Она такъ противорѣчила чувствамъ молодаго человѣка, что была почти невыносима. Безпокойно поглядывалъ онъ вокругъ, тревожно прислушивался къ каждому шелесту листьевъ, но никого не было, только журчалъ возлѣ него ручей, нѣкогда наводившій на него ужасъ.

Вдругъ — посреди тишины, при странномъ трепетаніи темноты — чуть слышно раздался вздохъ. Петровскій вскочилъ на ноги, и съ замираніемъ сердца устремилъ напряженные взоры въ ту сторону, откуда несся этотъ звукъ: дѣйствительно, вдали, подъ чернотою ночи, на берегу темной пучины, бѣлѣла окаменѣлая фигура Кати. Быстрыми шагами бросился туда Петровскій. Да, подъ навѣсомъ черныхъ вѣтвей, прижавшись къ колючему стволу сосны, сидѣла дѣвушка въ своемъ бѣломъ платьѣ, вся закутавшись въ бѣлый же платокъ, какъ будто стыдясь темнаго лѣса, какъ будто прячась отъ лучей мѣсяца. — Катя! шепнулъ юноша — дѣвушка не отвѣчала. Какъ мраморная, сидѣла она, подперши рукою закутанную голову. — Катя! повторилъ громко Петровскій — отвѣта не было.

— Нѣтъ, ужь нынче извини, Катя, подумалъ про себя Александръ Павловичъ, вспомнивъ прежнюю свою нерѣшимость. Съ этою мыслію онъ схватилъ въ мощныя свои объятія красавицу, которая судорожно отбивалась; смѣлыми руками развертѣлъ бѣлый платокъ, покрывавшій голову, и прильнулъ страстными устами къ губамъ дѣвушки. Страшный вопль раздался по лѣсу, и Петровскій, вмѣсто горячихъ, страстныхъ устъ,

почувствовалъ холодное, какъ ледъ, тѣло. Въ ужасѣ, онъ едва не уронилъ дѣвушку; повѣсивъ голову, опустивъ оледенѣлыя руки, лежала она въ объятіяхъ Петровскаго, холодная и бѣлая, какъ мраморъ.

Юноша не зналъ, что дѣлать. Странныя мысли завертѣлись у него въ головѣ. Лѣсъ, воды, силы невѣдомыя, всеобщее вѣрованіе окружныхъ поселянъ — людей простыхъ, немудрыхъ, но съ душой, сердцемъ религіознымъ; въ рукахъ у него женщина, холодная и бездыханная; онъ собралъ послѣднія силы и поднесъ страшную ношу къ свѣтлому пространству, гдѣ свѣтлый лунный лучъ, не встрѣчая сосновыхъ вѣтвей, сверкалъ со всею силою. Свѣтъ упалъ на лице дѣвушки, и, пораженный удивленіемъ, Петровскій увидѣлъ, что въ рукахъ у него — бѣлая, какъ полевой снѣгъ, Олимпіада Васильевна. Предоставляемъ судить читателю о положеніи моего героя въ эту непостижимую для него минуту.

Бережно положивъ Липу на траву, Петровскій стоялъ надъ нею, не зная, что думать. Бѣжать ли ему, разбудить ли ее, Липа ли это наконецъ — и онъ всматривался: да, это ея чудныя, восковыя очертанія. — Мой ангелъ! что съ вами? произнесъ наконецъ Петровскій. Мраморныя руки поколебались, дѣвушка тяжко вздохнула, и опираясь на локоть, а другою рукою взявшись за голову, она приподнялась. — Это вы? прошептала она, — да это вы.... я и забыла.... вы видите не ту, которую.... Ахъ, Боже мой.... куда увела меня бѣда моя....

— Олимпіада Васильевна, что съ вами? — шепталъ Петровскій, — успокойтесь, я виноватъ, я....

— Постойте, — медленно, съ разстановкою, произнесла Липа, — погодите, дайте мнѣ отдохнуть.... въ чемъ вы виноваты? Кто виноватъ? Виноватъ ли туманъ, если онъ несется по дуновенію вѣтра?

— Олимпіада Васильевна, я такъ презрѣненъ, что....

— Шш! вскричала съ страшнымъ одушевленіемъ дѣвушка: — Не клевещи на себя, не ломай остатка моей жизни. Оставь мнѣ еще минуту — и я умру съ вѣрою, что не ложь осѣняетъ счастіемъ сердца наши. Молчи! твоя душа чиста и, какъ море, велика и необъятна. Я вѣрю въ это. Въ ней лежатъ страшныя неисповѣдимыя силы. Ты дивенъ.... я это знаю, я это предчувствовала прежде, чѣмъ знала. Когда вода впервые показала мнѣ твой образъ.

— Какая вода? вскричалъ Петровскій, ужасаясь, не помѣшалась ли дѣвушка.

— Вотъ эта вода, — указала Липа своею тонкою ручкою на темныя воды омута. — Когда смотрѣла я въ ея сумрачныя волны; когда я допытывалась, кто царствуетъ тамъ на неизвѣданныхъ глубинахъ; когда я думала: пусть предстанетъ передо мною этотъ царь — и вода впервые обрисовала передо мною твои дивныя черты — о! съ тѣхъ поръ я была уже твоя; непостижимою силою душа моя была уже отдана тебѣ. Я привыкла думать, что мои красы — твои, ты былъ мой повелитель, ты былъ мой супругъ.... О, Боже мой! голова моя горитъ.... гдѣ я и что со мною?

И Липа зарыдала.

Внѣ себя отъ изумленія. Петровскій сидѣлъ неподвижно возлѣ изступленной красавицы: онъ боялся проронить слово; онъ боялся изломать, убить послѣднія

силы въ несчастной дѣвушкѣ. Уже стала неясно обозначаться предъ нимъ роковая истина.

— Съ тѣхъ поръ я, какъ тѣнь, слѣдовала за вами, Александръ Павлычъ! Незримо, изъ-подъ навѣса вѣтвей, я смотрѣла на твою благородную поступь; я, какъ мышь, прокрадывалась въ твою комнату — и слѣдила, какъ ты читаешь, думаешь, пишешь.... Ты думалъ, что это шумъ рѣки, шелестъ вѣтра ночнаго; нѣтъ, это я тайно обвѣвала тебя невидимою мыслью, я всѣми благословеніями слала тебѣ свѣтлыя мысли, райскія чувства!

— Ахъ, Олимпіада Васильевна, какъ я несчастливъ, какъ поздно я узналъ....

— Да, поздно, — сказала, тяжко вздохнувъ, Липа. — Нѣтъ, рано, очень рано, — заговорила она быстро: — И за чѣмъ было тебѣ знать? Когда ты вошелъ ко мнѣ, ты уже былъ мнѣ свой; тайною силою души я уже угадала, кто ты. И ты повелъ со мною бесѣду о всемъ, что есть лучшаго въ мірѣ. Какъ изъ темницы выводилъ ты меня съ каждымъ шагомъ. Я чувствовала, что я создана тобою, рождена снова — ты былъ царь, облитый чистотою славы; въ тебѣ воплотили поэты все, что было лучшаго — и что же? — Ты, вѣнецъ всего чистаго, ты, къ которому со всѣмъ, что есть лучшаго въ душѣ моей, я не смѣла прикоснуться — я боялась, потускнѣетъ мудрая прелесть твоего духа — и ты, мой другъ, мой владыка, ты, въ голосѣ котораго дивныя пѣсни, — ты въ объятіяхъ пустой, презрѣнной, непостигающей тебя твари! О, Петровскій, ужасно!

Дѣвушка откинула волосы съ блѣднаго лица своего, освѣщеннаго мѣсяцемъ.

Петровскій не смѣлъ дохнуть; Липа схватила его за руку.

— Разъ, — продолжала она, — разъ, при мерцающемъ блескѣ сумерокъ, при серебристомъ свѣтѣ небесныхъ звѣздъ, въ больной, безсмысленной головѣ моей.... мелькнула мысль.... — я вамъ все скажу, Александръ Павловичъ, — мелькнула мысль: что если бы на меня указывали: вотъ это та, которой отдалъ онъ свое сердце; я испугалась этой мысли, я устыдилась своего недостоинства передъ тобою. Я не стѣснила бы его свободы, думала я; я не помѣшала бы его гордому пути; но все же я была бы бременемъ на его полетѣ. Я, какъ паутина, запутала бы его длани: она бы ихъ не связала, но затемнила. И я говорила: онъ мой, онъ вложилъ въ меня теперешнюю мою душу, я — созданіе его собственнаго духа; значитъ, мы соединены неразрывными узами. Пусть же онъ останется свободенъ, гордъ, силенъ и чистъ; но, Петровскій, ужасно! эти уста, въ которыхъ мнѣ слышалась гармонія силъ небесныхъ, осквернены прикосновеніемъ этой нечистой твари, — ужасно!

— Мой ангелъ, простите меня! Я всегда зналъ вашу дивную душу, я всегда удивлялся безднѣ сердечной красоты въ вашемъ сердцѣ; но не зналъ, не зналъ.... говорилъ смущенно молодой человѣкъ.

— Не зналъ, — задумчиво твердила Липа, — что лучи солнца раскрываютъ чашечку цвѣтка; не зналъ, что невѣдомою силою зеленая павилика влечется къ могучему дубу; не зналъ, что въ душѣ твоей есть

неодолимыя, влекущія къ тебѣ, силы. Да развѣ я не говорила объ этомъ всею нѣжностью души моей? развѣ я не говорила тебѣ объ этомъ нѣмымъ удивленіемъ передъ твоимъ достоинствами? Вѣдь я была бѣлый снѣгъ, на которомъ душа твоя писала что хотѣла. И на ней всѣ твои рѣчи отъ перваго до послѣдняго.... до того; — твердила Липа, сжимая его руку, — до того, когда ты сказалъ ей.... этой.... я не знаю, какъ называть ее.... этой пухлой, неповоротливой дѣвчонкѣ: люблю! О, Петровскій, бѣги, уѣзжай, исчезни изъ моего зрѣнія: оставь мнѣ мой идеалъ, оставь меня жить съ тѣмъ, чей дивный образъ впервые сверкнулъ передо мною въ водѣ, и такъ долго сіялъ наяву передъ моими очами! Онъ потускнѣлъ, но скоро засіяетъ снова: бѣги! молила, рыдыя, дѣвушка, и обнимая руки Петровскаго, — оставь меня, оставь съ тобой — великимъ, несравненнымъ, а не запятнаннымъ отъ презрѣннаго прикосновенія!

Липа рыдала на плечѣ Петровскаго. Смущенный, ошеломленный юноша не зналъ, что начать, о чемъ говорить. Мысли у него мѣнялись, на сердцѣ была тоска; наконецъ, онъ рѣшился, и твердымъ голосомъ сказалъ:

— Олимпіада Васильевна! неужели вы могли подумать, чтобы я могъ, въ самомъ, дѣлѣ питать какое нибудь серьезное чувство къ вашей дѣвушкѣ? Вы чисты, и я не могу объяснить, какого рода это чувство. Оно презрѣнно — это такъ! Но къ вамъ-то я питалъ въ душѣ моей лучшее и чистѣйшее чувство. Я васъ люблю, какъ....

— Шш! прервала Липа, зажимая губы Петровскаго: — Молчи, молчи, не говори лжи! Вы не любили меня, и никогда не полюбите. Когда случайно я наклонила этотъ роковой кустъ и увидѣла на твоей груди это жалкое, непонимающее тебя созданіе. я угадала все: вы ея не любите — это правда; но вы не любите и меня. Кто любитъ, у кого въ душѣ есть этотъ міръ упоенія и блаженства, кто сжился съ этими радужными образами, которые, какъ ангелы Божіе, носятся въ душѣ, тотъ не можетъ бросать это свѣтоносное чувство въ грязь; да, не можетъ! Уѣзжайте, Петровскій, уѣзжайте! твердила, рыдая, дѣвушка.

Съ неизъяснимою тоской смотрѣлъ Петровскій на отчаяніе дѣвушки, которую любилъ, какъ сестру, и которой теперь принесъ столько горя. Поздно онъ замѣтилъ, какая роковая страсть воспиталась въ этой душѣ, столь нѣжной, страстной и столь глубокой. Все, что онъ раскрывалъ передъ нею изъ твореній великихъ поэтовъ, все, что собственная душа создавала лучшаго и чистѣйшаго, — все это она воплотила въ образѣ молодаго человѣка, зрѣлаго не по лѣтамъ. Въ собесѣдникѣ, въ другѣ она соединила всѣ лучшія чувства, возвела ихъ въ чистый идеалъ, и сжилась съ этимъ идеаломъ. Она не думала, чтобы могъ потемнѣть ея идеалъ: на ея собственной душѣ все было такъ ясно и чисто. Она не воображала, чтобы могъ кому нибудь принадлежать этотъ гордый и чудный юноша. Если и приходила иногда ей обыкновенная мысль, что Петровскій можетъ отдать свое сердце другой, то она съ ужасомъ отступала отъ нея, а между тѣмъ всесильная страсть расла.

— Да, уѣзжайте, — шептала Липа, — везите мою тоску съ собою. Пусть горе обрываетъ мои красы, — сохнутъ щеки, падаютъ зубы, блекнутъ глаза; — зачѣмъ все это?

Петровскій поднялъ дѣвушку. Руки ея горѣли; ноги отказывались идти; волосы были въ безпорядкѣ. Опираясь на него, она едва переступала и твердила несвязныя рѣчи. Прекрасное лице ея было худо и бѣло какъ мраморъ.

— Липа, — говорилъ юноша, цѣлуя ея руки, — не губите своей прекрасной, чистой души. Сердце мое полно теперь вами; погодите, дайте мнѣ вглядѣться въ мое чувство. Я не знаю, могу-ли я повергнуть его къ ногамъ вашимъ. Я не знаю, достойно ли оно тебя.

— Да, повторяла дѣвушка, хватаясь зарѣшетку своего сада; вы завтра утромъ, при блескѣ мѣсяца, придете сюда.... Ахъ, какъ все въ головѣ моей перемѣшалось.... Прощайте, помогите мнѣ.... И Липа скрылась въ зеленой аллеѣ сада.

Страшную ночь провелъ Петровскій у себя дома, ту ночь, которая прибавляетъ нѣсколько складокъ на лицѣ и много опыта въ сердцѣ. «Зачѣмъ убилъ я эту чудную душу?» думалъ съ тоскою собесѣдникъ бѣдной Липы. За тѣмъ ли я внесъ въ нее свѣтъ, чтобы покрыть опять вѣчными страданіями? И какая бездна любви! Не пасть ли къ ея ногамъ; какая преданная душа досталась бы мнѣ! Но.... думалъ Петровскій — безбрежная даль жизни, этотъ голосъ, зовущій еще впередъ. И зачѣмъ же я солгу передъ нею? за ея чистую довѣренность заплачу ложью! Вѣдь я не могу

дать ей то чувство, которое она ко мнѣ питаетъ.... О, ужасно! Да, Липа, прости, ты ангелъ, но ты права — я долженъ бѣжать.» Когда открыли ставни, лице Петровскаго постарѣло нѣсколькими годами.

Въ скоромъ времени, къ неизъяснимому удовольствію Симона Макарыча, управляющій имѣніями Петровскаго нашелъ нужнымъ уничтожить Наумово. Макарычъ былъ переведенъ въ другую старую усадьбу. Землю отдали крестьянамъ подъ запашку; флигель и дворы перевезли въ другую усадьбу. И вотъ тамъ, гдѣ недавно жили, страдали, блаженствовали люди, не стало и слѣда ихъ; не было даже и слѣда строеній — было одно чистое поле, по которому осенній вѣтеръ мчалъ желтые листья. Рѣка, по-прежнему, сверкала въ зеленыхъ берегахъ, и какъ прежде омутъ чернѣлъ въ грозной дремотѣ лѣса. Окрестные крестьяне обходили, страшное мѣсто: тамъ нерѣдко выходила изъ водъ бѣлая дѣва, и, ломая тонкія, сверкающія руки, съ мольбою устремляла ихъ къ свѣтлому мѣсяцу. Вѣтеръ рвалъ свирѣпо ея волосы, и несъ далеко, далеко ея вопли и стоны. Воды омута чернѣли и молча отражали бѣлый образъ.

СТУДЕНЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ

о

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ВЪ АУДИТОРІЯХЪ.

Vivat Universitas,
Vivant professores!
Студенческая пѣсня.

Московскій университетъ въ самыхъ дальнихъ предѣлахъ нашего отечества пользуется большею извѣстностью, чѣмъ другіе. Не говоря уже о его значеніи въ исторіи нашего образованія, по старшинству его, а, можетъ быть, и по положенію въ столицѣ, освященной народными воспоминаніями, имя его произносится съ большимъ уваженіемъ. Провинціяльные ораторы величаютъ его по преимуществу *храмомъ наукъ*, *святилищемъ знаній* и т. п. Когда говорятъ про кого-нибудь: *онъ университетскій*, то, обыкновенно, разумѣютъ университетъ московскій, хотя бы этотъ *онъ* воспитывался и не въ московскомъ университетѣ. По этому ли всеобщему уваженію, или по личному сочув-

ствію, и я, съ самой ранней молодости, питалъ къ московскому университету какое-то благоговѣйное чувство. Самые люди, получившіе образованіе въ московскомъ университетѣ, казались мнѣ иными. По какому-то инстинкту, еще мальчикомъ, я могъ отличать ихъ отъ другихъ; ихъ сужденія казались мнѣ глубже, интереснѣе, взглядъ на предметы проще, естественнѣе.

Мысль поступить въ студенты этого университета была тайною и задушевною моею мыслью; но въ то же время университетъ въ воображеніи моемъ стоялъ въ такомъ недоступномъ величіи, что я считалъ почти невозможнымъ попасть туда. Чѣмъ ближе подходило время къ окончанію гимназическаго курса, тѣмъ грознѣе представлялся университетскій экзаменъ. Недовѣріе къ собственнымъ силамъ и слишкомъ восторженное представленіе университетскаго величія, можетъ быть, побѣдили бы давнишнее стремленіе; но, къ счастью, возлѣ меня же послышался ободрительный голосъ. Неизвѣстно почему, одинъ изъ учителей гимназіи — да будетъ за то благословенно его имя! — не переставалъ мнѣ совѣтовать ѣхать въ московскій университетъ. По своимъ способностямъ, прямому и непреклонному характеру, этотъ человѣкъ имѣлъ сильное вліяніе не только на учениковъ, но и на самое начальство гимназіи. Онъ безпрестанно твердилъ мнѣ своимъ оригинальнымъ языкомъ съ малороссійскимъ оттѣнкомъ: *поѣзжай, братецъ, въ университетъ; не вѣрь дуракамъ: тамъ такіе же люди учатся, какъ и ты; въ Москвѣ тебя человѣкомъ сдѣлаютъ, а въ NN только зады твердятъ да горилку пьютъ...* Эти слова рѣшили мою будущность.

Вѣчно будетъ памятенъ для меня день, когда, пріѣхавъ въ Москву держать студенческій экзаменъ, я тотчасъ же отправился посмотрѣть на университетъ. Боже мой! какимъ трепетомъ, какою полнотою блаженства преисполнена была душа, когда я стоялъ передъ величавымъ зданіемъ *стараго университета!* «Такъ вотъ онъ!» думалъ я: «тотъ, о которомъ съ дѣтскихъ лѣтъ привыкъ мечтать я; тотъ, кто въ юношескихъ думахъ моихъ сіялъ всегда серьезною важностью; онъ не обманулъ завѣтныхъ мечтаній: онъ гордъ, спокоенъ, величаво-привѣтливъ.» Налѣво стояло прекрасное, свѣтлое, такъ называемое новое зданіе университета. Черная вереница юношей съ голубыми воротниками тянулась по широкому двору; всѣ они казались мнѣ какими-то братьями — старшими, почтенными, но братьями.

Есть книга, на которую почти ничего не положено для занимательности чтенія — а между тѣмъ это одна изъ любопытнѣйшихъ книгъ нашей литературы. Книга эта: *Біографическій Словарь профессоровъ московскаго университета.* Здѣсь большею частью краткія, сухія біографіи ученыхъ людей, почти послужные ихъ списки; однакожъ, тутъ собраны лучшія, благороднѣйшія личности родной страны за цѣлыя сто лѣтъ. И странно! книгѣ этой, по крайней мѣрѣ, по моему мнѣнію, послужило достоинствомъ то, что обыкновенно считается недостаткомъ въ біографіяхъ: это — отсутствіе подробностей о частной жизни почтенныхъ мертвецовъ; ничего тамъ нѣтъ житейскаго, повседневнаго. Величаво, какъ тѣни, проходятъ передъ читателемъ эти люди,

отпечатывая на книгѣ только духовное, вѣчное свое дѣло.

Надо, впрочемъ, сказать, что тамъ, гдѣ исторія сохранила подробности о жизни этихъ людей, вы встрѣтите умилительнѣйшія черты человѣческихъ добродѣтелей. Вотъ, напримѣръ, дитя, сынъ бѣднѣйшаго и до самоотверженія добраго священника. Отецъ провожаетъ его въ Москву, и даетъ на все нѣсколько копѣекъ мѣди да чашку безъ ручки, чтобъ зачерпнуть воды, когда, идучи пѣшкомъ, захочетъ онъ пить. Дитя растетъ, дитя — студентъ, профессоръ и знаменитый врачъ, а все хранитъ завѣтную чашку, какъ святыню. Она стоитъ у него въ кабинетѣ на первомъ мѣстѣ, ѣздитъ съ нимъ всюду, въ Петербургъ, на Кавказъ, во Францію. Въ Парижѣ чашка разбивается— онъ въ отчаяніи, собираетъ осколки, заказываетъ футляръ и хранитъ чашку. Человѣкъ этотъ — извѣстный врачъ и другъ человѣчества, профессоръ московскаго университета Мудровъ. Но вотъ страшный гнѣвъ Божій распростерся надъ Москвою. Въ столицѣ чума. Народъ въ ужасѣ. Достаточно одного прикосновенія, чтобъ погибнуть въ страшныхъ мученіяхъ; узы родства и любви расторгаются: братъ чуждается брата, дочь — матери; по улицѣ бѣжитъ, подпрыгивая, малютка, въ гимназическомъ сюртукѣ, въ треугольной поярковой шляпѣ — сынъ одного московскаго пономаря. Старшій его братъ служитъ письмоводителемъ при карантинномъ начальникѣ. Такъ какъ онъ имѣетъ свѣдѣнія о числѣ погибающихъ, то отецъ ежедневно посылаетъ ребенка за десять верстъ освѣдомиться о числѣ жертвъ. Народъ привыкъ видѣть малютку вѣст-

ника черной смерти; онъ выползаетъ къ нему изъ воротъ и кричитъ: *дитя, дитя, сколько?* Дитя бѣжитъ, держа въ рукахъ роковую бумажку, и кричитъ, напримѣръ, *800*. Народъ крестится и говоритъ: *слава Богу!* потому что вчера дитя отвѣчало: *900*. Дитя это впослѣдствіи врачъ и профессоръ, Страховъ дядя, ибо потомъ былъ еще профессоръ Страховъ, племянникъ этого.

А вотъ еще одинъ, который, честно окончивъ свое земное поприще, завѣщалъ напечатать въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» эти свидѣтельствующія о красотѣ души его слова:

«Бывшій императорскаго московскаго университета профессоръ Иванъ Вигантъ, скончавшійся 31 августа сего 1808 года, просилъ, предъ кончиною своею, засвидѣтельствовать всѣмъ любящимъ его ту приверженность и любовь, коими душа его до послѣдняго издыханія къ нимъ была преисполнена, съ чѣмъ онъ себя навѣки препоручилъ въ неизмѣнную ихъ дружескую память.»

Прекрасная книга, занимательная для всякаго человѣка съ сердцемъ, а для русскаго — священный кивотъ, гдѣ хранится итогъ его разумно-исторической жизни за сто лѣтъ! Книгу эту, къ славѣ народной, выжилъ московскій университетъ.

Эпоха, къ которой относятся наши воспоминанія, была одною изъ блистательнѣйшихъ въ исторіи университета. Попечителемъ его былъ тогда графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ. Исторія не настала еще для этого замѣчательнѣйшаго изъ кураторовъ московскаго университета: поэтому, вѣроятно, историкъ универси-

тета, профессоръ Шевыревъ, едва упомянулъ о немъ въ своей книгѣ. Еще менѣе мы имѣемъ возможности говорить о значеніи университетской дѣятельности графа Сергѣя Григорьевича, ибо у насъ нѣтъ для этого ни документовъ, ни средствъ: къ тому же, мы пишемъ не исторію, а простыя воспоминанія. Въ воспоминаніяхъ же студента того времени благородный образъ попечителя, о которомъ говоримъ, навсегда займетъ самое почетное мѣсто.

Графъ вступилъ въ управленіе университетомъ 1 іюля 1835 года, въ тотъ самый годъ, когда былъ данъ новый уставъ россійскимъ университетамъ. Своею просвѣщенною дѣятельностью напомнилъ онъ тѣхъ знаменитыхъ вельможъ, которые посвящали жизнь на благо русскаго просвѣщенія. Онъ имѣлъ всѣ средства, чтобъ поставить университетъ на ту высоту, на которой стоялъ онъ потомъ: и умъ, и многостороннее образованіе, и административныя способности государственнаго человѣка. Онъ хорошо былъ знакомъ съ состояніемъ науки на Западѣ, вѣрно понималъ духъ и смыслъ современнаго движенія, и въ то же время зналъ, чего ждетъ наше общество отъ русскихъ университетовъ. Независимый по своимъ убѣжденіямъ и по общественному положенію, графъ дѣйствовалъ на своемъ поприщѣ свободно, гордо, имѣя въ виду единственную цѣль: достоинство университета, важность отечественнаго просвѣщенія. Онъ понималъ значеніе принятаго имъ на себя дѣла и дѣйствовалъ съ уваженіемъ къ нему. Прежде всего университету нужны были профессора — и вслѣдъ за графомъ, изъ аудиторій Германіи и Франціи, прибыли всѣ тѣ, которые составили

славу описываемаго нами періода. Читателямъ, вѣроятно, извѣстно, что въ 1828 году учрежденъ былъ такъ называемый профессорскій институтъ при дерптскомъ университетѣ. Двадцать лучшихъ воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній россійскихъ, подвергнутые сперва испытанію въ академіи наукъ, отправлены были для дальнѣйшаго образованія сперва въ Дерптъ, а потомъ въ заграничные университеты. Прочтите біографіи этихъ избранныхъ — слова: *опредѣлилъ*, *вызвалъ*, *перевелъ*, вы встрѣтите почти въ каждой изъ нихъ подлѣ имени графа. Въ самый же годъ вступленія графа прибыли въ московскій университетъ, по его же избранію, доктора философіи Шиховскій и Крюковъ, доктора медицины Филомафитскій и Иноземцевъ, доктора законовѣдѣнія Рѣдкинъ, Крыловъ, Баршевъ и магистръ философіи Чивилевъ.

Впослѣдствіи вступили туда же, послѣ заграничнаго образованія, Лешковъ, Менщиковъ, Спасскій и многіе другіе.

4 мая 1836 года былъ отправленъ въ Берлинъ, на счетъ московскаго университета, одинъ изъ кандидатовъ санктпетербургскаго университета. Возвратясь, онъ занялъ каѳедру всеобщей исторіи въ московскомъ университетѣ: это и былъ знаменитый впослѣдствіи профессоръ — Грановскій.

Графъ строго преслѣдовалъ прямую и единственную цѣль университета: *служеніе наукѣ*. При немъ не было ни спектаклей, ни концертовъ въ залахъ университета. Студентъ встрѣчалъ въ университетѣ одну науку, и только свои домашніе досуги могъ посвящать, чему хотѣлъ. Внѣ университета студентъ пользовался свобо-

дою, какъ всякій частный человѣкъ; университетскій надзоръ хотя и существовалъ во всей силѣ, но не имѣлъ ничего стѣснительнаго, педантическаго. Отношенія университетскаго начальства были проникнуты чрезвычайною деликатностью, изысканной вѣжливостью. Это строгое, съ одушевленіемъ проведенное научное начало, благородный тонъ, которымъ проникнуты были всѣ отношенія графа къ университетскому обществу — все вмѣстѣ сообщило и студенческому сословію серьезный, мужественный, рыцарски-благородный характеръ, которымъ оно тогда отличалось. Безъ преувеличенія можно сказать, что въ продолженіе управленія графа не было ни одной предосудительной исторіи между студентами. Студенческія сходки сопровождались серьезными бесѣдами. Сужденія о наукѣ были любимыми: были и пиры, но завѣтъ поэта *мѣшать шумную вакхову влагу* съ трезвой бесѣдой — былъ ихъ девизомъ. Раздавалось «Gaudeamus igitur», и при словахъ:

Vivat nostra civitas,
Et qui illam regit —

студенты съ одушевленіемъ чокались стаканами.

Самъ графъ рѣдко имѣлъ прямыя сношенія съ студентами: онъ стоялъ на какой-то высотѣ, не всегда доступной, или, лучше, казавшейся недоступною. Въ обращеніи его было нѣчто гордое, но вмѣстѣ съ тѣмъ обаятельно-дѣйствовавшее на юношей. Мало сказать: студенты любили и уважали графа — мы гордились имъ. Онъ былъ для насъ образцомъ благороднаго, достойнаго; даже видѣть его было удовольствіе. Когда графъ входилъ на лекціи и садился вмѣстѣ съ студен-

тами. пріятно было чувствовать, что онъ былъ тутъ. Страхъ явиться преступникомъ передъ нимъ былъ выше всего. Студентъ лучше понесъ бы какое угодно наказаніе, даже самое удаленіе изъ университета, лишь бы не предстать передъ лицомъ графа преступникомъ. Такова была та нравственная высота, на которой стоялъ графъ!

Сотрудниками попечителя были, съ одной стороны, столь извѣстные профессоры того времени, а съ другой *Платонъ Степановичъ*.

Инспекторъ студентовъ московскаго университета, капитанъ 2-го ранга Платонъ Степановичъ Нахимовъ, связалъ свое имя съ исторіею университета очень просто: глубокою добротою прекрасной души. Можно положительно сказать, что въ продолженіе тринадцатилѣтней его службы не вышло изъ университета ни одного студента, который не унесъ бы о Платонѣ Степановичѣ самыхъ чистыхъ воспоминаній. Платонъ Степановичъ почти каждому оказалъ какую-нибудь спасительную, благотворную помощь; всѣ вообще видѣли въ немъ самаго вѣрнаго, самаго надежнаго оберегателя юности. Въ его внимательномъ, неусыпномъ надзорѣ не было ничего тяжелаго, жесткаго: все смягчала его добрая душа и благородство правилъ. Шестидесятилѣтній старикъ умѣлъ, какъ немногіе, понимать увлеченіе юности, умѣлъ всегда отдѣлять простой порывъ молодыхъ силъ отъ дурнаго и порочнаго. Всѣ знали, что этотъ сѣдой, сердитый съ вида морякъ хранитъ въ себѣ непоколебимо-добрую душу, способную не осудить, а скорѣе снять съ виноватаго бремя проступка. Благородныя же движенія души ни въ комъ

не находили такого сочувствія, уваженія, какъ въ Платонѣ Степановичѣ. Все это поселяло въ юношахъ не только искреннюю къ нему любовь, но и глубокую, полную довѣренность. Случалось, что запутавшійся въ собственныхъ грѣхахъ студентъ, видя бѣду неминучую, шелъ прямо къ Платону Степановичу и исповѣдовалъ передъ нимъ свои заблужденія. Отъ Платона Степановича выходилъ онъ уже съ облегченнымъ сердцемъ, хотя и достаточно напуганный на будущее время.

Воля графа была непреложнымъ закономъ для Платона Степановича: онъ понималъ глубокую нравственную силу, исходящую отъ лица попечителя, и благоговѣлъ передъ нимъ. Личность графа, главнымъ образомъ, черезъ уста Платона Степановича приходила въ соприкосновеніе съ студентами, и тутъ-то, кажется, получала ту грозную карательную силу, которой въ сущности не имѣла. «Графу доложу, къ графу представлю: что ты будешь передъ графомъ-то говорить?» грозилъ нерѣдко Платонъ Степановичъ. Онъ обыкновенно говорилъ студентамъ *ты*, и вообще представлялъ изъ себя чрезвычайно-строгаго и суроваго человѣка. Виноватому никогда не позволялъ говорить, а тотчасъ препровождалъ въ карцеръ, потому-что — объяснялъ иногда Платонъ Степановичъ — «если заговоритъ, такъ оправдается.» Въ-самомъ-то дѣлѣ, нечего было оправдываться, потому-что подсудимый почти всегда видѣлъ, что былъ кругомъ виноватъ. Иногда же Платонъ Степановичъ дѣйствительно облекался неумолимою грозою, и — надо правду сказать — нерѣдко достигалъ цѣли: запугивалъ студента ужасно. Грозно встрѣчая виноватаго, онъ говорилъ иногда съ какимъ-

то страшнымъ равнодушіемъ: «солдатъ! ступай пока въ карцеръ, а потомъ ты солдатъ!» и, чтобъ дать всю достовѣрность такому приговору, спѣшилъ прибавить: «графъ велѣлъ для примѣра.» Это солдатство оканчивалось обыкновенно трехдневнымъ заключеніемъ въ карцерѣ. Но, если студенту удавалось «заговорить,» какъ выражался Платонъ Степановичъ; если при этомъ можно было нѣсколько разъ сказать: «Платонъ Степановичъ! *вы нашъ отецъ, благодѣтель, защита; вся надежда на васъ!*» старикъ рѣдко выдерживалъ, смягчался — и солдатство оканчивалось, напримѣръ, такими словами: «Вотъ то-то! вѣдь я знаю, что вы меня любите, да не бережете. Ну, а какъ высшее-то начальство узнаетъ про твои проказы, да спроситъ: а кто у нихъ инспекторъ? — Нахимовъ инспекторъ. — Посадить Нахимова на гауптвахту! — Вдругъ тебѣ нужда какая-нибудь случится, придешь ты къ Платону Степановичу, спросишь: гдѣ Платонъ Степановичъ? скажутъ: «Нѣтъ Платона Степановича.» — Гдѣ же? — «На гауптвахтѣ!» Что ты будешь дѣлать безъ Платона-то Степановича?»

Однажды нѣсколько человѣкъ, бывшихъ студентами московскаго университета и товарищами, случайно съѣхались въ какомъ-то дальнемъ уголкѣ Россіи, послѣ долговременной разлуки. Разумѣется, это былъ свѣтлый день въ ихъ жизни. Студенческіе годы, юность, университетъ возстали въ ихъ воспоминаніяхъ во всей поэтической красотѣ. Вмѣстѣ съ ними предсталъ и добрый образъ незабвеннаго Платона Степановича. Тутъ же положили они послать ему, за подписью всѣхъ, письмо, въ которомъ, объяснивъ счастливую встрѣчу,

свидѣтельствовали ему свою вѣчную, неизмѣнную благодарность. Старикъ берегъ это письмо, какъ святыню, и въ хорошія минуты нерѣдко показывалъ его студентамъ.... Это былъ по-истинѣ *чистый сердцемъ!*

Войдемъ теперь въ аудиторіи университета, въ тѣ особенно, гдѣ читаются лекціи юридическаго факультета. Аудиторіи эти въ новомъ зданіи университета. Все оно раздѣляется прекрасною залою на двѣ половины: на правой читались лекціи юридическаго и филологическаго факультетовъ, на лѣвой — математическаго. Поэтому одна половина и называлась математическою, а другая политическою. Обѣ половины расположены совершенно по одинакому плану: въ центрѣ, внизу — швейцарскія, гдѣ снимались шинели. Еслибъ вамъ вздумалось окинуть взглядомъ швейцарскую снизу до верху, вамъ пришлось бы высоко поднять голову: отъ нижняго этажа до третьяго она не раздѣлена потолками. По стѣнамъ идетъ прекрасная желѣзная лѣстница, ведущая въ аудиторіи всѣхъ трехъ этажей: по ней, черезъ каждый часъ, передвигаются вереницы студентовъ, перемѣняющихъ аудиторіи. Если вы хотите занять мѣсто поближе къ каѳедрѣ, вамъ нужно встать до свѣта: тогда вы придете въ университетъ первые, положите на какое угодно мѣсто тетрадь, перчатку, книгу и уйдете опять домой — мѣсто будетъ непремѣнно за вами. Хотя на иныхъ лекціяхъ бывало до полутораста слушателей, эти положенныя на мѣста листки, фуражки и проч. были рѣшительно вещи неприкосновенныя. Снять ихъ, занять чужое мѣсто было невозможно. Общественное мнѣніе до того ихъ охраняло, что случаевъ почти не бывало, чтобъ кто-ни-

ѣудь оспаривалъ чужое мѣсто. До прихода профес-
ора все общество двигалось, ходило, группировалось
ъ кучки; нѣкоторые стояли у оконъ, и — какъ знать? —
ожетъ, подумывали: «а хорошо, еслибъ не пріѣхалъ
рофессоръ.» Шума не было въ аудиторіи; всѣ гово-
или вполголоса. Большею частью физіономіи были
накомыя, а нѣкоторыя какъ-будто неизбѣжныя: отсут-
твіе ихъ сейчасъ было бы замѣчено знакомыми и не-
накомыми. Съ первой лекціи до послѣдней они си-
ѣли на извѣстныхъ, мѣстахъ, и записывали. Эти мѣста
сегда были самыя близкія къ каѳедрѣ. Почему и какъ
они ихъ освоивали себѣ — неизвѣстно, только на та-
омъ-то мѣстѣ нельзя было представить другаго. Въ
томъ отношеніи слѣдуетъ вспомнить студента Петра
Ивановича: можно положительно сказать, что онъ не
пропустилъ ни одной лекціи, и всѣ записывалъ, почему
и достигъ въ стенографіи совершенства. У него были
всевозможныя лекціи, и добрякъ ссужалъ ими всякаго
нуждавшагося. Правда, лекціи Петромъ Ивановичемъ
набѣло не переписывались, и были записаны такими
ероглифами, что самъ Шампольонъ-младшій пришелъ
бы въ смущеніе. Иной студентъ, взявъ ихъ у Петра
Ивановича и разбирая по ночамъ, не разъ посылалъ
къ чорту и тетрадки, и самого Петра Ивановича; но
дѣлать было нечего: экзаменъ грозилъ — надо было
изучить символы и закорючки Петра Ивановича. Послѣ
нѣкоторой привычки, лекціи читались свободно, и во-
обще были очень удовлетворительны. Какъ бы то ни
было, Петра Ивановича зналъ почти весь юридиче-
скій факультетъ, рѣдкій изъ студентовъ не былъ имъ
одолженъ какъ-нибудь. Когда аудиторія наполнялась и

Петръ Ивановичъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, онъ представлялъ изъ себя какую-то кивающую фигуру: всѣ ему были знакомы, всѣ ему кланялись, и онъ съ предобрѣйшею улыбкою раскланивался на всѣ стороны.

Въ противоположность Петру Ивановичу, показывались въ аудиторіяхъ, большею частью къ концу академическаго года, личности совсѣмъ инаго свойства. Богъ знаетъ, откуда вдругъ онѣ явились: никто никогда ихъ не видывалъ. Можно было подумать, что это новичекъ; но вицмундиръ не первой молодости доказывалъ, что онъ давно уже покрываетъ рамена незнакомца. Понималъ Петръ Ивановичъ, что это былъ за характеръ. *Загулялся молодецъ*, говорилъ онъ обыкновенно про нихъ: *такъ вотъ передъ экзаменами-то и подъявился*. Незнакомецъ скоро сходился съ Петромъ Ивановичемъ, и перекладывалъ его тетрадки въ свой портфель.... Что дѣлать, почтенный читатель! Случалось, *загуливались*, какъ выражался Петръ Ивановичъ.... Сильна и тревожна у юности жажда жизни и наслажденій, а театры, маскарады, пиры такъ упоительны! Каждый день собирается чудакъ на лекціи, и каждый день что-нибудь помѣшаетъ, а неумолимое время идетъ, мелькаютъ дни, недѣли, мѣсяцы.... и вотъ экзаменъ! Тутъ-то пробуждалась та изумительная дѣятельность, которая, кажется, возможна только въ юные, богатые силами годы. Цѣлые мѣсяцы просиживаютъ дни и ночи надъ тетрадями.... Здѣсь позвольте познакомить васъ съ однимъ изъ такихъ чудаковъ, котораго назовемъ NN. Нагулявшись въ продолженіе пяти, шести мѣсяцевъ, студентъ являлся на лекціи, собиралъ тетради, и запирался въ квартирѣ. Не-

обходимое лице всѣхъ возможныхъ пировъ, бульваровъ, Британіи, NN вдругъ исчезалъ отовсюду. Ночи напролетъ просиживалъ онъ за лекціями, спалъ нѣсколько часовъ днемъ на томъ основаніи, что днемъ заниматься хуже: много соблазновъ, могутъ помѣшать посѣтители; ночью же такъ тихо и покойно. Въ два или три часа ночи, когда сонъ одолѣвалъ, студентъ обыкновенно пилъ чай, для чего собственноручно ставилъ самоваръ, приготовлявшійся ему съ вечера: прислугу не хотѣлъ безпокоить своими причудами. Надо замѣтить, что NN былъ впослѣдствіи извѣстенъ всѣмъ профессорамъ и студентамъ по своимъ рѣдкимъ способностямъ, и кончилъ курсъ однимъ изъ лучшихъ кандидатовъ. Разъ постигла-было его бѣда неминучая. Былъ недалеко экзаменъ изъ государственнаго права. Профессоръ, посвятивъ большую часть года теоріи и исторіи права, не имѣлъ времени прочесть догму русскаго права; поэтому онъ рекомендовалъ студентамъ прочесть ее по самому «Своду Законовъ», для чего, на послѣднихъ лекціяхъ и отмѣчалъ студентамъ главнѣйшія статьи, добавляя ихъ нужными объясненіями и замѣчаніями. NN не могъ достать и этихъ отмѣтокъ. Что дѣлать? NN взялъ три тома «Свода Законовъ» о государственныхъ учрежденіяхъ, легъ на диванъ, и, не сходя съ дивана, буквально въ пять дней и пять ночей, прочелъ всѣ три тома и выдержалъ экзаменъ блистательно. Послѣ этого, какъ не загуляться на пять мѣсяцевъ?

Но въ этихъ же аудиторіяхъ встрѣтили бы вы и такихъ людей, на которыхъ съ уваженіемъ останавливаются теперь не одни мои взоры. Описываемая нами

университетская эпоха была одною изъ плодотворнѣйшихъ для русскаго прогресса. Въ аудиторіяхъ московскаго университета вы увидѣли бы тогда большую часть тѣхъ, которые стоятъ теперь во главѣ ученаго и литературнаго движенія. Теперешніе поэты, романисты, критики, философы, археологи, историки тогда большею частью были тамъ на скамьяхъ университетскихъ. Вотъ почему я на нѣкоторое время остановилъ вниманіе читателя на этихъ юношахъ, наполнявшихъ аудиторіи.

Но настоящее свое значеніе получала аудиторія, когда входилъ профессоръ и занималъ каѳедру. Глубокая тишина водворялась въ залѣ, и одинъ только голосъ слышанъ былъ повсюду; къ нему устремлено было все вниманіе слушателей. Трудно передать неиспытавшему то могущественное и чудное впечатлѣніе, которое производятъ на молодой умъ университетскія лекціи. Послѣ сухихъ, пріуготовительныхъ уроковъ гимназіи, послѣ худощавыхъ оставовъ и формулъ учебниковъ, душа вступала вдругъ въ область живаго, чистаго вѣдѣнія. Внезапно представлялась наука во всемъ ея современномъ развитіи, въ ея настоящемъ объемѣ и формѣ.... Незабвенны эти минуты чистаго восторга! какъ рѣдки онѣ будутъ впослѣдствіи! А если и будутъ, то какимъ трудомъ, какою битвою купятся! Вотъ почему намъ хотѣлось бы вспомнить здѣсь всѣхъ тѣхъ, которые дарили насъ этими лучшими минутами жизни; но, по многимъ обстоятельствамъ, мы должны ограничиться нѣкоторыми, и притомъ покойниками.

Юристовъ и словесниковъ, на первыхъ же курсахъ, неожиданно поражала блестящая личность *Крюкова*. Смерть безжалостно вырвала его въ самую лучшую

пору жизни. Незабвенный для своихъ слушателей, онъ едва извѣстенъ публикѣ: два–три его печатныя сочиненія не могутъ дать полнаго понятія о Крюковѣ, хотя и свидѣтельствуютъ о его высокихъ дарованіяхъ. Самая наружность Крюкова была необыкновенна и прекрасна: огромное, высокое чело, почти все обнаженное, свидѣтельствовало о необыкновенной силѣ его способностей, а молодое, почти юношеское лице, эти тонкія, женственно-нѣжныя уста, очаровательная улыбка съ перваго же раза симпатически дѣйствовали на слушателя. Вся фигура его носила на себѣ печать какого-то особаго изящества. Когда онъ всходилъ на каѳедру, глаза всѣхъ невольно останавливались на его прекрасной физіономіи. Первымъ курсамъ юридическаго и словеснаго факультетовъ онъ читалъ древнюю исторію, но, какъ говорили тогда, временно. Настоящимъ предметомъ его была римская литература и древности. Лекціи свои онъ читалъ по тетрадкѣ, языкомъ, занимавшимъ средину между литературнымъ и разговорнымъ. Голосъ его былъ громкій и пріятный, произношеніе изящное и даже щеголеватое.

«Какъ профессоръ (говоритъ его біографъ), Крюковъ имѣлъ необыкновенное вліяніе на своихъ слушателей. Всѣ питомцы московскаго университета 1837 года и далѣе, помнятъ, какое впечатлѣніе произвели на нихъ его блестящія лекціи о древней исторіи. Казалось, новая наука, доселѣ неизвѣстная, открывала передъ нимъ всю полноту и все богатство своей жизни. Блистательный и вмѣстѣ строго достойный характеръ его чтеній, его рѣдкое умѣнье заинтересовать слушателей величіемъ предмета, изящество изложенія, пи-

когда неспускавшагося съ извѣстной высоты, наконецъ, искусство пользоваться богатствомъ языка, избѣгая многорѣчія и изысканныхъ фразъ — все это соединялось, чтобъ обаять слушателей и представить имъ преподавателя въ свѣтѣ, казавшемся недосягаемымъ. Дмитрій Львовичъ владѣлъ вполнѣ способностью, нерѣдко весьма важною въ педагогѣ, возбуждать въ ученикахъ удивленіе къ нему, и чрезъ то желаніе слѣдовать за нимъ. Онъ держалъ себя съ слушателями крайне вѣжливо, но въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ; являлся передъ ними не иначе, какъ окруживъ себя нѣкоторымъ блескомъ; давая отвѣты, никогда не открывалъ себя со всѣхъ сторонъ. Онъ читалъ только тогда, когда былъ совершенно приготовленъ, то-есть когда лекція вся была написана на бумагѣ; студентовъ принималъ въ опредѣленные дни и часы. Такимъ образомъ и личность его, и совѣты заманивали молодыхъ людей, и, возбуждая уваженіе къ наставнику, вызывали во многихъ желаніе показаться ему съ выгодной стороны, а въ нѣкоторыхъ — стремленіе къ труду и самодѣятельности. Онъ постоянно слѣдилъ за своими учениками, старался сдѣлать для нихъ всякое добро и былъ чуждъ всякихъ разсчетовъ молодаго самолюбія, заграждающаго для другихъ приходъ на свое поприще.»

. . . . . .

Но вотъ четверть часа прошло уже послѣ звонка. Вся аудиторія въ какомъ-то ожиданіи. Разговоры смолкли, и всѣ вышли на лѣстницу, ведущую въ аудиторію. «Будетъ ли?» говоритъ одинъ изъ студентовъ. «Будетъ,» отвѣчаетъ другой. — «Должно быть, не бу-

детъ,» замѣчаетъ третій, смотря на часы. — «Пріѣхалъ!» кричитъ снизу швейцаръ, какъ-будто отвѣчая на нетерпѣливое ожиданіе: «идетъ....» И вся толпа двинулась въ аудиторію, спѣша занять мѣста. Глубокая тишина водворилась въ залѣ.

Тому, кто не имѣлъ счастья слушать лекціи Тимоѳея Николаевича *Грановскаго* о всеобщей исторіи, мы не въ силахъ дать понятіе о высокомъ ихъ достоинствѣ. Какъ ни превосходны его печатныя творенія, но они не могутъ стать на ряду съ его лекціями. Для Грановскаго тѣсны были предѣлы журнальной статьи или отдѣльной монографіи; безбрежный просторъ міровой исторіи — вотъ что нужно было душѣ Грановскаго. Справедливо было замѣчено, что Грановскій былъ, по преимуществу, по природѣ своей, профессоръ. На каѳедрѣ онъ былъ не только ученый, но поэтъ, художникъ, артистъ. Здѣсь, по преимуществу, было его творчество; здѣсь онъ жилъ своею духовною стороною; здѣсь высказывались его думы, сочувствія, убѣжденія.

Грановскій принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ ученыхъ, у которыхъ наука достигаетъ высшихъ предѣловъ развитія, гдѣ, какъ у Платона или Гумбольдта, знаніе уже сливается съ поэзіею, грани исчезаютъ, жизнь и природа выступаютъ цѣльно со всѣми своими сторонами. Причина этого заключается въ высоко развитой, въ высшей степени человѣчной личности этихъ людей. Съ предметомъ науки они обращаются не какъ съ мертвымъ матеріяломъ, на которомъ упражняется сціентифическая ловкость ученаго, а какъ съ живымъ, одухотвореннымъ организмомъ, которому

принадлежитъ все духовное ихъ сочувствіе. Оттого такъ близокъ, такъ понятенъ имъ этотъ организмъ. Они какъ будто присутствуютъ при самомъ зачатіи явленій, видятъ тайные процессы ихъ жизни и отцвѣтанія, прозрѣваютъ ихъ духовную сущность и постигаютъ тотъ вѣчный, міровой законъ, въ силу котораго эти явленія призваны къ существованію. Таковъ былъ Грановскій въ своихъ историческихъ лекціяхъ! Лица и поколѣнія, давно оставившія земное поприще, не были для него мертвы, ибо онъ вѣрилъ въ безсмертіе духовнаго дѣла, ими совершеннаго, чувствовалъ присутствіе мысли, внесенной ими въ исторію. Къ мертвымъ онъ обращался еще съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ къ живымъ, потому-что, съ одной стороны, понималъ высокое призваніе историка, обязаннаго вскрыть чистую истину, а съ другой — чувствовалъ всю безотвѣтность лица, отодвинутаго отъ насъ на цѣлыя тысячелѣтія. Онъ поднималъ ихъ *не для того,* какъ самъ выражался, *чтобъ тревожить могильный сонъ подсудимаго*, а для того, чтобъ его же дѣлами, его же мыслью разсказать подвигъ, совершенный имъ для человѣчества. Оттого чтенія Грановскаго были исполнены особеннаго величія: послѣ первыхъ же лекцій слушатель проникался благоговѣйнымъ уваженіемъ и къ исторіи, и къ историку.

Обладая въ высшей степени красотою слова, мастерствомъ художественнаго воспроизведенія лицъ и событій, онъ выводилъ историческихъ дѣятелей какъ живыхъ, со всѣми ихъ думами, страстями, заблужденіями. И китаецъ, и двоедушный Тиверій, и Неронъ, *этотъ художникъ, сошедшій съ ума*, по выраженію про-

фессора, выходили у него свободно съ своими физіономіями, нося на себѣ всѣ цвѣты и колоритъ современной эпохи, а главное — съ своимъ дѣломъ, съ своимъ историческимъ подвигомъ. Для него не существовало такъ называемыхъ занимательныхъ и незанимательныхъ эпохъ. Самыя темныя и, повидимому, лишенныя интереса событія выходили изъ его устъ исполненными глубокаго смысла и значенія, — потому что историческая необходимость ихъ хорошо была понята профессоромъ. Мы живо помнимъ, какъ удивилъ насъ Грановскій своими лекціями о переселеніи народовъ. Готовясь выслушать извѣстные по своей скукѣ въ учебникахъ разсказы о смѣнѣ однихъ племенъ другими, мы вышли изъ аудиторіи очарованные живымъ знакомствомъ съ этими племенами и съ ихъ историческою ролью.

Всему этому придавала прелесть и обаяніе особая, ему свойственная теплота сочувствія, какая-то глубокая, мужественная любовь къ человѣчеству. Въ его лекціяхъ живо чувствовалась заповѣдь Спасителя: «*возлюби ближняго твоего, какъ самого себя.*» Произнося историческій судъ надъ людьми и народами, онъ понималъ, что судитъ брата, человѣка, себя. «Нигдѣ, ничему не вырвалось слова ненависти въ его чтеніяхъ (говоритъ одинъ изъ слушателей публичныхъ лекцій Грановскаго): онъ проходилъ мимо гробовъ, вскрывалъ ихъ, но не оскорбилъ усопшихъ. Дерзкая мысль поправлять царственное теченіе жизни человѣчества далека была отъ его наукообразнаго взгляда; онъ вездѣ покорялся объективному значенію событій и стремился только раскрыть смыслъ ихъ. Мнѣ кажется, что именно этотъ харак-

теръ преподаванія возбудилъ такое сильное участіе къ чтеніямъ Грановскаго. Умѣть во всѣхъ вѣкахъ, у всѣхъ народовъ найти съ любовью родное, человѣческое, не отказаться отъ братій, въ какомъ бы они рубищѣ ни были, въ какомъ бы неразумномъ возрастѣ мы ихъ ни застали, видѣть, сквозь туманныя испаренія временнаго, просвѣчиваніе вѣчнаго начала, то есть вѣчной цѣли — великое дѣло для историка.»

«Да будетъ намъ позволено сказать (говоритъ самъ Грановскій въ своей знаменитой рѣчи *О современномъ значеніи исторіи*), что тотъ не историкъ, кто неспособенъ перенести въ прошедшее живаго чувства любви къ ближнему и узнать брата въ отдѣленномъ отъ него вѣками иноплеменникѣ. Тотъ не историкъ, кто не съумѣлъ прочесть въ изучаемыхъ имъ лѣтописяхъ и граматахъ начертанныя въ нихъ яркими буквами истины: въ самыхъ позорныхъ періодахъ жизни человѣчества есть искупительныя, видимыя намъ на разстояніи столѣтій стороны, и на днѣ самаго грѣшнаго передъ судомъ современниковъ сердца таится какое-нибудь одно лучшее и чистое чувство.»

Не надо при этомъ забывать величайшаго изъ достоинствъ чтеній Грановскаго — присутствія общей идеи, все связующей и всему дающей цѣлость и величіе. Не смотря на обиліе матеріаловъ, на многообразіе явленій исторической жизни, не смотря на особую красоту нѣкоторыхъ эпизодовъ, которые, повидимому, могли бы отвлечь вниманіе отъ общаго — слушателю всюду чувствовалось присутствіе какой-то идущей, вѣчно-неизмѣнной силы. Вѣкъ гремѣлъ, бился, скорбѣлъ, торжествовалъ и отходилъ, а выработанное имъ

съ поразительною яркостью выступало и воспринималось другимъ. Исторія у Грановскаго дѣйствительно была *изображеніемъ великаго шествія народовъ къ вѣчнымъ цѣлямъ, постановленнымъ человѣку Провидѣніемъ.*

Спокойно, величаво, скрестивъ руки надъ поверхностью каѳедры, говорилъ профессоръ о судьбахъ историческаго міра. Только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, отличавшихся какимъ-либо особымъ величіемъ, голосъ профессора чуть замѣтно измѣнялся, какъ будто мужалъ; прекрасные, задумчивые глаза покрывались чуть замѣтною влагою, и душевное движеніе для внимательнаго наблюдателя ясно обозначалось на лицѣ. Глубокая тишина царствовала въ аудиторіи. Кругомъ на скамьяхъ, стульяхъ, столахъ, на самыхъ приступкахъ каѳедры тѣснились слушатели и скрипѣли перья. Но перья вдругъ умолкали подъ вліяніемъ какой-нибудь возвышенной мысли или изящнаго образа; самое дыханіе какъ будто мѣшало слуху; вся аудиторія превращалась въ беззвучный, напряженный слухъ, и еще торжественнѣе выступалъ тихій, симпатическій голосъ профессора.

Гдѣ жъ твои уроки, незабвенный учитель? гдѣ эти герои, народы, міры, вызванные изъ тмы вѣковъ твоимъ дивнымъ словомъ, проникнутые твоею думою? Мы привыкли уже повторять страшную фразу, что какой-то рокъ тяготѣетъ на передовыхъ людяхъ русскаго общества: смерть безвременно сводитъ ихъ въ могилу; но старались ли мы вдуматься въ грозный смыслъ явленія, которое, однообразно повторяясь, становится какимъ-то закономъ? Жизнь наша, какъ все существующее, конечно, въ рукѣ Божіей; но все су-

ществующее, равно какъ жизнь и смерть, повѣдаютъ Его же вѣчную міродержавную мысль. Постигать эту мысль, сколько то возможно для слабаго ума — вотъ первое призваніе человѣка. Не виновато ли само общество въ тлетворномъ воздѣйствіи на своихъ учителей? Подумайте, какимъ страшнымъ равнодушіемъ платимъ мы своимъ передовымъ людямъ! съ какимъ безучастіемъ смотримъ мы на труды ихъ, труды цѣлой жизни! Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ умеръ Крюковъ, а его чудныя лекціи тлѣютъ гдѣ-то неизданными. Скоро 10 лѣтъ, какъумеръ Грановскій, а гдѣ его лекціи? Сколько послѣ того другихъ могилъ! Нѣтъ преемника Грановскаго, Кудрявцева; нѣтъ Морошкина, благороднаго защитника русской доблести; нѣтъ Рулье. Какую надежду имѣемъ мы на изданіе ихъ твореній? Осыпавъ цвѣтами свѣжую могилу, вѣтряное племя бѣжитъ къ своему житейскому дѣлу, думая, что все сдѣлало для великаго человѣка... Есть что-то страшное въ этомъ тупомъ равнодушіи общества, какъ будто сознающаго свое недостоинство передъ всѣмъ великимъ и нравственнымъ.

. . . . . .

Окончимъ наши воспоминанія объ университетскихъ аудиторіяхъ одною изъ лучшихъ минутъ, тамъ нами испытанныхъ. Ею мы обязаны тому же Грановскому. 14 апрѣля 1847 года Т. Н. Грановскій окончилъ второму курсу юристовъ свои лекціи о всеобщей исторіи временами реформаціи.

Такъ какъ на послѣдующихъ курсахъ всеобщая исторія уже не читалась, то эта лекція была для насъ послѣдняя. Поэтому профессоръ заключилъ свой курсъ

немногими словами, обращенными лично къ студентамъ. Пусть читатели вспомнятъ, что слова эти произносились въ 1847 году. Они имѣли тогда весь интересъ современности. Теперь многое измѣнилось: другой уже духъ животворитъ общество; многое, что было тогда гаданіями, надеждами, осуществилось, многое уяснилось; тѣмъ не менѣе мы увѣрены, что тѣ, которые были соучастниками минуты, о которой говоримъ, съ удовольствіемъ прочтутъ слова профессора, въ которыхъ такъ и свѣтится его гуманная, любящая душа. Вотъ эти слова, сохранившіяся въ нашихъ тетрадкахъ:

«Во введеніи въ древнюю исторію мы видѣли, какъ различные писатели понимали цѣль исторіи; въ немъ же я изложилъ и современное ея пониманіе. Во сколько въ своемъ изложеніи я удовлетворилъ этому пониманію — судить не мнѣ.

«Отъ баснословныхъ преданій Китая и Индіи до временъ реформаціи мы видѣли, что человѣчество само часто сомнѣвалось въ своихъ дѣйствіяхъ, не довѣряло само себѣ; но, не смотря на то, шествіе народовъ было блистательно, было исполнено великихъ событій. Каждый вѣкъ добывалъ какую-либо идею, расширялъ область духа человѣческаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выносилъ свои язвы. И нашъ вѣкъ исполненъ недоумѣній. Мнѣнія о невыходимости Запада изъ тѣсной колеи развитія отзываются не только у насъ, но даже и на самомъ Западѣ. Мы, однако же, видѣли, что послѣ бурнаго времени всегда настаетъ періодъ усталости и покоя. Это мы видимъ и теперь. Вамъ извѣстны страшныя времена революціи; извѣстно, съ какими надеж-

дами и энтузіазмомъ бились народы съ Наполеономъ. Ожидали чего-то необычайнаго... Наполеонъ палъ; чудеснаго ничего не было, и настало время покоя и сомнѣнія. Даже тѣ, которые принимали участіе въ движеніи, сомнѣваются въ его результатахъ. Говорятъ, что эта всеобщая тоска, апатія происходитъ отъ разрыва мысли съ дѣйствительностью, что будто бы этотъ разрывъ пришелъ къ намъ съ Запада. Но мы видѣли изъ исторіи человѣчества, что мысль всегда не ладитъ съ дѣйствительностью: она идетъ впереди дѣйствительности, и всѣ попытки великихъ двигателей остаются не вполнѣ осуществленными. Однакожъ, рано или поздно дѣйствительность догоняетъ мысль. Гдѣ же результаты недавнихъ великихъ движеній? Смотря на пролетаріатъ и пауперизмъ (современныя язвы, на которыя, впрочемъ, указано и мѣтко указано), смотря на нихъ, мы увидимъ, что результаты движеній не достигнуты: язва эта неисцѣлима. Но не одно наше время имѣетъ эти язвы: ихъ имѣли всѣ вѣка; и если попытки соціалистовъ не достигли и, можетъ быть, никогда не достигнутъ правильнаго распредѣленія богатствъ — перваго, главнаго условія цивилизаціи, то мы многаго можемъ ожидать отъ развитія естественныхъ наукъ, которыя въ своихъ лабораторіяхъ разработываютъ матеріалы для будущихъ богатствъ.

«Мысль и у насъ опередила дѣйствительность; но соединеніе ихъ должно произойти. Скажу не изъ одного патріотизма, что ни въ одной странѣ не выработывается такихъ великихъ результатовъ, не совершается такого быстраго движенія, какъ въ Россіи. Въ нашей литературѣ отзываются всѣ великія современныя

идеи, и это не слѣпое подражаніе западу, а плодъ народной жизни. Но намъ должно сознаться, что въ нашей натурѣ есть что-то лѣнивое; мы большіе квіэтисты — можетъ быть, оттого, что въ Россіи легко живется. Мы чаще готовы мечтать о прошедшемъ, надѣяться на блистательное будущее и мало думаемъ о настоящемъ. Народы не такъ должны дѣйствовать; они должны почитать гробы предковъ, но не плакать надъ ними: это смѣшно и безполезно. Не должно предаваться и надеждамъ на будущее: оно неизвѣстно и находится въ рукѣ Божіей. Не повторяя толковъ о реформѣ Петра Великаго, прогрессъ русской жизни не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ послѣднія даже десять лѣтъ Россія сдѣлала очень много. Десять лѣтъ тому (скажу только это), я самъ былъ студентомъ, зналъ тогдашнихъ профессоровъ и студентовъ, знаю и теперешнихъ студентовъ: не говоря вамъ комплиментовъ, невозможно дѣлать никакого сравненія. И вы, милостивые государи, вышедъ изъ университета, должны осуществить въ жизни то, что вынесли отсюда. Не для однихъ разговоровъ въ гостиныхъ, можетъ быть, умныхъ, но безполезныхъ, посвящаетесь вы, а для того, чтобъ быть полезными гражданами и дѣятельными членами человѣчества. Возбужденіе къ практической дѣятельности — вотъ назначеніе исторіи. Она избавитъ насъ отъ пристрастія къ прошедшему, отъ надеждъ на будущее. Позвольте мнѣ пожелать, чтобы вы избрали на всю жизнь девизомъ слова Ульриха Фон-Гутена *): *наука пробуждается, умъ свободенъ, ве-*

*) О которомъ Грановскій читалъ въ эту лекцію.

село жить!.. весело не во имя тѣхъ удовольствій, которыя доставляетъ жизнь, а во имя науки и труда.»

Такъ напутствовалъ профессоръ своихъ учениковъ на подвигъ жизни. Пламеннымъ, вдохновеннымъ восторгомъ благодарили юноши своего великодушнаго учителя. Но, слѣдя очами за его благородной фигурой, думали ли мы тогда, что эти слова будутъ для насъ дѣйствительно послѣдними?.. Торжественно, честно совершилъ онъ свой земной подвигъ, и самъ, по его же дивному выраженію, *въ наслажденіи подвигомъ обрѣлъ себѣ высшую награду, какую даетъ жизнь.*

ЖИЗНЬ.

Возстаньте вновь видѣнія святыя!
Откликнитесь на мой живой привѣтъ!
Для васъ въ тѣ дни закладывалъ часы я...
На чердакѣ намъ любо въ двадцать лѣтъ.

Беранже.

Къ крайнему сожалѣнію, теперь я долженъ просить читателя подняться чрезвычайно высоко: въ четвертый этажъ одного дома первопрестольной столицы. Домъ этотъ, прекрасной итальянской архитектуры, красовался на одной изъ главныхъ улицъ Москвы. Первый этажъ его, занимаемый магазинами, представлялъ самую щеголеватую часть зданія. Множество разноцвѣтныхъ вывѣсокъ разговаривало съ прохожими на четырехъ

европейскихъ языкахъ; блестящія издѣлія Парижа и Лондона смотрѣли въ окна сквозь огромныя зеркальныя стекла. Но выше на всемъ фасадѣ ничего не было, кромѣ оконъ; только между третьимъ и четвертымъ этажами была большая черная доска, на которой полинялыми буквами было написано: *В—ое Подворье, гостинница для проѣзжающихъ*. Дѣйствительно, въ трехъ верхнихъ этажахъ была гостинница; но было бы несправедливо всѣ этажи смѣшать подъ одинъ общій характеръ, провозглашенный вывѣскою. Во второмъ и третьемъ этажахъ точно были нумера для проѣзжающихъ, оттого тамъ было вѣчное движеніе чемодановъ, подушекъ, перинъ и тѣхъ дорожныхъ физіономій, на которыхъ такъ явственно отпечатывались удобства нашихъ путевыхъ сообщеній. Четвертый этажъ имѣлъ совершенно иное значеніе. Населеніе его было осѣдлое и носило домовитый, постоянный характеръ. Это были не постояльцы, а жильцы — aborigines гостинницы.

.... Но прежде нежели мы познакомимся съ населеніемъ, надо сказать нѣсколько словъ о самомъ помѣщеніи.

Весь четвертый этажъ описаннаго нами дома раздѣлялся пополамъ широкимъ корридоромъ, который съ обоихъ концовъ освѣщался огромными полукруглыми окнами; оттого, не въ обиду знаменитымъ гостинницамъ Петербурга и Москвы — онъ былъ чрезвычайно свѣтелъ. По обѣимъ сторонамъ корридора, какъ водится, располагались нумера, а посрединѣ была обширная площадка съ однимъ ларемъ; на этомъ ларѣ квартировалъ нумерной Сенька, единственный хозяйскій слуга для всѣхъ тридцати нумеровъ этого этажа.

Первое впечатлѣніе, производимое четвертымъ этажемъ, было не совсѣмъ благопріятное. Это, какъ мнѣ кажется, происходило отъ непріятной неопредѣленности цвѣта, которымъ покрыты были стѣны, потолокъ, двери и всѣ res accessoriae. Сомнѣваюсь, чтобъ какой-нибудь реставраторъ могъ положительно объяснить, чѣмъ все это было покрыто: крашено ли было когда-нибудь, или штукатурено, кирпичъ ли это, или отвердѣвшая съ незапамятныхъ временъ пылъ — Богъ знаетъ! Время наложило какой-то свой особенный покровъ на эти почтенныя стѣны. Нумера состояли изъ одной, двухъ и трехъ комнатъ съ полинялыми обоями и съ полами, на которыхъ явственно обозначались слѣды нѣкогда бывшей на нихъ краски.

Эти-то нумера занимались большею частью студентами университета и людьми, которые, по роду занятій, ближе подходили къ этому молодому сословію. Такъ можно было тамъ встрѣтить музыканта изъ театральнаго оркестра, молодаго служителя Мельпомены, начинавшаго свое сценическое поприще, кандидата, не пріискавшаго мѣста и т. п. Иногда залеталъ туда жилецъ и другаго пола. За непроницаемою дверью нумера, къ крайнему удовольствію ученыхъ обитателей, слышался иногда нѣжный женскій голосъ. Сквозь растворившуюся случайно дверь, напримѣръ, 17 нумера запахъ англійскихъ благоуханій пріятно поражалъ обоняніе проходившаго медика 4-го курса и виднѣлись прекрасные ковры, покрывавшіе полъ. Кто была обитательница нумера, привлекавшаго всеобщее вниманіе — какъ узнать? Отъ Сеньки не было никакой возможности добиться чего-нибудь: онъ или спалъ или

бѣгалъ, какъ сумасшедшій, по нумерамъ съ чайниками, сапогами, самоваромъ, бутылками и т. п. На доскѣ гостинницы противъ 17 нумера съ убійственнымъ лаконизмомъ только и было написано: *занятъ*. Хозяинъ? Но, большею частью бывало такъ, что лучше избѣгать встрѣчи съ хозяиномъ, чѣмъ искать ея; къ тому же было дознано опытомъ, что хозяинъ въ этихъ случаяхъ былъ нѣмъ, какъ могила, а между тѣмъ обитательница таинственнаго нумера была прекрасна, какъ Психея. Когда выѣзжала, на ней былъ роскошный бархатный салопъ и очаровательная шляпка. Иногда появлялся въ 17 нумеръ господинъ, закутанный въ енотовую шубу. Больше ничего нельзя было узнать, какъ мы ни бились.

Странно: не смотря на офиціальное названіе В—го Подворья, четвертый этажъ его усвоилъ особое названіе: въ университетѣ, а за нимъ и во всей Москвѣ онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ *Ирландіи*. Если вы говорили, что отправляетесь въ Ирландію, то всякій зналъ, что вы ѣдете въ 4 этажъ В—го Подворья, къ кому-нибудь изъ студентовъ.

— Ну, что, какъ дѣла? спрашивалъ студентъ своего собрата и земляка, встрѣтясь на Тверскомъ Бульварѣ.

— Да плохо, отвѣчалъ тотъ: — вотъ надо съ квартиры переѣзжать.

— А что жъ у Петровой-то, развѣ ужь не живешь?

— Да не держитъ; надо переѣзжать.

— Такъ что жъ? Переѣзжай къ намъ. Я живу съ Т. въ Ирландіи, въ 10 №. У насъ двѣ комнаты.

— Да вѣдь надо за квартиру заплатить.

— Ну вотъ прекрасно! Дай записку: получишь деньги — отдашь, конечно. У тебя есть кровать?

— Кровати нѣтъ.

— А диванъ?

— Нѣтъ.... дивана нѣтъ.

— Ну, мебель какая-нибудь есть?

— Мебели нѣтъ никакой.... я нанимаю квартиру съ мебелью.

— Ну, такъ и отлично! значитъ, ты насъ и не стѣснишь. Однако, прощай, братъ, некогда. Переѣзжай, право, славно заживемъ.

И студентъ очень поспѣшно побѣжалъ по аллеѣ бульвара.

На другое утро землякъ дѣйствительно являлся въ 10 нумерѣ, таща за собою большой узелъ, въ которомъ заключалось множество тетрадей, книгъ, сафьянная подушка, чайникъ, чубукъ, треугольная шляпа и два стакана.

Что влекло сюда студенческую братію? отчего нумера Ирландіи были почти всегда заняты? Удобство помѣщенія? — можно было помѣститься и ближе. Дешевизна? — были квартиры не только не дороже, но значительно дешевле. Къ тому же, Ирландія по зимамъ была холодна. Хозяинъ хорошо зналъ человѣческую природу и умѣлъ ладить съ молодыми обитателями, не топя нумеровъ.

— Холодно въ четырнадцатомъ нумерѣ, говорилъ ему юристъ Черняевъ: — вчера совсѣмъ не топили.

— А! истопить, истопить, отвѣчалъ хозяинъ. — Ну, батюшка голосокъ! Этакаго не слыхивалъ! Какъ вчера вы *березеньку-то* пропѣли! Ей-Богу, наплакался.

Отчего это у насъ въ театрахъ-то такъ не поютъ, а еще по нотамъ? Прелесть, прелесть!

— Батюшка, холодно у насъ, говорилъ кудрявый студентъ, подъѣзжая къ воротамъ гостинницы на лихомъ рысакѣ и встрѣтивъ у подъѣзда хозяина.

— Эхъ, сударь, холодно! отвѣчалъ съ нѣжнѣйшей улыбкой хозяинъ: — Этакому молодцу холодно! Смотрите-ко шубка-то какая! Вѣдь енотовъ этакихъ поискать! Кто вамъ крылъ шубу? прелесть сукно! И отлично сидитъ на васъ! Какъ вы подъѣзжаете къ гостинницѣ-то, такъ любо смотрѣть прощайте, однако, я зайду къ вамъ.

— Холодно! приступалъ 18 нумеръ.

— Ну, батюшка, ораторъ, ей-Богу ораторъ! восклицалъ хозяинъ, рѣшительно восторженный. — Какъ вы третьягодня разсказывали о тайнобрачныхъ-то растеніяхъ — просто, прелесть! Заслушался, ей-Богу заслушался. Скажите, пожалуйста! И у растеній-то есть различіе половъ? ну, значитъ и амуры, и все такое.... Къ вамъ въ нумеръ любо зайти: чего не наслушаешься.

Въ нумерахъ все-таки было холодно; не смотря на то, Ирландія была полна обитателями. Одинаковость общественнаго положенія жильцовъ, сходство занятій и образа жизни, единство стремленій и надеждъ — вотъ что соединяло молодыхъ друзей науки подъ кровлю Ирландіи. Московскій университетъ стоялъ тогда на высшей ступени своего вѣковаго развитія. Въ стѣнахъ его стройно и свободно развивалась наука, звучали голоса людей, высоко стоявшихъ надъ общественнымъ уровнемъ. Мы имѣли уже случай сказать, что большая часть профессоровъ только-что при-

были изъ аудиторій Германіи и Франціи, гдѣ были замѣтными слушателями Шеллинга, Гегеля, Савиньи, Риттера, Шонлейна и другихъ знаменитостей вѣка. Принявъ науку изъ этихъ чистыхъ источниковъ, молодые ученые усвоили ее по-русски и передавали тѣмъ живымъ, увлекательнымъ словомъ, по которому она неотразимо вкоренялась въ душѣ слушателя. Современная тогда школа философіи Гегеля имѣла своимъ представителемъ краснорѣчиваго, нерѣдко вдохновеннаго ученаго. Историческая школа, начатая Нибуромъ и приложенная къ праву Савиньи, явилась въ классически-прекрасныхъ лекціяхъ римскаго права. Духъ славянскій, русская древность нашла своего Баяна въ профессорѣ Морошкинѣ. Чтенія его не отличались строгостью системы, научнымъ изложеніемъ, но останутся навсегда памятными по горячей любви къ родной старинѣ и по могучему русскому слову. Кто изъ его слушателей не вспомнитъ лекцій Ѳедора Лукича объ Іоаннахъ III и IV, его чудныхъ, художественно мѣткихъ характеристикъ древнихъ типовъ, монашества, бояръ, казаковъ! Время показало, какихъ преподавателей имѣла тогда исторія, какъ всеобщая, такъ и русская. Мы уже говорили о знаменитыхъ лекціяхъ Крюкова и Грановскаго. По русской исторіи публикѣ извѣстны труды гг. Погодина и Соловьева.

Въ большей части своихъ профессоровъ университетъ имѣлъ не просто ученыхъ, тружениковъ той или другой науки, но людей съ высокими нравственными убѣжденіями, съ глубокимъ сознаніемъ своего призванія и съ живою преданностью къ университету. Они любили свое дѣло и гордились имъ. Одинъ изъ профессоровъ

и знаменитый врачъ, будучи наверху славы и богатства, не разъ твердилъ своимъ слушателямъ, указывая на пуговицы своего университетскаго вицмундира: *горжусь, милостивые государи, единственно тѣмъ, что имѣю счастье носить эти пуговицы.* Другой оставилъ въ своей автобіографіи слѣдующія достопамятныя слова, говорящія о благородствѣ души самого автора:

«Профессоръ Морошкинъ свидѣтельствуетъ передъ потомствомъ, что имѣлъ счастіе видѣть въ профессорахъ московскаго университета просвѣщеннѣйшихъ и благороднѣйшихъ мужей нашего отечества, и считаетъ счастливымъ того, кто родился для сообщества съ подобными людьми.»

Таковъ былъ духъ, вѣявшій съ высоты каѳедръ московскаго университета. Въ отдаленныхъ предѣлахъ нашего отечества юноши слушали удивительные разсказы пріѣзжавшихъ изъ Москвы студентовъ объ этихъ корифеяхъ науки. Сильно бились сердца слушателей, и вотъ со всѣхъ сторонъ многоплеменной Россіи, съ горъ Кавказа, съ береговъ Иртыша и Вислы стремилось пылкое юношество къ подножію сіяющаго Кремля. Собираясь въ дальній путь, юноша немного везъ съ собою для обезпеченія четырехлѣтняго курса. Нерѣдко этого едва было достаточно на путь и на первоначальное обзаведеніе; но онъ везъ съ собою молодое, горячее сердце и безконечную жажду жизни и знанія. Богъ знаетъ, какія мечты и надежды роились въ сердцѣ! но были мечты и надежды — вотъ что важно! И эти надежды не обманывали. Если юноша не дѣлался Ньютономъ, Шеллингомъ, Аннибаломъ, или кѣмъ-нибудь подобнымъ, какъ онъ, можетъ быть, мечталъ, то онъ

становился въ ряды своихъ соотечественниковъ просвѣщеннымъ. Облагороженный чистыми идеалами добра и истины, онъ, конечно, вносилъ цѣнный вкладъ въ сокровищницу народнаго благополучія.

Духъ единства, какого-то братства, соединялъ между собою всѣхъ членовъ этой многочисленной молодой семьи, потому что ихъ одушевляло и роднило одно общее, это — безграничная, доходившая почти до энтузіазма преданность къ университету. Кромѣ ученыхъ своихъ достоинствъ, московскій университетъ самымъ долговременнымъ своимъ существованіемъ внушалъ къ себѣ какое-то благоговѣйное уваженіе. Древность существованія имѣетъ свои странныя, но неотразимыя права на сердце человѣка. Гоголь восторженно говоритъ о Римѣ; но едва ли сказалъ онъ что-нибудь лучше этихъ словъ: *Римъ уже и потому хорошъ, что ему 2000 лѣтъ.* Московскій университетъ достигалъ тогда предѣла своего столѣтняго служенія наукѣ и воспитанію; онъ имѣлъ не только богатую исторію, но и свои обычаи, преданія. По своему срединному положенію въ государствѣ, онъ вѣрно отвѣтствовалъ живымъ, задушевнымъ народнымъ интересамъ. Отъ Ломоносова до Карамзина и Жуковскаго, отъ основательницы Елисаветы до царствующаго нынѣ Монарха, его почетнаго члена, народная слава отразилась въ его исторіи. Могла ли не знать, не чувствовать всего этого чуткая, молодая природа его воспитанниковъ, которые въ отцахъ и дѣдахъ своихъ имѣли уже питомцевъ того же университета? Эта благородная гордость — быть воспитанникомъ славнѣйшаго университета, духъ братства и взаимнаго уваженія, наконецъ, молодость, ко-

торой представляла такую богатую пищу наука и привольная жизнь въ Москвѣ — все это дѣлало тогдашнихъ студентовъ вполнѣ счастливыми и довольными судьбою. Зачѣмъ роскошь и обиліе, когда всего этого такъ много въ головѣ и сердцѣ? Къ чему мебель Гамбса, стерляди и устрицы, когда и на треногихъ стульяхъ, вокругъ безконечнаго самовара билось сердце восторгомъ и умъ впервые сознавалъ обаятельную прелесть знанія. Презрѣніе къ роскоши было тогда даже въ модѣ, но не потому, чтобъ студенческое общество состояло изъ бѣдняковъ: между воспитанниками университета были члены первѣйшихъ фамилій русскихъ, большая же часть принадлежали къ дворянству, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ пользовались достаточнымъ содержаніемъ; между самыми бѣдными не было такихъ, которые бы не имѣли средствъ къ приличному существованію. Благодушное университетское начальство принимало бѣдныхъ на казенное содержаніе, или денежными вспоможеніями, такъ называемыми *стипендіями*, дѣлало совершенную бѣдность невозможною. Всѣ эти комическія приключенія въ нетопленныхъ квартирахъ, безъ обѣдовъ, десятиверстныя путешествія, чтобъ покурить табаку — все это происходило не отъ бѣдности, а отъ простаго, свойственнаго юности, неумѣнья вести дѣла свои хорошо, даже просто отъ нехотѣнія вести ихъ хорошо. Не лучше ли съ шумомъ и вакхомъ пустить на вѣтеръ всѣ свои наличныя деньги, когда и безъ денегъ живется такъ хорошо, даже еще лучше, чѣмъ съ деньгами? Когда нѣтъ денегъ, тѣснѣе кружокъ за самоваромъ, больше разговоровъ о приключеніяхъ и похожденіяхъ, тише и упоительнѣе бесѣда, наконецъ,

въ это-то время списываются и составляются лекціи, правильнѣе посѣщаются аудиторіи — и трудъ, вожделѣнный трудъ, вдохновляетъ душу.

Народонаселеніе Ирландіи, связанное единствомъ стремленій, представляло, однакожъ, все разнообразіе характеровъ, необходимое для общественной жизни. Личныя наклонности и привычки развивались здѣсь свободно и полно. Вотъ, напримѣръ, 16 нумеръ. Занимавшій его студентъ, юристъ 3-го курса, былъ музыкантъ заклятой. Будучи самъ весьма даровитымъ скрипачомъ, онъ былъ знакомъ съ лучшими музыкантами Москвы и Петербурга; оттого въ его нумерѣ можно было выслушать пьесы Моцарта и Бетховена, исполненныя классически. Богачъ и сибаритъ, онъ, однакожъ, нигдѣ не хотѣлъ жить, кромѣ Ирландіи. «Чтобъ никого не безпокоить своими квартетами (утверждалъ чудакъ), надо нанимать большую квартиру, держать много прислуги, жить на большую ногу — а это тоска. Здѣсь же двухъ нумеровъ и одного слуги мнѣ очень довольно. Сверхъ того, кругомъ все свои.» Но вотъ 13 нумеръ совсѣмъ другаго свойства: здѣсь любители преферанса. Ночи напролетъ слышатся здѣсь: семь червей, безкозырная, пасъ и т. п. Были характеры, которые приходили сюда и всю ночь сидѣли возлѣ котораго нибудь изъ игроковъ, ограничиваясь одною критикою. Въ бой вступать не рѣшались: они уже испытали колесо фортуны, выходя изъ 13 нумера, проигравъ не только наличное свое состояніе, но и то, которое ожидалось получить.

Хотите поэзіи? Вотъ рядомъ 14 нумеръ. Шекспиръ, Байронъ, Гёте, Шиллеръ — въ лучшихъ изда-

ніяхъ, но ужъ, извините, безъ переплетовъ — лежали на стульяхъ, на кровати, вездѣ. Студентъ проводилъ ночи за чтеніемъ великихъ поэтовъ. Восторженный, краснорѣчивый, онъ самъ увлекалъ нерѣдко суждениями объ искусствѣ. Великій Шекспиръ былъ идоломъ его души. Обладая даромъ художественнаго чтенія, онъ нерѣдко читалъ собравшемуся кружку творенія британскаго поэта, и, признаюсь, я никогда, ни прежде, ни послѣ, не слыхалъ такого мастерскаго чтенія. Въ этомъ нумерѣ бывалъ тотъ, кто однимъ словомъ, однимъ жестомъ, однимъ стономъ потрясалъ своды театра. Студентъ былъ другъ Мочалова, и этотъ титанъ-актеръ нерѣдко исповѣдовалъ юношѣ муки души своей.

Случалось, что часа въ два или три ночи, когда сонъ смежалъ уже глаза всей Ирландіи, вдругъ разносился по нумерамъ страшный крикъ, который длился иногда болѣе получаса. Вы подумали бы, что пожаръ въ Ирландіи, или какое нибудь страшнее злодѣяніе въ ней совершается. Ничего не бывало; жители Ирландіи были спокойны; это кричитъ 9 нумеръ. Обитатель его, панъ Свенторжицкій, проводилъ въ анатомическомъ театрѣ всѣ дни, а иногда и ночи. Когда же ночевалъ дома, то все-таки до трехъ или четырехъ часовъ сидѣлъ, читалъ медицинскія сочиненія или писалъ лекціи. Но передъ тѣмъ, какъ ему надо было ложиться спать, онъ поднималъ обыкновенно страшный крикъ, разумѣя подъ этимъ, что онъ поетъ арію. Когда любопытные спрашивали о причинѣ такого необыкновеннаго пѣснопѣнія, то панъ Свенторжицкій отвѣчалъ: «нельзя, пане браце! Вѣдь, просидѣвъ двадцать часовъ въ сутки, бѣда

лечь въ постель, не давъ движенія легкимъ.» Обитатели Ирландіи были довольны объясненіемъ.

Вотъ и нашъ 15 нумеръ. Вотъ его необширныя и неблестящія комфортомъ комнаты; вотъ его полинявшія стѣны, на которыхъ съ одной стороны виситъ видъ Кремля, а съ другой нѣсколько костей изъ анатомическаго театра. Съ любовью, однакожъ, вспоминаю о тебѣ, небогатый, но вѣчно-памятный кровъ! Зачѣмъ не могу воротиться къ тебѣ снова юнымъ и свѣтлымъ? Здѣсь впервые извѣданы были лучшія стремленія души: и жажда знанія, и упоеніе искусствомъ, и муки любви; здѣсь самоотверженіе дружбы, очарованіе тихой полуночной бесѣды; здѣсь мечты, жажда славы; здѣсь пылъ молодости и страсти; здѣсь вѣра въ красоту и доблесть жизни... о, чего здѣсь нѣтъ!..

Товарищами моими были Петръ Петровичъ Каряевъ и медикъ Чудаковъ, Сергѣй Васильевичъ, извѣстный, впрочемъ, на всемъ медицинскомъ факультетѣ подъ именемъ *Василича*. Это былъ чистый плодъ здороваго городскаго сословія дальнихъ нашихъ губерній, еще неиспорченныхъ дурною стороною цивилизаціи. Бездомный и безродный, но съ глубокою и сознательно-ощущаемою жаждою къ просвѣщенію, онъ чуть ли не пѣшкомъ пришелъ прямо въ правленіе университета и подалъ прошеніе о дозволеніи держать экзаменъ. Тутъ ужъ онъ столкнулся съ прежними товарищами по гимназіи и пріютился гдѣ-то. Глубоко-добрая душа его, неспособная возмутить никого, свѣжій, здоровый умъ и какая-то особенная простота всей его природы располагали къ нему всѣхъ. Съ перваго же свиданія вы стали бы называть его Василичемъ и берегли бы какъ

ребенка. Свѣжія, ясныя сужденія его о наукѣ, оригинальные разсказы изъ богатой области естествовѣдѣнія нравились всѣмъ. Его пытливая страсть сквозь матерію пробраться къ духовной природѣ человѣка, его наклонность къ мистицизму, нерѣдко встрѣчавшаяся тогда въ медикахъ, дѣлали бесѣду его чрезвычайно оригинальною и занимательною. Любящая душа его была готова на помощь всегда. Сколько ночей проведено было имъ у постелей больныхъ товарищей, гдѣ онъ исполнялъ обязанности не только медика, но фельдшера, сидѣлки, даже слуги! Добрая и дѣйствительно-благородная душа не смущалась никакою услугою человѣку, не отступала передъ добрымъ дѣломъ, въ какомъ бы образѣ оно ни представлялось. Когда, на послѣднихъ курсахъ, пріобрѣтенныя знанія дали ему средство помогать страждущимъ (у Василича было множество паціентовъ, но гдѣ? въ кругу нищенствующаго населенія столицы), нерѣдко можно было встрѣтить Василича въ трескучій морозъ бѣгущаго въ холодной казенной шинелькѣ на практику къ своимъ убогимъ паціентамъ. Подъ этою шинелькой можно было найти или казенный медикаментъ, доставшійся ему послѣ особенныхъ усилій, или булку, сохраненную отъ скудной студенческой трапезы,—все это назначалось паціентамъ Василича.

Совсѣмъ инаго свойства былъ Каряевъ. Это былъ *футуръ*. Футурами (отъ латинскаго слова futurus, то есть «имѣющій быть») назывались тѣ молодые люди, которые пріѣзжали въ столицу, чтобъ приготовиться для вступительнаго экзамена въ университетъ. Они большею частью жили въ кругу студентовъ и пользо-

вались ихъ тетрадями, совѣтами и т. п. Проведя довольно долгое время въ обществѣ студентовъ, они еще до вступленія въ университетъ принимали всѣ студенческіе обычаи. Студенты считали обязанностью помогать футуру выдержать экзаменъ. Футуръ Каряевъ два раза пробовалъ держать экзаменъ, и два раза не удавалось. Въ продолженіе этого времени онъ пріобрѣлъ совершенную популярность между студентами и самъ питалъ къ нимъ и къ университету безграничную преданность. Каряевъ не обладалъ краснорѣчіемъ и въ трансцендентальныя пренія не пускался: но слушать глубокомысленныя сужденія ученой братіи былъ охотникъ страстный; какая бы жаркая полемика ни кипѣла между собесѣдниками, Каряевъ не вступалъ въ нее, но все сидѣлъ и тянулъ изъ своего коротенькаго черешневаго чубучка. Изрѣдка только, подъ обаяніемъ какой-нибудь выспренней апострофы оратора, Каряевъ вдругъ вскакивалъ и вскрикивалъ: «Чортъ его возьми, какъ хорошо говоритъ!» и снова накладывалъ трубку.

Каряева звали практическимъ человѣкомъ; но почему—это требуетъ объясненія. Изъ ученаго его поприща этого, конечно, не видно: кромѣ того, будучи человѣкомъ весьма достаточнымъ, Каряевъ былъ всегда въ долгу, какъ въ шелку. Часы, цѣпочка, перстень, шуба были при немъ только тогда, какъ онъ уѣзжалъ на вакацію или возвращался. Практическій человѣкъ онъ былъ потому, что никто такъ скоро и такъ искусно не находился въ пріобрѣтеніи средствъ, когда нужно было устроить какую-нибудь загородную прогулку, пирушку и т. п. Посреди молчанія раздавался внезапно звукъ: «*О!*», вожделѣнный смыслъ котораго былъ хо-

рошо понятенъ. Звукъ этотъ значилъ то же, что архимедово «нашелъ». Онъ обыкновенно вылеталъ изъ устъ Каряева тогда, когда онъ осѣнялся внезапною мыслью о пріобрѣтеніи. Въ квартирѣ Петра Петровича все было въ чрезвычайномъ порядкѣ и чистотѣ; все стояло на своемъ мѣстѣ и приводить что-либо въ безпорядокъ запрещалось строго. Никто не могъ такъ акуратно и такъ безконечно долго разливать чай. Самъ онъ былъ готовъ пить чай во всякое время дня и ночи, и притомъ, сколько угодно. Чубукъ его содержался въ необыкновенной чистотѣ, и зато онъ никому его не давалъ, развѣ только въ минуту особеннаго расположенія. Если жъ кто-нибудь изъ товарищей отъѣзжалъ куда-нибудь, то Петръ Петровичъ тутъ былъ рѣшительно необходимъ. И никогда онъ не былъ такъ въ своей тарелкѣ, какъ въ это время. Онъ зналъ въ совершенствѣ, гдѣ и что купить лучше и дешевле, гдѣ и какъ нанять лошадей, а ужь уложить чемоданъ рѣшительно никто не умѣлъ съ такимъ совершенствомъ, какъ онъ. До послѣдней минуты Каряевъ не уставалъ ссужать отъѣзжавшаго наставленіями. Богъ знаетъ, почему онъ зналъ почти всѣ почтовые тракты. Когда, бывало, уже лошади двинутся, то и тутъ Каряевъ долго еще бѣжитъ, придерживаясь за край повозки и кричитъ студенту: «Батинька, какъ пріѣдешь на Черемуховскую-то станцію, такъ не входи въ гостинницу...» и проч.

15 нумеръ почему-то былъ центромъ собранія почти всего ирландскаго общества. Въ два часа ночи можно было застать тамъ тихую, но всегда интересную бе-

сѣду. Здѣсь какъ-то охотнѣе собирался кружокъ и громче раздавалось:

Edite, bibite collegiales,
Post multa secula
Pocula nulla!

Но все это было зимою, когда нумера Ирландіи были полны, а теперь стояло пыльное знойное лѣто. Экзамены кончились; футуръ Каряевъ сталъ студентомъ юридическаго факультета. Ирландія опустѣла; студенты разъѣхались, знакомые тоже: кто на дачу, кто въ деревню. Настало время покоя и свободы. Но, на бѣду, съ нами приключилась маленькая непріятность, случающаяся и не въ студенческой жизни. Въ 15 нумерѣ оказался большой недостатокъ въ звонкой монетѣ. Экономисты утверждаютъ, что деньги вовсе не составляютъ богатства; что эти пустяки служатъ только для обмѣна цѣнностей. Мы и сами это знали очень хорошо; но вѣдь надо же на что нибудь вымѣнивать чай, сахаръ, булки, не говоря уже о самой пустой и прозаической вещи — объ обѣдѣ. Во время экзаменовъ некогда было подумать, что намъ угрожаетъ значительный дефицитъ, но теперь, почивая на лаврахъ, мы ясно это замѣтили. Главное, надо было платить за квартиру. Хозяинъ былъ совершенный профанъ въ политической экономіи и выказывалъ явное желаніе получить съ насъ сколько нибудь этого, ничего нестоющаго металла. Хотя онъ и заходилъ, по-прежнему, въ 15 нумеръ; но посѣщенія его были коротки и дѣлались съ очевидною цѣлью поразвѣдать — *не разбогатѣли ли господа*. Все это, конечно, не располагало къ веселью. Петръ Петровичъ, молча, ходилъ по комнатѣ

въ туфляхъ и новомъ вицмундирѣ, который ему такъ пріятно улыбался. Василичъ лежалъ на диванѣ и читалъ токсикологію, науку о ядахъ, изъ которой онъ еще не держалъ экзамена. Я сидѣлъ у окна и смотрѣлъ на великолѣпную панораму Москвы, которая на необъятномъ пространствѣ развертывалась передъ глазами. Съ боку блестѣлъ Кремль золотыми главами соборовъ и кровлею царскихъ палатъ; возлѣ него, изъ-за пестрѣющихъ кровель, вырѣзывался своими оригинальными главами соборъ Василія Блаженнаго — чудный памятникъ временъ Грознаго; тамъ церковь Николы-въ-Столпахъ съ могилой боярина Матвѣева; лѣвѣе памятникъ временъ Петровыхъ — великолѣпная Сухарева Башня, которую ночью обходитъ простолюдинъ, потому что въ ней когда-то жилъ знаменитый колдунъ и заклалъ въ стѣнахъ свои проклятыя книги; недалеко такъ называемая Менщикова Башня, которую

Счастья баловень безродный
Полудержавный властелинъ

построилъ во времена своего могущества; тамъ, далѣе, виднѣются Крутицы, гдѣ нѣкогда былъ Крутицкій монастырь, мѣсто заключенія Никона; далѣе Симоновъ монастырь и вся синѣющая окрестность чудной столицы. О, Москва! Москва! какія могучія, таинственныя связи существуютъ между тобою и сынами твоего университета, проведшими лучшіе годы жизни у твоихъ гробницъ, подъ звуками твоихъ колоколовъ, въ виду твоихъ торжественныхъ ходовъ! Какъ святъ, какъ многозначителенъ для нихъ твой историческій покровъ! По твоимъ храмамъ, по твоимъ гробницамъ, по твоимъ

вьющимся улицамъ и садамъ, какъ по картѣ, изучались слышанные въ аудиторіи уроки родной исторіи. Отъ трона Мономаха до колыбели Петра, отъ Петра до колыбели того, кѣмъ счастлива теперь Россія — все въ твоихъ стѣнахъ, въ твоихъ бѣлокаменныхъ палатахъ. Это священное вѣяніе исторіи, это постоянное наглядное созерцаніе того, что завѣтно для русскаго сердца, составляетъ необъяснимую прелесть и важное значеніе Москвы!

— *О!* вдругъ раздался сзади меня звукъ, хорошо понятный.

Я невольно обернулся. Лице Петра Петровича сіяло вдохновеніемъ.

— Василичъ, одѣвайся! сказалъ онъ поспѣшно, снимая туфли и надѣвая сапоги.

Василичъ немедленно обратился къ гардеробу.

— Куда ты, Петръ Петровичъ? спросилъ я въ изумленіи.

— Дачу нанимать, батинька, отвѣчалъ спокойно Петръ Петровичъ.

— Какъ дачу? спросилъ я, не понимая Каряева.

— Такъ, батинька, дачу, съ совершенною увѣренностью отвѣчалъ Петръ Петровичъ.

— Да капиталы-то, Петръ Петровичъ, капиталы-то гдѣ?

— Зачѣмъ, батинька, капиталы? мы пока наймемъ безъ капиталовъ. А тамъ, что Богъ дастъ.... Да ну, ну, Василичъ, одѣвайся поскорѣе; вѣдь пора, надо идти далеко.

Какъ ни былъ я увѣренъ въ практическихъ свойствахъ Каряева, но, признаюсь, настоящій замыселъ

ничего, кромѣ смѣшнаго, мнѣ не представлялъ. Помилуйте, какая тутъ дача, когда о дневномъ-то существованіи мы должны были серьезно задумываться. А тутъ еще надо было отдать хозяину за квартиру, переѣхать, обзавестись.

— Видишь ты, началъ Петръ Петровичъ, угадывая мое сомнѣніе: — деньги проживать все равно, что здѣсь, что на дачѣ.

— Это такъ, отвѣчалъ я: — но вѣдь денегъ-то нѣтъ.

— Время стоитъ жаркое, продолжалъ Петровичъ: — надачѣ жить теперь лучше. Въ Зыковѣ есть дачи неотданныя, и хозяева не ожидаютъ уже жильцовъ: поэтому они отдадутъ дачу дешево, и притомъ согласятся взять половину денегъ черезъ мѣсяцъ, когда я получу деньги, а другую половину въ концѣ лѣта, когда буду переѣзжать на зимнія квартиры.

— Но хозяинъ-то, хозяинъ? вопрошалъ я въ недоумѣніи.

— Батинька, да развѣ онъ не видитъ, что у насъ денегъ нѣтъ? Онъ будетъ радъ отпустить насъ, взявъ обязательство заплатить послѣ. Вѣдь не первый годъ мы съ нимъ знакомы.

— Ну, gloria tibi! невольно воскликнулъ я, изумленный дальновидными соображеніями Петра Петровича.

Дѣйствительно, дня черезъ три Каряевъ и Кулаковъ поселились на дачѣ въ Зыковѣ, а я переѣхалъ къ знакомому студенту, съ которымъ и прожилъ все лѣто.

Надо замѣтить, что вакація для студентовъ, остающихся въ Москвѣ, не была тѣмъ обѣтованнымъ временемъ, какимъ она была для уѣзжавшихъ къ роднымъ. Сначала, послѣ тревогъ и трудовъ экзамена,

она, конечно, пріятно улыбалась своею трехмѣсячною далью; но потомъ скука, одиночество, однообразіе утомляли и надоѣдали страшно; недостатокъ университетскихъ лекцій, многолюдныхъ собраній въ аудиторіяхъ чувствовался живѣе и живѣе. Подъ конецъ вакаціи, съ нетерпѣніемъ ждали, бывало, начала академическаго курса. Наскучали и книги, и бульвары, даже модные магазины, которые, подъ таинственнымъ покровомъ сумерекъ... и тѣ надоѣдали. Оставалось неизмѣннымъ одно удовольствіе — *ходить въ правленіе*.

Долгомъ считаю объяснить, что правленіе университета, кромѣ своего административнаго значенія, имѣло для студентовъ другое, болѣе интересное: туда обыкновенно приносились письма и почтовыя повѣстки, адресуемыя на имя студентовъ. Тѣ и другія записывались на особыхъ листахъ, которые лежали на столѣ. Можете себѣ представить, какое сокровище составляли для насъ эти листы, особенно тотъ, на которомъ записывались вожделѣнныя повѣстки! Вотъ почему вопросы: что новаго въ правленіи, нѣтъ ли мнѣ письма, повѣстки? тотчасъ же слѣдовали за первыми привѣтствіями. Были любители, которые каждый день посѣщали правленіе — просто, ради новостей. Тамъ всегда можно было съ кѣмъ нибудь встрѣтиться, что нибудь узнать. Столъ, на которомъ лежали драгоцѣнные листы, былъ чѣмъ-то въ родѣ справочной конторы, неподвижной газеты. Онъ почти постоянно былъ покрытъ различными объявленіями, приглашеніями и т. п. Напримѣръ, «студентъ такой-то желаетъ пріобрѣсть курсъ анатомическихъ лекцій.» — «Купецъ К., пріѣхавшій изъ В*, проситъ г. студента такого-то пожаловать къ

нему или объявить свой адресъ.» Но — увы! между этими объявленіями встрѣчалось иногда такое, которое повергало въ крайнее смущеніе того, къ кому обращалось. «Его высокоблагородіе инспекторъ студентовъ приглашаетъ г. студента такого-то явиться къ нему въ девять часовъ утра.» Между этими воззваніями встрѣчались иногда замѣчательные по своей оригинальности. Такъ однажды мнѣ случилось прочесть слѣдующее приглашеніе, — свидѣтельствующее о вакаціонной скукѣ и одиночествѣ: *Студентъ такой-то, имѣющій жительство тамъ-то, проситъ кого нибудь изъ г. студентовъ пожаловать къ нему для дружеской бесѣды.*

Благодаря свободѣ и скукѣ, я часто посѣщалъ моихъ зыковскихъ пріятелей. Дача ихъ, какъ и многія зыковскія дачи, не отличалась роскошью и удобствомъ помѣщенія. Это былъ небольшой досчатый домикъ, разгороженный на три или четыре клѣтки, которыя назывались комнатами. Дача была меблирована двумя кроватями, Каряева и Василича, простымъ деревяннымъ столомъ хозяйскимъ и нѣсколькими стульями, которые Петръ Петровичъ взялъ, какъ онъ выражался, заимообразно у знакомыхъ студентовъ. Прислуга была хозяйская. Чай наливала какая-то хорошенькая Маша, не роскошно, а чрезвычайно кокетливо одѣтая. Кто она была — я не знаю. Петръ Петровичъ не рекомендовалъ — и никто не спрашивалъ. Знакомились тотчасъ же за стаканомъ чаю, и съ перваго же свиданія звали ее Машей — вотъ все, что знаю изъ ея біографіи.

Безмятежно и тихо проходила жизнь нашихъ дачниковъ. Василичъ занимался зыковской флорой. Петръ Петровичъ обратилъ особенное вниманіе на мѣстность,

почву и на характеръ обитателей; купался въ прудѣ, въ которомъ было безконечное множество піявокъ, и нерѣдко ходилъ въ Москву покупать чай, сахаръ и гвозди. Послѣдніе безпрестанно ему надобились для приведенія своего помѣщенія въ должный порядокъ. Вообще оригинальныя привычки Каряева развивались здѣсь на свободѣ. Своеобразный его характеръ сообщилъ немало занимательности этому періоду нашей жизни. Приходящаго студента Петръ Петровичъ немедленно вопрошалъ: «нѣтъ ли новаго въ правленіи?» Гость отвѣчалъ, что ему нѣтъ ни письма, ни повѣстки, и послѣ этого помѣщался, дѣйствительно, *какъ дома*.

Итакъ, все шло хорошо; но бури, какъ видно, бываютъ вездѣ. Случилось одно обстоятельство, которое возмутило горизонтъ и на дачѣ. Поводомъ къ бѣдѣ послужили на этотъ разъ самыя практическія свойства Каряева. Прогуливаясь по зыковской дачѣ, Петръ Петровичъ удивленъ былъ — не свѣжестью зеленѣющихъ деревьевъ, не благоуханіемъ растущихъ въ обиліи ландышей, не пѣньемъ соловья: Петръ Петровичъ къ красотамъ природы не чувствовалъ особенной привязанности — Каряевъ былъ пораженъ безконечнымъ множествомъ еловыхъ шишекъ, покрывавшихъ всю почву зыковской рощи. Это огромное количество хрустящихъ подъ ногами шишекъ долго и серьезно занимало Каряева. Не разъ восклицалъ онъ, въ раздумьѣ ходя по рощѣ: «Эка пропасть! Откуда набралась ихъ такая гибель?... и на кой чортъ?» Отдыху не давали шишки Каряеву. Наконецъ онъ нашелъ выходъ изъ угнетавшаго его недоумѣнія.

— Василичъ, набирай шишекъ! вскричалъ однажды Каряевъ, прогуливаясь по рощѣ.

Василичъ въ это время рвалъ ландыши для Маши и, конечно, находилъ это занятіе пріятнѣе; но онъ не любилъ противорѣчить причудамъ своего пріятеля, и сталъ собирать шишки. Набравъ ихъ значительное количество, пріятели возвратились домой. Когда стали ставить самоваръ, объяснилось назначеніе, которое Петръ Петровичъ придумалъ дать еловымъ шишкамъ: онъ ввалилъ ихъ огромное количество въ самоваръ, вмѣсто угольевъ. Пропитанныя смолою, онѣ дѣйствительно весьма скоро разогрѣвали самоваръ, но за то копоть и чадъ были невыносимы. Сосѣди стали навѣрное угадывать, что у студентовъ ставятъ самоваръ. «За то, батенька, мы не будемъ цѣлое лѣто покупать угольевъ», говорилъ Петръ Петровичъ. И дѣйствительно, первое, что онъ заповѣдовавъ приходившему къ нему гостю, это тотчасъ же отправиться въ рощу и набрать шишекъ, которыхъ, поэтому, у него былъ всегда порядочный запасъ. При этомъ надо замѣтить еще обстоятельство. Переѣзжая на дачу, господа наши потеряли трубу отъ самовара. За то Петру Петровичу посчастливилось найти обломокъ отъ водосточной трубы, и именно конечный обломокъ, который обыкновенно бываетъ загнутъ. Петръ Петровичъ счелъ весьма приличнымъ замѣнить этимъ обломкомъ утраченную трубу самовара. Можете себѣ представить, какой адскій чадъ выходилъ изъ самовара, когда въ немъ запылаютъ смолистыя шишки и когда весь дымъ сосредоточится въ узкомъ каналѣ трубы! На бѣду, Петръ Петровичъ былъ въ это время въ ссорѣ съ однимъ сосѣднимъ

семействомъ, которое выразило несовсѣмъ выгодное мнѣніе о репутаціи Маши. Каряевъ долго носилъ въ груди затаенную злобу, и вдругъ придумалъ изъ обломка трубы сдѣлать орудіе безпощаднаго мщенія.

Разъ, въ прекрасный іюльскій вечеръ, семейство, о которомъ я сказалъ, расположилось пить чай на балконѣ. Петръ Петровичъ, напившись уже чаю, сидѣлъ съ нѣсколькими товарищами у себя на крыльцѣ, противъ самаго балкона, и курилъ трубку. Вдругъ, къ всеобщему удивленію, Петръ Петровичъ велѣлъ снова поставить самоваръ. Самоваръ налили водою, вынесли, по приказанію Каряева, на крыльцо, вложили огромное количество шишекъ и поставили трубу.

— Василичъ, наводи! хладнокровно произнесъ Каряевъ.

По глухому хохоту Васильича можно было понять, что онъ уже угадалъ злобное намѣреніе пріятеля. Послушный исполнитель его воли, Кулаковъ повернулъ отверзтіе трубы прямо къ балкону: черная, густая струя чада понеслась прямо на балконъ: кашель, чиханье тотчасъ же раздались у сосѣдей. Петръ Петровичъ съ жесточайшимъ хладнокровіемъ подкладывалъ шишекъ. Съ балкона ушли, но убійственный чадъ несся въ окна; закрыли окна, но дымъ пробивался въ отверзтія, въ щели карточнаго зданія. Упоенный побѣдою, Петръ Петровичъ торжествовалъ.

Съ этого времени водосточное орудіе обратилось рѣшительно въ орудіе мести. Стоило только разсердить Петра Петровича — роковое *наводи* вылетало изъ устъ его — и смоляной чадъ преслѣдовалъ неосторожнаго сосѣда. Наконецъ, ужасное *наводи* возмутило всѣхъ со-

сѣдей. Когда Петръ Петровичъ ставилъ самоваръ, надо было бѣжать, закрывать окна, даже ставни. Пріятно ли это на дачѣ, когда за чистый воздухъ платятъ такъ дорого? Рѣшились обратиться къ полиціи. Изъ Петровскаго Парка явился квартальный надзиратель и объявилъ, что нельзя коптить сосѣдей, что разогрѣвать самоваръ надо угольями, а не шишками. Кто же еловыми шишками разогрѣваетъ самоваръ? Но Каряева въ подобныхъ случаяхъ трудно было застать невооруженнымъ. Съ тономъ непреклоннаго убѣжденія онъ отвѣчалъ, что полиція не имѣетъ права вмѣшиваться въ его хозяйственныя распоряженія; что онъ никакъ не намѣренъ покупать уголья, когда можетъ разогрѣвать самоваръ совершенно безденежно средствами, которыя доставляетъ ему сама природа, и что, наконецъ, заключилъ Каряевъ, г. квартальный надзиратель беретъ на себя чужія обязанности, потому-что Зыково подлежитъ вѣдомству не городской полиціи, а земской. Слѣдовательно, недовольные должны обратиться къ становому приставу. Квартальный надзиратель пожалъ плечами и вышелъ, а сосѣди долго отыскивали становаго пристава. Однакожъ, когда первый пылъ ожесточенія прошелъ, враждующія партіи вознамѣрились сдѣлать взаимныя уступки. Сосѣди нашли возможнымъ щадить самолюбіе Каряева и оставить въ покоѣ его домашнія привязанности, а Петръ Петровичъ разсудилъ быть похладнокровнѣе на счетъ общаго мнѣнія — и миръ водворился снова.

За исключеніемъ описанной нами непріятности, ничто болѣе не возмущало жизни нашихъ героевъ. Остатокъ лѣта проведенъ былъ счастливо и беззаботно.

Небольшой, но веселый кружокъ собирался вокругъ кипящаго самовара, который нерѣдко смѣнялся неприхотливымъ ужиномъ и стаканомъ добраго вина. Любилъ я эти тихія, полуночныя бесѣды, гдѣ серьезное смѣнялось шуткою, и наоборотъ. Университетскія лекціи и живое сочувствіе къ нимъ слушателей давали богатое содержаніе для разговоровъ. Медикъ приносилъ разсказы о своихъ трудахъ въ анатомическомъ театрѣ, о чудесахъ клиническаго леченія; юристы платили имъ тогдашними философскими теоріями; математики разсказывали про свои астрономическія лекціи, которыя, будто-бы, читались такъ увлекательно и просто, что сторожа прислушивались къ нимъ у дверей и разсказывали послѣ, какъ *планиды ходятъ по небу*. Московская сцена была однимъ изъ любимѣйшихъ предметовъ для сужденій. Москву волновалъ тогда могучій геній Мочалова; въ балетѣ блистала Санковская; комедія съ знаменитымъ Щепкинымъ могла спорить съ любою европейскою сценою. А экзамены съ своими удачами и неудачами, торжествами и пораженіями — какой неистощимый предметъ для разговоровъ, шутокъ, анекдотовъ! А ты, незабвенный, вѣчно-дорогой сердцу пѣстунъ двѣнадцати университетскихъ поколѣній, ты, *отецъ и благодѣтель нашъ Платонъ Степановичъ*, какіе чистые, святые разсказы о твоей благородной душѣ ходили по студенческимъ кельямъ! Имя его будетъ вѣчно памятно московскому университету. Оно не даромъ стоитъ на рубежѣ двухъ вѣковъ его исторіи. Второе столѣтіе съ любовью смотритъ на прекрасный образъ этого человѣка, который такъ чисто, такъ благородно велъ университетскую нравственность къ добру

и чести. Стихія Чернаго Моря ему была извѣстнѣе, конечно, чѣмъ тогдашнія теоріи дѣйствительности и разумности; но благородной натурѣ были понятны достоинство и святость науки; поэтому служащее ей юношество онъ любилъ какъ отецъ и уважалъ какъ человѣкъ, богато одаренный нравственнымъ чувствомъ. *Если мы не поймемъ, такъ кто жъ пойметъ?* говаривалъ онъ, вступаясь за студентовъ. Слова его были родственны, близки каждому. Упреки его часто доводили до слезъ весьма неслезливыя натуры. *Всѣ меня любятъ, всѣ слушаютъ, одинъ ты меня не бережешь,* — слова эти были ужаснѣе всякаго карцера и служили вѣрнымъ завѣтомъ къ исправленію.

Бесѣда длилась долго. Чѣмъ живѣе ходилъ бокалъ, тѣмъ скромнѣе становились рѣчи. Маша, склонивъ на плечо Каряева беззаботную свою головку, спала. Благоухающая ночь, глядѣвшая въ окна, удалялась съ своими звѣздами; хоръ птицъ начиналъ свою утреннюю пѣсню; лучъ денницы позлащалъ края востока; но ярче солнца позлащала все ты, вѣчно милая, ты, невозвратно улетѣвшая молодость!

ТЕАТРЪ.

Опять ты здѣсь, мой благодатный геній!
Жуковскій.

Студентъ В — ъ больше полугода жилъ въ Москвѣ, а не видалъ столичнаго театра. Какъ ни хотѣлось ему съ нимъ познакомиться, но все что-нибудь задерживало.

Былъ темный ноябрскій вечеръ. Скука, одиночество, хандра томили В — а. Ничего не думалось, не читалось. Хорошо бы пройтись, да на улицѣ грязь и страшная осенняя изморозь. Вдругъ въ головѣ его мелькнула свѣтлая мысль: «въ театръ!» подумалъ В — ъ и тотчасъ же сталъ одѣваться. Но что даютъ? Ахъ, еслибъ Мочаловъ или Щепкинъ! Впрочемъ, изъ двухъ-то который-нибудь навѣрное будетъ. В — ъ пріѣхалъ въ театръ — и къ афишѣ. Тутъ онъ совершенно упалъ духомъ: на одномъ театрѣ давались какіе-то глупѣйшіе водевили, а на другомъ балетъ — можете себѣ представить, балетъ — нелѣпость, сказка, выдуманная для забавы дѣтей и больныхъ стариковъ. Что дѣлать? Вернуться домой? но скука, тоска! Опять эти стѣны, эта глупая рожа Матвѣя и неизбѣжный самоваръ. Студентъ, въ отчаяніи, снова посмотрѣлъ на афишу: глупѣйшіе водевили и балетъ! Дѣлать было нечего, В — ъ подошелъ къ кассѣ Большаго театра.

— Есть билеты въ кресла? спросилъ онъ.

— Есть-съ, во второмъ ряду.

— Дайте. Что стоитъ?

— Семь рублей-съ: сегодня бенефисъ!

Студентъ вошелъ въ залу театра въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Просмотрѣть цѣлый вечеръ вздоръ, чепуху, да еще заплатить за это семь рублей! Съ досадою онъ смотрѣлъ на эти веселыя лица, какъ будто всѣ они такъ и дышали счастьемъ. Ему невольно пришли на память стихи Лермонтова:

А между тѣмъ, изъ нихъ едва ли есть одинъ
Тяжелой пыткой неизмятый... и проч.

Звуки оркестра помѣшали дальнѣйшему разлитію желчи. В — ъ сѣлъ въ кресла и равнодушно ждалъ спектакля. Прямо передъ нимъ былъ расписной занавѣсъ, который долго стоялъ неподвижно, потомъ чуть-чуть поколебался, потомъ медленно сталъ подниматься, наконецъ поднялся и — студентъ остолбенѣлъ! На сценѣ была комната, посреди комнаты спящій въ креслахъ человѣкъ, а возлѣ него — бѣлое и чистое, какъ мраморъ, эѳирное и легкое, какъ нагорный паръ тумана, окаменѣлое видѣніе, тѣнь, греза, мечта; юноша не узналъ, что это было. Съ видомъ безконечно-нѣжнаго любованія, въ упоеніи дивнаго блаженства, видѣніе смотрѣло въ очи возлюбленнаго, и все, что есть въ любви чистаго, счастливаго, свѣтилось въ очахъ этого видѣнія, было разлито по всему его существу. Но какъ-будто легкое дуновеніе майскаго утра взволновало этотъ чудный призракъ: видѣніе поколебалось, понеслось, какъ дымъ въ прозрачной чистотѣ воздуха, и исчезло.... Тутъ только В — ъ услышалъ страшный гулъ рукоплесканій, все время неумолкавшій въ залѣ.

— Кто это? спросилъ онъ у сосѣда.

Сосѣдъ отвѣчалъ: *Санковская.*

Съ замираніемъ сердца ждалъ юноша возврата чуднаго созданія, съ упоеніемъ счастія слѣдилъ онъ за его волшебнымъ образомъ, то тоскующимъ, то нѣжнымъ, то несущимся по дальнимъ розовымъ горамъ, то стоящимъ передъ нимъ, какъ изваяніе грусти, любви, нѣги, красоты, неизъяснимой красоты!

Передъ нимъ явилось невиданное, нежданное, но какъ-то отдаленно-знакомое. Что-то подобное навѣвало чистыя, вдохновенныя грезы, сны волшебные; что-то подобное возникало въ душѣ при чтеніи лучшихъ созданій лучшихъ поэтовъ. Но все это было неясно, неуловимо, безтѣлесно, а здѣсь, это неуловимое предстало въ живомъ образѣ, въ красотѣ лучшаго Божьяго созданія — въ женщинѣ!

Юноша вышелъ изъ театра съ чувствомъ упоительнымъ, но важнымъ. Подобное чувство, обыкновенно, выноситъ душа изъ созерцанія дѣйствительно-высокихъ художественныхъ произведеній. Это и есть особый родъ эстетическаго счастія, посредствомъ котораго искусство облагороживаетъ и возвышаетъ душу. Юноша видѣлъ не одни танцы да красивыя картины; онъ въ образѣ Сильфиды видѣлъ чудное существо, не небесное, но и не земное, манившее въ міръ лучшій, въ міръ красоты и поэзіи, въ міръ любви спокойной и блаженной, именно въ тотъ міръ, къ которому постоянно стремится сердце человѣка.

Студентъ былъ очарованъ. Каждый день онъ ходилъ къ театру посмотрѣть на афишу, но балета не было. Онъ съ упоеніемъ припоминалъ всѣ подробно-

сти видѣннаго спектакля; съ наслажденіемъ слушалъ всевозможные разсказы о талантѣ артистки, но сезонъ кончался, а балета все не было. Наконецъ, онъ совершенно потерялъ надежду встрѣтить желанное имя на афишѣ, и вдругъ, совершенно неожиданно, встрѣтилъ его тамъ, гдѣ вовсе не думалъ.

Прійдя однажды въ аудиторію, онъ удивленъ былъ какимъ-то необыкновеннымъ движеніемъ. Въ студенческихъ кружкахъ было замѣтно особенное одушевленіе. Всѣ говорили о балетѣ, о какомъ-то будущемъ спектаклѣ и славное имя артистки было у всѣхъ на устахъ. Листъ бумаги переходилъ изъ рукъ въ руки; всѣ подписывались. Въ одномъ мѣстѣ говорили, что надо поднести вазу, въ другомъ — тамбуринъ, въ третьемъ — браслетъ; но громче раздавались голоса: «вѣнецъ, золотой вѣнецъ, лавры!»

— Для совѣщаній, господа, въ «Британію», сказалъ наконецъ студентъ, носившій листъ. Разумѣется, какъ только кончились лекціи, нашъ герой тотчасъ же отправился въ «Британію.» Здѣсь мы съ нимъ простимся; но Британію посѣтимъ непремѣнно.

Это не та Британія, любезный читатель, которая душитъ теперь Индію, умильно поглядывая на Францію*); это простой трактиръ, стоявшій противъ самаго университета. Но въ описываемое время онъ не имѣлъ въ себѣ ничего трактирнаго: это былъ студенческій клубъ. Его достопочтенное крыльцо, изъ оконъ профессорской, открыто было для взоровъ Платона Сте-

*) Разсказъ этотъ былъ впервые напечатанъ въ 1859 г., во время индійскаго возстанія.

пановича. Оттого, журя инаго студента за рѣдкое посѣщеніе лекцій, онъ прибавлялъ иногда: «то-то! черезъ проливъ-то часто плаваешь». Проливомъ Платонъ Степановичъ называлъ Моховую улицу, отдѣляющую университетъ отъ «Британіи», подобно какъ проливъ Кале отдѣляетъ твердую землю отъ настоящей Британіи. Случалось нерѣдко, что между чтеніями одного профессора и чтеніями другаго былъ часъ, а иногда и два промежутка. Куда идти? домой? — далеко: къ знакомымъ? — застанешь ли? да еще опоздаешь на лекцію. Лучше всего въ «Британію»: тамъ и безъ часовъ можно узнать время, когда надо идти въ аудиторію, потому-что послѣ каждаго часа бывалъ новый приливъ и отливъ студентовъ, идущихъ въ университетъ или оттуда. Если нужно было отыскать студента или какія-нибудь записки, то, въ случаѣ неудачи въ аудиторіяхъ, можно было успѣть въ этомъ въ «Британіи». Главнымъ же образомъ манилъ сюда тотъ же университетскій духъ: тѣ же братья, тѣ же рѣчи, та же дружеская любовь. Почти вокругъ всѣхъ столовъ засѣдали студенты и разсуждали о прослушанной лекціи, о спектаклѣ, о прочитанной въ журналѣ статьѣ и о разныхъ разностяхъ. Прислуга, или, какъ въ Москвѣ называютъ, *половые*, въ бѣлѣйшихъ рубашкахъ носились съ трубками, котлетами, стаканами, графинами и т. п. Вотъ, напримѣръ, за однимъ столомъ, услаждая себя трактирными пирогами, разсказываетъ медикъ о томъ, какъ онъ, однажды, занимаясь въ анатомическомъ театрѣ ночью, пошелъ зачѣмъ-то въ подвалъ, гдѣ хранились трупы. Когда онъ слѣзъ туда, вдругъ свѣча, дурно поставленная въ под-

свѣчникѣ, упала, а онъ остался одинъ въ лабиринтѣ подвала. «Уморительно, братцы (прибавлялъ студентъ), какъ я карабкался между трупами, чтобъ найти выходъ. Поплатился, впрочемъ, шишкою на лбу.» Слушатели смѣялись. На другомъ столѣ сидятъ трое и читаютъ «Отечественныя Записки». Одинъ читаетъ вслухъ, другой наливаетъ чай, стараясь продлить его какъ можно долѣе, чтобъ тѣмъ временемъ кончить статью; третій неизвѣстно чѣмъ болѣе занятъ: статьей, или чаемъ, только онъ безпрестанно помакиваетъ въ чай московскій калачъ и требуетъ еще стаканъ, приговаривая: *хоть не очень крѣпкаго*. А вотъ на томъ столѣ одинъ, не смотря на раннюю пору, кушаетъ третью порцію съ замѣчательнымъ аппетитомъ. Половому разсказываетъ студентъ, что онъ *только-что съ дороги*, а въ самомъ-то дѣлѣ онъ только-что изъ карцера. Понятенъ аппетитъ молодаго человѣка, проведшаго на хлѣбѣ и на водѣ нѣсколько сутокъ!

Но я любилъ «Британію» въ зимніе вечера, когда посѣтителей собирала туда не нужда, не случай, а веселый досугъ, счастливое настроеніе духа. Душою «Британіи» былъ тогда не студентъ, а кончившій уже курсъ наукъ дѣйствительный студентъ Павелъ Ѳедоровичъ Вѣткинъ. Распростившись съ аудиторіями, онъ не могъ еще разстаться съ студенческою братіею. Жаль было ему смѣнять званіе дѣйствительнаго студента на чинъ губернскаго секретаря, и потому онъ не служилъ, а жилъ уроками. Это былъ замѣчательный человѣкъ по уму, по образованію и по огромной начитанности. Вѣткина положительно знали всѣ студенты. Кромѣ необыкновенныхъ дарованій, къ нему

влекла всѣхъ необыкновенная свѣтлость его души, открытая ясность характера. Никто не зналъ, былъ ли когда-нибудь Вѣткинъ въ горѣ: на прекрасномъ, выразительномъ лицѣ вѣчно сіяло удовольствіе, а на устахъ — улыбка или пѣсня. Дружеская рука его была протянута каждому; кружокъ его всегда былъ тѣсенъ. Все даровитое, талантливое, оригинальное непремѣнно было возлѣ Вѣткина. Тамъ были пѣвцы, виртуозы, декламаторы, поэты. Тамъ однажды встрѣтилъ я замѣчательнаго импровизатора, говорившаго на заданную тэму цѣлую громаду стиховъ, нерѣдко чрезвычайно изящныхъ. Случалось, однако, что Павелъ Ѳедоровичъ говаривалъ поэту, въ самомъ жару его импровизаціи: «Ну, довольно, мой милый, ты начинаешь врать!» Студентъ падалъ съ неба, но не обижался и тушилъ поэтическій жаръ какимъ-нибудь напиткомъ. Замѣчательно, что Павелъ Ѳедоровичъ, будучи самъ человѣкомъ чрезвычайно умнымъ и многосторонне-образованнымъ, мало говорилъ, а больше слушалъ; за то никто не умѣлъ такъ искусно вызвать изъ каждаго все, что въ немъ было лучшаго и занимательнаго.

Однажды, въ день Свѣтлаго Христова Воскресенья, Павелъ Ѳедоровичъ Вѣткинъ, совершивъ свои визиты, шелъ домой по Никитской Улицѣ. Поровнявшись съ университетскою церковью, Павелъ Ѳедоровичъ живо представилъ себѣ время, когда и онъ слушалъ заутреню и обѣдню въ этомъ великолѣпномъ храмѣ. Много вспомнилось ему и даже грустно сдѣлалось Павлу Ѳедоровичу. Вдругъ передъ нимъ толпа съ поклонами: «А, батюшка, Павелъ Ѳедоровичъ! съ празд-

никомъ, Христосъ воскресе!» Это были университетскіе сторожа, ходившіе съ поздравленіями. Просвѣтлѣлъ Павелъ Ѳедоровичъ, такъ и повѣяло на него аудиторіями. Перецѣловавъ сторожей, Павелъ Ѳедоровичъ тотчасъ же произнесъ: *за мной, ребята!* Онъ привелъ ихъ всѣхъ въ «Британію», посадилъ вмѣстѣ съ собою за круглый столъ, и, бесѣдуя любезно, угостилъ на славу старыхъ знакомцевъ.

Окончивъ свои уроки, Павелъ Ѳедоровичъ почти каждый день являлся въ «Британію» — и закипало веселье. Звонкій, сердечный смѣхъ его разносился по всей «Британіи.» — «Спой, братъ, пѣсню (обращался онъ къ пѣвцу-студенту): спой свою «Дороженьку.»— «Нѣтъ, изъ Лючіи спой,» кричалъ другой. Студентъ пѣлъ, «Британія» внимала; браво, браво! раздавалось въ концѣ пѣсни. Двѣнадцатый часъ вечера былъ урочный для посѣтителей: «Британію» надо было запирать, а веселье только-что начиналось. Тогда-то случались вечера, замѣчательные по своему задушевному веселью. Двери запирались. Изо всѣхъ комнатъ сходились посѣтители въ одну залу. Яства и напитки съ разныхъ столовъ сносились на одинъ огромный столъ, стоящій посреди залы. Общій пиръ закипалъ между братьями. Не было знакомыхъ и незнакомыхъ: веселая бесѣда роднила всѣхъ. Въ самыхъ напиткахъ воцарялось замѣчательное равенство: спѣсивый рейнвейнъ чокался съ стаканомъ пива; шампанское — съ ерофеичемъ, лафитъ — съ коньякомъ. Тамъ вырывались слова: «отлично читалъ о Владѣніи! за его здоровье! чокнемся, душа моя!» Въ другомъ мѣстѣ: «О, красавица, красавица! за ея здоровье!» — «Быть или не быть,» тра-

гически восклицалъ одинъ; «edite, bibite!» отвѣчалъ другой! Опять говоръ. — «Во лузяхъ, во лузяхъ,» затягивалъ теноръ. Звуки роднаго мотива электрически дѣйствовали на всѣхъ: собесѣдники дружно подхватывали:

Какъ и во лузяхъ, зеленыхъ лузяхъ,
Какъ и во лузяхъ, зеленыхъ лузяхъ!

Тутъ ужъ не выдерживалъ юристъ втораго курса Виртушевскій, сбрасывалъ съ себя виц-мундиръ и пускался въ присядку, къ неописанному удовольствію всей честной компаніи, а особенно половыхъ и хозяина. Хоръ гремѣлъ, Виртушевскій терялъ послѣднія силы, наконецъ изнемогалъ и падалъ въ объятія ближайшаго студента, переходилъ въ другія, потомъ въ третьи и т. д. Цѣловались всѣ, цѣловали буфетчика Петрушу, цѣловали половаго Кузьму, цѣловали маркера, который давно уже окончилъ свои обязанности, но не имѣлъ силы воли уйти и стоялъ тутъ же съ машинкой; цѣловали швейцара, который, низко кланяясь, благодарилъ, конечно не за поцѣлуи, а за четвертаки и полтинники, сыпавшіеся ему въ руку. Было близко къ разсвѣту, когда московскіе ваньки развозили по квартирамъ подгулявшихъ друзей науки.

Надъ всѣмъ этимъ сіяла радость, льющаяся изъ свѣтлаго духа юности, еще не знающей черствыхъ сторонъ жизни, еще чистой, еще не измятой бурями житейскими.

Мы съ намѣреніемъ вводили читателя во всѣ подробности студенческой жизни, даже въ такія, которыя, можетъ быть, осудитъ слишкомъ строгій мора-

листъ. Но пусть предстанетъ этотъ бытъ во всей истинѣ. Мы знаемъ его цѣну и достоинство. Охлажденные долговременнымъ опытомъ, мы вспоминаемъ о немъ съ любовью и благодарностью. Мы не чуждались жизни, потому что не были уже дѣти, а отъ недостойныхъ ея сторонъ отводилъ насъ тотъ же возвышенный строй университетской науки. Общій духъ тогдашняго университетскаго преподаванія былъ, по нашему мнѣнію, тотъ желанный духъ, который долженъ вѣять съ каѳедры. Университетъ готовилъ насъ не только къ служенію той или другой отрасли общественной дѣятельности, но главнымъ образомъ возбуждалъ общія человѣческія струны, стремленіе къ правдѣ, чести и т. п. Медику читались анатомія, фармакологія, терапія и множество другихъ наукъ; но всюду проходило чувство любви къ человѣку, уваженіе къ его страданію. На другомъ факультетѣ знаменитый профессоръ исторіи, изображая всемірно-историческій ходъ человѣчества, говорилъ, однакожъ, что исторія образуетъ не юриста, математика или филолога, *Исторія воспитываетъ человѣка. Она развиваетъ въ насъ сочувствіе ко всему человѣческому... ту благородную терпимость, безъ которой нѣтъ истинной оцѣнки людей.* Одинъ изъ юридическихъ профессоровъ такъ заключилъ однажды курсъ своихъ чтеній: *все минется — одна правда останется*, и слова эти составляли нравственную основу не только его лекцій, но и всего юридическаго преподаванія. Кто не помнитъ мощныхъ, благородныхъ рѣчей Морошкина о чести, о значеніи ея въ общественномъ и гражданскомъ быту? При этомъ онъ указывалъ на высокое пониманіе чести въ древ-

немъ русскомъ обществѣ, гдѣ человѣкъ поставлялъ ее не во внѣшнихъ и временныхъ условіяхъ, а въ высокомъ признаніи въ себѣ христіанина.

Такого рода ученія, проходившія сквозь всѣ курсы и пробуждавшія всеобщія духовныя начала, готовили изъ студентовъ достойныхъ слугъ отечеству. Любовь къ истинѣ и благу, гдѣ бы они ни проявились, уваженіе ко всякаго рода благородной дѣятельности, строгія правила чести и беззавѣтная преданность къ университету и студенческому имени одушевляли тогдашнее юношество. Вдохновенное общечеловѣческими идеями, воспитанное въ преданіяхъ университетской старины, оно чувствовало свои силы, свое значеніе, свою корпораціонную цѣлость; оно понимало, что могло и должно имѣть свое мѣсто и голосъ въ обществѣ, какъ отдѣльный организмъ. Но, здраво и прямо направленное, оно знало, что въ сферѣ гражданской, практической, тѣмъ болѣе политической дѣятельности — не его мѣсто; тамъ нуженъ опытъ, или закономъ освященное призваніе. Въ сферѣ же мысли, гдѣ общество соприкасалось съ областью науки или искусства, оно полагало, что должно имѣть свое слово и даже дѣло. Мѣстомъ такого благотворнаго соприкосновенія мнѣній университетской общины и публики былъ театръ.

Къ чести московскаго общества надобно сказать, что оно признавало и признаетъ такое общественное значеніе студента. Студентъ въ Москвѣ не есть затерянная, безгласная и неимѣющая смысла единица; московскій студентъ есть типъ, выработанный жизнью общества, столь же характерный, живой, какъ и другіе типы народной столицы. Въ Москвѣ вы не встрѣ-

тите семьи, гдѣ бы не было студента, или въ числѣ его членовъ, или, по крайней мѣрѣ, въ кругу знакомыхъ. Оттого научныя, художественныя понятія, изъ стѣнъ аудиторій легко передаются въ теплые кружки семей и въ сознаніе общества. Вотъ почему въ Москвѣ сочувствіе къ наукѣ, художеству, вообще къ духовному дѣлу теплѣе, сердечнѣе и, смѣемъ думать, разумнѣе.

Но возвратимся къ нашему предмету. Въ Москвѣ нѣтъ ни академій, ни эрмитажа; для эстетическаго чувства москвича существуетъ одинъ только театръ. Оттого, быть можетъ, между театромъ и университетомъ Москвы существуютъ издавна самыя задушевныя связи. Нерѣдко лучшіе артисты получали свое воспитаніе въ университетѣ или находились въ тѣснѣйшихъ дружескихъ связяхъ съ его членами. Оттого искусство легко могло черпать необходимыя для него указанія въ наукѣ. Но въ наше время связь театра съ университетомъ еще болѣе скрѣплялась высокими личностями, стоявшими тогда на московской сценѣ, и особенно духомъ времени. Эпоха, къ которой относятся наши воспоминанія, была темна и безотрадна. Она замыкала собою больной, печальный, хотя и многознаменательный въ исторіи нашего развитія періодъ. Мысль, осужденная на долговременное бездѣйствіе, утратила вѣру въ свое могущество; общество, измѣнившее своему прошедшему и невидѣвшее будущаго, стояло, какъ блѣдное растеніе, безъ почвы и воздуха; оно не знало ни исхода, ни цѣли своего страннаго существованія. Между тѣмъ великіе вопросы о нравственномъ, о народномъ, объ историческомъ призваніи глухо волно-

вались на днѣ души: они уже родились, они болѣзненно стучались въ двери сердца, но отвѣта не было: жизнь еще не выработала отвѣтовъ. Отсюда-то произошла та всеобщая скорбь, уныніе, тоска, которая характеризуетъ эту эпоху. Духъ отрицанія, скептицизма точилъ сердце; душа, измученная въ сомнѣніяхъ, въ безотвѣтныхъ стремленіяхъ, впадала въ уныніе или въ мрачную, холодную апатію. Все мыслящее, нравственно-живущее, носило на себѣ печать этой болѣзни вѣка: но живѣе и могущественнѣе сознавали ее великіе поэты, эти чуткіе органы народной жизни. Пушкинъ первый высказалъ это мрачное состояніе духа:

Цѣли нѣтъ передо мною,
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

Его Онѣгинъ служилъ выраженіемъ тогдашняго человѣка, хотя и богато одареннаго, но утратившаго всю энергію души въ бою неравномъ. Лермонтовъ, рожденный этою эпохою и весь зараженный общественною эпидеміею, былъ безпощаденъ: онъ проклялъ это *поколѣніе безъ грядущаго*, которому скучны родные напѣвы старины, утратившаго *надежды лучшія и голосъ благородный:*

И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ.

По тому же печальному пути шелъ и Гоголь. Онъ также обличалъ мрачную пошлость этого нравственно-

растлѣннаго общества. Добрая душа поэта хотѣла смягчить иронію какимъ-то *примиряющимъ смѣхомъ,* о которомъ такъ часто твердилъ Гоголь, но напрасно. Смѣхъ этотъ былъ похожъ на хохотъ Мефистофеля — это былъ тотъ же стонъ души болѣзненной, хотя и великой. Но при концѣ своей жизни Гоголь почувствовалъ благовѣстъ другихъ временъ: онъ внезапно остановился. Онъ прозрѣлъ восходящую зарю лучшей жизни; поэтому онъ хотѣлъ иначе настроить свою лиру; онъ обѣщалъ намъ *величавый громъ другихъ рѣчей.* Для этого онъ хотѣлъ измѣнить, перевоспитать, такъ сказать, снова создать свой геній — и не могъ. Поэтъ есть также продуктъ времени; онъ можетъ понимать и откликаться всему; но звучать сочувственно, отражать своими созданіями онъ можетъ только ту эпоху, духомъ которой созданъ. Съ нею онъ составляетъ одинъ живой цѣльный организмъ. Въ этомъ состоитъ все трагическое въ личности Гоголя: онъ узрѣлъ страну обѣтованную; онъ хотѣлъ привѣтствовать ее пѣснью мощной и новой. Для этого онъ несъ на жертву все, что могъ принесть великій человѣкъ — отъ самообличенія до подвиговъ мученичества; но въ нравственной природѣ, какъ и въ физической, есть своего рода необходимость, которую побѣдить нельзя, потому что не слѣдуетъ побѣждать; тутъ нужно то *смиреніе передъ закономъ времени,* о которомъ такъ вдохновенно говорилъ Грановскій. Мученикъ-художникъ отошелъ вмѣстѣ со временемъ, въ теченіе котораго родился и созрѣлъ.

Съ высоты настоящаго, во всеоружіи побѣды, легко и свободно смотрѣть на эти тѣни прошед-

шаго. Теперь, когда русской жизни открытъ свѣтлый и свободный просторъ, когда всѣ силы ея отважно мчатся впередъ, когда мысль смѣло и вдохновенно смотритъ въ будущее, легко обращаться въ прошедшее; но не такъ было тогда; въ то время еще не думали о томъ, что теперь совершаетъ жизнь. Это было положеніе бойца, одиноко умирающаго въ пустынѣ.

Университетское юношество, какъ мыслящее и передовое въ нравственной жизни, также чувствовало слѣды этого современнаго бездѣйствія. Самая философія не приносила утѣшенія; она сама была безотрадна; что дѣйствительно, то разумно, говорила она. Разсудокъ, холодный и жесткій, еще могъ стать подъ это знамя; но могло ли успокоиться здѣсь сердце, совѣсть? Помню васъ, мрачныя тѣни прошедшаго, чада сомнѣній, муки стремленій безнадежныхъ, исканій безъотвѣтныхъ! Какія безотрадныя ночи проводились безъ сна! Какія сухія рѣчи лились изъ самой дружбы! Какъ тяжелъ становился этотъ городской стукъ и бездушная суета жизни! Какъ часто уходилъ я въ твою святую пустыню, о Кремль! Покойная и величавая тишина его, торжественное вѣяніе исторіи, бѣлые соборы, неподвижно стоящіе во мракѣ ночи, тѣни Іоанновъ, Филиппа, Никона, незримо вѣявшія подъ ризою звѣздной ночи — все это спасительно дѣйствовало на больную душу, но не надолго: возвращаясь въ среду живыхъ, душа ждала живаго, сочувственнаго отзыва.

Для выраженія тяжкихъ сердечныхъ мукъ души, для изображенія тоски безвыходной и трудной, въ

Москвѣ былъ тогда органъ, могучій и повелительный, самъ измученный страшными вопросами жизни, на которые отвѣтовъ не находилъ — это Мочаловъ! Какъ актеръ, онъ заслуживаетъ столько же упрековъ, сколько и удивленія. Въ немъ жила волканическая бездна творческихъ силъ, для вмѣщенія которыхъ нужна была почти нечеловѣческая грудь. Можетъ быть, могущество науки живой и всесторонней, или вліяніе личности сильной и просвѣщенной управили бы этими исполинскими силами; но, сколько намъ извѣстно, Мочаловъ не встрѣтилъ на пути своемъ ни того, ни другаго. Оттого ко всякой художественной обработкѣ, ко всякой эрудиціи онъ питалъ чуть-чуть не презрѣніе. Онъ вѣрилъ только въ титаническія силы своей души, въ тѣ силы, которыя не давали ему покоя ни въ семьѣ, ни на одрѣ болѣзни — вѣрилъ въ нихъ, и не напрасно! Когда выходилъ онъ, «почувствовавъ своего бога», какъ сказалъ поэтъ, тогда душа зрителя вся была въ его власти; онъ, по выраженію Гамлета, дѣйствительно могъ оледенить въ жилахъ кровь и слезами затопить театръ.

Мочаловъ вносилъ на сцену муки собственной могучей души. Онъ самъ падалъ, онъ самъ влекся въ бездну мрачную и безвыходную; какъ человѣкъ, богато одаренный, онъ не могъ не видѣть своей гибели — и тосковалъ! Силы противодѣйствующей, свѣточа путеводнаго для него не было. Онъ бился какъ титанъ, но напрасно. Можно вообразить, какіе мощные стоны вылетали изъ этой души, когда онъ скорбѣлъ съ Гамлетомъ, ненавидѣлъ съ Отелло, проклиналъ съ Лиромъ; когда изъ его устъ, страстныхъ и гармоническихъ, ли-

лись дивные монологи Шекспира, когда изливалась тоска его, напримѣръ, въ этихъ незабвенныхъ словахъ:

Для чего
Ты не растаешь, не распадешься прахомъ,
О, для чего ты крѣпко, тѣло человѣка!

«Только видѣвшіе Мочалова въ лучшія его минуты (говоритъ одинъ изъ его критиковъ) могутъ понять все вліяніе на зрителей этой волканической натуры: могутъ понять, что этотъ трагическій талантъ можно любить страстно, какія бы нелѣпости ни выходили изъ его устъ; что можно было высидѣть цѣлаго «Уголино» за одну минуту выхода изъ хижины, просмотрѣть вялую романтическую драму за одинъ стонъ, вырвавшійся изъ его груди. Можно было десять спектаклей выносить самыя рутинныя завыванія, самые уродливые жесты съ тщетною надеждою на мигъ упоенія, и пойти еще въ одиннадцатый — и дѣйствительно увидѣть его великимъ, несравненнымъ. Мочаловъ былъ колоссальный представитель романтизма, который выносилъ на своихъ плечахъ всѣ слабыя произведенія своихъ драматурговъ. Самъ по себѣ натура эксцентрическая, впадавшая въ крайности, раздражительная до болѣзненности, онъ переносилъ на сцену свои лихорадочныя увлеченія — и обаяніе натуры электрическимъ токомъ входило въ зрителей, и мы плакали, безумно радовались съ нашимъ трагикомъ. Минуты его торжества были какими-то френетическими минутами для зрителей: то не былъ дождь цвѣтовъ, громъ рукоплесканій, а часто мертвое, гробовое молчаніе; съ лихорадочнымъ трепетомъ выходилъ изъ театра зритель; онъ, какъ

сокровище, выносилъ съ собою нелѣпыя фразы, становившіяся чѣмъ-то гармоническимъ или раздирающимъ душу въ устахъ трагика» *).

Такія личности, какъ Мочаловъ, по нашему мнѣнію, можетъ производить только Россія, которая сама собою только представляетъ страшную массу великихъ силъ, еще не управленныхъ въ стройное теченіе. Въ Мочаловѣ все было русское: и талантъ громадный, но незаконченный стройнымъ воспитаніемъ, и жизнь вольная и широкая, и даже самое паденіе. Въ душѣ его много было мягкихъ, благородныхъ сторонъ, которыя влекли къ нему невольную симпатію. Мочаловъ, рано утромъ идущій на чердакъ къ знакомому студенту, чтобъ поговорить «душевно», Мочаловъ, отдающій послѣдній серебряный сервизъ на похороны бѣднаго актера, Мочаловъ, утромъ и вечеромъ молящійся на Кремль — *потому что такъ какъ-то святые* (говорилъ онъ), — могъ ли такой человѣкъ не возбуждать сочувствія?

Въ студентахъ университета Мочаловъ имѣлъ постоянныхъ и жаркихъ поклонниковъ. Если на одномъ театрѣ давалась какая-нибудь замѣчательная пьеса, а на другомъ игралъ Мочаловъ, многіе изъ студентовъ брали мѣста въ обоихъ театрахъ. Прослушавъ лучшія мѣста у Мочалова, они переходили въ другой театръ. Эту благородную привязанность студенческое юношество сохранило до послѣднихъ дней артиста. Когда тѣло его отпѣвали въ церкви святаго Николая, студентъ протѣснился сквозь толпу и положилъ на гробъ его лавровый вѣнокъ; на плечахъ студенческихъ буквально пе-

*) «Отеч. Записки» 1850 г., т. 5.

решелъ онъ и въ послѣднее свое жилище — въ могилу. Когда гробъ его несенъ былъ мимо университета, тѣ, которые не могли быть на похоронахъ, вышли изъ аудиторій, и простились съ незабвеннымъ артистомъ. Какъ грустно припомнились тогда слова столь любимаго имъ Шекспира: «вотъ благородное угасло сердце!»

Если игра Мочалова представляла собою разительное неравновѣсіе внутреннихъ силъ творчества съ наружнымъ ихъ выраженіемъ, то совсѣмъ инаго свойства былъ сценическій геній Щепкина. Это, безъ сомнѣнія, величайшій актеръ не только нашей, но и вообще европейской сцены. На его сценическихъ созданіяхъ покоилось эстетическое чувство зрителя. Все, что жизнь представляетъ теплаго, сердечнаго, задушевнаго, переносилось имъ съ необыкновенною свободою, простотою. Нѣтъ и тѣни принужденія, искусственности, а между тѣмъ роль его отъ начала до конца была художественно прекрасна. Въ этомъ удивительномъ соединеніи правды жизни съ идеальною красотою вся тайна искусства, понятная только для великихъ художниковъ. Щепкинъ не игралъ, а жилъ художественно на сценѣ. Съ нимъ зритель проживалъ теплыя, сердечныя событія собственной жизни. Изъ самой игры знаменитаго актера можно было заключить о серьезномъ его артистическомъ образованіи. Въ каждой роли опытный глазъ замѣтилъ бы глубокую обдуманность, художественное мастерство, науку. Изъ самой игры можно было догадаться, что Михайло Семеновичъ не чуждался представителей науки и водилъ хлѣбъ-соль съ университетскими учеными. Московскому студенту

не рѣдкостью было встрѣтить почтенную фигуру актера-литератора и въ университетскихъ аудиторіяхъ. Дѣти же его принадлежатъ къ числу передовой рати русскаго просвѣщенія и, кажется, всѣ питомцы московскаго университета. Изъ этой же почтенной семьи былъ нѣкогда въ университетѣ профессоръ чистой математики Павелъ Степановичъ Щепкинъ. Такимъ образомъ трудно рѣшить: которому изъ двухъ органовъ общественнаго образованія принадлежитъ болѣе славное имя Щепкиныхъ: театру, или университету.

Но, кромѣ драмы и комедіи, на сценѣ есть еще міръ, поэтическій и свѣтлый, полный прихотливаго вымысла фантазіи — это балетъ. Въ массѣ большинства, по недостатку эстетическихъ и вообще философскихъ понятій, существуетъ какое-то странное понятіе о балетѣ. Какъ-будто онъ не доставляетъ просвѣщенному чувству столь же чистыхъ наслажденій, какъ и другое искусство? Къ вамъ обращаюсь, читательницы, помимо суровой и дѣловой половины человѣчества, скажите: вы мечтали когда-нибудь? Въ спокойную и свѣтлую минуту жизни вы уносились, конечно, изъ ежедневной дѣйствительности въ міръ лучшій, волшебный, который создавалъ вашъ услужливый декораторъ — воображеніе. Въ этомъ мірѣ все радужно, роскошно, чудно! Въ немъ, если хотите, бываютъ и страданія, но не тѣ суровыя, грозныя страданія жизни,

Гдѣ скорбь безъ крылъ, а радости крылаты,

но розовыя, милыя страданія. Вотъ вы молоды, прекрасны. Въ душѣ вашей живетъ непонятное, хотя

сильное стремленіе къ чему-то дивно-прекрасному. Подъ вліяніемъ этого чувства вы выходите гулять, конечно не въ свой домашній садъ или въ яровое поле, а въ долину, облитую радужнымъ сіяніемъ свѣта; вдали великолѣпный замокъ, лиловыя горы. Навстрѣчу вамъ всадникъ, вовсе не сосѣдній помѣщикъ въ бричкѣ П. И. Чичикова, юноша, а въ блескѣ красоты и достоинства, чуть-ли не владѣтельный герцогъ. Онъ очарованъ вами, вы — имъ. Вдругъ трескъ, громъ, молнія — передъ вами чудовище — конечно, не рара, или maman. Чудовище васъ увлекаетъ, запираетъ въ башню. Вы томитесь; юноша тоскуетъ. Но является волшебница, фея, а не бабушка съ двумя тысячами душъ. Фея васъ освобождаетъ; юноша у вашихъ ногъ. Вы обручаетесь: балъ, блескъ, танцы — занавѣсъ опускается.

Такіе волшебные замки строимъ и мы, дѣловые и строгіе моралисты, только мы въ этомъ не признаемся. Это отдохновеніе души, утомленной дѣйствительностью, нерѣдко пустой, иногда тяжкой. Сердце ищетъ покоя въ мірѣ грезъ и упоеній, счастія и добра, о которомъ человѣческое сердце постоянно тоскуетъ. Въ этомъ отдохновеніи душа пріобрѣтаетъ новыя силы для спора съ жизнью.

Что совершается въ душѣ человѣка, то имѣетъ законное мѣсто въ искусствѣ. И сердечный міръ мечты недостижимыхъ, но милыхъ стремленій, нашелъ себѣ выраженіе въ балетѣ. Оттого въ немъ такъ все свѣтло, радужно, полно блеска; оттого тамъ дѣйствительность мѣшается съ волшебнымъ и волшебное съ дѣйствительнымъ. Такъ какъ міръ этотъ не ясенъ, неопредѣ-

ленъ и невѣдомъ никому, кромѣ самого сердца, то онъ чуждается выраженія, опредѣленнаго и точнаго, каково, напримѣръ, слово: онъ нашелъ себѣ выраженіе столь же молчаливое, столь же неопредѣленное, какъ самъ онъ — мимику, пантомиму, танецъ. Музыка вторитъ ему вдали. Міръ этотъ граціозенъ, дѣвственъ, полонъ нѣжной прелести; оттого и царица балета — чистое и нѣжное созданіе Божіе — женщина.

Такимъ образомъ, балетъ есть художественное олицетвореніе тѣхъ же явленій духа человѣческаго, какъ и всякое искусство. Оттого здравое и чистое чувство вынесетъ изъ балета такое же благотворное впечатлѣніе, какъ и изъ всякаго созерцанія художественныхъ созданій.

Въ московскомъ балетѣ блистала тогда молодая артистка, которая художественною чистотою своей игры весьма много способствовала къ развитію истинныхъ понятій объ искусствѣ. Нашему же быту ея талантъ сообщилъ столько прелести и поэзіи, что воспоминаніе объ этомъ бытѣ навсегда соединено съ именемъ этой замѣчательной артистки. Воспитанная подъ вліяніемъ Тальйони, г-жа Санковская осталась вѣрна этому поэтическому первообразу. Роли ея отличались именно тѣмъ, чего большею частью недостаетъ у балетныхъ артистокъ: идеею, характеромъ. Въ свои легкія, воздушныя созданія она вносила живую игру страстей. Ея Ундины, Сильфиды, Пери, то сливались съ стихійнымъ міромъ, изъ котораго брали свою безплотность, то сходились съ участью человѣка, съ его радостями, счастіемъ, мечтами. Игра ея сообщала балету изящную, граціозную серьезность

художественнаго созданія. Зритель выносилъ изъ балета впечатлѣніе живаго образа, художественнаго типа. Въ этомъ состояло главное достоинство игры г-жи Санковской. Въ выполненіи же ролей заключалось то очарованіе, о которомъ, конечно, помнятъ современники. Игра ея отличалась строгимъ изяществомъ и благородствомъ; танцы — тою прелестью и простотой, которая неуловима для описанія: въ нихъ было то, что есть въ лирическихъ твореніяхъ Пушкина, или ландшафтахъ Рюйздаля: ясная, свободная, какъ воздухъ, поэзія. Вѣнцомъ ея репертуара, конечно, была «Сильфида», единственное художественное созданіе, уцѣлѣвшее въ хореографіи. Какъ рельефно изображала артистка эту знакомую человѣку борьбу лучшихъ идеальныхъ стремленій съ земными житейскими условіями! То женщина, то духъ, то невѣста, то Сильфида — передъ зрителемъ постоянно носился кроткій, задумчивый образъ воплощенной грезы. Фанни Эльслеръ оцѣнила эту превосходную артистку съ свойственнымъ великому таланту безпристрастіемъ. Она сказала, что видѣла только двѣ Сильфиды: у Тальйони и у Санковской.

Но у г-жи Санковской былъ еще родъ ролей, противоположный сказанному: это — олицетвореніе демоническихъ силъ, которыя влекутъ человѣка къ паденію. Первообразомъ такихъ ролей была знаменитая ея роль Елены, въ извѣстной оперѣ Мейербера «Робертѣ».

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что большая часть балетныхъ артистокъ ошибочно понимаетъ, что значитъ обольщеніе, соблазнъ въ искусствѣ. Большею частью

прибѣгаютъ къ внѣшнимъ выраженіямъ грѣховности, не всегда приличнымъ, а потому вовсе несоблазнительнымъ. Порокъ, преступленіе и въ жизни покрываются обманчивою прелестью; искусство же, имѣющее цѣлью не уронить, а возвысить природу человѣка, беретъ и мрачныя силы жизни для той же цѣли. Искусство представляетъ наготу дѣйствительности сквозь магическій кристаллъ красоты. Зритель видитъ всю правду жизни, всю дѣйствительную ея тѣлесность; но, силою, всюду разлитой, всюду царствующей красоты, чувство его отторгается отъ нагой правды и успокоивается въ красотѣ правды художественной.

Санковская понимала этотъ великій эстетическій законъ, и оттого ея роль знаменитой искусительницы принадлежитъ къ высокимъ сценическимъ созданіямъ. Это была дѣйствительно обольстительница, настоящее порожденіе преступной страсти. Но какою волшебною красотою сіялъ этотъ властительный образъ! Какимъ страстнымъ вдохновеніемъ создана была вся роль! Къ крайнему сожалѣнію, нельзя передать словами то, что передается только образомъ; нельзя описать минуты, когда изъ мрака ночи, изъ области могилъ и преступленій являлась эта блѣдная тѣнь, съ раскиданными по плечамъ черными волосами, съ демоническою улыбкою на устахъ, съ знойными, манящими объятіями. Какой пламень горѣлъ въ ея лицѣ, въ этихъ глазахъ, то сверкавшихъ, то нѣжныхъ, въ этомъ буйномъ танцѣ вакханаліи, который то мчался подобно вихрю пустыни, то изнемогалъ въ нѣгѣ упоительной и страстной! Этотъ образъ дѣйствительно былъ обольстителенъ;

но такъ обольщаетъ только цѣломудренная прелесть искусства.

Такова была артистка, еще недавно собиравшая хвалебную дань рукоплесканій. Таковъ былъ ясный лучезарный міръ, который выводила она передъ зрителемъ. Жителю сѣвера, въ объятіяхъ его непривѣтной природы, обвѣянному снѣгами и мракомъ ночи большую часть года, отрадно уноситься въ этотъ волшебный міръ, украшенный всѣми цвѣтами фантазіи. Еще отраднѣе было успокоиваться въ немъ душѣ, утомленной скорбною тревогою, о которой мы говорили. Вотъ главныя причины тогдашняго сочувствія къ балету. Случайныя обстоятельства дали поводъ выразиться этому сочувствію съ особеннымъ одушевленіемъ. Слава Мочалова, слава Щепкина была незыблема; слава артистки неправильно заслонялась интригою, весьма обыкновенною въ театральномъ мірѣ. Тонкую, не для всѣхъ понятную прелесть ея таланта нужно было объяснить. И мы несли ей привѣтъ и одобреніе во имя святаго искусства, въ уваженіе чистой художественности ея созданій. Въ обаяніи молодости и образованія, мы бились съ неправыми понятіями объ искусствѣ, считая это своимъ призваніемъ, для чести носимаго имени, во славу того же университета. Сладость благороднаго подвига, сладость подвига общественнаго окрыляла душу, а громкое имя артистки заключало въ себѣ магическую неисповѣдимую силу. Въ немъ было все, что молодое, горячее воображеніе можетъ представить лучшаго и чистаго. Оно было знаменемъ, подъ вѣяніемъ котораго мы шли на всякое благородное, великодушное дѣло. И какъ

вдохновительно дѣйствовало это имя! Какъ упоительны, какъ полны мысли и дѣла были тогдашнія бесѣды! Сколько толковъ объ искусствѣ, о призваніи актера, о значеніи сцены! Изучались созданія великихъ художниковъ, читались многотомныя творенія объ искусствахъ, пѣлись пѣсни во славу мысли и поэзіи, поднимались заздравные кубки въ честь знаменитой артистки. О! какъ чисты, какъ безкорыстны были всѣ тогдашніе помыслы! Искусство, въ образѣ юной артистки, подавало руку наукѣ, и посреди полуночныхъ бесѣдъ, среди работъ въ лабораторіяхъ, клиникахъ, домашнихъ кельяхъ, посреди великодушныхъ думъ о добрѣ, славѣ и чести, носился чистый, поэтическій образъ Сильфиды, женщины въ ореолѣ художественной прелести.... въ блескѣ и обаяніи молодости.... въ лучахъ славы....

Прощай же, золотое время! Вѣчно мчится къ тебѣ привѣтъ благодарнаго сердца! Слава и благоденствіе да сопутствуютъ тебѣ, благородный первенецъ русскихъ университетовъ! Да царствуетъ въ тебѣ тотъ же духъ истины въ наукѣ, та же любовь въ студенческомъ братствѣ, и да изливается эта любовь въ родственныя тебѣ стихіи русской жизни, въ убѣжденія мыслителей, въ правду судей, въ массы сословій и въ историческій прогресъ народной жизни!

НЕ ЗАБУДЬ.

I.

— Какъ бы теперь славно съѣздить за грибами!

— Ахъ да, Варя, дѣйствительно! Помните, въ дѣтствѣ, какое, бывало, счастіе!

— Да, я и теперь точно такъ же люблю эти поѣздки; попросите вашу мамашу. Она вамъ не откажетъ.

— Пойдемте вмѣстѣ; вы поможете, а то одинъ я не ручаюсь.

Разговоръ этотъ происходилъ въ саду, въ усадьбѣ Демидовѣ, между молодымъ, только-что выпущеннымъ изъ корпуса офицеромъ и хорошенькою, лѣтъ восемнадцати, барышней, которая въ розовомъ холстинковомъ платьецѣ, съ бѣлымъ воротничкомъ на бѣлой шейкѣ, казалась почти ребенкомъ.

Оба они подошли къ большой группѣ деревъ, подъ тѣнью которыхъ сидѣла въ креслахъ дама — сама

помѣщица этого имѣнія, Анфиса Николаевна Озерова. Вокругъ нея, на травѣ, лежало, валялось и бѣгало множество дѣтей обоего пола. Нѣсколько горничныхъ, женщинъ и дѣвушекъ, находилось тутъ же съ работами — кто съ шитьемъ, кто съ вязаньемъ.

— Мамаша, — обратился къ дамѣ молодой человѣкъ: — нельзя ли съѣздить намъ за грибами?

— Ахъ, мамаша, душечка, за грибами, за грибами! раздались всюду дѣтскіе голоса.

— Не знаю, милые мои, отвѣчала Анфиса Николаевна: — есть ли лошади. Лиза! поди-ко, позови ко мнѣ Егора.

Озерова была вдова немолодыхъ уже лѣтъ, но съ пріятными еще чертами лица и съ нѣкоторою величавостью въ манерахъ. Дѣтей у нея было пропасть. Старшій, Николай Михайловичъ Озеровъ, былъ тотъ самый молоденькій офицеръ, который хлопоталъ о поѣздкѣ; за нимъ была дочка, гдѣ-то учившаяся въ пансіонѣ, и, наконецъ, при помѣщицѣ были въ деревнѣ еще человѣкъ пять мальчиковъ и дѣвочекъ, которые теперь такъ умильно глядѣли въ лице матери, ожидая разрѣшенія на поѣздку.

Пришелъ Егоръ — сухощавый, съ длинными и рѣдкими волосами человѣкъ, въ какомъ-то пальто, которое, впрочемъ, столько же походило и на сюртукъ, и на подрясникъ, и на капотъ. Это былъ такъ называемый «дворецкій». Обязанность его состояла, кажется, только въ томъ, чтобы ничего не дѣлать, но во все вмѣшиваться. Для управленія имѣніемъ существовали прикащики, старосты и т. п.; но Егоръ передавалъ имъ приказанія Анфисы Николаевны, и до-

кладывалъ объ ихъ исполненіи. Поэтому онъ величался первою властію во дворѣ, вслѣдствіе чего и былъ ненавидимъ всѣми, хотя въ сущности былъ очень добрый и благонамѣренный человѣкъ.

— Вотъ намъ хочется съѣздить за грибами, Егоръ, сказала Анфиса Николаевна своему дворецкому: — погода-то хорошая.

— Лошади теперь, сударыня, всѣ заняты.

— Ну, а гнѣдая кобыла? сказалъ хорошенькій мальчикъ, нѣжно смотря на Егора.

— Копны возитъ.

— А Плясунья, Плясунья? закричалъ другой мальчикъ.

— Кривая-то-съ?

— Ну, да, кривая?

— На мельницу уѣхала съ рожью: муки нѣтъ.

— Изъ молодыхъ можно взять: что же имъ сдѣлается? замѣтилъ Николай Михайловичъ.

— Устали, сударь: боронили, пахали, навозъ возили; только теперь вотъ на пустошь прогнали.

— Да, вѣдь, что же имъ сдѣлается? сказала Анфиса Николаевна: — лошадь весь день будетъ на травѣ: только свезетъ телѣгу утромъ, да привезетъ вечеромъ.

— Такъ-то такъ, сударыня; если прикажете, я велю послать на пустошь — приведутъ.

— Егорушка, милый, вели! кричали дѣти со всѣхъ сторонъ: — маменька, душенька, прикажите!

— Да, съѣздимъ, Егоръ; вчера дождичекъ былъ грибной, прямой такой. Нянька, полно дремать-то; поди, поставь опару, и вели испечь пирогъ съ курицей да телятины зажарить.

Егоръ очень хорошо зналъ, что лошадей свободныхъ было много, и что стоило послать любаго мальчишку на пустошь, тотчасъ бы и привели хоть пятокъ; но возражалъ онъ единственно для того, чтобы выказать свои хозяйственныя соображенія.

Онъ постоялъ немного и пошелъ, но тотчасъ воротился.

— Такъ ужь не прикажете ли привести пару, сударыня? сказалъ онъ, обращаясь къ помѣщицѣ: — вѣдь, вѣроятно, за Лукерьей Степановной изволите послать?

— Да, да, пару, дѣйствительно. Спосылай-ко ты къ ней кого нибудь изъ дворовыхъ: вели кланяться, и скажи, что завтра мы ѣдемъ за грибами, такъ не угодно ли-де и вамъ?

— Слушаю-съ!

— А ты, Варя, мамашу свою попроси.

— Скажу, Анфиса Николавна, непремѣнно.

Варя была дочь бѣдной помѣщицы, которой усадьба была всего черезъ поле отъ Демидова. Она была почти ровесница Озерову, когда-то играла вмѣстѣ съ нимъ въ куклы; но, по возвращеніи изъ корпуса, Николай Михайловичъ нашелъ ужь Вариньку почти невѣстой съ чрезвычайно нѣжными чертами лица, хорошо развитыми формами и съ прекрасными голубенькими глазами.

Тотчасъ же все пришло въ движеніе: дѣти немедленно пустились вприскочку, невѣдомо куда; ушелъ Егоръ, чтобы сдѣлать нужныя распоряженія; встала Анфиса Николаевна, и отправилась въ комнаты; дольше всѣхъ

оставалась нянька, дородная старуха, въ ситцевомъ платьѣ и въ черномъ платкѣ на головѣ.

Очнувшись отъ дремоты, она, съ очками на носу, долго вертѣла въ рукахъ какое-то тряпье, которое штопала, думала и соображала, сколько нужно выдать муки, яицъ, масла, крупъ; наконецъ, и она вышла изъ сада.

Черезъ нѣсколько минутъ разнеслось не только въ усадьбѣ, но и въ окрестностяхъ давно желанное слово: *по грибы!*

— Такъ до завтра, до завтра? говорилъ молодой Озеровъ Варѣ, провожая ее вечеромъ до воротъ.

— Да, до завтра; прощайте! отвѣтила та, подавая ему руку.

— Пораньше приходите, пожалуйста!

— Хорошо.

На другой день до солнышка поднялся бывшій скотникъ, а нынче просто не-у-дѣлъ Адріянъ Никитичъ, которому приказано было ѣхать съ лошадьми за грибами. Онъ вышелъ на задворку и сталъ ходить вокругъ двухъ телѣгъ, постучалъ по одной изъ нихъ, неизвѣстно для чего, обухомъ, потомъ принялся ихъ мазать. За нимъ проснулась няня, которая вмѣстѣ была ключница, а потому принялась лазить по шкафамъ, полкамъ, подваламъ, переставляя и перебирая все; при этомъ дала подзатыльникъ дворовой дѣвочкѣ, которая чуть было не столкнула ее со скамейки. Потомъ проснулись дѣти: предстоящая поѣздка вовсе лишила ихъ сна. Солнце было ужь высоко, когда Анфиса Николаевна и Николай Михайловичъ вышли въ

столовую. Не успѣли они напиться чаю, какъ на крыльцѣ послышались шаги.

— Это Варя, сказала Анфиса Николаевна: — Матушка-то навѣрное не пойдетъ, не разстанется съ своей стряпней-то.

Николай Михайловичъ бросилъ быстрый взглядъ въ зеркало и слегка покраснѣлъ. Въ комнату дѣйствительно вошла Варя. Она поцѣловалась съ Анфисой Николаевной и поклонилась ея сыну.

— Ѳедосья Васильевна, конечно, не ѣдетъ, облѣнилась? замѣтила Озерова.

— Маменька не можетъ, проситъ извиненія: ноги болятъ.

— Все ноги болятъ, Варя; полно, просто, я думаю, масло надо сбивать, либо птицу кормить.

— Нѣтъ, Анфиса Николавна, маменька дѣйствительно нездорова: вотъ другую недѣлю жалуется, опять хочетъ кровь отворять.

— Ой, ужь она съ этимъ отворяніемъ наживетъ бѣды! Отъ всѣхъ болѣзней у нея кровь.

Анфиса Николаевна заперла сахарницу, и вышла.

— Какъ вы сегодня милы! сказалъ Николай Михайловичъ, глядя на нѣжное и дѣтски-чистое личико Вари.

— Слава-Богу, хоть сегодня! отвѣтила та весело.

— Ахъ, нѣтъ, вы всегда... но сегодня какъ-то... Вообще вы безъ меня разцвѣли, невѣстой сдѣлались, такъ что...

— Ну, что еще? шутливо прервала Варя.

— Я не знаю, хорошо ли дѣлаю, что зову васъ Варей?

— Только осмѣльтесь иначе — я и отвѣчать не буду: я для васъ Варя, Варя всегда.

Николай Михайловичъ протянулъ Варѣ руку, въ которую дѣвушка положила свою маленькую ручку; молодой человѣкъ хотѣлъ-было ее поцѣловать, но послышался какой-то стукъ, и Варя вырвала руку, сконфузившись.

Озеровъ сталъ прислушиваться: раздавался стукъ какого-то желѣза, скрипъ, визгъ, хлопанье и Богъ знаетъ что....

— Что это такое? спросилъ съ изумленіемъ Озеровъ.

— Кто-то ѣдетъ, отвѣтила Варя.

— Боже мой! Что, если гости? Вѣдь насъ остановятъ, Варя — бѣда!

— Ахъ, да! Велите отказать; попросите Анфису Николавну.

Между тѣмъ стукъ, хлопъ, скрипъ, пищаніе продолжались. Будто ѣхалъ цѣлый обозъ.

— Бычиха ѣдетъ, сказала изъ дѣвичьей нянька.

— А, Лукерья Степановна — ха-ха-ха! — Варя и Озеровъ вышли въ дѣвичью, откуда видна была пыльная дорога; но на ней никого уже не было. Стукъ, однако, продолжался.

— За овинъ поворотила; сейчасъ пріѣдетъ, отрывисто проговорила нянька, ворочаясь въ шкапу.

Дѣйствительно, у воротъ скоро остановилась высокая сивая лошадь, впряженная не знаю во что: въ дрожки не въ дрожки, въ телѣгу не въ телѣгу — въ экипажъ совершенно неизвѣстнаго вида. Это было что-то въ родѣ двухъ дивановъ, сложенныхъ спинками вмѣстѣ и поставленныхъ на четыре колеса, съ обѣихъ

сторонъ завѣшанныхъ кожаными фартуками. Эти-то фартуки, вмѣстѣ съ безчисленными винтами и гайками, отъ малѣйшаго движенія припрыгивали, звенѣли, стучали и т. п.

Изъ экипажа выскочила сперва сухая, высокая и хромая дѣвка, которая начала высаживать необыкновеннаго роста и толщины барыню; послѣдняя тотчасъ же стала тяжело взбираться на крыльцо. Анфиса Николаевна и молодые люди поспѣшили къ ней на встрѣчу.

— Уфъ, жарко, жарко! уфъ! говорила пріѣзжая: — здорово! Уфъ, экъ васъ подняла нелегкая-то въ эку жару — охъ! Варвара! здравствуй, уфъ!

— Да, вѣдь не въ дождикъ же ѣхать, Лукерья Степановна! сказала Анфиса Николаевна, цѣлуясь съ гостьей.

Пріѣзжую тотчасъ посадили въ особенной величины кресло. Черные глаза старухи были покрыты нависшими сѣдыми бровями, а на щекѣ была бородавка, изъ которой торчалъ пукъ тоже сѣдыхъ волосъ. На головѣ у нея былъ наверченъ скорѣе, чѣмъ повязанъ, бѣлый платокъ, а вмѣсто платья былъ какой-то балахонъ съ широчайшими рукавами и съ пуговицами въ пятакъ величиною, которыя шли отъ самой шеи до подола. Въ рукахъ она держала огромный зеленый мѣшокъ, туго набитый чѣмъ-то. Лукерья Степановна Быкова, или *Бычиха*, какъ ее обыкновенно называли всѣ отъ стараго до малаго, была сосѣдняя помѣщица.

— Лукерья Степановна, Лукерья Степановна.... кричали издали дѣти, опрометью бросаясь къ старухѣ и цѣлуя ея руки: — Лукерья Степановна!

— Ну, что, бѣсенята, упарились? говорила та, цѣлуя дѣтей и отирая платкомъ потъ на лбу у нихъ: — успѣли ужь! А старая-то чертовка ваша не околѣла еще?

— Кто? няня-то? Нѣтъ, она сбирается....

Анфиса Николаевна вышла изъ комнаты что-то приготовить, а дѣти вились около исполинской гостьи. Одинъ мальчикъ залѣзъ въ широчайшій рукавъ, а другой, не мигая, смотрѣлъ на зеленый мѣшокъ, хорошо имъ знакомый.

— Что, пучеглазый, смотришь? думаешь, я тебѣ гостинцевъ привезла? Держи карманъ! говорила старуха, раскрывая, однакожь, мѣшокъ. Покопавшись тамъ, она вытащила изъ него большой тюрикъ, и стукнула имъ слегка по головѣ ребенка. Тотъ схватился за свертокъ, развернулъ — чудо! цѣлый тюрикъ колотаго сахара.

— Убирайтесь отсюда, бѣсенята, вонъ! топнула ногой сердито Быкова: — мать идетъ, отниметъ; вонъ!

Дѣти весело побѣжали съ тюрикомъ.

Наконецъ сборы кончились. Дѣти давно уже прыгали на дворѣ; большая толпа дѣвушекъ, дворовыхъ и крестьянскихъ, стояла съ корзинами; между ними было нѣсколько человѣкъ мужчинъ, въ томъ числѣ и Фока Данилычъ въ бѣломъ полотняномъ балахонѣ съ мигающими глазами. Это былъ сосѣдній помѣщикъ, у котораго была только одна собственная душа. Онъ вѣчно путешествовалъ къ чудотворнымъ иконамъ, монастырямъ и разнымъ замѣчательнымъ мѣстамъ. Богъ знаетъ, гдѣ онъ не бывалъ! Вотъ и Бычиху всадили на особую телѣгу, гдѣ она въ своемъ тюрбанѣ, подъ

огромнымъ парусиннымъ зонтикомъ, казалась болѣе какимъ-то зданіемъ, чѣмъ человѣкомъ; ужь и Адріянъ Никитичъ въ своемъ лѣтнемъ костюмѣ, т. е. въ пестрядинной рубашкѣ, въ туфляхъ на босыхъ ногахъ, и съ тряпкой на головѣ, которую онъ называлъ картузомъ, взялъ возжи въ руки и готовъ былъ тронуть лошадей, какъ вдругъ случилась исторія, произведшая всеобщую суматоху, и на нѣсколько минутъ задержавшая поѣздку. Когда все было готово, чтобы ѣхать, одна нянька рылась еще въ огромной корзинѣ, наполненной съѣстными припасами, укладывая и перекладывая ихъ тамъ въ десятый разъ. Нагнувшись надъ корзиною, задомъ къ зрителямъ, она уставляла бутылки, штофы, свертки съ телятиной, пирогами и т. п., не обращая вниманія на общій ропотъ. Между тѣмъ огромный дворной рыжій кобель, давно почуявшій сладость лѣснаго похода, и наскучивъ ожиданіемъ, сталъ сперва играть съ дѣтьми, а потомъ, ни съ того, ни съ сего, началъ давать по двору огромные круги, летая, какъ стрѣла, вокругъ народа. Разъ, желая промчаться между телѣгами и народомъ, онъ какъ-то попалъ въ толпу и со всего размаха своею мясистою тяжестію хлопнулся въ ноги нянькѣ. Старуха какъ стояла, нагнувшись надъ корзиною, такъ черезъ нее кувыркомъ и перелетѣла. Всеобщій хохотъ привѣтствовалъ несчастіе старой труженицы, а Быкова, которой особая страсть была бѣсить няньку, какъ туча, грохотала на телѣгѣ.

— Нянька, нянька! эка безстыдница! Ха-ха-ха! Что ты онучи, что ли, сушишь на солнышкѣ? При всемъ-то народѣ! Ха-ха-ха!

— Ну, ужь вы сидите тамъ: васъ не спрашиваютъ, злобно отозвалась нянька, оправясь и роясь опять въ корзинѣ. — Эй, ты, Ѳеклушка, косой дьяволъ! вдругъ она обратилась къ коротенькой дѣвчонкѣ съ толстѣйшими ногами, хлопнувъ ее по лбу: — что ты брылы-то распустила? Бѣги къ Оринѣ, скажи, чтобы прислала бутылку сливокъ — разбилъ дьяволъ.

— Ахъ ты, толстомясая! кричала между тѣмъ Бычиха: — ничего-то путемъ не сдѣлаешь. Ну, какъ это вздумала кувыркаться при такомъ народѣ, глянь-ко!

Нянька ничего не отвѣчала. Красная какъ ракъ, отъ жара и досады, она злобно сѣла у корзины, и стала вытирать лице полотенцемъ.

Наконецъ поѣздъ двинулся. Между колыхающеюся рожью шла деревенская непыльная дорога. По бокамъ ея зеленѣла невысокая сочная трава. Въ воздухѣ было ярко, весело, тепло, но не душно. Легкій лѣтній вѣтерокъ прошумѣлъ по верхушкамъ колосьевъ и спрятавшихся въ нихъ васильковъ, обвѣявъ прохладою лица путниковъ. Андреяша, растопыря руки, въ которыхъ были возжи, шелъ возлѣ телѣги. Рыжій песъ, какъ сумасшедшій, бѣгалъ по полю, уткнувъ носъ въ землю и изрѣдка подбѣгая къ путешественникамъ; причемъ, обыкновенно, начиналъ лаять и скакать передъ лошадиной мордой. Бычиха съ своимъ желтымъ зонтикомъ возвышалась надо всѣми. Егоръ гнусливымъ голосомъ затянулъ:

Ужь какъ было въ прошломъ, въ лѣтошномъ году,
Уродилось много ягодъ, ягодъ во бору.

Хоръ мужскихъ и женскихъ голосовъ подхватилъ пѣсню, и поле огласилось заунывной, но богатырской мелодіей чудной пѣсни:

Выходила на Дунай быстро рѣку,
Садилася на крутой зеленъ берегъ.

II.

— Вотъ, я посмотрю, сколько вы наберете грибовъ, сказала весело Варя старшему Озерову.

— Зато вы мастерица — помню; но я съ роду не нахаживалъ грибовъ; не знаю, какъ ихъ и ищутъ. Поучите меня.

— Да что тутъ учить! глядите хорошенько подъ кустами: въ березнякѣ грибы сѣрые и бѣлые; въ ельникѣ родятся рыжики, волнушки — разумѣется, къ концу лѣта. — Варя и Озеровъ своротили съ дороги въ лѣсъ.

— Что, огонь? промычалъ, кривя ротъ, Андреяша рыжему и весноватому мальчишкѣ, Васькѣ, который отворялъ воротца, ведущія въ перелѣсокъ: — смотри, не зажги лѣса-то космами. Пшь тебя опалило!

— Ну, ковыляй, ковыляй! отвѣчалъ, не то обидясь, не то шутя, рыжій мальчишка: — набилъ носо-тъ табачищемъ — гнуси....

— О, рыжій! съ усмѣшкой дразнилъ Андреяша мальчишку: — кто рожу-то тебѣ обляпалъ, огонь? Точно глиной опятналъ! Охъ ты, паленый — ха-ха!

— Ой! раздалось съ телѣги Бычихи: — ребята, ой!

Дѣти тотчасъ поняли, въ чемъ дѣло, и весело подскочили къ Бычихѣ. Нянька торопливо слѣдовала за ними. Бычиха сунула имъ по сдобному колобку, приготовленіемъ которыхъ она особенно славилась. При этомъ она подала колобокъ и нянькѣ, но не могла удержаться, чтобы не посмѣяться надъ старухой.

— Что, болитъ спина-то, старая? Да и дернула тебя нелегкая лягаться при народѣ — безстыдница!

Нянька точно не слыхала этихъ словъ, и спросила:

— А что бурена-то у васъ выходилась?

— Выходилась, отвѣчала Бычиха, откусивъ полколобка и двигая огромными челюстями: — доитъ теперь.

Между тѣмъ поѣздъ, проѣхавъ выпускъ, сухой и невзрачный лѣсишко, съ вытоптанною травою, въѣхалъ черезъ воротца въ зеленый березнякъ, гдѣ трава уже была зелена и высока. Развѣсистыя березы толпились возлѣ самой дороги. Солнце уже не пекло, какъ въ полѣ; но въ лѣсу было чуть ли не теплѣе: какой-то жаркій ароматическій воздухъ обвѣвалъ всѣхъ. Толпа возлѣ телѣгъ становилась менѣе: многіе разошлись по лѣсу, и перекликались звонкими голосами; у нѣкоторыхъ уже было по нѣскольку грибовъ въ корзинѣ. Вдругъ, на одномъ перекресткѣ Адріянъ остановилъ телѣгу. Путники тоже остановились.

— Куда ѣхать-то? спросилъ онъ флегматически.

Всѣ переглянулись. Одни думали туда, другіе — въ другое мѣсто.

— Въ Поляны, сказала Анфиса Николаевна.

— Ну, что въ Полянахъ! заговорили дѣти: — скучно тамъ: къ Святому, мамаша, къ Святому.

— О, далеко, милые! какъ это можно!

— Устанете, сударь! замѣтилъ, нюхая табакъ, Егоръ.

— Какая скука въ Полянахъ! молвила тихо Варя: — въ Святомъ цвѣтовъ сколько! Вы бывали въ Святомъ? спросила она Николая Михайловича.

— Нѣтъ; не помню, впрочемъ.

— Ну, ужь если бы побывали въ Святомъ, такъ не забыли бы — чудныя мѣста!

— Да, на Полянахъ, сударыня, едва ли есть теперь грибы, замѣтила прехорошенькая дѣвочка въ бѣленькомъ бумажномъ платкѣ на головѣ: — косятъ тамъ, такъ поди, чай, выбрали.

— Къ Святому, мамаша, къ Святому! кричали дѣти.

— Да, ну, къ Святому, песъ! крикнула Бычиха Адріяну, стукнувъ его по плечамъ зонтикомъ: — Что стоишь, ротъ-то розиня? Поворачивай!

Адріянъ потянулъ правую возжу, и круто поворотилъ лошадь вправо. Телѣга пошла по едва протоптанной дорогѣ, поросшей уже сочною травою. Густой лѣсъ завѣсилъ всѣхъ своими тѣнистыми вѣтвями.

— А что это нынче Поли нѣтъ? спросила Анфиса Николаевна.

— Не пошла-съ, отвѣчала одна изъ горничныхъ: — некогда, чу-съ.

— Старый-то дьяволъ ея не околѣлъ еще? крикнула Бычиха съ телѣги.

— Что это вы! сказала Анфиса Николаевна: — какъ вамъ не стыдно бранить старика?

— Не люблю пса! отвѣчала Бычиха рѣзко, и отвернулась.

— На кого это такъ гнѣвается Лукерья Степановна? спросилъ Озеровъ Егора.

— На мельника-съ, отвѣтилъ тотъ, нахмурясь.

— За что же?

— Онѣ его не любятъ-съ.

— За что?

— За что-съ?... Да вѣдь онъ и всѣмъ не очень пріятенъ.

— Почему?

Егоръ задумался, потомъ сказалъ:

— Несообразный человѣкъ какой-то.

— Ну, гдѣ же хорошія-то мѣста? обратился Николай Михайловичъ къ Варѣ.

— Погодите, отвѣтила та: — Какъ жарко, прибавила она, кладя въ телѣгу зонтикъ и снимая небольшой платочекъ съ шеи: — ужасъ!

Бѣлая шейка и молодая грудь восьмнадцатилѣтней дѣвушки бросились въ глаза Озерову.

— Варя, вы загорите, робко замѣтилъ онъ.

— Ну, такъ что же?

— Какъ, что же? такая шейка...

Дѣвушка покраснѣла и чуть слышно молвила:

— Ничего.

Путешественники совсѣмъ ужь разбрелись по лѣсу; возлѣ телѣги держались только дѣти съ нянькой. Даже Бычиха слѣзла и ходила подъ тѣнью сосенъ.

— Эхъ, баринъ! раздалось сзади молодаго человѣка: — не видите грибовъ-то.

Николай Михайловичъ оглянулся и увидѣлъ, что за нимъ сбирала грибы хорошенькая дѣвушка въ красномъ ситцевомъ сарафанѣ и въ синемъ платкѣ на головѣ.

— Ахъ, это ты, Маряша? сказалъ, немного сконфузясь, Николай Михайловичъ: — я и не видалъ.

— Да гдѣ вамъ видѣть! Любое видѣть-то: или грибы, или...

— Что же? спросилъ молодой человѣкъ, краснѣе.

— Ступайте ужь, ступайте, куда шли! весело подхватила дѣвушка: — Глазъ не спускаете — ступайте! — Впереди, сквозь стволы деревъ, мелькало голубенькое платьеце Вари.

— Такъ что же, развѣ нельзя ужь и посмотрѣть? Вѣдь, вотъ и ты хорошенькая...

— Ладно, ладно, толкуйте тутъ; не проведете насъ.

— Ахъ ты, рыжій песъ! вдругъ вскрикнула Маряша, вытаскивая изъ волосъ еловую шишку, которую влѣпилъ ей Васька. Маремьяна побѣжала за нимъ.

Озеровъ подошелъ къ Варѣ, которая, присѣвъ въ траву, выбирала изъ нея цвѣты. На груди у нея былъ приколотъ небольшой букетъ фіалокъ.

— Какіе чудные цвѣты! сказалъ Николай Михайловичъ.

— Да какіе вамъ лучше нравятся? Эти, эти, эти? говорила Варя, указывая на ландыши, гвоздику, колокольчики, которые были у нея въ рукахъ.

— Нѣтъ, вотъ тѣ, отвѣтилъ юноша, устремляя глаза на фіалки.

— Ахъ, эти! сказала Варя, какъ будто позабывъ про фіалки, и пошла далѣе.

Телѣги двигались все впередъ и впередъ уже вовсе не по дорогѣ. Адріянъ съ несокрушимою самоувѣренностью двигалъ свои экипажи Богъ знаетъ по какимъ примѣтамъ. О, русская телѣга! По какимъ-то ты пу-

тямъ не прохаживала, не проѣзживала! черезъ какіе буераки, колоды, пни не перекатывались твои самодѣльныя и не совсѣмъ пригожія колеса! Иной разъ и пѣшкомъ-то пройти надумаешься, а телѣга наша, матушка, съ своимъ сивкой-кауркой, перекатывается, да перекатывается, и охъ не молвитъ.

— А далеко еще? спросила Анфиса Николаевна Адріяна.

— Недалече, прогнусѣлъ тотъ.

— А какъ?

— Да версты съ двѣ будетъ еще хорошихъ, замѣтила здоровенная баба съ руками кирпичнаго цвѣта.

— Егорка! крикнула Лукерья Степановна съ телѣги.

Егоръ съ серьезной и недовольной миной быстро подошелъ къ Быковой: ему было очень непріятно, что Бычиха обращалась съ нимъ такъ же презрительно, какъ со всѣми дворовыми. Онъ считалъ это оскорбленіемъ своего дворецкаго достоинства, но не смѣлъ и миной выразить неудовольствія.

— Стой! закричала Быкова.

Адріянъ остановилъ телѣгу.

— Сведи.

Егоръ и Адріянъ взяли подъ руки старуху и ссадили съ телѣги. Она подошла къ Анфисѣ Николаевнѣ, и сказала:

— Ѣсть хочу — пора! Вѣдь ребята-то, поди, примучились.

— А вотъ сейчасъ, сударыня, къ оврагу-то подъѣдемъ, такъ тутъ и позавтракаемъ, а на Святомъ ужь обѣдать будемъ.

Лѣсъ становился гуще и гуще. Сосновыя тучи совсѣмъ заслонили солнце. Смолистый запахъ разносился въ воздухѣ. Было даже темно. Но вотъ впереди, сквозь мглу лѣсную, что-то стало сверкать, свѣтлѣть и наконецъ стало совсѣмъ свѣтло.

— Пойдемте, пойдемте, сказала Варя Николаю Михайловичу: — пойдемте впередъ.

Молодые люди и дѣти, обогнавъ телѣги, побѣжали впередъ. Черезъ нѣсколько шаговъ они остановились, и Варя спросила Озерова:

— Ну, что, худо?

— Прелесть! отвѣтилъ тотъ.

Поѣздъ остановился на краю огромнаго и глубокаго оврага, или, лучше, ложбины съ версту шириною. По обоимъ берегамъ ея стоялъ дремучій лѣсъ, сбѣгавшій внизъ то ельникомъ, то зеленымъ березникомъ. Дно оврага было какъ бархатное отъ зеленой травы. Только посрединѣ его лежала стальная полоса рѣки, сверкавшей отъ лучей солнца.

— Охъ, устала! Аришка, держи! говорила Быкова, опускаясь на траву подъ густою тѣнью деревъ, между тѣмъ какъ Арина ее поддерживала: — охъ, ѣсть хочу, давайте!

Нянька явилась съ извѣстною намъ корзиною, разостлала скатерть, и стала выгружать изъ корзины съѣдобныя снадобья, квасы, наливки и т. п. Всѣ усѣлись вокругъ.

— Что, Варинька, устала? спросила Лукерья Степановна.

— Нѣтъ, матушка, не устала, отвѣтила та. — Бычиха была мать крестная Вари.

— Какое чудное мѣсто! сказалъ Николай Михайловичъ.

— Какое мѣсто? спросила Бычиха.

— Да вотъ этотъ оврагъ.

— Полно врать! вскричала старуха: — эка кручь! Какъ ужо спускаться-то будемъ? Гляди-ко внизъ — и смотрѣть страшно, а туда надо слѣзать. Егорка!

— Что прикажете, сударыня?

— Нѣтъ ли гдѣ тутъ объѣзда? Я здѣсь не пойду.

— Никакъ нѣтъ, сударыня! Да вы извольте сѣсть въ экипажъ.

Егоръ, какъ великосвѣтскій лакей, называлъ телѣгу не иначе, какъ экипажемъ.

— Убьешь, песъ! вскричала Бычиха: — Хочешь мнѣ шею сломить! Уфъ, ѣсть хочу; давайте! Благослови, Христосъ! Анфисушка, будь здорова!

И старуха потихоньку вытянула рюмку ерофеича.

— Охъ, хорошо, вотъ хорошо... уфъ! говорила она, закусывая пирогомъ.

— Экой пирогъ-отъ! Аришка, салфетку! Завяжи; ну, такъ. — Арина дѣйствительно навязывала Быковой на шею цѣлую скатерть.

И путешественники наши принялись удовлетворять свои желудки, не обращая вниманія на прекрасную мѣстность. Лошадей поставили тоже въ тѣни; вокругъ телѣгъ расположились бабы, дѣвушки, ихъ кавалеры, въ томъ числѣ и рыжій Васька. У нихъ, какъ и у господъ, былъ порядочный запасъ съѣстной всячины: печеныхъ яицъ, колобушекъ, зеленаго луку и цѣлый боченокъ квасу. Всѣ стали жевать, хлебать, пересыпая рѣчи шутками, остротами, щипками и т. п. Нянька

не удержалась, чтобы не дать подзатыльника Ѳеклушкѣ, которая вышибла у ней изъ рукъ сладкій пирогъ. Наконецъ накушались и натолковались. «Пора бы,» проговорили нѣкоторые; но Адріянъ, который все хлопоталъ у лошадей, еще не завтракалъ. Управившись, онъ подошелъ къ высокому пню, гдѣ стоялъ стаканчикъ водки, пожалованный барыней, и лежала середка пирога. Собираясь посмоковать все это, онъ хотѣлъ предаться наслажденію, какъ слѣдуетъ. Для этого надо было вынуть новую свою берестянку, съ свѣтящимися узорами изъ фольги, и понюхать задорнаго табачку, имъ же самимъ смолотаго изъ анаѳемскаго листика. Запустилъ онъ пальцы въ голенище, поискалъ — что за чудо! нѣту; въ другомъ сапогѣ — нѣту. Ахъ ты, дьяволъ! Сталъ онъ шарить по травѣ, на телѣгѣ, переставилъ всѣ корзины, которыя уже наполнялись грибами — нѣту. Андреяша не замѣтилъ, что за нимъ слѣдили и посмѣивались.

— Что тебѣ, табачищу, что ли? крикнулъ Васька, дернувъ Адріяна за рукавъ.

— Ну что, Василко, видѣлъ, что ли, дурашка? умолялъ Адріянъ.

— Да, я нашелъ твою берестянку, и не отдамъ.

— Ну, полно, Вася?

— Отдай пирогъ.

— Вася, я еще не ѣлъ!

— Отдай пирогъ! говорилъ безжалостный Васька и показалъ берестянку. Всеобщій хохотъ раздался, когда увидѣли въ рукахъ у Васьки Адріянову тавлинку, которая блестѣла, краснѣла и зеленѣла отъ лучей солнца.

— Подлецъ! вскричалъ Адріянъ.

— Отдай пирогъ! отвѣчалъ рыжій.

— Пора, пора! раздалось вокругъ. Васька сжалился надъ своей жертвой, и возвратилъ тавлинку безвозмездно.

Опять пустились въ путь. Телѣги пошли впередъ. Бычиху взяли двое подъ-руки и вели. Спускъ вовсе не былъ такъ крутъ, какъ увѣряла Быкова; дорога сходила не прямо въ оврагъ, отвѣсно, а наискось, по горѣ. Зато жара была страшная. Полдень висѣлъ надъ головою. Лучи солнечные били прямо въ песчаную дорогу и въ глинистую стѣну берега.

— Жарко, сказала Варя, остановясь: — ужасъ какъ жарко.

— Спустимтесь лѣсомъ, отвѣтилъ Николай Михайловичъ: — вотъ прямо.

— Круто, сказала дѣвушка.

— Я вамъ помогу.

Варя посмотрѣла внизъ. Съ правой стороны дороги берегъ дѣйствительно круто сходилъ на дно оврага, но зато весь онъ былъ покрытъ зеленымъ кустарникомъ. Николай Михайловичъ подалъ руку Варѣ; оба стали сходить внизъ, между тѣмъ, какъ телѣга со всѣми спутниками двигалась по песчаной дорогѣ.

— Ахъ, боюсь! говорила Варя, опираясь на руку своего спутника, который и самъ съ трудомъ держался на ногахъ, но берегъ Варю пуще себя.

Иногда нужно было почти нести дѣвушку — такъ было круто. Подвигъ былъ трудный; но въ 20 лѣтъ, подъ зноемъ солнца, въ зеленой тѣни лѣса, какъ онъ сладокъ! Было еще далеко до дна, какъ Варя остановилась на площадкѣ, покрытой вѣтвями рябины.

— Устали? спросила она, стыдливо смотря на юношу. Стукъ телѣгъ и говоръ голосовъ совсѣмъ умолкъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ! отвѣтилъ тотъ: — я нисколько; а вы, Варя, устали? спрашивалъ молодой человѣкъ, смотря на волнующуюся грудь дѣвушки: — Сядьте! — И Озеровъ поцѣловалъ пуховую ручку спутницы. У Вари сжалось сердце, но она сѣла. Оба смолкли.

— Пойдемте! немного погодя, молвила Варя: — пойдемте, а то мы отстанемъ.

Николай Михайловичъ помогъ Варѣ встать и они опять стали спускаться, держась за деревья и за высокую траву. Черезъ нѣсколько минутъ они были уже на днѣ оврага.

— Благодарствуйте, сказала Варя, подавая руку Озерову, которую тотъ снова крѣпко поцѣловалъ. Варя быстро побѣжала къ дорогѣ уже по ровному лугу и даже опередила телѣгу.

Дорога пошла по зеленому лугу оврага; она то прижималась къ рѣкѣ, то придвигалась къ берегу. Мѣста были дѣйствительно чудныя. Берега или зеленѣли кустарникомъ, или висѣли глинистыми скалами, изъ которыхъ выпячивались сѣрые камни и корни деревьевъ. Вверху постоянно чернѣлъ дремучій лѣсъ. При малѣйшемъ возвышеніи открывалась необъятная даль оврага, съ сверкающею рѣкою.

— Эка высь! вскрикнула Лукерья Степановна: — Нянька, поди-ко, сбѣгай, тамъ грибовъ-то много.

— Сбѣгай-ко сама, проворчала себѣ подъ носъ нянька.

Лѣвый берегъ обрывистой и песчаной скалой висѣлъ надъ путниками. Вверху огромный пукъ сосенъ

росъ почти горизонтально съ дномъ оврага, покрывая всю скалу густою тѣнью. Казалось, первый же вѣтеръ вырветъ этихъ великановъ изъ песчаной почвы, но много бурь пронеслось надъ ихъ вершинами, а сосны все шумѣли колючими лапами. Выше ихъ подымалась гора, сначала покрытая лѣсомъ, а потомъ голая, сѣрая, точно обсыпанная пепломъ.

— Боже мой, какая вышина! замѣтилъ Николай Михайловичъ: — Вотъ, я думаю, оттуда видъ-то!

— И, и! отвѣтилъ на это Ѳока Данилычъ.

— Что же видно?

— Все лѣсъ-съ. Верстъ на сто кругомъ-съ. Сосновый дремучій лѣсъ-съ! Вотъ съ этой стороны, гдѣ гора-то-съ, маленько повыгорѣлъ, а вотъ за рѣкой-то — у-у! — непроходимая....

Дорога между тѣмъ подошла къ самой рѣкѣ, такъ, что Николай Михайловичъ недоумѣвалъ, какъ они переправятся.

— Здѣсь бродъ-съ, замѣтилъ Егоръ: — мелко-съ. Садитесь, батюшка, въ телѣгу-то-съ.

Дѣйствительно, дамы, дѣти и Николай Михайловичъ сѣли въ телѣгу.

— Егорка! закричала Быкова: — не сажай старую кичку; пусть ее промоетъ; гляди-ко рожа-то! Экъ ее упарило!

Лошади перевезли господъ и воротились за дѣвушками; нѣкоторыя изъ нихъ предпочли идти просто въ бродъ, потому что тутъ было мелко.

— Разъ мы сюда пріѣзжали еще при покойномъ папенькѣ вашемъ, сказалъ Ѳока Данилычъ Озерову:—на охоту. Такъ вотъ подальше-то тутъ, на лѣвомъ берегу,

есть кручь и прямо надъ рѣкою, а мы ѣдемъ по правому-то берегу. Слышимъ ревъ страшный — быкъ не быкъ, невѣдомо кто. Смотримъ, а медвѣдь полѣзъ на песчаную-то кручу и ужь совсѣмъ было-взобрался на вершину, такъ что одной передней лапой вцѣпился когтями въ сосну, а другими опереться не можетъ: песокъ-отъ, знаете, осыпается — и реветъ!

— Ну, что же вы?

— Да что же-съ! Стали стрѣлять; ружья-то дробью были заряжены — что ему сдѣлаешь! Однако, съ испугу что ли, или просто оборвался, вдругъ какъ бухнется въ рѣку-то, словно боровъ.

— Какъ же, утонулъ?

— Какое утонулъ! Выплылъ тамъ пониже, да въ прискочку въ лѣсъ.

— Вотъ и Святое, сказалъ наконецъ Егоръ. — Приворачивай къ берегу-то, обратился онъ къ Адріяну: — поднимись вотъ на бугорокъ-отъ, вотъ сюда подъ кленъ: тутъ зелено таково.

Лѣсъ разступился. Вправо, гдѣ находились наши путники, онъ поднимался, а влѣво будто тѣснила его рѣка. Передъ путешественниками была огромная долина, покрытая травою и лѣсными цвѣтами, сквозь которые кой-гдѣ желтѣла глинистая почва или голая земля. Ничего собственно привлекательнаго въ ней не было; взъерошенная ея поверхность даже была непригожа; но зато всякій, кто бы ни пришелъ сюда, невольно остановился бы въ изумленіи и перекрестился на близстоящій крестъ. Кромѣ безконечной дали, терявшейся въ блескѣ лѣтняго воздуха, всякаго поражала именно эта простота мѣстности и совершенная

ея пустынность. Не слышно было ни птички, ни кузнечика. Вода рѣки и дальній лѣсъ сдѣлались будто тише. Точно все благоговѣйно смолкло передъ небомъ, которое здѣсь широко раскинуло свой лучезарный куполъ. Только высокій стволъ осины, почти весь обнаженный, стоялъ невдалекѣ, и какъ будто шепталъ немногими своими листочками пустынную молитву.

— А вотъ въ водополь, заговорилъ, мигая, Ѳока Данилычъ: — такъ вся эта даль водой понимается.

— Да какъ ты сюда въ водополь-то попалъ? спросила Быкова.

— Да такъ-съ; хвалили, такъ и пошелъ посмотрѣть.

— Ну, что, хорошо? спросила Варя.

— Хорошо-съ. Ровно море стоитъ, только крестъ-отъ одинъ и видѣнъ на поверхности; кругомъ лѣсъ, тихо таково!

— Что же это за крестъ? спросилъ Николай Михайловичъ.

На вопросъ долго не было отвѣта, какъ будто всякій хотѣлъ, чтобы отвѣтилъ другой.

— Мельникъ, чу, убилъ тутъ кого-то, да и зарылъ, брякнулъ Адріяшка.

— Полно, дуракъ! возразила Бычиха: — еще о мельникѣ и слуху не было, а крестъ стоялъ. Дѣдъ мой въ пугачевщину служилъ, да про крестъ-отъ говаривалъ.

— Богъ знаетъ, батюшка! вмѣшался Егоръ: — всяко разсказываютъ; только крестъ стоитъ тутъ невѣдомо съ коихъ лѣтъ. Если подгніетъ, али вѣтромъ сломитъ, али вотъ водой-то вымоетъ, такъ на мѣсто

стараго является новый такой же, а ужь кто ставитъ — Богъ знаетъ.

Лошади были отложены и пущены на траву. Снова изъ корзины стали выходить на свѣтъ утки, куры, пироги. Послѣ обѣда Лукерья Васильевна разлеглась на лугу, велѣвъ покрыть себя простыней; другія также прилегли, а нѣкоторыя разбрелись по лѣсу. Сонное молчаніе водворилось ненадолго.

III.

Николай Михайловичъ любовался долиной; но, грѣхъ утаить, съ мучительною тревогою ожидалъ, когда встанетъ Варя. Богъ знаетъ, не о чемъ ли подобномъ же думала и Варя, только она дѣйствительно пошла въ лѣсъ, украдкою взглянувъ на молодаго человѣка. Николай Михайловичъ послѣдовалъ за нею.

— Вы знаете здѣшнія мѣста? спросилъ онъ спутницу.

— Бывала здѣсь, но не знаю, отвѣтила та.

— Не заблудиться бы....

— Я не буду отходить далеко; впрочемъ, можно аукнуться; а вы боитесь?

— Я говорю о васъ, а не о себѣ.... что же касается до меня, то....

— Что же?

— Если бы мнѣ случилось....

— Что, заблудиться? ха-ха — вотъ хорошо.

— Нѣтъ, не заблудиться.... а.... если бы.... я остался въ этомъ лѣсу.... съ вами.

— Со мной? О, какая страсть!

— О, я былъ бы счастливѣйшій въ мірѣ человѣкъ!

Варя замолчала, но пошла такъ быстро впередъ, что Николай Михайловичъ едва поспѣвалъ за нею.

— Варя, постойте! куда вы такъ спѣшите? сказалъ Озеровъ, взявъ дѣвушку за руку и поддерживая за талью, потому что тутъ былъ сильный ломъ. — Вы отъ меня бѣжите точно отъ звѣря, говорилъ съ упрекомъ молодой человѣкъ, цѣлуя ручку хорошенькой сосѣдки.

— Нѣтъ, я не бѣгу, но....

— Что же?

— Мы далеко зашли.... пойдемте назадъ.

— Погодите.... мой ангелъ.... какія вы! Дайте мнѣ побыть съ вами.... Ахъ, постойте! вдругъ вскрикнулъ Озеровъ: Бога ради, постойте!... у васъ на шеѣ — отряхните.... букашка!...

— Гдѣ? ради Христа!... вскричала Варя, обмахивая шею платкомъ и блѣднѣя: я боюсь ихъ — гдѣ?...

— Вотъ, вотъ, на правомъ плечѣ, скорѣй, скорѣй.... ахъ!...

— Снимите, снимите, ради Бога! блѣднѣя умоляла Варя.

Молодой человѣкъ покраснѣлъ самъ. Снять, но какъ? Дѣло въ томъ, что, когда Варя обмахивала шею платкомъ, платье, плотно окружавшее ея плечи, отъ поднятой руки отдѣлилось и роковая букашка, божія коровка, счастливо избѣгнувъ ударовъ платка, скрылась подъ платье. А между тѣмъ Варя, страшно бо-

явшаяся насѣкомыхъ, блѣдная, какъ полотно, умоляла Озерова: «снимите, снимите!»

Молодой человѣкъ, тоже блѣднѣя, слегка отдѣлилъ голубое платьеце отъ мраморнаго тѣла и нетвердою рукою вытащилъ букашку изъ убѣжища.

Варя и молодой человѣкъ оба едва могли перевести духъ и оба тяжко вздохнули: одна — отъ испуга, другой — не знаю отчего.

— Ну, пойдемте же, сказала Варя.

Юноша шелъ за своей спутницей и рѣшительно не зналъ, что заговорить. Онъ не могъ понять, что съ нимъ происходило. Наконецъ онъ ее остановилъ.

— Варя, послушайте....

— Что? отвѣтила та, робко взглянувъ на блѣдное лице молодаго человѣка.

— Знаете ли вы, что такое блаженство?

Варя слегка потупилась.

— Божія коровка.... твердилъ, мѣшаясь въ словахъ, Озеровъ, и взявъ Варю за руку: я самъ не знаю; но вы не повѣрите, какъ я счастливъ.... какъ сладко мнѣ смотрѣть на ваше небесное лице, Варя.

Дѣвушка вспыхнула, какъ заря, и устремила глаза въ землю. Она не могла ни стоять, ни отойти. Она только чувствовала, что рука ея лежала въ рукѣ спутника. Молодой человѣкъ, самъ, покоряясь неодолимой, всѣмъ имъ овладѣвшей силѣ, обнялъ стоявшую передъ нимъ дѣвушку и прильнулъ жаркими устами къ ея губамъ.

Долго ли длилась эта минута, мой читатель, — мы не знаемъ; не знали этого ни Варя, ни Озеровъ; только послѣдующая за ней была исполнена какого-то мучитель-

наго блаженства. Она отвернулась отъ юноши, и не знала на что взглянуть, куда дѣть глаза. Какъ все перемѣнилось! Все какъ будто устремило на нее милліоны глазъ, не то ласковыхъ, не то грозныхъ. Колючія сосны прыскали ей въ лицо жгучимъ жаромъ, зеленый орѣшникъ мягко трепалъ ее по плечу, и какъ будто говорилъ: «славно, славно!» Колокольчикъ смѣялся ей прямо въ лицо, кивая лиловой головкой; даже конь, который неизвѣстно какъ оказался тутъ же, въ зеленой чащѣ, просунулъ морду сквозь колючія вѣтви ельника, и, оскаливъ зубы, будто хотѣлъ что-то сказать Варѣ, да не могъ.

Грибъ боровикъ
Всѣмъ полкамъ полковикъ....

раздалась невдалекѣ пѣсня. Молодые люди вздрогнули, но скоро пришли въ себя. Въ другой сторонѣ подхватили женскіе голоса:

Онъ подъ дубомъ сидючи,
На всѣ грибы глядючи,
Собиралъ ихъ на войну.

— Погодите, молвила Варя, которую женскій инстинктъ тотчасъ привелъ въ себя: — погодите, я подойду къ дѣвушкамъ и съ ними отправлюсь.... а вы послѣ придете.

— Прости, Варя, мой ангелъ!...

Уже хоръ нѣсколькихъ голосовъ оглашалъ лѣсъ:

Отказалися опенки:
У насъ ноги очень тонки,

Не пойдемъ мы на войну —
Неповинны никому.
Отказалися волнушки:
Всѣ мы старыя старушки....

Многіе успѣли набрать грибовъ по цѣлой корзинѣ, и несли ихъ съ пѣснями къ телѣгѣ, чтобы потомъ отправиться въ лѣсъ снова. Николай Михайловичъ подошелъ къ рыжему Василью, который дралъ во всю глотку приведенную выше пѣсню. На душѣ нашего героя было блаженство, но въ глубинѣ ея лежалъ таки чуть замѣтный червякъ — этотъ вѣчно неотвязный вопросъ: *зачѣмъ?*... Когда молодой человѣкъ присоединился къ своей семьѣ, тамъ уже кипѣлъ самоваръ. Варя разливала чай; Егоръ, заложивъ руки за спину и безъ шапки, стоялъ возлѣ; кругомъ — кто ближе, кто дальше, сидѣли дѣвушки, женщины. Адріянъ невдалекѣ хлопоталъ возлѣ телѣги. Молодой человѣкъ, взглянувъ на разрумянившееся лицо Вари, сѣлъ тутъ же, и сталъ прислушиваться къ разговору.

— Честью денегъ не наживешь, Анфиса Николавна, говорилъ Егоръ своимъ протяжнымъ голосомъ: — Оно, конечно, у него мельница знатная, да все-таки-съ этакихъ капиталовъ не наживешь.

— А богатъ онъ? спросилъ кто-то изъ дѣтей.

— Богатъ-съ. Кабы не богатъ былъ-съ, такъ сталъ ли бы экія жертвованія дѣлать? Помните, Ѳедотково-то выгорѣло; такъ какъ себя оказалъ!

— А что же онъ сдѣлалъ? спросилъ Николай Михайловичъ, который, узнавъ, что рѣчь идетъ о мель-

никѣ Саватеѣ, котораго мельница была недалеко отъ ихъ усадьбы, слушалъ внимательно разговоръ.

— Да мужики-то стали сбирать на погорѣлое мѣсто; ну, всѣ и давали помощь по силѣ трудовъ праведныхъ: кто грошикъ, кто копѣечку, кто гривенку; помѣщики-то и по рублю и по пяти давали. Пришли къ дѣдушкѣ Саватею. «Что вы?» — «Божіе посѣщеніе, Саватей Ѳедосѣичъ, Богъ наказалъ,» говорили мужички со слезами, кланяясь въ ноги старику. — «А много ли у васъ тамъ дворовъ-то было?» спросилъ тотъ, по обыкновенію нахмурясь. — «Да 10 дворовъ.» — «Ну, придите завтра.» На ночь, чу, ушелъ куда-то, а утромъ, когда мужички пришли, работница и вынесла имъ 500 рублей все серебряными деньгами: значитъ, по 50 руб. на дворъ; самъ-то и не показался.

— Да откуда у него деньги-то?

На этотъ вопросъ опять всѣ замолчали; черезъ минуту, однако, Адріянъ, какъ бы нехотя, проговорилъ:

— На Винту-то его часто по ночамъ видаютъ.

— Ну, такъ что же?

Адріянъ не сталъ и говорить больше, а просто отошелъ къ телѣгѣ, и сталъ починивать что-то у шлеи.

— Водяныхъ тутъ много-съ, бойко отвѣчалъ Васька, тряхнувъ рыжими космами: — Дѣдушка Саватей, вѣдь, колдунъ-съ, онъ знается съ нечистыми.

Николай Михайловичъ улыбнулся; засмѣялась и Бычиха; но нянька подхватила:

— Вы смѣйтесь, а подите-ко, сходите ночью на Винтъ, такъ небось....

— Ну, что небось? что, дурища? заговорила Бычиха: — что ни слово, то совретъ!

— Вы умны, проговорила съ сердцемъ нянька: — а я своими глазами видѣла разъ, какъ она мылась подъ ивой-то, черная-пречерная.

— Кто это она? спросилъ Николай Михайловичъ Варю.

— Водяная баба, отвѣтила Варя не совсѣмъ смѣло.

Мѣсто, о которомъ шла рѣчь, находилось недалеко отъ мельницы, и дѣйствительно пользовалось странною извѣстностью въ народѣ. Молодой человѣкъ видѣлъ его въ дѣтствѣ и почти не помнилъ.

— Да-съ, замѣтилъ Егоръ, — ночью тутъ-съ дѣйствительно какъ-то боязно. Разъ я ѣхалъ изъ городу верхомъ. Ночь была темная, осенняя. Только я сталъ подъѣзжать къ Винту-то, какъ лошадь моя фыркнетъ, да въ сторону; я едва удержался; ударилъ — не идетъ-съ, хоть ты что! бился, Бился — всталъ и повелъ въ поводу.

— Ну, что же? отчего это? спросилъ Николай Михайловичъ.

— А Богъ знаетъ! На Винту никого не было. Только за то, какъ я проѣхалъ, да сѣлъ на лошадь, какъ помчится моя кривая, откуда и прыть взялась, точно вихорь какой ее гналъ.

— А вотъ Парашу-то знаете? молвила Арина, ковыляя мимо съ какимъ-то узломъ и остановясь передъ господами: — что изъ Куликова?

— Это хорошенькая-то? спросила Анфиса Николаевна.

— Ну, да; сшили ей сарафанъ кумашный, хорошій такой. Сарафанъ-отъ у ней и украли! Господи, горе какое! Воетъ дѣвка день и ночь: ну, дѣло молодое, хочется принарядиться-то. И говорятъ ей: поди къ мельнику, узнаетъ. — «Да узнаетъ ли, дѣвонька?» — «Узнаетъ.» — Взяла десятокъ яицъ на поклонъ и пошла. Приходитъ. «Такъ и такъ, дѣдушка, говоритъ: узнай, родимый.» Дѣдъ вышелъ изъ избы, потомъ воротился въ кафтанѣ и въ шапкѣ: «Пойдемъ, говоритъ, со мной!» Параня пошла. Вотъ и пришли они прямо къ Винту. Дѣдъ остановился надъ омутомъ, да и говоритъ: «Слушай: вотъ я брошусь съ тобой въ омутъ, тамъ и увидишь много бабъ и дѣвокъ. Ты и смотри, которая въ твоемъ сарафанѣ. Какъ увидишь, такъ и укажи мнѣ; только смотри, ни слова не говори, а только укажи.» Хорошо! Старикъ, какъ стоялъ, такъ и бросился съ Параней-то въ воду. Господи ты Боже мой! Дѣвка сказывала, что она тамъ видѣла, такъ это — страхъ. Зелень, чу, какая; точно въ зеленомъ какомъ хрусталѣ очутились. Изба не изба, а большія, чу, да свѣтлыя хоромы, и все-то зеленое, да такое блестящее, инда глаза рѣжетъ. Вотъ и видитъ, на лавкахъ все сидятъ бабы да дѣвки — и прядутъ. Смотритъ она — сарафана ея нѣтъ. Вдругъ видитъ, въ концѣ-то избы сидитъ баба черная, да карявая, такъ и болтаетъ языкомъ — въ ея сарафанѣ. «Дѣдушка, родимый, сарафанъ-отъ мой, мой!» закричала Параня. — У! Господи, Господи! что тутъ поднялось! Вой, гамъ, тма сдѣлалась и какой-то вихорь помчалъ ее и вынесъ снова на берегъ. — «Дура, сказалъ мельникъ сердито: — ска-

зывалъ я тебѣ, не говори ни слова. Вотъ тебѣ и сарафанъ!»

— Эка чепуха! проговорила Бычиха.

— Да не приснилось ли это Парашѣ-то? спросилъ Николай Михайловичъ.

— Приснилось! обидѣлась Арина: — А яйца-то гдѣ? У мельника и остались: приснилось! вѣдь она не полоумная была, сама мнѣ разсказывала.

— Какъ ни говорите, сударыня, а ужь тутъ что нибудь да нечисто. И человѣкъ-отъ онъ-съ этакой какой-то своенравный, замѣтилъ Егоръ.

— А что же? спросилъ Николай Михайловичъ.

— Продерзокъ какъ-то. Грубъ не грубъ, а ужь очень высокомѣренъ. Ну, да что и говорить — богатъ!

— Большой капиталъ у него?

— Тысячъ тридцать, чу, есть.

— Что тутъ толковать-то? Убилъ, чу, барина какого-то, да деньги себѣ и взялъ, брякнула сердито нянька: — Смотрите, какимъ лѣшимъ ходитъ: все въ землю глядитъ.

На минуту водворилось совершенное молчаніе. Лѣсъ уже потемнѣлъ; только верхушки его горѣли мѣстами отъ послѣднихъ лучей заходящаго солнца. Смеркнувшее лоно долины стало еще покойнѣе и тише; даже листья осины не шевельнулись при совершенной тишинѣ воздуха. Лѣсъ уснулъ. Мертвое молчаніе смѣнило дневные звуки жизни. Но вдругъ, посреди этой тишины, изъ теряющейся въ сумракѣ долины, понеслись какіе-то замирающіе, едва слышные звуки, похожіе на чьи-то стоны, предсмертные, утомленные вопли.

— Чу! въ испугѣ вскричала нянька.

— Упокой, Господи, душу усопшаго.... прошепталъ Фока Данилычъ, перекрестясь три раза.

Перекрестились Егоръ и Андреяша.

— Что это такое? съ изумленіемъ спрашивали дѣти.

— Вотъ оно дѣло-то какое, проговорила Арина: — Тутъ и подумай. А онъ, чу, часто сюда ходитъ ко кресту-то. На великій же постъ и совсѣмъ пропадаетъ невѣдомо куда: вѣдь всякому ротъ не замажешь; убилъ кого нибудь, подлецъ!

— Стоны, однакожъ, продолжались и видимо нагнали что-то непріятное на всѣхъ. Андреяша положилъ немедленно отправиться въ путь. Онъ уже стоялъ возлѣ телѣги, держа въ рукахъ возжи и поворачивая лошадей въ обратный путь. Бычиха, ни слова не говоря, взобралась на телѣгу и даже велѣла съ собою сѣсть Аринѣ.

— Что же это такое? спросилъ въ невольномъ изумленіи Николай Михайловичъ.

— Да Богъ вѣдаетъ, батюшка, отвѣтилъ Егоръ: — говорятъ, это-съ.... Егоръ замолчалъ и сталъ оглядываться, какъ будто онъ чувствовалъ кого-то позади.

— Что же?

— Говорятъ-съ, будто это кости непогребенныя стонутъ, сказалъ Егоръ робко.

— Какъ?

— Такъ-съ! Вотъ ежели Господь кого накажетъ, кто безъ погребенія христіанскаго убитъ кѣмъ, либо самъ гдѣ умретъ — такъ, чу, косточки-то и стонутъ, погребенія просятъ.

Какой-то отдаленный гулъ, въ родѣ дальняго грома, послышался вдали.

— Господи, не было бы грозы, сказала Анфиса Николаевна: — вотъ бѣда!

— *Небеса повѣдаютъ славу Божію*, проговорилъ, вздохнувъ, Фока Данилычъ.

— *Твореніе же рукъ Его возвѣщаетъ твердь!* добавилъ Егоръ.

Было за полночь, какъ путники наши прибыли домой благополучно.

IV.

Варинькина мать, Ѳедосья Васильевна Фролова, вдова коллежскаго регистратора, служившаго нѣкогда по откупамъ и умершаго недавно, жила, какъ мы уже сказали, недалеко отъ Анфисы Николаевны, въ небольшой усадебкѣ Ждановкѣ. Это была маленькая, худенькая старушка съ бѣльмомъ на одномъ глазу, всегда въ какомъ нибудь ситцевомъ платьѣ и въ бѣломъ чепчикѣ. Супругъ ея, умершій года три назадъ, оставилъ ей эту усадебку, душъ 15 крестьянъ, тысячи полторы ассигн. денегъ, которыя всѣ были розданы подъ заемныя письма за небольшіе проценты, да семилѣтнюю дочку, Варю. Были у нихъ и еще дѣтки, но не жили; уцѣлѣла только послѣдняя, Варя: оттого и берегли ее какъ зѣницу ока. Мысль потерять ее была для нихъ страшнѣе собственной смерти. Когда умеръ отецъ, Ѳедосья Васильевна сосредоточила всю любовь души своей на дочкѣ. Она вся обратилась въ единственную думу о судьбѣ ея. Всѣ мысли, всѣ поступки старушки

имѣли цѣлью улучшить состояніе Вари. Къ хозяйству ей было не привыкать стать: еще при покойникѣ правиломъ ея была всегдашняя поговорка: *свой глазокъ смотрокъ*, а теперь она еще болѣе усилила свои труды, и вставала всегда до пѣтуховъ. Процентики на свой капиталъ она чуть ли не удвоила и при томъ ужь не давала такъ, зря, какъ покойникъ, а съ обезпеченіемъ. Оттого капиталецъ у Ѳедосьи Васильевны въ три года увеличился почти на столько же, какъ у покойнаго мужа въ 10 лѣтъ. Дочкѣ своей родители дали воспитаніе, какое только могли, по своему состоянію и по своимъ понятіямъ. Отецъ выучилъ ее читать, писать самымъ лучшимъ четкимъ почеркомъ, священной исторіи, сложенію и вычитанію; умноженія же и дѣленія онъ и самъ не помнилъ хорошенько, да и не считалъ ихъ нужными, «потому, говорилъ онъ, были бы денежки, а сосчитать всегда съумѣешь!» Но мать передала Варѣ другую премудрость житейскую: это домовитость, любовь и умѣнье трудиться. Варя могла и платье сшить, и платочекъ вышить гладью, и огурцы солить, и утокъ мариновать, и варенье сварить, и чего-чего не знала 18-ти-лѣтняя дочка Ѳедосьи Васильевны! За всѣмъ тѣмъ душа ея была чиста и спокойна, какъ у младенца. На ней отражалась вся тишина и патріархальность ея семейнаго быта. Сердце ея привыкло спокойно относиться и къ Богу, котораго научили ее чтить выше всего, и къ родителямъ, въ отношеніи которыхъ она инаго чувства не понимала, кромѣ самой искренней любви, и къ окружающей ее природѣ, къ которой она привыкла, и къ труду, внѣ котораго не знала жизни. Но мигъ насталъ иной....

Старушка, нахлопотавшись вдоволь въ чуланахъ, въ амбарахъ, въ птичникахъ и курятникахъ, велѣла наконецъ поставить самоваръ, когда ужь солнышко поворотило прямо на правый косякъ: значитъ, поздніе обѣдни, мужики завтракать садятся. Въ это время Варя обыкновенно выходила изъ своей комнаты и здоровалась съ матерью; но теперь Варя еще и глазъ не открывала.

«Устала, сердешная,» подумала Ѳедосья Васильевна: «шутка ли, къ Святому! Вѣдь на разсвѣтѣ вчера пріѣхали.» Посидѣвъ немного, она стала пить чай одна. Лице ея было озабочено безпрестанно; она то пристально смотрѣла въ поле, то прислушивалась къ стуку посуды въ кухнѣ, то поглядывала на молодыхъ индюшекъ, пищавшихъ на дворѣ, между тѣмъ какъ безобразный ихъ папаша съ красно-синимъ носомъ пѣтъ-нѣтъ, да и выболтаетъ свою дурацкую пѣсню.

«Однако же, что это она, моя голубушка?» подумала Ѳедосья Васильевна, напившись уже чаю и вставая изъ-за стола: «здорова ли?»

Старушка заботливо и осторожно подошла къ двери комнаты, гдѣ почивала ея дочка, легонько пріотворила дверь; небольшая полоса солнечнаго свѣта упала на юный профиль дѣвушки; старушка улыбнулась. «Спитъ себѣ спокойно, дитя мое,» сказала она, крестясь и притворяя дверь.

«Спитъ спокойно!» Ошиблась бѣдная мать. Варя провела странную, мучительную ночь. Какъ только сонъ начиналъ клонить ея рѣсницы, какой-то звѣрь бросался на нее; она хотѣла кричать, но не могла — дыханіе захватывало, и только черезъ нѣсколько ми-

нутъ вскрикивала въ испугѣ. О, какъ она была счастлива, что это былъ сонъ! Варя ложилась снова, засыпала съ волшебными мыслями о чудномъ лѣсѣ; но чудовище являлось снова, влекло ее въ лѣсъ, въ пропасть; она опять пробуждалась. И такъ всю ночь! Только подъ утро она уснула спокойно, и тогда сквозь полураскрывшіяся рѣсницы она увидѣла блескъ сіяющаго дня, поспѣшила закрыть ихъ и думала, думала.... О, какъ чисты и лучезарны эти думы только-что загорающейся любви! А старушка все ходила чуть слышно, боясь разбудить Варю.

— Что, устала ты, моя радость? спросила Ѳедосья Васильевна дочку, когда та вышла къ ней почти уже къ обѣду.

— Устала, маменька, отвѣтила Варя, цѣлуя мать и скрывая лице отъ испытующаго взгляда.

— Да, шутка ли, матка, эку даль заѣхали! Садиськo, голубушка, выпей чайку, а потомъ вотъ ватрушки. Таковы хороши сегодня.

Варя сѣла пить чай. Свѣжій воздухъ пахнулъ ей въ лице со двора. Солнце свѣтило ярко; все небо звучало пѣснями, да и на душѣ Вари было что-то пѣвучее, дивное, никогда ею не испытанное. Не грусть, не дума, не восторгъ, не радость, а все это вмѣстѣ, улыбка и слезы.

— А много грибовъ-то, Варенька? спросила Ѳедосья Васильевна: — Нынче все какъ-то мало ихъ.

— Много, маменька, цѣлую телѣгу привезли.

— Изъ людей-то, матушка, кто ѣздилъ?

— Егоръ Иванычъ, Андріянъ, столяръ, нянюшка.... ну, дѣвушки.

— Такъ васъ таки многонько было — нескучно?

«Еще бы,» подумала Варя, но ничего не сказала.

— Ну, а гостекъ питерскій, гораздъ ли брать грибы-то?

— Какое! отвѣтила весело дочка: — то и дѣло ногами задѣваетъ; дѣвушки, знай, за нимъ подбираютъ.

— Ишь ты! Отвыкъ отъ деревни-то. А вѣдь маленькій, поди, какъ гораздъ былъ!

Старушка встала и опять пошла суетиться въ хозяйствѣ, а дочка, сѣвъ подъ любимымъ окномъ за свою работу, рада-рада была, что осталась одна. Золотыя думы одна за другой толпились въ душѣ, даже мѣшали работать. Она не узнавала себя, путала нитки, сшивала совсѣмъ не то. Часто оставляла она работу и устремляла взоры въ чистое поле. Тамъ никого не было, только лѣтній зной свѣтилъ всюду и рѣзалъ глаза; но для Вари тамъ былъ рой существъ живыхъ, видимыхъ, говорящихъ съ нею.

— Пой, Варя, пой? кричали въ небѣ жаворонки: — теперь весна, лѣто, пой съ нами.

«Ахъ, Боже мой!» думала Варя, хватаясь за работу: «скоро обѣдъ, а я еще и не принималась. Странно, право!»

Варя начинала шить, но, немного погодя, опять взглядывала въ поле.

«Ахъ, какъ жарко,» думала она: «хотя бы вечеръ поскорѣй, легче бы работать!»

— Не о работѣ думаешь ты, шептало поле, клоня по вѣтру къ Варѣ свои качающіеся цвѣты и колосья: а думаешь: придетъ ли онъ? Да, придетъ, придетъ.— Варя опять принималась шить, но работа не шла.

Взглянемъ, однакожъ, что дѣлается въ Демидовѣ. Тамъ тоже встали не рано. Говорятъ, человѣкъ никогда не бываетъ такъ самимъ собою, какъ въ минуту пробужденія. Въ то время, когда многочисленныя внѣшнія вліянія прошедшаго дня не поспѣли достаточно проснуться, а звуки дня наступающаго не долетѣли еще до души, человѣческая сущность каждаго дѣятельнѣе, чѣмъ когда нибудь; тотъ моментъ, на которомъ остановился ходъ духовнаго человѣка, дѣйствуетъ самостоятельнѣе.

Всякій пробуждается именно съ тѣмъ вопросомъ его внутренней жизни, до котораго онъ въ данную минуту дозрѣлъ. Такъ, кажется, случилось и съ нашими героями. Фока Данилычъ вскочилъ раньше всѣхъ съ мыслью, что проспалъ, что грѣшному человѣку не подобаетъ спать такъ долго, когда все въ Божіей природѣ трудится и поетъ хвалебный гимнъ Творцу. Поспѣшно умывшись, онъ сталъ на колѣни передъ кивотомъ, и, кладя кресты на груди, читалъ почти вслухъ съ глубокимъ чувствомъ молитвы.

Анфиса Николаевна проснулась съ думами матери и хозяйки. Мы видѣли, что въ Варѣ проснулась, какъ цвѣтокъ въ почкѣ, первая, еще несознаваемая ею любовь дѣвушки. Бычиха проснулась съ своими немощами, изъ которыхъ главная и, кажется, единственная была ея необъятная толщина. Впрочемъ, тутъ страдалицей была не столько Бычиха, сколько Арина, которая должна была ее поднимать, класть опять, тереть, постукивать и за все это получать только одни ругательства и крики.

Когда дневной свѣтъ бросился въ глаза Озерову, и своею лучезарною ясностію освѣтилъ мысли и чувства, вопросъ: *зачѣмъ?* чуть слышный вчера, теперь крикнулъ ему такъ громко и внятно, что онъ даже вскочилъ съ постели. «Какую глупость я сдѣлалъ вчера!» говорилъ онъ про себя, поспѣшно одѣваясь. «Сосѣдка, почти сестра, бѣдная дѣвушка! Мать-то ея на рукахъ меня носила! Ахъ, скверно, скверно!» И молодой человѣкъ началъ ходить по комнатѣ скорыми шагами. «Надо какъ нибудь поправить дѣло. Буду подальше! Не пойду къ нимъ — ну, забудется.»

Рыжій Васька принесъ платье одѣваться.

— Что, встали ужь развѣ?

— Встали-съ.

— Въ столовой чай пьютъ? спросилъ Озеровъ.

— Нѣтъ-съ. Маменька приказала подать чай къ себѣ. Вамъ пришлютъ въ столовую.

Отъ усталости всѣ проснулись поздно. Чай былъ поданъ, но дамы еще были не одѣты, и пили чай однѣ; мужчинамъ же, т. е. Фокѣ Данилычу и Озерову, подали въ столовую.

Напившись чаю, Озеровъ ушелъ въ свою комнату и сталъ читать; но разъ десять начиналъ снова одну и ту же страницу. Мысли такъ и вертѣлись у него въ головѣ: «Нехорошо, нехорошо пользоваться довѣренностью и неопытностью сироты, подруги дѣтства. Ай, дурно!» И Николай Михайловичъ бросилъ даже книгу. Въ комнатѣ становилось душно. Онъ вышелъ въ садъ. «Однако, что же я сдѣлалъ? Вѣдь она мнѣ почти сестра. И какая она добрая, нѣжная, ангелъ.... Даже тѣни упрека не было.» И онъ смотрѣлъ на окно

комнаты, гдѣ она обыкновенно спала, когда оставалась въ Демидовѣ. Теперь это окно было завѣшено сторою. «Разумѣется, продолжать подобныя глупости нельзя. Она — милая и добрая дѣвушка, но, къ сожалѣнію.... Проказница! вчера спрашиваетъ: кто сочинилъ «Капитанскую Дочку?»

Когда Анфиса Николаевна здоровалась съ сыномъ, то, взглянувъ на озабоченный видъ его, невольно спросила:

— Что ты, Коля, здоровъ ли?

— Слава Богу, отвѣчалъ тотъ, цѣлуя руку ея и кланяясь толстой старухѣ. Обѣ онѣ, вмѣстѣ съ Фокой Данилычемъ, выходили въ садъ. За ними несли стулья, подушки и столъ. Все это было разставлено на лужку, подъ густою тѣнью липъ.

— Что имъ дѣлается, мать моя! отвѣтила Быкова: — Молодое дѣло! Здравствуй, батюшка Николай Михайловичъ. Что это вы насъ-то не пришибете? Хоть бы на омутѣ перетопили. Охъ! только небо коптимъ, себѣ и другимъ надоѣли. Аришка!

Арина подставила необъятныя кресла возлѣ Лукерьи Степановны и, взявъ ее подъ руку, посадила въ кресло.

«Не пойду сегодня,» подумалъ между тѣмъ молодой человѣкъ, садясь тутъ же. «Хоть я вчера и сказалъ ей, что прійду, однакожъ не пойду. Нѣтъ, вѣдь это — бѣда! А какъ она просила: вы, говоритъ, обманете — точно угадала.»

Николай Михайловичъ сталъ ходить по аллеѣ. Борьба между долгомъ и чувствомъ сильно волновала молодаго человѣка.

— *Не пойду,* сказалъ онъ твердо, и ушелъ изъ сада.

Обѣдали всѣ въ саду. Послѣ обѣда тутъ же на травѣ растянулась Бычиха, которой Арина принесла подушку и простыню.

Жаръ сталъ уже спадать. Тѣнь отъ стоявшаго лѣса становились длиннѣе. «Вотъ вчера, въ это самое время,» думалъ про себя Озеровъ: «О, Боже! Да и что за бѣда.... Ну, минута! Много ли барышень выходитъ замужъ, не поцѣловавшись съ кѣмъ-нибудь братски!»

Тѣни стали еще длиннѣе, и шаги Николая Михайловича становились еще быстрѣе, а лице вдвое серьезнѣе. «Ждетъ она меня, бѣдняжка! Вѣдь она теперь подумаетъ: «осмѣялъ меня, да и кончено!» Каково ей будетъ вспомнить? Нѣтъ, надо хоть разъ, сегодня только сходить.... но разъ....»

— Коля! кликнула мать: — ты бы прогулялся — что ты все думаешь?

— И то хочу, мамаша.

— Куда?

— На мельницу, отвѣтилъ сынъ, припомнивъ, что ему давно хотѣлось побывать на извѣстномъ Винтѣ.

И дѣйствительно, Николай Михайловичъ взялъ фуражку и отправился на мельницу.

«О, Варя, Варя! еслибъ ты знала, какъ я жертвую собой для тебя!»....

Вечеръ наступилъ, такой же тихій, чудный, какъ вчера. Николай Михайловичъ вспомнилъ темный лѣсъ, угрюмо стоявшій вдалекѣ, эту зелень, нависшую надъ нимъ и надъ нею — надъ ними двоими только! «О, какая довѣрчивость! И за все это — обманъ! Да, душа ея чиста, какъ снѣгъ нагорный.... какъ ея шейка, на которой....»

О, божія коровка! малѣйшее изъ тысячи насѣкомыхъ! Ты опять виною, что Николай Михайловичъ, только вспомнилъ о тебѣ, какъ бросился прямо въ Ждановку.... Рука дрожала у Озерова, когда онъ брался за скобку дверей Ѳедосьи Васильевны. Поблѣднѣла и едва устояла на ногахъ Варя, когда услышала звуки дорогаго голоса.

V.

— А Господь знаетъ, батюшка, Николай Михайлычъ, говорила Ѳедосья Васильевна своему гостю, сидя за чайнымъ столомъ, между тѣмъ, какъ Варя наливала чай: — Господь знаетъ! Вотъ и сусѣдское дѣло, да не скажешь ничего хорошаго; годовъ тридцать живемъ бокъ-о-бокъ, а чашки чаю не видывала. Сугрюмъ такъ, что слова не молвитъ, а иной разъ скажетъ — такъ хуже и того.

— Отчего же?

— Да такъ тово какъ-то, нелюдимъ.

— И колдунъ въ добавокъ, улыбаясь, сказалъ гость.

— А что шутите, Николай Михайлычъ, подхватила старушка, тоже улыбаясь: — ей-Богу, вѣдь не поручусь. Лизкину-то исторію знаешь, Варя?

— Да, знаю.

— То-то.

— Что же это за исторія? спросилъ Николай Михайловичъ.

— Да вѣдь вотъ недалеко взять! Пармена-то Александрыча знаете?

— Нѣтъ, не знаю.

— Ну, Глѣбово знаете?

— Знаю.

— Такъ вотъ Глѣбово принадлежитъ Виктору Иванычу Доровскому, а рядомъ, только черезъ дорогу, другое сельцо и всего-то дворовъ пять — это Афросиньи Павловны Даниловой. У нея сынокъ, молоденькій да хорошенькій такой, служитъ у предводителя, Парменъ Александрычъ. А у глѣбовскаго управляющаго дочка, Лизаветой звали, за самой барышней ходила, вострая такая. И понравься ей Парменъ-то Александрычъ. Какъ только онъ пріѣдетъ изъ городу — она къ Афросиньѣ Павловнѣ то за тѣмъ, то за другимъ, хлопъ да хлопъ черезъ улицу-то. Вотъ онъ разъ и пріѣхалъ на цѣлое лѣто, на побывку, значитъ; дѣвка не отстаетъ отъ него. Онъ въ поле, и она въ поле; онъ въ лѣсъ, и она за нимъ. Что ужь у нихъ было тамъ, не знаю, только матушка-то и запримѣть. А вѣдь она крутенька! «Ахъ ты, говоритъ, поскудникъ этакой, съ рабой таскаешься — вонъ! въ городъ! на службу!» Дѣйствительно, Парменушка уѣхалъ и радъ-радъ былъ, а то ему скука страшная была со старой-то. Но дѣвка ума лишилась — сама мнѣ разсказывала: «Свѣту, говоритъ, божьяго не вижу; тоска, ночь не сплю — тошно, днемъ пуще того.» Похудѣла и поблѣднѣла моя Лизавета.

— А хороша она была? спросилъ Николай Михайловичъ.

— Ну, какъ не хороша, замѣтила съ явной досадой Фролова: — на господскомъ столѣ воспитана. Управляющій отецъ-то; сусеки да кладовыя всѣ открыты. Вотъ и посовѣтуй ей кто-то сходить къ

мельнику, а дѣвка хоть въ омутъ готова. Ну, и сходила....

— Что же? спросилъ гость: — видѣлась съ нимъ?

— Какъ же-съ! Какъ пришла, такъ и бухнулась въ ноги. «Дѣдушка, помоги ради Христа!» — «Да что тебѣ?» Та разсказала. Старикъ нахмурился. «Посиди,» говоритъ; самъ вышелъ и воротился долго спустя. «На, говоритъ, возьми.... покажи ему, да и маткѣ-то, если захочешь.» Та опять въ ноги.... Что же-съ? Въ ту же зиму вышла за Пармешу-то. Да и какъ еще живутъ теперь богато-съ, злобно прибавила старуха.

Увы! Николай Михайловичъ тутъ же замѣтилъ, что Ѳедосьѣ Васильевнѣ чуть ли не самой хотѣлось имѣть Пармена зятькомъ.

— Такъ онъ ей денегъ, значитъ, далъ? замѣтилъ Озеровъ.

— Дожидайтесь, дастъ, сердито сказала Фролова, и вышла изъ комнаты.

— Завтра будете? шепнула Варя Озерову.

— Буду, буду; да лучше вы къ намъ: здѣсь слова сказать невозможно.

— Нельзя, нельзя.

— А вотъ Ѳедотову жену такъ извелъ совсѣмъ, продолжала, входя, Ѳедосья Васильевна.

— Отчего?

— Да такъ, не взлюбилъ, да и только; дунулъ, чу, на нее, съ тѣхъ поръ вянуть да чахнуть стала — и умерла.

На дворѣ уже темнѣло. Гость сталъ прощаться.

«Эка старая!» думалъ на другой день Озеровъ: «не дала переговорить съ Варей. Право, досадно; а какая она милая! Вчера, кажется, она еще лучше была. Однако, странно: какъ-то сухо она приняла меня, холодно. Даже не улыбнулась. Да еще бы! Она сердится на меня. Я велъ себя съ нею какъ мальчишка. Ахъ скверно!» вскричалъ невольно Озеровъ, вскочивъ со стула: — «объяснюсь, извинюсь, и брошу эту исторію! Вотъ надѣлалъ!»

И дѣйствительно, вечеромъ нашъ провинившійся герой сидѣлъ уже у Фроловыхъ. Матушка опять-таки не отходила отъ него ни на минуту. Напрасно онъ старался прочитать на дѣтскомъ личикѣ Вари, что она думаетъ о немъ. По нѣжнымъ взорамъ ему казалось, что она его любитъ, а изъ холоднаго обыкновеннаго разговора видѣлъ совершенное равнодушіе. Исполненный самаго мучительнаго сомнѣнія, снова онъ воротился домой, и долго не могъ уснуть. «Только бы мнѣ объясниться и больше ничего!» думалъ онъ: «Ужасно!»

И на слѣдующій день Озеровъ опять пилъ чай у Фроловыхъ, на слѣдующій — опять. Кончилось тѣмъ, что старуха съ тайною радостію стала думать, что дорогой гостекъ, можетъ быть, будетъ и зятькомъ, поэтому стала оставлять иногда молодыхъ людей наединѣ.

— Никакъ не могу повидать вашего мельника, сказалъ Николай Михайловичъ Ѳедосьѣ Васильевнѣ: — Сколько разъ я ходилъ на мельницу, все какъ-то не встрѣчался.

— Да его, батюшка, нескоро встрѣтишь. Живетъ какъ медвѣдь въ берлогѣ.

— А какое красивое мѣсто этотъ омутъ!

— Ну, какое красивое! сурово замѣтила Ѳедосья Васильевна.

— Нѣтъ, маменька, хорошо, сказала Варя: — только....

— Ну, что же? спросилъ Озеровъ.

— Только страшно.... стыдливо отвѣтила дѣвушка.

— Полноте, сказалъ гость: — неужели вы вѣрите пустякамъ? Сегодня же пойду черезъ мельницу.

— А я васъ провожу до мельницы, сказала Варя: — можно, маменька?

— Ступай, матушка, отвѣтила политично Ѳедосья Васильевна: — бояться, конечно, нечего; я буду въ свѣтелкѣ.

Молодой человѣкъ, въ восторгѣ, что съ Варей будетъ наединѣ, ранѣе обыкновеннаго сталъ прощаться; онъ и не мечталъ о такомъ счастіи. Только-что они прошли садъ и стали спускаться къ рѣкѣ, Озеровъ взялъ руку Вари, чтобъ поцѣловать ее.

— Бога ради! вскрикнула Варя, вырывая поспѣшно руку: — ради Бога! маменька увидитъ: вѣдь она теперь въ свѣтелкѣ, и смотритъ на насъ. Оттуда все видно.

— Какъ? вскрикнулъ Озеровъ, и оглянулся. Дѣйствительно, надъ домомъ Фроловой былъ небольшой мезонинъ, окно котораго господствовало надъ всей мѣстностью.

— Что же это вы, Варя, къ намъ-то? Ей-Богу, вѣдь у васъ слова молвить нельзя: все о грибахъ, да о посѣвахъ.

— Я выпрошусь какъ-нибудь у маменьки, и приду.... но....

— Что же?

— Развѣ вамъ.... что вамъ до меня?

— Варя! вскричалъ съ упрекомъ Озеровъ: — не грѣхъ ли?

Варя улыбнулась и тихо примолвила:

— Я въ воскресенье приду.

Озеровъ крѣпко сжалъ дрожащую ручку дѣвушки.

— А вы придете завтра? робко спросила Варя.

— О, приду, приду, и послѣ завтра; только въ воскресенье вы къ намъ гостить, правда?

— Хорошо, сказала Варя.

Въ это время они подошли къ омуту. Мѣсто было, дѣйствительно, оригинальное. Песчаная дорога, по которой шла молодая пара, отдѣлялась отъ рѣки кустарникомъ. У самаго омута, посреди этого кустарника, стояла, или, лучше сказать, лежала надъ омутомъ огромная ива, нижнія вѣтви которой полоскались въ рѣкѣ, а вершина достигала почти противоположнаго берега. Вся она закрывала черною тѣнью воду, отчего бездны ея угрюмой пропастью смотрѣли посреди зелени. Вечеръ былъ въ это время лунный; но черныя летучія облака безпрестанно закрывали мѣсяцъ и открывали. Когда луна обливала бѣлымъ своимъ свѣтомъ окрестность, то омутъ еще грознѣе смотрѣлъ изъ-подъ тѣни деревъ. Николай Михайловичъ впервые видѣлъ омутъ вечеромъ, и съ нѣкоторымъ удивленіемъ любовался угрюмою и дѣйствительно нѣсколько таинственною картиною. Но вдругъ въ омутѣ кто-то заплескался.... и Варя, и спутникъ вздрогнули.

— Что это такое? проговорилъ Николай Михайловичъ.

— Не знаю, отвѣтила Варя, поблѣднѣвъ: — уйдемте!

Вновь настала тишина, но дунулъ вѣтеръ, и въ омутѣ опять поднялся плескъ. Тутъ только поняли молодые люди, что это плескались въ водѣ вѣтви ивы, колеблемыя вѣтромъ.

— Вамъ не страшно? спрашивала Варя, прижавшись робко къ рукѣ своего сосѣда. — Ай-ай! вдругъ закричала она, будто сумасшедшая: — ай, Боже мой! смотрите, смотрите! Ахъ, уйдемте.... Боже мой!

И Варя безъ памяти бросилась къ Озерову. Тотъ сначала не зналъ, что подумать, и, держа за талію дрожащую дѣвушку, смотрѣлъ по направленію блѣдной ея руки.... Вскорѣ и самъ онъ содрогнулся: внизу, у самаго берега, межъ зеленыхъ вѣтвей, ярко облитыхъ луннымъ свѣтомъ, блеснуло что-то бѣлое, яркое. Вскорѣ сквозь вѣтви можно было разсмотрѣть чье-то блестящее лицо. Сильно освѣщенное мѣсяцемъ, оно само сіяло, какъ лунный ликъ, и только мѣстами было запятнано листьями деревъ. Два огромные глаза чернѣли сквозь вѣтви.

— Уйдемте, Бога ради, уйдемте! кричала, вся дрожа, Варя.

Странное явленіе мгновенно появилось, мгновенно и исчезло. Николай Михайловичъ, не собравшись еще съ мыслями, ободрялъ Варю больше инстинктивно, чѣмъ обдуманно.

Онъ взялъ ее подъ руку и повелъ домой, невольно оглядываясь назадъ. Варя не смѣла взглянуть ни назадъ, ни впередъ: она вся дрожала.

— Варя, ангелъ мой, успокойтесь, Бога ради! Завтра же, вѣроятно, узнаемъ, что это такое.

— Ахъ, да; но я сама не знаю.... ахъ, Боже мой! мнѣ страшно.

— Да полноте....

Варя шла быстро, опираясь на руку, и тяжело дышала.

— Прощайте, сказала она Озерову у себя въ сѣняхъ, подавая холодную руку.

— Успокойтесь, Варя; какъ вамъ не стыдно.

— Ахъ, простите, Николай Михайлычъ; я сама не знаю, что со мною; мнѣ какъ-то тошно; я не боюсь.... Но мнѣ.... ахъ, Боже мой!...

— Ангелъ мой, вы не захворайте!

— Нѣтъ, ничего. Прощайте!

Озеровъ слегка удержалъ Варю за руку; та поняла, бросилась ему на шею, и заплакала.

— Прощайте! сказала она наконецъ: — Маменька увидитъ.... прощайте!

Варя вытерла глаза и ушла къ себѣ въ комнату. Всю ночь она не спала: непостижимая тоска ее мучила. Слезы лились у нея неудержимо. Сама она не могла понять причину невыносимой скорби.

Увы! никто не зналъ причины этого горя, никто не зналъ и явленія, происшедшаго на омутѣ; но Варино сердце знало, что эта минута была для нея роковая. На другой день вечеромъ Озеровъ не былъ у Фроловыхъ, на третій день тоже не былъ, на слѣдующій опять нѣтъ. Въ воскресенье Варя отправилась въ Демидово, и—судите о тоскѣ ея—Озерова не было дома: цѣлый день онъ былъ на охотѣ.

VI.

Происшествіе на омутѣ и Озерову показалось страннымъ. Онъ бывалъ тамъ не разъ и ему всегда казалось, что кустарникъ такъ густо покрывалъ крутой обрывъ берега, что за нимъ не было уже прохода. Онъ часто ходилъ на мельницу; ему давно хотѣлось увидѣться съ мельникомъ и, если можно, разсмотрѣть эту странную личность, о которой такъ много было толковъ. Никогда не встрѣчая его, онъ приходилъ на омутъ, и любовался красивой мѣстностью. Мудрено ли, что на другой день послѣ описанной нами сцены, онъ отправился на мельницу, чтобы осмотрѣть берега омута. Николай Михайловичъ пошелъ по сыпучему, песчаному берегу, который вскорѣ смѣнился кустарникомъ. Идучи этимъ кустарникомъ, онъ держался самой рѣки, и, наконецъ, достигъ ивы. Громадный стволъ и коренья стараго дерева совершенно загородили ему дорогу. Нужно было обойти ее, что онъ и сдѣлалъ. Тутъ только онъ увидѣлъ, что за ивой, у самой рѣки, была узкая, но зеленая, какъ бархатъ, полоса берега. Старая ива, вѣтви которой лежали по рѣкѣ, густо заслоняла это прибрежье съ одной стороны, а березнякъ, какъ мы сказали выше, закрывалъ его съ другой стороны и сзади. Только и можно было видѣть это зеленое пространство съ противоположнаго берега; но тамъ такой былъ густой ельникъ и ломъ, что подойти къ рѣкѣ не было никакой возможности. Это было какое-то чудное изумрудное убѣжище; но едва только

Озеровъ успѣлъ оглянуть его, какъ невольно вздрогнулъ. Полагая, что онъ совершенно одинъ, Озеровъ крайне изумился, что тутъ было другое существо, нѣсколько странное на видъ. Вдали, подъ навѣсомъ березъ, на зеленой муравѣ, облокотясь рукою на огромный бѣлый камень, сидѣла крестьянка, въ черномъ сарафанѣ и черномъ же платкѣ на головѣ; правая рука, на которую оперлась она, и головной платокъ совершенно не позволяли видѣть ея лица; но чудная, бѣлая какъ мраморъ, кисть руки — ибо вся рука была закрыта длинными бѣлыми рукавами рубашки — и огромная черная коса, лежавшая позади на зеленой муравѣ, заставляли предполагать, что это дѣвица и, конечно, не старая. Крестьянка внимательно читала какую-то книгу, въ черномъ кожаномъ переплетѣ, лежавшую на камнѣ. Почему-то Озерову стало неловко: онъ не зналъ, уйти ему или нѣтъ. Но уйти было нельзя, не обративъ вниманія неизвѣстной; къ тому же любопытно было узнать, что это за странная читательница. При первыхъ же шагахъ его, незнакомка быстро обратилась къ нему, спрятала книгу и поправила платокъ на головѣ. Озеровъ былъ пораженъ. Лицо незнакомки исполнено было такой необыкновенной красоты, въ огромныхъ черныхъ глазахъ ея было столько смѣлости, въ бѣломъ, нѣжномъ лицѣ и въ алыхъ устахъ столько было зрѣлости, энергіи, что нашъ изслѣдователь немного сконфузился.

— Я помѣшалъ.... виноватъ.... Здравствуйте....

— Здравствуйте.

— Ты.... вы читали?

— Читала.

— Что?

Незнакомка сперва задумалась, потомъ отвѣтила:

— Вамъ на что?

— Такъ, изъ любопытства, проговорилъ заминаясь Николай Михайловичъ, садясь, однакожъ, на траву, возлѣ крестьянки. — Какая же ты, однако, суровая! Будто и спросить нельзя! Откуда ты?

— Я здѣшняя, съ мельницы.

— Какъ! не дочка ли мельника?

— Внучка.

— А какъ зовутъ тебя?

— Палагѣей.

— А по батюшкѣ?

— Я не барскаго рода, молода еще.... Палагѣя, Поля — вотъ и все.

— Ну, однако?

— Богдановна.

— Какое славное мѣсто здѣсь, Поля! прелесть!

— Не про всѣхъ.

— Отчего же?

Палагѣя на минуту смолкла, потомъ сказала:

— Змѣй много.

Озеровъ невольно вздрогнулъ и оглянулъ вокругъ себя лугъ, на которомъ сидѣлъ. Дѣвица будто этого не замѣтила.

— Ну, какъ же, ты не боишься!

— Не боюсь; мы свои.

— Какъ, со змѣями?

— Да, со всѣми здѣшними.

— Со всѣми! да что же тутъ еще есть?

— Ну, баринъ, много будешь знать, скоро состарѣешься, сказала улыбаясь Палагѣя.

Крестьянка встала и оправила платокъ на головѣ. Съ изумленіемъ смотрѣлъ Озеровъ на дѣвицу. Высокій ростъ, чудныя, молодыя формы плечъ и груди, закрытыя бѣлою рубашкою и чернымъ сарафаномъ, бѣлая, какъ молоко, шея, на которой лежали черныя крупныя бусы, наконецъ гибкій станъ дѣлали изъ крестьянки женщину рѣдкой красоты.

— Вы красавица, Палагѣя Богдановна, робко замѣтилъ Озеровъ.

Палагѣя отвернулась и пошла домой.

— Прощай, Поля; что же? мы не увидимся?

— Гдѣ намъ видаться-то?

— А здѣсь? Ты часто здѣсь бываешь?

— Здѣсь, — сказала Палагѣя: — когда вздумается.

Дѣвушка выбралась на песокъ и пошла къ мельницѣ. Николай Михайловичъ шелъ съ нею. Дойдя до воротъ высокой, двухъэтажной избы мельника, Поля остановилась и сказала: «Прощайте!» Калитка затворилась за ней, и Озеровъ долженъ былъ идти домой.

Ѳедосья Васильевна съ тайнымъ удовольствіемъ замѣтила, что Николай Михайловичъ тотчасъ же послѣ своего пріѣзда сталъ глядѣть на ея дочку вовсе не какъ на подругу дѣтства, съ которой онъ нѣкогда игралъ въ куклы. Свѣжая, едва распустившаяся молодость Вари произвела на юношу видимое впечатлѣніе. Мать и дочка стали чаще посѣщать Демидово; Ѳедосья Васильевна отпускала Варю даже одну. Когда Озеровъ сталъ самъ посѣщать ихъ и наконецъ являться каждый вечеръ, сердце матери замерло отъ восхищенія. Зорко

слѣдила она своимъ однимъ, но проницательнымъ глазомъ за молодыми людьми, и наконецъ поняла, что юноша запутался въ сѣтяхъ окончательно. «Мать пресвятая Богородица Одигитрія! — молила она, кладя поклоны, передъ иконами: — ризу тебѣ золотую сдѣлаю; святой Геннадій чудотворецъ! пѣшкомъ схожу къ тебѣ, угодникъ Божій! Экаго жениха гдѣ сыскать?» Когда Озеровъ пересталъ ходить къ нимъ, старуха тотчасъ навела справки черезъ своихъ дѣвокъ, которыя въ рукахъ ея были орудія въ высшей степени тонкія; узнала, что съ бариномъ Богъ знаетъ что сдѣлалось: мельникъ его околдовалъ, таскается, чу, по лѣсамъ, да по рѣкѣ, сталъ задумчивъ, сердитъ.

«Ну, тутъ не мельникъ,» думала мать съ улыбкою, и пошла въ комнату Вариньки. Каково же было ея изумленіе, когда она застала Варю блѣдною, съ красными отъ слезъ глазами и съ тоскою на лицѣ.

— Варя, что съ тобой?

— Ничего, маменька.

— Да на тебѣ лица не видно; что съ тобой? ты больна?

— Да, голова болитъ немного.

— Ты хоть бы къ Озеровымъ сходила, разсѣялась.

— Нѣтъ, маменька, не пойду.

— Не пойду! Это что значитъ? Прежде Варю надо было удерживать, чтобы не нарушить извѣстныхъ приличій частымъ посѣщеніемъ, а теперь «не пойду!» Это что такое значитъ? — Старушка сама поблѣднѣла. Внимательно посмотрѣвъ на Варю, она вышла. На душѣ стало мрачно. Чье сердце поражено? Не слишкомъ ли много разсчитывалось на привязанность сосѣда? Медлить

некогда; старуха никогда не откладывала дѣла до завтра. Она вошла снова къ дочери и черезъ полчаса воротились отъ нея, сильно взволнованная.

— Окулька! закричала она: — поди, мерина вели заложить.

— Да Ларивона нѣтъ: на пустошь уѣхалъ-съ, отвѣтила толстая дѣвка съ всклоченными волосами.

— Такъ Пашкѣ скажи.

— Да и его нѣтъ-съ.

— Ну, пошла, бѣсъ! гнѣвно вскричала старуха, давъ подзатыльника дѣвчонкѣ: — чтобы сейчасъ былъ заложенъ!

Черезъ часъ Ѳедосья Васильевна уже тряслась на своей телѣжкѣ по дорогѣ къ Быковой, отъ которой воротилась вечеромъ. Варя безъ нея весь день проплакала, и теперь лежала въ постели. Когда мать ее окликнула, она отговорилась головной болью, и не вышла. На другой день извѣстный намъ экипажъ Бычихи остановился передъ крыльцомъ Демидова, и Лукерья Степановна, при помощи Аришки и Егора, введена была къ Анфисѣ Николаевнѣ.

VII.

— Ну, ты сама посуди, Анфисушка, дѣло молодое, на чужой сторонѣ, на своей волькѣ, говорила на другой день Бычиха, сидя вдвоемъ съ Озеровой: — а вонъ тутъ о войнѣ стали поговаривать.

— Какъ о войнѣ?! вскричала мать поблѣднѣвъ. Старшій сынъ только былъ выпущенъ изъ корпуса, а тутъ война — ужасъ!

— Да турку, вишь, воевать пойдутъ или персіянина, я ужь не разберу. Попъ Григорій говорилъ мнѣ: манифеста, чу, ждутъ.

— Господи Іисусе Христе, помилуй насъ! вскричала, крестясь, Озерова: — неужели не минуетъ насъ чаша сія!...

— То-то, миленькая, ты умница, разсуди сама, изъ-за чего же губить дитя молодое? А она — дѣвушка кроткая, благонравная, хозяйка на рѣдкость — дочка тебѣ будетъ самая преданная.

— Да вѣдь, Лукерья Степановна, какъ онъ-то еще.... сердце не лакей: ему не прикажешь.

— Полно, мать! отвѣтила, махнувъ рукой, Бычиха.

— А что же?

— Съ ума, чу, сходитъ, души не слышитъ.

Анфиса Николаевна вздохнула глубоко и задумалась. Она замѣтила сама, что сынъ ея очень внимателенъ къ хорошенькой сосѣдкѣ, и въ послѣднее время былъ дѣйствительно задумчивъ, угрюмъ и пропадалъ по цѣлымъ суткамъ. Но онъ такъ еще молодъ, еще не жилъ вольною жизнью юноши; семейныя обузы въ ранней молодости! Слезы навернулись на глазахъ матери.

— Сами дѣти еще, сказала она, — а тутъ семья, недостатки — въ молодости-то!

— Полно, Анфисушка, возразила старуха, — да то и хорошо, что молоды. Тутъ-то и будетъ совѣтъ да любовь; вѣдь нынѣшніе браки что! Муженекъ — сквозь

огонь и воду прошелъ, ужь старикъ-старикомъ, а жена — дитя: ну, разумѣется, и заведетъ полюбовника. Вѣдь это, мать моя, съ французовъ взяли жениться истаскавшись.

— Такъ; но....

— Да такъ, миленькая; меня выдали за покойника 13 лѣтъ, а ему-то и всего кажись, было 16. Первый-то мѣсяцъ жили какъ братецъ съ сестрицей, только цѣловались, а вѣдь изжили вѣкъ, не хуже кого.

Старуха замолчала; мать тоже думала что-то и потомъ молвила:

— Жить-то чѣмъ, Лукерья Степановна? Вѣдь у него всего сто душъ; ну, а за Варинькой что? — тряпки!

— Во-первыхъ, мать моя, черезъ золото слезки льются, а во-вторыхъ, погоди, не торопись обзывать дѣвушку: — вѣдь она мнѣ крестница.

— Помилуйте, Лукерья Степановна, да вѣдь я въ ея же интересахъ говорю; неужели вы можете обижаться? Вы знаете, какъ я ее люблю.

— Постой, не болтай пустяковъ-то, не объ обидѣ тебѣ говорятъ. Куда ужь намъ съ тобой обижаться, изживши вѣкъ-отъ бокъ-о-бокъ! Не то тебѣ говорятъ. Ты знаешь, вѣдь я одна, какъ перстъ. Околѣю — глазъ закрыть некому будетъ. Въ Ожогинѣ-то у меня 60 душъ, да Наволоки сама знаешь....

— Да, эта усадьба — прелесть у васъ.

— Хороша, да кажись и отъ тебя недалеко.

— Какъ же! черезъ поле....

— Ну, вотъ ей пойдетъ въ приданое, передъ обрученьемъ же.

У матери сердце замерло отъ восхищенія. Любимый сынъ вѣкъ возлѣ нея.... Она будетъ нянчить внуковъ.... Со слезами на глазахъ, она протянула руку Бычихѣ.

— А умру, все ея, сказала та: — вотъ, читай завѣщаніе.

Старуха вытащила изъ знакомаго намъ зеленаго мѣшка бумагу и подала Анфисѣ Николаевнѣ. Та отклонила руку старухи, и сказала, что она вѣритъ ей безъ того.

— Нѣтъ, тутъ, мать моя, не вѣра; вѣруй въ Бога и святыхъ его; читай-ко, читай.

Анфиса Николаевна, дѣйствительно, увидѣла, что Быкова отказывала все имѣніе, состоящее изъ 160 душъ и двухъ усадебъ, крестницѣ своей Варѣ, изъ которыхъ одну передавала передъ ея выходомъ замужъ, а остальную послѣ смерти.

— Да у кривой, матушка, домокъ-отъ, слава Богу! сусѣки да погреба ломятся; и капитальцу-то, чай, около десяти тысячъ есть. Домовита вѣдь: больше продастъ, чѣмъ купитъ. Ну, да и мужескаго-то пола, чай, по послѣдней ревизіи будетъ душъ 30. Вѣдь это все Варино. Теперь у нихъ будетъ душъ 200, а какъ мы съ кривой-то ноги протянемъ, такъ и всѣ 300 незаложенныхъ, да два домика — полная чаша. Такъ, мать моя, можно будетъ благодарить Бога; а тамъ въ Питерѣ-то могутъ окрутить и совсѣмъ на голой: всяко бываетъ.

Сильно билось сердце матери. Мирная, прекрасная семейная будущность любимаго сына, который будетъ неразлучно жить съ нею, у котораго будетъ такая ми-

лая, хотя не модная, но нравственная, кроткая жена.... радостныя слезы побѣжали у нея по щекамъ.

— Будутъ, матушка, жить, какъ птички въ гнѣздышкѣ. Имъ и ручекъ-то шевелить не придется. Матка все управитъ и шелохнуться имъ не дастъ; у нея вѣдь даромъ, что одинъ глазокъ, а зорокъ. Ну, да вѣдь и ты.... умкомъ-то не обидѣлъ Богъ — будешь смотрѣть какъ клохта за цыплятами; а мало двухъ матокъ, такъ вотъ еще есть и третья: хоть ума не нажила, а про черный день не брезгай.

Анфиса Николаевна, вся въ слезахъ, обняла Быкову, и потомъ, успокоившись отъ волненія, опять спросила:

— Что же это за война такая? Съ кѣмъ, за что?

— Сказывалъ мнѣ попъ, да я не поняла хорошенько. Ѣздилъ онъ въ городъ, къ благочинному; встрѣтился въ погребкѣ съ Данилкомъ — вотъ что секретарь въ опекѣ — тотъ, чу, ему все и разсказывалъ. Турокъ, что ли, опять не повинуется; нашихъ, чу, мучить сталъ. Государь и послалъ къ нему посла, чтобы тотъ рѣшилъ разомъ: тотъ и рѣшилъ.

— Ну, что же? что жь?

— Эхъ, мать моя, вѣдь я не попъ: какъ тебѣ стану разсказывать! Ну, чу, война будетъ — вотъ и все. Персіянина пойдутъ воевать.

Мать дѣйствительно глубоко задумалась; потомъ, какъ будто спохватившись, сказала:

— Вотъ что, милая Лукерья Степановна, мы съ вами все это вдвоемъ уладили, а главное-то и забыли: какъ они? есть ли склонность въ Варинькѣ? Какъ Ѳедосья Васильевна?

— Ну, кривая-то ризу Смоленской Божіей Матери обѣщалась, лишь бы это свершилось, а Варя.... да, мать моя! Николинька развѣ ей чета? Ей эдакаго жениха во снѣ не видать! Есть ли склонность? Давай-ко я со всего уѣзда соберу дѣвокъ-то, да поставлю Николиньку: такъ не бось, у всѣхъ будетъ склонность.

Сердце Анфисы Николаевны билось отъ восторга. Она обнимала свою собесѣдницу со всею горячностію материнскаго сердца и вся въ слезахъ бросилась въ кресло.

— Ну! такъ, благословясь, Анфисушка, и приступимъ къ дѣлу, по-старинному, по-прародительскому. Аришка! вскричала громко Бычиха, и обѣ перекрестились.

Хромая дѣвка показалась въ дверяхъ.

— Поди въ Ждановку, позови сюда Ѳедосью Васильевну съ дочкой: матка, молъ, крестная пріѣхала, такъ пришли бы.

Дѣвка ушла. Анфиса Николаевна остановила Бычиху.

— Послушайте, Лукерья Степановна, надо бы сперва поговорить съ Колей.

— Да что съ нимъ говорить-то? Онъ и теперь, чай, сидитъ у Вари да ручки у нея цѣлуетъ; они, матка моя, поскорѣй твоего поговорили, порѣшили, чу, дѣло-то безъ насъ.

Озерова задумалась; Бычиха продолжала:

— А въ старину, душа моя, такъ дѣлалось: соберутся старики, да, помолясь Богу, и поразсудятъ обстоятельно да благочестно. Потомъ дѣткамъ-то и назначатъ. Розни между родителями и дѣтьми не было; такъ и жили себѣ любо-дорого.

У Ѳедосьи Васильевны ноги задрожали, когда Арина объяснила ей приглашеніе. Наскоро собрала она Варю, и отправилась въ Демидово. Послѣ чаю старухи остались однѣ, а Варю послали въ садъ погулять съ дѣтьми.

Николая Михайловича опять не было дома. Варя неизвѣстнымъ, но существующимъ въ человѣкѣ вѣдѣніемъ, знала, что тамъ, въ этой небольшой комнатѣ, окна которой выходятъ въ садъ, рѣшается ея судьба. Она бѣжала по саду, не видя ничего. Сердце ея билось сильно, духъ занимался. Черезъ часъ матушка ея стала собираться домой и кликнула Варю. Дорогой Ѳедосья Васильевна шла такъ скоро, что Варя едва поспѣвала за ней. Ни та, ни другая не могли начать разговора: Варя, просто, по смертельной робости, мать — потому, что Бычиха настрого запретила говорить Варѣ о ихъ рѣшеніи до времени. Тѣмъ не менѣе, мать, придя домой, крѣпко обняла Варю, а Варя заплакала. Мать и дочь, конечно, поняли другъ друга. Варя горячо молилась въ своей комнатѣ, и долго не могла уснуть: душу ея наполняло какое-то странное чувство, смѣшанное изъ страха и невыразимаго блаженства.

VIII.

Праведное солнце
Въ раю просвѣтило:
Восплакался Адамъ,
Передъ раемъ стоя.
О, раю, мой раю,
Прекрасный раю!

— Да что тебѣ, баринъ, нравится въ нашемъ мужицкомъ пѣньѣ? Ты, вѣдь, только такъ, насмѣхаешься.

— Ахъ, Поля, Поля, какъ тебѣ не стыдно! ради Христа, продолжай. Какую бездну ты знаешь! Какая память! И при твоемъ чудномъ голосѣ все это очаровательно....

Такъ говорилъ Озеровъ, идя глухимъ лѣсомъ съ мельниковой внучкой. Прекрасное лице дѣвушки было далеко не такъ серьезно, какъ въ тотъ разъ, когда мы ее встрѣтили на омутѣ. Нѣжность въ улыбкѣ и во взорѣ смягчала задумчивое выраженіе лица. Видно, что съ Озеровымъ она была знакома близко: молодой человѣкъ шелъ, держа ея руку въ своей и обнявъ за талію. Поля этимъ нисколько не смущалась и, немного погодя, продолжала:

Евва согрѣшила,
Адама прельстила,
Родъ нашъ отгнала
Отъ рая святаго.
Евва погрузила,
Въ тму помрачила.
Увы, мнѣ грѣшному,
Увы, беззаконному!

— Только отчего это у тебя все такія строгія, печальныя пѣсни? замѣтилъ спутникъ.

— А чему веселиться-то, Николай Михайлычъ? Въ мірѣ — что въ морѣ....

— Полно, милая, какъ тебѣ не стыдно! Ты такая еще молодая, красавица; тебѣ надо жить, веселиться....

— Молодая.... молодая.... твердила задумчиво дѣвушка, между тѣмъ какъ щеки ея разгорались отъ знойнаго дня: — молодая, да не веселая.

— Отчего же, Поля?

— Отчего! Кабы знала отчего, такъ дѣло бы другое. Ты усталъ, Николай Михайлычъ?

Поля на минуту остановилась и взглянула на Озерова такимъ нѣжнымъ взоромъ, что тотъ улыбнулся.

— Нѣтъ, Поля, вѣдь ужь не въ первый разъ. Притомъ ты такъ много наговорила о своей пустынѣ, что я нетерпѣливо желаю ее видѣть.

Молодой человѣкъ, взглянувъ на разгорѣвшееся лицо своей прекрасной спутницы, взялъ ее за обѣ руки и поцѣловалъ. Дѣвушка слегка вздохнула послѣ поцѣлуя и пошла далѣе. Черный сарафанъ и поясъ ея на ходу нѣсколько распустились, отчего полныя молодыя формы свободнѣе выказывались изъ-подъ тонкой рубашки.

— Ахъ, Поля, говорилъ молодой человѣкъ: — съ перваго раза ты меня поразила; но потомъ, когда я слышалъ твои пѣсни, твои стихи, твой чудный голосъ.... неужели мы разстанемся такъ?

— То-есть какъ? спросила Поля.

— Чужими, подумавъ, отвѣтилъ Озеровъ.

— А то какъ же? Вѣдь я — не барскаго роду.

— Поля, да вѣдь я тебя люблю больше всего на свѣтѣ.

— А Варвара-то Александровна? спросила, улыбнувшись, Палагѣя.

— Поля, какъ тебѣ не стыдно, вѣдь это — дѣвочка.... пустая.... она мизинца твоего не стóитъ....

Путники скоро стали подыматься въ гору, которая, вѣроятно, была чрезвычайно высока, потому что до вершины ея они шли очень долго. Наконецъ, гора кончилась. Поля повернула вправо. Скоро лѣсная мгла стала свѣтлѣть. Солнечный блескъ становился ярче и горячѣе — лѣсъ кончился. Поля сѣла подъ тѣнью кустарника и устремила очи вдаль. И что это была за даль! Огромная гора отвѣсомъ скатывалась подъ ихъ ногами. Внизу, на глинистыхъ ребряхъ ея, торчали сосны съ красными своими стволами и слегка качали черными вѣтвями. Влѣво, посреди лѣса, тихо покоилась извѣстная намъ долина, съ таинственнымъ крестомъ; но теперь она казалась далеко не такой огромной, какъ тогда. Кругомъ на необозримое пространство чернѣлъ лѣсъ — только лѣсъ, и больше ничего. Въ одномъ лишь мѣстѣ просвѣчивало что-то — озеро или рѣка; въ нескончаемой дали лѣсъ какъ будто сходилъ подъ гору, и за нимъ поднималось что-то синее, мглистое. Это былъ тоже лѣсъ, только безконечно далекій, потерявшій уже очертанія и голубою тѣнью стоявшій на горизонтѣ. Легкія лѣтнія облака иногда закрывали солнышко, отчего и лѣсъ мѣстами дѣлался темнѣе.

— Такъ это-то твое любимое мѣсто? спросилъ Озеровъ.

— Да, отвѣтила задумчиво Поля.

— Прелестно! А ты часто бываешь здѣсь?

— Бываю-таки.

— Что жь ты здѣсь дѣлаешь?

Поля усмѣхнулась и, немного погодя, проговорила стихи, слегка ударяя тактъ по рукѣ Озерова:

Середь лѣсушка-то темнаго,
Середь садика зеленаго,
Съ соловьями думу думала,
Съ молодцами рѣчь говорила.

— Съ молодцами!

— А ты думаешь, нѣтъ? отвѣтила, смѣясь, Поля.

— Поля! неужели?

— Ну, полно, полно, баринъ. Это пѣсня тебѣ поется. Я только съ тобой такъ разболталась.

— Отчего же?

— А ужь не знаю, отвѣтила Палагѣя, отворачиваясь отъ Николая Михайловича: — съ тобой хорошо говорится.... здѣсь не съ кѣмъ — глухая сторона....

— Однако, Поля, ты странная какая-то, даромъ что красавица. Да и про дѣда твоего много страннаго разсказываютъ.

— Мало ли что разсказываютъ! мірская молва — морская волна.

— Отчего же ты всегда въ черномъ?

— Такъ люблю.

— И никогда не надѣваешь другаго платья?

— Нѣтъ, надѣваю: у меня есть красный сарафанъ и бѣлый.

— Когда же они надѣваются?

— Разъ въ годъ.

— Когда?

— Въ христовъ день. А не видалъ ты, баринъ, моей жемчужной повязки?

— Не видалъ. Я думаю, ты очаровательна въ ней. Къ твоимъ роскошнымъ чернымъ волосамъ какъ она идетъ. Вѣроятно, хороша ты въ ней?

— Говорятъ, отвѣтила Поля.

— Когда жь я увижу тебя въ этомъ нарядѣ?

— Погоди христова дня, усмѣхнувшись сказала дѣвушка.

— Помилуй, такъ долго! неужели нельзя раньше?

— Нельзя.... Впрочемъ, можно, если....

— Что «если».... Когда? скажи!

— Когда замужъ выйду.

— Ну, нѣтъ, Поля, дай Богъ тебѣ счастья, но я этого не увижу никогда. Я умру съ горя.... если твои волшебныя красы достанутся другому. О, Поля!... И молодой человѣкъ страстными руками обнялъ станъ крестьянки. Сердце у него замирало, голова туманилась. Сама Поля закрыла лицо руками и упала на траву.

Озеровъ приблизился къ ней и, внѣ себя отъ волненія, обнялъ роскошныя плечи. Поля быстро отбросила его руки, вскочила на ноги и, оправивъ платокъ и волосы на головѣ, сердито сказала Озерову:

— Баринъ, не спросясь броду, не суйся въ воду: ступай къ своимъ крѣпостнымъ дѣвкамъ..

— Поля, прости, мой ангелъ! я забылся, виноватъ; но ты такъ прелестна! Ахъ, Поля, что мнѣ дѣлать? Я влюбился въ тебя, моя милая, страстно влюбился!

Юноша открылъ длинный рукавъ полиной рубашки и, обнаживъ бѣлую, какъ молоко, руку, цѣловалъ ее.

Красавица слегка вздрагивала отъ поцѣлуевъ, но руки не отнимала.

— Поля, говорилъ восторженно молодой человѣкъ: — знаешь ли, какъ я тебя люблю?...

— Какъ? съ улыбкою спросила дѣвушка, туманными глазами смотря въ даль.

— А вотъ какъ.... еслибъ ты....

— Ну, что же? не глядя спрашивала Поля.

— Еслибы ты.... была моя.... жизнь бы я отдалъ.... всю жизнь тебѣ....

Поля дернула черный платокъ на головѣ и закрыла имъ лице.... Оба замолчали. Послѣ такихъ рѣчей много не говорится. Влюбленный юноша держалъ въ своей рукѣ руку дѣвушки, а она смотрѣла въ глубь дремучаго лѣса. Лицо ея мало-по-малу успокоивалось отъ волненія. Глаза опять покрылись задумчивымъ спокойствіемъ. Озеровъ боялся начать разговоръ и смотрѣлъ на безстрастную важность прелестнаго лица съ благоговѣйнымъ уваженіемъ. Тишина пустыни крыла все своимъ царственнымъ величіемъ. Видно было, что здѣсь не часто ступала нога человѣческая. Дикость непроходимаго лѣса, дряхлость его деревьевъ и свѣжесть травы свидѣтельствовали, что эти пустынныя мѣста тоже только *съ соловьями думу думали*. Немного погодя, Поля оглянулась на молодаго человѣка и сказала:

— Такъ ты любишь меня, Николай Михайлычъ?

— Люблю, Поля, люблю безумно!

— Ну, не забудь же меня грѣшную, я....

Поля замолчала.

— Ну, что же, Поля.... ради Бога скажи.... ты меня любишь?

Поля не отвѣчала.

— Скажи, ангелъ мой, ты меня любишь, любишь? робко повторялъ юноша.

— Нѣтъ, отвѣчала крестьянка, нѣжно взглянувъ на своего собесѣдника. — Я люблю тебя, какъ добраго человѣка; но предана иному. Мы съ тобою идемъ разными путями, Николай Михайлычъ.

— Какъ! какими?

— Ты живешь въ мірѣ, служишь..., да спасетъ тебя Богъ! а я....

— Ну, а ты?

— Міръ мой — пустыня. Тебѣ со мной скучно будетъ, мой добрый человѣкъ.

— Ангелъ мой, какъ тебѣ не стыдно, въ твои лѣта, съ твоею красотою думать о пустынѣ! Неужели ты монахиней хочешь быть?

— Нѣтъ, не монахиней, а буду жить въ пустынѣ.

— Поля! вскрикнулъ почти въ ужасѣ Озеровъ: — что ты дѣлаешь?

— А развѣ это такъ страшно? Чтобы уйти отъ оковъ многомятежнаго міра, уйти съ вѣрными отъ сѣтей антихриста — повѣрь, милый, это не страшно.

— Полно, другъ мой. О, Боже! ты меня въ ужасъ приводишь. Неужели? Поля, опомнись.

Дѣвушка задумалась. Бѣлая грудь ея колебалась. Какая-то тревога стала обнаруживаться въ ея движеніяхъ. Она то поправляла платокъ на головѣ, то схватывала атласную ленту косы. Наконецъ, быстро обернувшись къ Озерову, Поля обняла рукою его шею и спросила:

— Такъ ты меня любишь?

— О, люблю, люблю, больше всего на свѣтѣ! вскричалъ молодой человѣкъ, прижимая къ себѣ роскошную грудь красавицы.

— Ну, такъ что жь? и пойдемъ вмѣстѣ, робко молвила крестьянка. — Что тебѣ въ этомъ мірѣ? Погубишь ты свою чистую душу, красу молодую.

И Поля глядѣла въ очи своего собесѣдника; онъ чувствовалъ волненіе груди ея.

— Напрасно ты презираешь безмолвную тихость пустыни; это не монастырь; у насъ найдешь и жизнь, и волю, и....

— И что?... спросилъ съ изумленіемъ Озеровъ.

— И любовь, тихо сказала Палагѣя.

— Любовь! Какъ? чью любовь? вспыхнувъ, говорилъ влюбленный юноша: — чью любовь, твою? Мнѣ только твоя любовь — рай!

— Христову, промолвила шопотомъ дѣвушка, сильно краснѣя и освобождаясь отъ объятій молодаго человѣка, который цѣловалъ ея руки.

Съ явною досадой отодвинулся Озеровъ отъ разгорѣвшейся дѣвушки и вскричалъ пылко:

— Я отдаю ей всю мою жизнь, всю душу, а она мнѣ проповѣди читаетъ! Къ чему же я буду говорить твоей безчувственной красѣ?...

— Ахъ, не говори, не говори этого, ради Бога; не говори: ты не разумѣешь.... Слушай.

— Бога ради.... только скажи: ты моя или нѣтъ?

— Слушай: ты меня вѣдь любишь.... Слушай.

— О, говори, говори!

Поля наклонила блѣдное лицо къ горячимъ щекамъ молодаго человѣка; черные глаза ея загорѣлись; она читала:

Кто Бога боится, тотъ въ церьковь не ходитъ,
Съ попами, дьяками хлѣбъ-соль не водитъ;
Къ Богу съ покаяньемъ часто прибѣгаетъ.

— Какъ «въ церковь не ходитъ!» съ изумленіемъ прервалъ Озеровъ.

Дѣвушка съ неудовольствіемъ отшатнулась отъ него и сказала:

— Я тебѣ читаю стихъ, а ты слушать не хочешь; ну, какъ знаешь!

— Ангелъ мой, прости! Бога ради, читай.

— Поля думала, долго не рѣшалась, наконецъ продолжала;

Стой-ка съ покаяньемъ передъ святымъ Спасомъ,
Обрадованъ будешь архангельскимъ гласомъ....

— Ахъ, нѣтъ, не могу, стыдно, страшно! вскрикнула дѣвушка, закрывъ лице руками.

Молодой человѣкъ обнялъ свою возлюбленную и умолялъ продолжать; та, послѣ долгаго колебанія, склонила къ головѣ Озерова свою чудную шею, на которой отъ волненія разстегнулась золотая запонка, и стала читать съ страстнымъ одушевленіемъ:

Обрадованъ будешь архангельскимъ гласомъ;
. . . . . .
Получишь отъ Спаса петрово крещенье;
Кайся съ воздыханьемъ, запершися въ клѣти,
. . . . . .
Избавленъ ты будешь діавольской сѣти.

Кончивъ эти стихи, Поля страстно поцѣловала молодаго человѣка и упала на траву въ явномъ волненіи. Озеровъ обнялъ роскошныя плечи красавицы, и кто знаетъ, чему свидѣтельницею была бы пустыня, еслибъ дѣвушка не опамятовалась. Она поспѣшно встала, оправила платье и пошла по лѣсу. Былъ уже вечеръ, какъ Николай Михайловичъ воротился домой, измученный страшною тревогою.

Не удивляйтесь, читатель, что крестьянская дѣвушка могла овладѣть сердцемъ нашего молодаго и притомъ свѣтскаго человѣка. Поля родилась и выросла въ богатой семьѣ. При необыкновенной красотѣ, съ богатыми и сильными залогами нравственными, Поля много думала и много читала. Думала она тамъ, гдѣ никто не мѣшаетъ — *въ палатѣ лѣса вольнаго*, лицомъ къ лицу съ природою, и читала тѣ книги, гдѣ крестьянство наше полагаетъ найти всю мудрость божественную и человѣческую. Она развилась подъ руководствомъ старо давнихъ преданій, и все, что сохранилось въ нихъ разумнаго и поэтическаго, ложилось на ея сильную душу прочно и твердо. Могъ ли городской житель не остановиться безъ удивленія передъ этой гордой красотой, которая не вѣрила въ мудрость барскую, потому что она не сподручна уму крестьянскому, и которая черпала эту мудрость въ какихъ-то книгахъ, черныхъ и закоптѣлыхъ? Эта мудрость въ устахъ ея получала какую-то гармоническую, убѣдительную прелесть. Допустите пылъ воображенія юноши, горячку крови, честность еще молодой страсти, которая, видя высокое и достойное, цѣнитъ его, въ какой бы формѣ оно ни представлялось. Какъ бы то ни было, эта бѣ-

лая, высокая, роскошно развитая крестьянка, съ страстными стихами на устахъ, съ своею свободною и вмѣстѣ исполненною достоинства моралью поразила воображеніе молодаго человѣка. Глубока ли будетъ эта любовь, будетъ ли это чувство постоянное или временное увлеченіе — мы не знаемъ, только въ настоящую минуту Николай Михайловичъ чувствовалъ въ душѣ своей всѣ муки безнадежной страсти. Ночью онъ даже заболѣлъ, а въ окрестностяхъ тотчасъ разнеслось, что мельникъ околдовалъ Николя Михайловича. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ увидѣлъ на мельницѣ русалку, затуманился, сталъ уходить въ лѣсъ и, наконецъ, захворалъ.

IX.

Ѳедосья Васильевна не утерпѣла и разсказала дочкѣ все, чѣмъ порѣшили онѣ втроемъ въ Демидовѣ. Варя, какъ заря, вспыхнула отъ разсказа и долго не могла унять сердечнаго біенія. «Что-то скажетъ *онъ?*» думала она съ ужасомъ; но Бычиха, которая почти все время жила въ Демидовѣ, прямо сообщила, что Николай Михайловичъ души не слышитъ въ Варѣ и ждетъ-не-дождется, чтобы разрѣшили ему жениться. Между тѣмъ завѣтнаго рѣшенія все не приходило. Анфиса Николаевна все отговаривалась, что она никакъ не можетъ найти удобнаго времени поговорить съ сыномъ: то гости, то онъ на охотѣ, то спазмы ее мучатъ; а вотъ теперь и онъ заболѣлъ. Мать и дочь сходили въ

Демидово навѣстить Анфису Николаевну и больнаго. Больнаго не видали: онъ не вышелъ.

«Что это съ нимъ такое приключилось?» думала про себя Ѳедосья Васильевна, никому не повѣряя своихъ мыслей: «съ того самаго вечера, какъ были на омутѣ! И Варя насилу оправилась, и онъ совсѣмъ ошалѣлъ; сохрани его Господи, Никола угодникъ!»

«А можетъ быть, онъ, бѣдненькій — думала Варя, сидя за пяльцами въ своей комнатѣ — томится любовью ко мнѣ. Онъ боится, что мать не позволитъ. Ахъ, я, глупая, какъ холодна была съ нимъ! Да что дѣлать.... стыдно ужасно!»

Вдругъ въ комнату вошла мельникова внучка. Варя очень обрадовалась сосѣдкѣ.

— Здравствуй, Поля! Что это ты такъ давно у насъ не бывала?

— Некогда было, барышня: дошивала....

— Что, все золотомъ шьете?

— Да-съ, плащаницу вышивали.

— Куда?

— Заказная.... дѣдушкѣ заказали. А вы что шьете, барышня, коверъ? Давайте-ко, я вамъ подсоблю; кому это?

— Въ церковь, отвѣтила Варя и задумалась. Дѣло въ томъ, что коверъ этотъ шился давно и совсѣмъ не для церкви, а просто на продажу: Ѳедосья Васильевна и досуги дочки употребляла на пользу. Но когда пошло дѣло объ извѣстномъ сватовствѣ, мать и дочь рѣшили пожертвовать этотъ коверъ въ церковь. Онѣ хотѣли, чтобы въ тотъ день, когда Варя будетъ вѣнчаться, коверъ этотъ также лежалъ у престола Божія.

Варя блѣднѣла, когда думала, что на этомъ самомъ коврѣ, на которомъ столько слезъ было пролито о немъ, можетъ стоять онъ — съ другою!

— Что это вы, барышня, такъ давно у насъ на мельницѣ не были?

— Да все такъ какъ-то, Поля, все невесело на душѣ что-то.

— Отчего это, голубушка, Варвара Александровна?

Варя замолчала, а Поля продолжала:

— Ну, разъ и перепугали же вы меня, Варвара Александровна. Ахъ, ты, Боже мой! Вспомнить даже ужасно. И Поля захохотала, закрывъ лицо руками.

— Когда, Поля? помилуй.

— Да помните, какъ вы барина-то демидовскаго привели на омутъ? Ахъ, Господи! только что я вышла изъ воды — смотрю, а вы-то съ нимъ и стоите!

— Поля, такъ неужели это была ты?

Варя припомнила тотъ странный случай, о которомъ до сихъ поръ она не могла вспомнить безъ болѣзненнаго чувства: эти черные и неподвижные глаза и странный блескъ мѣсяца на бѣломъ лицѣ. Она, молча, смотрѣла на Полинъ профиль, наклоненный къ пяльцамъ; но когда та, не безъ цѣли заговорившая объ этомъ, подняла голову и устремила свои большіе и глубокіе глаза въ робкое лицо барышни, Варя почувствовала дрожь въ тѣлѣ и трепетъ сердца. Она не вынесла этого взгляда и наклонилась къ пяльцамъ.

— Зачѣмъ же ты тамъ была, Поля?

— Да купалась, отвѣтила та: — Днемъ-то нельзя, народу много, а жарко было таково.

Разговоръ опять прекратился. Варя была погружена въ свои тревожныя мысли. Какъ-то серьезно было лицо и мельниковой внучки.

— А нравится тебѣ Николай Михайлычъ, Поля? робко спросила Варвара Александровна.

— Что мнѣ нравиться-то? вѣдь я не барскаго роду.

— Ну, да хорошъ онъ? какъ ты думаешь?

— Когда баре бываютъ нехороши? — Обѣ опять замолчали; но лицо Вари просіяло счастіемъ. Черезъ нѣсколько минутъ она заговорила:

— Знаешь что, Поля?

— Что, барышня?

— Ты никому не скажешь?

— Полноте, голубушка, Варвара Александровна, какъ можно!

— Я скоро замужъ пойду.

— Какъ?

— Да.

Палагѣя молчала и едва могла проговорить: «за кого?»

— За него! Ужь и Анфиса Николаевна согласна, и моя мамаша благословила.

Сердце страшно поворотилось у Поли, и еслибы не собственная тревога, то Варя тотчасъ замѣтила бы, какъ поблѣднѣло лицо ея собесѣдницы. Дѣло въ томъ, что замыселъ Быковой о женитьбѣ Озерова на Варѣ не остался тайной и для мельниковой внучки. Поля небезнаказанно предавалась ласкамъ молодаго барина. Превосходство его воспитанія, молодость, а главное — искренность и пылкость первой юношеской страсти

заразительно подѣйствовали на свободное вначалѣ сердце поселянки. Не помышляя о серьезныхъ связяхъ, она упивалась роскошью молодаго чувства, млѣла отъ ласкъ красиваго юноши, и мы видѣли, что только крѣпости и превосходству своего характера она обязана была тѣмъ, что разсудокъ одержалъ побѣду надъ страстью. Но роковая вѣсть потрясла тонкіе нервы дѣвушки. Сердце ея вздрогнуло. Ревность, самолюбіе, кровь заговорили. Съ обыкновенною своею энергіею она пошла прямо къ цѣли: рѣшилась отъ самой Вари узнать истину. Разумѣется, это было не трудно: у той у самой такъ наболѣло на сердцѣ, что она рада была хоть кому нибудь высказаться. Судите же, каково было положеніе крестьянки, когда она выслушала признаніе Вари!

«Такъ онъ лжецъ, измѣнникъ! Еще вчера клялся, что она для него весь міръ, что онъ презираетъ эту пустую, пискливую дѣвчонку, а теперь эта нищая дворянка говоритъ.... Да что жъ это такое? Или она съ ума сошла, или онъ дьяволъ!»

— Какъ онъ меня любитъ, Поля! какъ онъ мнѣ клялся! О, Поля, еслибы ты знала...

— Что? сквозь зубы проговорила крестьянка, едва сдерживая дыханіе.

— Какъ онъ мнѣ признался въ любви... только, ради Бога, ты не говори.

— Нѣтъ, нѣтъ — говорите: когда? это давно было? говорите!

— Да, давно, въ началѣ лѣта... И знаешь, гдѣ?

— Гдѣ?

— У Святаго въ долинѣ.

«Силы небесныя! Одной клянется въ любви у подошвы той самой горы, на вершинѣ которой лжетъ передъ другой. Боже мой! Я его не люблю, онъ — обманщикъ, баринъ, слуга антихриста! Но онъ вчера еще распинался, увѣряя въ вѣчной любви, а теперь эта дѣвочка уведетъ его отъ нея; онъ разскажетъ ей все... О, о!»

Суровое молчаніе длилось долго. Вся кровь бросилась къ лицу Поли, руки ея тряслись, глаза помутились. Черезъ нѣсколько минутъ она подавила волнующуюся бурю. Лицо ея приняло какъ будто обычное выраженіе и даже улыбнулось. Какъ только Поля почувствовала, что голосъ ея не будетъ дрожать, она робко спросила Варю:

— А давно вы видѣли Николая Михайловича?

— То-то и есть что давно, Полинька; все со сватовствомъ — неловко было видаться-то, а потомъ онъ заболѣлъ. Вотъ ужь недѣли двѣ не видала.

Молчаніе снова водворилось. Сердце у Палагѣи рѣшительно хотѣло разломитъ грудь.

— А ты, Поля, съ тѣхъ поръ его и не видала?

— Съ какихъ поръ?

— А какъ на омутѣ-то! — И Варя засмѣялась.

Поля вспыхнула отъ насмѣшливой рѣчи соперницы, однако скрыла внутреннее волненіе и сказала съ видомъ совершенно покойнымъ:

— О, нѣтъ, я вчера его видѣла.

— Какъ?

— Да, вчера на мельницѣ.

Въ свою очередь сердце у бѣдной барышни облилось кровью. Какъ? онъ боленъ, не видится съ нею

почти мѣсяцъ, а тутъ — на мельницѣ! Боже мой! неужели онъ и не думаетъ о ней? Варя, разумѣется старалась всѣми силами скрыть свою тревогу отъ Поли, и, овладѣвъ собою, сказала:

— Да вѣдь онъ боленъ, Поля; вотъ ужь съ мѣсяцъ какъ не выходитъ.

— Полноте, матушка барышня! Я его каждый день вижу; онъ нарочно только говоритъ, что боленъ.

— Отчего?

Поля замолкла; но коварная улыбка, рѣзко обозначившаяся на устахъ, раздражала любопытство Варвары Александровны. Она повторила вопросъ.

— Онъ говоритъ... вы не обидьтесь, барышня голубушка... онъ говоритъ, что здѣшніе господа-то такъ скучны, что... всѣ они...

— Ну, что? вспыхнувъ противъ воли, воскликнула Варя.

— Глупы, чу, очень-съ.

— Ну, это ты врешь, Поля! вскричала, вспыхнувъ, Варвара Александровна.

— Матушка-барыня, клянусь вамъ... не сойти съ мѣста, отвѣчала вся въ огнѣ Палагѣя: — Вотъ не дальше, какъ третьяго дня говорилъ мнѣ на томъ же Святомъ, на горѣ-то, знаете?

— Знаю.

— Говорилъ-съ. Тамъ, вѣдь, онъ почти каждый день бываетъ — чудной такой! И Поля захохотала изломаннымъ смѣхомъ.

— Ну, что же, чудной?

— Да такъ, говоритъ... Ахъ, да мнѣ стыдно, барышня...

— Говори же, Поля! строго сказала Варя дрожа.

— Говоритъ... что лучше меня онъ на свѣтѣ не видалъ, что здѣшнія, говоритъ, барышни башмака моего не стоятъ.

— Молчи! вскрикнула Варвара Александровна, поблѣднѣвъ какъ полотно. Губы и руки ея дрожали, между тѣмъ, какъ Поля равнодушно говорила:

— Вотъ вѣдь, барышня, вы и разсердились. Точно это я говорю; вѣдь это онъ говорилъ; что же мнѣ то-съ?

— Ты лжешь, Поля, на него; станетъ онъ говорить съ тобой... о любви... съ крестьянкой...

— Говорилъ таки, сударыня, истиннымъ Богомъ клянусь, говорилъ, и про васъ...

Полѣ горло перехватило; весь внутренній составъ ея дрожалъ; не смотря на наружное спокойствіе, лицо ея было блѣдно, а черные глаза сверкали. Варя отъ злобы и ревности тоже не могла произнести ни слова. Ей страшно было узнать его отзывы о ней; она долго не хотѣла спросить, но женское любопытство превозмогло.

— Что же онъ говорилъ, что?

— Онъ говорилъ, что однажды... шутя, чу, поцѣловалъ васъ... что послѣ онъ не зналъ, какъ и отдѣлаться .. Вы, чу, совсѣмъ повѣсились ему на шею.

Громкая пощечина раздалась по комнатѣ. Варвара Александровна съ поднятою рукою стояла надъ остолбенѣвшей крестьянкой, бѣлая, какъ бумага, съ бѣлыми губами. Слезы дрожали у нея на рѣсницахъ.

— Вонъ, мерзавка! кричала она, задыхаясь: — коровница поганая, вонъ! И Варя бросилась изъ комнаты.

Палагѣя мгновеніе сидѣла, какъ окаменѣлая, потомъ быстро вскочила со стула, такъ что пяльцы полетѣли на полъ.

— Погоди жъ ты, дьяволъ! вскричала она, грозя кулакомъ вслѣдъ Варѣ: — Я тебѣ укажу, мозгля дворянская! Мужичка! А кто таскается по задворнѣ-то и клянчитъ то того, то другаго, какъ не матушка твоя? Дворянка! А-а! Увидишь ты мою худобу крестьянскую. Мужичка! Будешь помнить ты мое мужицкое сердце.

И Поля бѣжала по полю, не чувствуя, что вѣтеръ вѣялъ ея косу и черную ленту и что платокъ давно слетѣлъ съ головы. Сумерки уже пали на землю.

— О, разгоритесь мои щеки алыя, кричала она какъ въ бреду: — зажигайтесь очи ясныя, убирайся же ты, моя грудь лебединая, дорогой парчей. Покажу я тебѣ, дворянка безрубашная, нищету мою крестьянскую, а? Расплетайся-ко трубчатая коса для милаго.

Дѣвушка, сжимая кулаки, летѣла какъ вихорь въ Демидово.

Луна освѣщала блѣдное лицо и бѣлую, какъ мраморъ, шею крестьянки; коса, какъ змѣя, мелькала въ воздухѣ. Она обогнула задворку, тихо пробралась въ садъ и увидѣла свѣтъ въ окнѣ у Николаая Михайловича. Комнаты его были во флигелѣ, окна котораго выходили въ садъ. Взглянувъ на обитателя, дѣйствительно можно было подумать, что онъ боленъ. Блѣдное и даже исхудалое лицо, усталые, впалые глаза. Опершись на столъ, онъ сидѣлъ, задумавшись.

«Это Богъ наказалъ меня за Варю,» думалъ онъ: «зачѣмъ я возмутилъ ея сердце? Вотъ за то и самъ расплачивайся. Такая красота, умница — и пустыня!

Боже! А развѣ лучше, если выйдетъ замужъ?» И на глазахъ юноши показались чуть не слезы. Вдругъ, въ окнѣ, на темномъ фонѣ деревьевъ, явилось блѣдное лицо мельниковой внучки.

— Поля! ты?

— Я; подите сюда.

Николай Михайловичъ вышелъ и бросился на шею дѣвушкѣ. Съ удивленіемъ онъ замѣтилъ безпорядокъ въ ея одеждѣ.

— Ну, хотите меня видѣть невѣстой?

— Какъ?

— Да, невѣстой.

— Поля, неужели? Зачѣмъ же ты мнѣ говоришь это? Ты бы лучше не говорила...

— Ахъ, нѣтъ, полно, не то; ты хотѣлъ видѣть мой нарядъ подвѣнечный; ну, хочешь видѣть?

— Хочу.

— Приходи сегодня, когда всѣ лягутъ, къ омуту; придешь?

— Приду, приду; но, Поля, за кого ты выходишь!

— Прощай же.

Поля страстно обняла его и быстро убѣжала изъ саду.

Предоставляемъ читателю судить о положеніи Николая Михайловича. Въ то время, какъ страсть его развилась до самыхъ крайнихъ предѣловъ, когда за обладаніе милой и оригинальной дѣвушкой онъ дѣйствительно бы принесъ великую жертву — въ это самое время эти чудныя, роскошныя красы, въ глазахъ его отдаются другому... Поблѣднѣлъ Николай Михайловичъ! Не дай Богъ переживать подобныя минуты всякому.

«Зачѣмъ же я пойду?» думалъ онъ: «Когда кончено, такъ кончено! Что же любоваться ея мужицкимъ счастьемъ?»

А между тѣмъ ночь давно уже раскинула темный покровъ свой. Луна мягко свѣтила сквозь лѣтній воздухъ: звѣздъ было не много, но онѣ какъ-то нѣжно смотрѣли съ синяго неба. Издали доносился только шумъ мельницы, да чернѣли кусты деревьевъ и мостъ. Часть рѣки голубѣла подъ синимъ небомъ, освѣщеннымъ луною, лучъ которой слегка дрожалъ въ рѣкѣ у берега. Черныя вѣтви ивы чуть качались на берегу.

— Она тамъ, ждетъ, говорилъ самъ съ собою Озеромъ: — пойду и скажу ей: «вѣдь не умру же я оттого, что ты предпочла мнѣ какого-нибудь криволапаго мужика». Хороша будетъ жена — цѣлуется съ каждымъ встрѣчнымъ!..

Тихо выбрался онъ изъ сада и пошелъ къ омуту. На встрѣчу ему попался какой-то мужикъ, который снялъ шапку и долго глядѣлъ вслѣдъ барину, думая, куда это несетъ его нелегкая въ такую пору. Потомъ выпорхнула утка изъ-подъ кустарника и, захлопавъ крыльями, понеслась чернымъ пятномъ въ воздухѣ. Шумъ мельницы стихъ за горою. Въ воздухѣ слышны были рѣчная сырость и прохлада.

Приблизясь къ знакомой ивѣ, гдѣ онъ впервые увидѣлъ странную крестьянку и гдѣ впослѣдствіи заслушивался ея рѣчей, онъ остановился. Сердце замерло, когда онъ подумалъ, что идетъ навсегда съ нею проститься. Онъ ужасался предстоящей муки и даже думалъ воротиться, но не воротился.

Николай Михайловичъ обошелъ иву и вступилъ въ глухую тму прибрежья, закрытаго со всѣхъ сторонъ лѣсомъ и черною водою. Послѣ луннаго свѣта трудно было тутъ и разсмотрѣтъ что-нибудь кромѣ бѣлаго камня, гдѣ обыкновенно сиживала дѣвушка; но тутъ ея не было.

— Поля! произнесъ онъ тихо.

Шопотъ его смѣшался съ отдаленнымъ шумомъ мельничной плотины, а отвѣта не было. Озеровъ сталъ оглядывать мѣсто. Чернѣла рѣка, закрытая отовсюду лѣсомъ. Кой-гдѣ кусты обливались желтизной луннаго блеска; онъ вглядывался въ кусты — тамъ была тма; мѣстами только пробивалась луна то золотою звѣздою сверкала она въ лежавшей на вѣткѣ каплѣ, то брильянтовымъ блескомъ блистала на росинкахъ травы. Вдали лежало что-то бѣлое и мѣстами горящее разными цвѣтными огнями. Онъ подошелъ и остолбенѣлъ. Подъ вѣтвями орѣшника, при свѣтѣ пробивавшейся сквозь него луны, лежала Поля, но какая странная, непостижимая, сказочное какое-то существо. Она была въ бѣломъ парчевомъ сарафанѣ. Тонкая кисейная рубашка скорѣе выдавала, чѣмъ скрывала роскошныя тайны груди. Лицо ея было такъ блѣдно, что не уступало въ бѣлизнѣ сарафану, черные глаза закрыты, чудная коса расплетена и огромными прядями лежала на груди, на сарафанѣ и даже на травѣ. На головѣ блестѣла разноцвѣтными камнями повязка, похожая на діадему, а на шеѣ жемчужныя бусы.

— Поля! вскричалъ въ изумленіи Озеровъ: — ты ли?

Отвѣта не было. Юноша наклонился къ лежащей дѣвушкѣ и почти въ ужасѣ смотрѣлъ на блѣдныя черты

ея лица. «Жива ли она?» думалъ онъ. Наконецъ онъ рѣшился взять ее за бѣлыя плечи. Поля вздрогнула.

— Это ты, Поля?

Вмѣсто отвѣта, Поля подняла свои бѣлоснѣжныя руки и, обвивъ ихъ вокругъ шеи юноши, страстно прижала его къ своей груди.

Туча, давно двигавшаяся съ востока, заслонила луну, и лѣтняя мгла покрыла звѣзды, воду и берегъ...

X.

Любовь! Кто не знаетъ этого пѣвучаго, благодатнаго чувства? Кому неизвѣстны безконечно-милыя и безконечно-многія потрясенія, скрывающіяся въ этомъ чудномъ чувствѣ! *Рѣчи безъ значенія!* но иной разъ смыслъ цѣлаго міра не сравняется съ этими *рѣчами безъ значенія;* это мгновенія, равныя цѣлой вѣчности, такъ что однажды поэтъ спросилъ:

Что ты, дивное мгновенье —
Вѣчность или мигъ?

Отчего же не такъ поешь это райское чувство ты, русская пѣсня? Отчего въ любви твоей слышатся стоны да стоны, тоска да тоска, разлука да измѣна молодецкая? Отчего тамъ человѣкъ будто сторонится или гибнетъ отъ этого чувства? отчего тамъ только и слышно:

Милъ, навѣки отъ тебя
Бѣгу въ темные лѣса;

или:

Любилъ меня молодецъ,
Да покинулъ.

Прислушайтесь, что поетъ наша свадебная пѣсня! Тоску разлуки съ родными и нескрываемое нелюбье къ будущему деспоту мужу, который:

До сыта наѣдается,
До пьяна напивается,
Мужъ женой похваляется.

Подъ воемъ зимней вьюги, при стонѣ и вопляхъ осенней непогоды, при звукахъ дикаго лѣснаго вѣтра зараждается и растетъ любовь русскаго человѣка. Суровая природа гнѣвно смотритъ на человѣка и грозитъ милому бѣдою, недугомъ, невольной разлукой, безвременной смертью. Непривѣтливо сложилась и жизнь! Человѣкъ вѣчно насторожѣ! Какъ же тутъ пѣть сердцу? Все пѣвучее въ немъ уныло, робко, оглядчиво. Человѣкъ смотритъ на міръ печально, какъ будто *сквозь туманъ-слезу-горючую*, по выраженію русской же пѣсни.

Озеровъ и Поля извѣдали не всѣмъ даваемое счастье взаимной любви. Солнце свѣтило имъ ярче, нежели другимъ, цвѣты были благоуханнѣе и вся природа звучнѣе, любовнѣе. Поля развилась еще пышнѣе и даже Озеровъ похорошѣлъ. Счастіемъ дышали и очи, и рѣчи, и сердце.

Но близилась страшная минута. Бычиха, какъ черный воронъ, прокаркала о ней давно. Война загоралась, и Николаю Михайловичу надо было отправиться въ полкъ. Со дня на день онъ ждалъ роковаго приказа, и наконецъ дождался. Цѣлую недѣлю не могъ онъ рѣшиться сказать Полѣ о разлукѣ, но сердце чутко у любви: Поля сама угадала истину.

Осень накинула свой багряный покровъ на природу. Не такъ уже ярко свѣтило солнце и сѣро было небо. Смолкли въ немъ веселые голоса пѣвчихъ птицъ и только изрѣдка слышались тамъ какіе-то вопли: селянинъ, убиравшій въ полѣ запоздалые снопы, подымалъ голову и, смотря на черную вереницу, двигающуюся по сѣрому небу, говорилъ печально: «журавли летятъ». Въ одинъ изъ такихъ дней, когда солнце свѣтило уныло и не грѣло, на той же самой горѣ, которую мы видѣли не разъ, сидѣла Поля въ обычномъ своемъ траурномъ одѣяніи. Опершись щекою на руку, она смотрѣла задумчиво вдаль. Лицо ея было блѣдно и какъ будто похудѣло; она смотрѣла вдаль, но, конечно, ничего не видѣла. Она не слыхала, какъ шумѣлъ вѣтеръ въ дремучемъ лѣсу, не чувствовала, какъ онъ рвалъ ея одежду и волосы. Какъ каменная сидѣла она подъ сучьями обнаженнаго дерева; изрѣдка только тяжелый вздохъ подымалъ ея грудь. Вдругъ, при смолкнувшемъ вѣтрѣ, послышались шаги. Дѣвушка вздрогнула.

— Пошли мнѣ силы, Господи! проговорила она тихо.

Шаги стали слышнѣе. Вскорѣ Озеровъ показался на горѣ. Онъ былъ утомленъ и тоже грустенъ. Приблизясь къ Полѣ, онъ сѣлъ возлѣ и обнялъ ее. Долго не могъ онъ сказать ни слова, наконецъ промолвилъ:

— Страшный день для насъ, Поля!

— Для меня, а не для тебя, Николай Михайловичъ, отвѣтила та.

— Поля, какъ тебѣ не стыдно? почему же?

— Такъ. Ты не то, что я, и доля твоя не такая. Пойдешь ты въ свѣтъ, вступишь въ его радости: онѣ,

какъ буйный вѣтеръ этого лѣса, разнесутъ твою кручину, а я останусь одна, одна съ моимъ чернымъ другомъ.

— Поля, полно! съ какимъ другомъ?

— Съ тоскою.

— Да зачѣмъ же ты такъ себя огорчаешь? Вѣдь мы не на-вѣкъ разстаемся, вѣдь...

— На-вѣкъ, Николай Михайлычъ, на-вѣкъ!

— Поля, какъ тебѣ не стыдно! Да съ чего ты берешь?

— Прежде всего—*сердце вѣщунъ*, отвѣтила крестьянка: — я ужь знаю; мнѣ, вѣдь, не впервые терять навѣки милое; съ матерью, съ отцомъ я разставалась... а потомъ...

— Что же, потомъ? Какія у тебя мрачныя мысли! говорилъ Озеровъ, самъ блѣднѣя болѣе и болѣе.

— Потомъ, Коля, мы пойдемъ разными дорогами, намъ не сойтись...

— Ахъ, Поля, какіе ты ужасы говоришь! Зачѣмъ доходить до такого отчаянія?..

— Я — до отчаянія! быстро вскричала дѣвушка, въ первый разъ взглянувъ на Озерова: — нѣтъ! Я не въ отчаяніи. Мнѣ тошно, у меня умъ въ головѣ мѣшается; но я не въ отчаяніи.

Поля замолчала; лицо ея стало еще блѣднѣе; глаза стали какъ будто угрюмѣе. Ея собесѣдникъ едва удерживалъ слезы. На лицѣ дѣвушки дѣйствительно темнѣло отчаяніе, хоть она и отвергала это.

— Одно только ты мнѣ оставь...

— Что, моя радость? Скажи — все на свѣтѣ.

Поля не могла долго проговорить ни слова; наконецъ она бросилась въ изнеможеніи на шею Озерову;

рыданія задушили ея голосъ, и она только могла сказать: «память!»

Слезы заслѣпили глаза и Озерова. Дѣвушка лежала у него на колѣняхъ и рыдала... Наконецъ она подняла голову, сѣла по-прежнему, тяжко вздохнула, будто послѣ сильнаго утомленія, и сказала, взявъ за руку своего возлюбленнаго:

— Вотъ что, Николай Михайлычъ. Ты пойдешь въ одинъ путь, я — въ другой: мы не встрѣтимся. Господь съ тобой! Живи счастливо; кто же можетъ лишать тебя воли? Ну... конечно... найдешь себѣ по-сердцу — живи! Господь съ тобой! красуйся въ Божьемъ свѣтѣ. Объ одномъ только молю тебя, другъ мой сердечный: не забудь меня!

— Ахъ, Поля, ангелъ мой, не грѣхъ ли тебѣ?

— Разумѣешь ли ты меня хорошо, Николай Михайлычъ? Понимаешь ли, чтобы міръ былъ для меня живой, чтобы онъ, хоть и полный тоски, но все-таки былъ не темный, заколоченный гробъ, надо мнѣ знать, что въ душѣ твоей есть маленькое мѣстечко, гдѣ лежитъ память обо мнѣ.

— Поля, другъ мой...

— Тогда я буду жить. Душа моя будетъ вѣдать, что она не сирота въ мірѣ, что въ памяти твоей лежитъ вѣковѣчная любовь моя къ тебѣ.

Поля закрыла лицо руками. Озеровъ былъ страшно смущенъ и самъ чувствовалъ невыносимую тоску.

— Если же душа твоя, продолжала Поля: — забудетъ меня — разступись тогда мать сыра земля! При одной мысли, свѣтъ изъ очей теряется.

— Ахъ, Поля, Поля, какъ могутъ приходить тебѣ такія думы! Господь съ тобой! Да понимаешь ли ты, что вся прелесть моей жизни будетъ состоятъ въ воспоминаніи о тебѣ, о красотѣ твоей души?

— А я помчусь за тобою не только мыслію, сердцемъ, но и дѣломъ, продолжала дѣвушка: — Я скажу о себѣ, свѣтъ мой! Я не буду сидѣть здѣсь, сложа руки, и ползать посреди дворянской челяди. Я уйду далеко, въ дикую пустыню; но я скажу, мой желанный другъ, свѣту вольному о себѣ — будь увѣренъ! Ты услышишь обо мнѣ; ты скажешь, что я стою твоей памяти, какъ стоила любви твоего сердца; да, ты увидишь, что твоя Поля — та, которая съ тобою въ вольномъ лѣсу лѣтнія ночи коротала — не простая крестьянская потаскушка, что вѣшается на шею первому встрѣчному... не забудь этого, милый, не забудь!

— Ахъ, другъ мой, да когда же я сомнѣвался въ твоихъ чудныхъ свойствахъ?

— Тошно мнѣ, мой ангелъ, вѣчная тоска будетъ точить мое сердце, но я пойду съ подвигомъ. Ни смерть, ни пытка не устрашатъ меня, и, можетъ быть, православный міръ узнаетъ, что твоя прежняя Поля — достойная правнука того, кто лежитъ подъ этимъ крестомъ, — того...

Поля замолчала.

— Кого, Поля? Кто похороненъ тамъ?

— Узнаешь, другъ, послѣ — мученикъ! Онъ давно замученъ, но я пойду все-таки его путемъ. Самъ видишь — вмѣстѣ намъ идти не дорога, а память твоя мнѣ нужна; такъ не забудь же меня, свѣтъ очей моихъ!

И Поля въ изнеможеніи упала на траву.

Николай Михайловичъ и прежде подозрѣвалъ Полю въ несчастныхъ религіозныхъ заблужденіяхъ, но не тревожился ими сильно, пока они оставались только убѣжденіями. Притомъ же, красота, и въ особенности поэтическій складъ ея природы, мирили его со всѣмъ; но теперь, когда онъ увидѣлъ, что отчаяніе и лживость ученій влекутъ дорогую его сердцу дѣвушку въ мрачную бездну фанатизма, сердце у него вздрогнуло. Но Поля, убитая тоской, воспаленная вдохновеніемъ, была не въ такомъ положеніи, чтобы внимать совѣтамъ благоразумія. Онъ внутренно поклялся въ скоромъ же времени воротиться и, во что бы то ни стало, свести съ гибельнаго пути молодую и пылкую свою подругу.

— Ну, Поля, успокойся. Вѣрь, что я возвращусь скоро и, право, сдѣлаю тебя счастливою. Ты разстроена, потому мрачными, и даже — прости меня — неумными глазами смотришь на будущее. Пойдемъ, мой другъ, намъ далеко...

Поля встала и пошла дорогою, которой такъ часто ходила съ своимъ милымъ. Путь былъ долгій; отъ горя и слезъ говорилось мало, но какъ много думалось и чувствовалось! На омутѣ нужно было разстаться. Поля, блѣдная, какъ полотно, остановилась.

— Не прощайся со мною, Николай Михайлычъ; не могу уйди такъ.

— Поля, полно, я ворочусь, я женюсь на тебѣ.

— Никогда! отвѣтила твердо дѣвушка: — Не забудь только... о, не забудь!...

— Никогда, отвѣтилъ Озеровъ.

— Когда же ты ѣдешь?

— Сейчасъ.

— Ну, прости же!

Николай Михайловичъ обнялъ ту, которую онъ такъ любилъ и за которую теперь страшился всею душою. Не станемъ описывать мукъ послѣдней разлуки. Кому онѣ не извѣстны, кому не суждено переносить вѣчныя утраты? Да пошлетъ Богъ крѣпость всякому въ эти ужасныя минуты жизни человѣческой!

Николай Михайловичъ съ тоскою въ душѣ пошелъ къ своему жилищу, и когда съ поля донесся къ нему вопль милаго голоса: *не забудь* — онъ оглянулся, но Поли ужь не было.

XI.

«*И се бысть трусъ велій и солнце бысть мрачно яко вретище власяно, и луна бысть, яко кровь...* слышишь, солнце потемнѣетъ, какъ власяница! *И звѣзды небесныя падоша на землю...* Господи! звѣзды посыплются, какъ смоквы незрѣлыя! *И небо отлучися, какъ свитокъ свиваемо, и всяка гора и островъ отъ мѣстъ своихъ двигнушася.* О, ужасъ! Небо скроется, какъ свитокъ, горы и острова двинутся съ мѣстъ своихъ — Господи помилуй!»

Такъ разсуждалъ, читая книгу и сидя за большимъ бѣлымъ столомъ, на которомъ горѣла сальная свѣчка, мельникъ Саватей Ѳедосѣевъ. Это былъ высокій, сѣдой старикъ, съ обстриженными въ скобку волосами, а на макушкѣ совсѣмъ выстриженными. Онъ былъ въ сѣрой нанковой поддевкѣ, съ рукавами. Противъ него,

по другую сторону стола, сидѣлъ крестьянинъ, еще молодой, даже безъ бороды. Черные волосы его были обстрижены просто по-крестьянски. На бѣломъ, весьма неглупомъ, лицѣ его выражалось какое-то уныніе, скорбь, даже въ улыбкѣ было что-то печальное. Изба или, скорѣе, горница, въ которой сидѣли собесѣдники, была бѣла. Въ переднемъ углу по обѣимъ сторонамъ на полкахъ стояли образа съ темными ликами, въ серебряныхъ и золотыхъ окладахъ, а иные и просто безъ окладовъ. Передъ ними горѣло нѣсколько лампадъ, отчего въ томъ углу, гдѣ сидѣлъ старикъ, было очень свѣтло, но въ глубинѣ избы темно.

«*И царіи земстіи и вельможи и богатіи,*» продолжалъ чтецъ, глядя въ книгу: — «*и всякъ свободь скрышася въ пещерахъ и каменіи горстемъ: и глаголаша горамъ и каменію: падите на ны и покройте ны.*»

— Господи! неужто придется дожить до такого ужаса? — а какъ знать! Вѣдь *не вѣсте ни дня, ни часа, какъ сынъ человѣческій пріидетъ во славѣ своей судити живыхъ и мертвыхъ.*

— Впрочемъ, знаменіе будетъ, возразилъ молодой собесѣдникъ: — *Гладн и труси по мѣстамъ.*

— А коли ихъ нѣтъ? воскликнулъ мельникъ.

— *Скорбь велія,* продолжалъ крестьянинъ: — будетъ по всей землѣ, яже не бывало отъ начала міра.

— Охъ, Боже! Будетъ тоска у всего человѣчества, говорилъ Саватей Ѳедосѣевъ: — такая невыносимая тоска, какой не бывало отъ сотворенія міра!

Старикъ оставилъ книгу и, опершись локтемъ на столъ, задумался: — «Противникъ Христу сперва явится, говорилъ онъ, какъ бы размышляя: — антихристъ!

А кто знаетъ, что онъ не явился? Вѣдь смотался міръ какъ мотъ, вѣдь лжецъ и богохульникъ сталъ всякъ человѣкъ. Еще не было въ мірѣ такого помраченія совѣсти человѣческой, какъ нынѣ. Міръ нашъ земной не разъ уже кончался. Потопъ разъ смылъ его — родъ людской до того сдѣлался гадокъ, что разверзлись хляби небесныя. Потомъ кончался другой міръ. Ты знаешь, была тоже великая имперія, ограбившая весь міръ, блудница, сидящая на семи холмахъ, *и цари земные любодѣйствовали съ нею, и купцы земные отъ великой роскоши ея разбогатѣли*. Но грѣхи ея дошли до неба — погибла великая блудница. Скорбь велія овладѣла живущими. Жизнь стала отвратительна, добровольно лишали себя живота. *И свѣтъ свѣтильника не имать свѣтити...*»

— Что же это за блудница?

— Престолъ язычества, разврата, рабства, насилія, залитая кровью Христовыхъ мучениковъ — римская имперія.

— Но то былъ языческій міръ, то былъ врагъ Христовой истины, а вѣдь теперь...

— Что теперь?

— Все-таки христіане.

— Христіане! возразилъ старикъ: — христіанство не въ буквѣ, а въ дѣлѣ. Развѣ такъ жили прародители-то наши? Въ церкви и въ міру пошло дѣло неладное, не по-Христову; завелись во всемъ противные порядки.

Въ это время сильный вѣтеръ застучалъ въ окна. Была темная зимняя ночь, и вьюга выла и стонала на улицѣ. Старикъ на минуту замолкъ и смотрѣлъ въ

книгу, какъ будто думая про себя, потомъ заговорилъ:

— А этотъ, какъ бишь его, царь Петръ Алексѣевичъ — ну-ка, вольныхъ людей оборотилъ въ кабальныхъ. А! въ солдаты велѣлъ забирать ихъ. Опережъ того у насъ былъ одинъ пачпортъ самого Христа царя небеснаго, а съ этой поры времени безъ пачпорту изъ деревни носу высунуть нельзя; прежде безъ вины никого нельзя было судить, а нонь безъ вины тащатъ и праваго и виноватаго къ суду шемякину — и бываютъ людямъ волокиты великія! Завелись новые порядки, о которыхъ мы и не слыхивали: братъ братомъ сталъ торговать. Развѣ это Христово дѣло? Это дѣйствіе антихристово и есть. Вѣрь, объявился антихристъ давно; онъ-то и мутитъ христіанство, вѣрь!

— Народится, сказано, отвѣтилъ собесѣдникъ мельника: — отъ діавола и жены блудницы.

— Гм! отъ блудницы, говорилъ Саватій. — А мало ихъ теперь? О, Господи помилуй! Были ли когда-нибудь времена такія?

— Развѣ только въ язычествѣ.

— Да тѣ идоламъ кланялись; тѣ не знали Бога истиннаго. Про тѣхъ и Христосъ сказалъ: *не вѣдятъ бо что творятъ;* но и тѣ только съ врагами враждовали, враговъ своей вѣры рабствовать заставляли, а наши-то наслѣдники царствія Божія, Христовой вѣрой просвѣщенные — братьевъ своихъ продаютъ, христіанинъ христіанина, православный православнаго продаетъ.

— Господи помилуй! сказалъ вздохнувъ собесѣдникъ. Потомъ, помолчавъ немного, онъ всталъ, примолвя: — ну, прости, Саватій Ѳедосѣичъ; пора; давно

пѣтухи пропѣли. Все слушалъ бы рѣчи твои, да вѣдь составъ-то нашъ бренный...

— Ну, милости Божіей, отвѣтилъ старикъ.

Крестьянинъ вышелъ. Въ комнатѣ водворилась глубокая тишина. Старикъ продолжалъ читать развернутую книгу, только вихорь зимній вылъ на разные тоны за окошкомъ. Было давно за полночь и всѣ спали. Старикъ сидѣлъ тихо. Вдругъ дверь въ избу отворилась, и показалась высокая, блѣдная, худощавая женщина. Лица отъ темноты разсмотрѣть было нельзя.

— Кто это? спросилъ Саватій, въ недоумѣніи: онъ тоже не могъ разсмотрѣть вошедшей.

Отвѣта не было.

— Кто тутъ? что тебѣ надо?

— Это я, дѣдушка.

— Палаша, радость моя! заговорилъ старикъ: — что это ты не спишь? что тебѣ надо, миленушка?

Поля, молча, подошла и, молча, сѣла на лавку. Что сдѣлалось съ Полей? Куда дѣвалась прежняя, полная, юная красота ея? Она была блѣдна, какъ полотно, щеки ввалились, глаза окружились синевой, отчего казались еще больше и глубже, волосы были распущены и покрывали густыми прядями плечи и станъ. Прекрасныя ея руки, если хотите, стали еще прекраснѣе, потому что стали худѣе и бѣлѣе, почему казались какъ будто мраморнымъ изваяніемъ.

— Ахъ, дѣдушка, сказала Поля, садясь противъ старика: — я умираю.

— Полинька, голубушка, что съ тобой? ты сохнешь день ото дня; отчего?

— Отъ тоски, глухо отвѣтила Поля.

— Да что съ тобою, свѣтъ мой? молви: болитъ ли что у тебя или извелъ тебя лихой человѣкъ? Господи тебя спаси и помилуй!

— Дѣдушка, приготовься, я скажу тебѣ страшное слово, говорила, сморщивъ лобъ, Палагѣя.

— Говори, говори, голубушка, скорѣе; вѣдь знаешь, ты для меня краше солнца небеснаго.

— Приготовься, продолжала мрачно Палагѣя: — сотвори молитву!

— Во имя Отца и Сына, говори скорѣе, золото мое, твердилъ старикъ.

Поля на минуту замолкла и потомъ твердо сказала, глядя впалыми глазами на мельника:

— Я беременна!

Старикъ вздрогнулъ. Книга выпала у него изъ рукъ, губы тряслись; онъ что-то хотѣлъ сказать, но не могъ. Наконецъ, какъ-будто собравъ послѣднія силы, онъ могъ только выговорить:

— Отъ кого?

Поля твердо сказала, отъ кого.

Точно молнія упала у ногъ Саватія; онъ вскочилъ бѣлый, какъ полотно.

— Съ нами силы небесныя! говорилъ онъ задыхающимся голосомъ: — *отъ блудницы и діавола!* Ангелы, архангелы — укройте меня хоть въ пропасти подземныя! Свято слово Твое, Господи! Скажутъ: «горы падите на насъ, холмы покройте насъ.»

— Ты не умеръ, бѣдный старикъ, продолжала Палагѣя: — ну, такъ слушай, сядь, не проклинай. Я не вся отдалась діаволу; слушай.

И Поля разсказала исторію своей любви.

— Да, я отдала моему другу сердце и тѣло, молвила Поля: — но у меня остались еще разумъ и воля. Спаси меня отъ позора, спаси мое тѣло грѣшное, а душу я спасу.

Старикъ слушалъ молча и внимательно, хотя съ чрезвычайною тоскою. Но, когда онъ увидѣлъ, что Поля увлеклась скорѣе местью, чѣмъ любовью, тяжесть преступленія внучки уменьшилась въ глазахъ старика. Такова сила заблужденія этихъ несчастныхъ бѣглецовъ церковныхъ! Уму старика стало представляться, что внучка осталась вѣрна своей вѣрѣ, пожертвовавъ собою изъ ненависти къ тѣмъ, кого самъ онъ ненавидѣлъ. Долго онъ думалъ, наконецъ сказалъ:

— Ну, слушай! Тѣло твое я спасу, да и что тѣло — земля! Душу сохрани чисту и непорочну. Хочешь ли идти къ вѣрнымъ?

— Хочу.

— Иди же. Я старъ; дѣти у меня примерли — одна ты у меня. Исторію рода нашего ты знаешь. Ты знаешь, кто спитъ подъ крестомъ — въ темнотѣ лѣса вольнаго... свѣтоводитель богоданный! Пора исполнить его завѣтъ. Дѣды мои, да и я, грѣшный, не были рабами невѣрными, которые закопали таланты въ землю: мы пріумножили капиталъ его. Возьми его и ступай.

— Куда?

— Куда! на проповѣдь.

— Пойду, отвѣчала Палагѣя: — Я давно готовила себя. Тоска вразумила меня еще болѣе. Я пойду — куда хочешь, хоть на смерть, только бы вырвать мнѣ этого чернаго ворона, который рветъ по кускамъ мое

сердце. Ахъ, дѣдъ! какъ счастливъ ты, что старъ — твоя смерть не далека, а я? смотри!...

Поля откинула свои роскошные волосы за плечи и, подперши рукою подбородокъ, устремила глаза на мельника. Ея блѣдное, сухощавое, но съ чудными очертаніями лицо, разгорѣвшіяся щеки, черные огненные глаза, вдохновленные мыслію задуманнаго подвига, высокая грудь, дрожавшая отъ волненія, и вокругъ всего черныя волны волосъ,—все это дѣлало изъ Поли образъ такой сильной, побѣдительной красоты, что старикъ улыбнулся. Онъ пристально посмотрѣлъ на Полю и нѣсколько мягче продолжалъ:

— Не помутясь и море не уставится. Унывать не слѣдуетъ; уныніе — изнеможеніе души. Слѣдуетъ дѣлать... Иди, говорилъ, одушевляясь, старикъ: — иди въ свѣтоводительство Руси правовѣрной; поставь храмъ Богу истинному; на вратахъ его, какъ на вратахъ храма твоего духовнаго, начертай нестираемыми буквами: *правовѣрія и благочестія ради да будетъ ти брань.*

— Брань! — какъ брань? вскричала въ испугѣ дѣвушка.

— Да, брань! брань не мечомъ, не оружіемъ, не лукавствомъ и казнію: брань подвигомъ, молитвою и милосердіемъ — брань чистотою нравственности. Да созиждется въ тебѣ сердце чисто и духъ правъ обновится во утробѣ твоей. Покажи этому исчахшему, позорному міру истинное правовѣріе, покажи его хищничеству подаяніе, его неправдѣ — правосудіе, его гнѣву — милосердіе. Просвѣтися свѣтомъ истины *и свѣтъ во тмѣ свѣтится и тма его не объятъ.* И потекутъ къ тебѣ вѣрные, какъ ручьи вешніе съ горъ.

и понесется слово истинной вѣры въ дальнія страны нашего отечества, задавленнаго и оскорбленнаго сынами діавола.

— Хватитъ ли силъ, дѣдушка?

— Силенъ Богъ! отвѣтилъ энергически старикъ: — а мы сильны его милостью. Читай.

Старикъ быстро развернулъ какую-то рукопись, и указалъ Полѣ на двѣ строки; та прочла:

«Съ нами духъ духамъ, съ нами царь царямъ.

«Съ нами царь царямъ, съ нами Богъ богамъ.»

Затѣмъ Саватій Ѳедосѣевъ молча вышелъ изъ горницы.

XII.

Вскорѣ послѣ описанныхъ нами событій, мельникъ съ внучкой исчезъ невѣдомо куда, и больше не появлялся. Мельницу передалъ онъ тому самому крестьянину, съ которымъ мы видѣли его бесѣдующимъ.

Съ тѣхъ поръ та сторона, гдѣ жили описанныя нами лица, стала пустѣть и пустѣть. Анфиса Николаевна, какъ только пристроила послѣднихъ своихъ сынковъ въ учебныя заведенія, продала свое Демидово и купила имѣніе гдѣ-то далеко, по сосѣдству съ имѣніемъ своей дочери, вышедшей замужъ за уланскаго ротмистра. Быкова умерла, дѣйствительно завѣщавъ все свое имѣніе крестницѣ. Оттого Варя сдѣлалась богатой невѣстой и вышла замужъ въ ту же зиму, какъ уѣхалъ Озеровъ, за губернскаго прокурора, человѣка среднихъ лѣтъ, но рѣшительно перваго франта въ городѣ.

Варвара Александровна слыветъ одной изъ первыхъ городскихъ дамъ по красотѣ, дородству и богатству; она только очень молчалива и, говорятъ, будто бы простенька. Мать ея, Ѳедосья Васильевна, еще жива; она не могла разстаться съ дочкой и переѣхала въ городъ, но постоянно тоскуетъ по своей Ждановкѣ. Николай Михайловичъ — ему очень повезло по службѣ: въ кампаніи онъ отличился — получилъ какой-то орденъ на шею. Его приласкали при дворѣ. Это сильно польстило молодому человѣку; онъ обратилъ все свое вниманіе на службу, и, выгодно женясь, сдѣлался не болѣе какъ въ десять лѣтъ однимъ изъ лучшихъ полковыхъ командировъ гвардейскаго корпуса. Онъ постоянно собирался съѣздить на свою родину, чтобы взглянуть на милыя мѣста, но служба и семейныя дѣла рѣшительно не давали возможности. Ѳока Данилычъ ушелъ какъ-то въ Іерусалимъ и не возвращался: Богъ знаетъ, остался ли онъ гдѣ въ монастырѣ или вовсе опочилъ отъ всѣхъ дѣлъ своихъ. Такимъ образомъ, описанный нами край совершенно запустѣлъ. Герои и героини наши или совсѣмъ оставили подмостки земной сцены, или перешли на другія. Даже хромая Арина выпросилась на оброкъ и жила гдѣ-то въ городѣ, въ кухаркахъ.

Но тамъ, гдѣ впервые обозначались склонности и характеры нашихъ героевъ, тамъ, *гдѣ лѣса съ лѣсами совивалися*, гдѣ *палата лѣсу вольнаго* крыла величавою своею сѣнью тайны сердца и тайны воли — тамъ невѣдомыя руки громоздили жилье на жилье. Стучалъ топоръ, билъ молотъ, свистѣла пила, сверлилъ буравъ, и на той горѣ, гдѣ нѣкогда шумѣлъ одинъ лѣсъ, ле-

жало селеніе, у воротъ котораго стоялъ столбъ съ надписью: *Сельцо Незабудь.* Сельцо это ширилось день ото дня, и имя его разносилось далеко-далеко по вольному свѣту. Скопилъ ли крестьянинъ лишній пудъ хлѣба, кто возьметъ у него за сходную цѣну?—*Незабудь.* Бережливая хозяйка съэкономила крынку масла—куда везти?—*Въ Незабудь!* Кузнецъ свои гвозди, скорнякъ свои мѣха, фабрикантъ свои ситцы, однимъ словомъ, все, что шло на потребу домовитаго крестьянства, везлось торговыми днями въ Незабудь и развозилось оттуда.

Мало того: если выгорѣлъ или растерялся крестьянинъ, если осиротѣла бѣдная жена, остались безпомощныя дѣти — ступайте въ Незабудь: тамъ найдется помощь, утѣшеніе и твердая душевная подпора. Однимъ словомъ, по деревнямъ, селамъ, полямъ и долинамъ, подъ темными навѣсами дремучаго лѣса, гдѣ нѣкогда едва ступала нога человѣческая и гдѣ только мы слышали стенаніе разбитаго женскаго сердца, тамъ теперь только и слышалось: *Незабудь, Незабудь, Незабудь.* Съ этимъ именемъ было на устахъ у всѣхъ другое живое имя. По улицамъ нерѣдко ходила высокая стройная женщина, въ черномъ сарафанѣ, въ такомъ же платкѣ на головѣ, въ бѣлой рубашкѣ съ длинными рукавами. Лице ея было блѣдно и прекрасно; сухощавыя и немолодыя черты лица дышали важностью и нѣжностью; большіе черные глаза сохранили всю свѣжесть молодости и глубины. Съ утра до вечера глаза эти не уставали блюсти за всѣмъ. Они смотрѣли за постройками, глядѣли за складами хлѣба, припасовъ, товаровъ; устремлялись на болѣзнь больнаго, на немощь бѣднаго, на

слабость худоумнаго и даже на порокъ незакоренѣлаго преступника. Въ продолженіе цѣлаго дня эта высокая, блѣдная женщина неутомимо расточала сокровища своего сердца. Когда двигалась по селу ея величавая фигура, старый и малый вставали съ мѣстъ и кланялись въ поясъ себѣ равной. Изрѣдка только эта женщина покидала Незабудь. Она уходила далеко за село, на край знакомаго намъ утеса, и садилась подъ сѣнь деревьевъ. Оттуда и до сихъ поръ видно только необъятное пространство чернаго лѣса. Подперѣвъ рукою голову, она съ глубокою думою просиживала тамъ до поздней ночи, а иногда и до бѣлаго утра.

Что ее тутъ занимало? какъ знать! Обсуждала ли она въ уединеніи лѣсной природы свои хозяйственные планы, придумывала ли новыя благотворенія, или, наскучивъ людскою суетою, уединялась сюда для спокойствія съ своимъ «чернымъ другомъ», и, вспоминая лучшія мгновенія прожитой молодости,

Съ соловьями думу думала...

ДИКАЯ.

РАЗСКАЗЪ.

Буря ревѣла страшная. Вмѣсто бѣлой сѣверной ночи, такая тма покрывала лѣсъ и стоящую невдалекѣ отъ него господскую усадьбу, что едва можно было различать предметы. Съ особенною, казалось, злостью вѣтеръ крутилъ деревья барскаго сада и колотилъ сучьями въ окна флигеля, которыя выходили въ самый садъ. Во флигелѣ огня не было, тѣмъ не менѣе тамъ разговаривали:

— Я, вѣдь, молода, мой милый, говорилъ женскій голосъ: — дѣвчонка еще, а людей я всякихъ встрѣчала много, только мнѣ всѣ были чужіе, но когда я встрѣтила тебя впервые... о!

— Что же, Дуня? Ты скоро меня полюбила? спросилъ мужской голосъ.

— Когда я услышала только твой добрый голосъ, тотчасъ же почувствовала то, чего прежде никогда не

было на сердцѣ... я весь день продумала о тебѣ, а отчего? — сама не знала; потомъ... Сильный порывъ вѣтра заглушилъ голоса ненадолго.

— Какая ужасная буря, сказалъ разговаривавшій съ Дуней, между тѣмъ какъ проливной дождь билъ въ окна... Дорогая моя Дуня, и я-то могъ ли думать о теперешнемъ счастіи...

— А вы меня любите, Павелъ Александрычъ?

— Дуня, можешь ли ты сомнѣваться, ты — такая красавица!

— Да, да, я вѣрю тебѣ, я знаю... о, милый!

Вѣтеръ съ такою силою ударилъ въ окна, что даже рамы задрожали.

— Право, я никогда не запомню такой бури, замѣтилъ мужчина.

— Здѣсь всегда такъ бываетъ, отвѣтила дѣвушка: — это озеро не пускаетъ тучу. Когда туча идетъ съ того берега, такъ она и разражается надъ озеромъ, а когда съ этой стороны — такъ и останавливается передъ озеромъ-то, прямо надъ нашимъ садомъ, вотъ и крутитъ все...

Въ саду было дѣйствительно страшно. Черная туча покрыла непроницаемою тмою все; огромныя садовыя деревья бились и метались въ стороны, треща сучьями; вой вѣтра, шумъ льющагося, какъ изъ ведра, дождя, ревъ озера, которое бросалось на каменистый берегъ, и, наконецъ, стонъ отдаленнаго колокола, колеблемаго иногда вѣтромъ — все это составляло дикую и потрясающую гармонію.

— Страшно тебѣ, Дуня?

— Нѣтъ, отвѣтила дѣвушка: — чего бояться? я даже люблю бурю; да и что за страхъ, когда ты со мной, но... Дѣвушка тяжело вздохнула, и разговоръ прекратился.

Ночь была все еще темна, но буря начала стихать. Перестающій дождь падалъ послѣдними каплями. Вмѣсто прежняго дикаго шума, стало наконецъ чрезвычайно тихо; только и слышался иногда звукъ капель, падавшихъ съ вѣтвей, да иной разъ шелестъ кустарника, примятаго бурей, и теперь кой-гдѣ встававшаго. Природа уснула, подобно красавицѣ, выздоравливающей послѣ тяжкой болѣзни. Въ комнатѣ, гдѣ слышался говоръ, тоже было совершенно тихо. Синева разсвѣта показалась на небѣ.

— Дуня, Дуня! послышался голосъ въ той же комнатѣ.

Отвѣта не было.

— Дуня, повторилъ тотъ же голосъ: — разсвѣтаетъ... пора.

Наступившій послѣ описанной нами ночи день былъ прекрасенъ. Солнце освѣтило величавую мѣстность. Вправо разстилалось на необъятное пространство озеро— одно изъ тѣхъ сѣверныхъ озеръ, которыя тянутся на сотни верстъ и скорѣе похожи на внутреннія моря, чѣмъ на озера; слѣва заливъ этого озера былъ окруженъ чернымъ сосновымъ лѣсомъ. Солнце горѣло и на синевѣ озернаго пространства, и на темныхъ лѣсныхъ берегахъ залива; но свѣтъ сѣвернаго солнца не такъ ярокъ и блестящъ; какъ въ странахъ умѣренныхъ, а тѣмъ болѣе южныхъ; было что-то унылое въ его свѣтѣ. Оттого и въ самомъ ландшафтѣ было

что-то печальное, хотя въ высшей степени характерное. Лѣса противоположнаго берега холмистыми волнами шли влѣво. На этомъ берегу садъ, который мы едва видѣли ночью, покоился теперь въ тѣни деревьевъ, подъ свѣтомъ жаркаго дня. Дорожки, просушенныя солнцемъ, горѣли какъ золото. Цвѣты благоухали; пчелы, бабочки, кузнечики, каждый по своему, шумѣли по лугу. Во флигелѣ, въ той самой комнатѣ, гдѣ мы слышали приведенный нами разговоръ, сидѣлъ молодой человѣкъ съ бѣлокурыми, до плечъ упадавшими волосами, съ усами и небольшою бородкою. Онъ читалъ книгу, листы которой ворочались безпрестанно; вокругъ па столѣ и стульяхъ тоже было множество книгъ, тетрадей и т. п. Молодой человѣкъ, казалось, не замѣчалъ, что жаръ полуденнаго солнца ударялъ въ окно и жегъ ему голову. Скрипъ дверей оторвалъ его отъ книги. Въ полурастворенную дверь выглянула головка дѣвушки.

— Одѣвайтесь, сказала она: — Что это вы до сихъ поръ! Барыня давно уже одѣлась. Дѣти сейчасъ выйдутъ.

Молодой человѣкъ лѣниво всталъ со стула, подошелъ къ двери и поцѣловалъ вошедшую дѣвушку.

Блѣдное ея личико слегка зарумянилось.

— Ступайте же скорѣе, сказала она, прижимаясь къ устамъ молодаго человѣка: — пора, мнѣ некогда...

Это была Дуня, горничная дѣвушка того барскаго дома, который стоялъ въ этомъ же саду. Самъ баринъ, владѣлецъ этого имѣнія, умеръ уже лѣтъ 15 тому назадъ. Передъ смертью онъ благословилъ дѣтей и, оставшись наединѣ съ женою, просилъ ее, между прочимъ, не забыть маленькую Дуню, дочку одной комнатной

женщины, которая была чрезвычайно хороша собою и недавно умерла. Жена обѣщала исполнить просьбу, и сдержала слово. Она дала Дунѣ, круглой сиротѣ, воспитаніе, какое только, по ея понятіямъ, казалось полезнымъ для дѣвушки. Дуня выучилась читать, писать, была мастерицей во всѣхъ возможныхъ рукодѣльяхъ. Въ 18 лѣтъ, наконецъ, Дуня сдѣлалась красавицей-дѣвушкой. Черные глаза ея были такъ глубоки и такъ симпатичны, что взглядъ ихъ западалъ въ душу каждаго, на кого устремлялся. Густые и тоже черные волосы большими кудрями падали по плечамъ. Было что-то гордое въ ея высокой фигурѣ, въ ея роскошно развитыхъ плечахъ и груди. Но за всѣмъ тѣмъ Дуня была странная дѣвушка. Казалось, въ ея положеніи нельзя было жаловаться на судьбу, но тѣмъ не менѣе она была большею частію задумчива; рѣдко видѣли ея веселою. Чѣмъ старше она становилась, тѣмъ интереснѣе дѣлалось ея личико отъ этой постоянной задумчивости, которою, какъ тѣнью, оно всегда было покрыто. Дуня сама не понимала, отчего нерѣдко ей становилось какъ-то неловко, когда всѣмъ было и хорошо и весело. Дѣвушкѣ скоро пришлось разгадать эту тайну: у нея никого не было близкаго въ этомъ мірѣ, не къ кому было ей отнестись съ богатствомъ любви и нѣжности, которыми преисполнена была ея душа. Да и до нея никому не было дѣла. Правда, ее никто не обижалъ; но зато этихъ улыбокъ нѣжныхъ, тихихъ ласкъ, которыми матери и друзья осыпали другихъ счастливицъ, Дуня не видывала. Въ шелковомъ своемъ платьѣ, сидя за пяльцами въ раздушенной гостиной, Дуня завидовала оборванной крестьянской дѣв-

ченкѣ, которую мать держала на рукахъ, завернувъ въ тряпье и прижимая къ сухой, загорѣлой груди.

Разъ, когда она сидѣла за работой вмѣстѣ съ барыней, пріѣхалъ какой-то толстый господинъ изъ города, бывшаго верстахъ въ двухъ отъ усадьбы, и объявилъ новость, что на дняхъ привезли въ городъ ссыльнаго.

— Арестанта? спросила, нѣсколько испугавшись, госпожа: — скованнаго?

— Арестанта, отвѣтилъ гость: — только не скованнаго. Чего ковать-то: мальчикъ, и безъ всякаго состоянія.

— Боже мой, за что же?...

— За шалость какую-нибудь... Охъ, ужь эти мальчики! и вообразите: говорятъ, безъ роду, безъ племени — какой-то Каменецкій.

Сильно забилось сердце у Дуни. Что это за ссыльный? Что это за безродный? За что его послали въ гнилой, бѣдный городишко?... Дунѣ сдѣлалось грустнѣе обыкновеннаго.

Въ подобныя минуты у ней было одно спасеніе — въ уединеніи. Она уходила въ глухой сосновый лѣсъ, растущій по берегу озера, пробиралась по камнямъ, которыми покрыта была вся его песчаная почва, и находила усладу, когда волны и сосны отвѣчали на ея слезы своимъ стихійнымъ шумомъ. Дуня давно уже сидѣла на краю утеса, и сухими круглыми глазами смотрѣла на блещущее отъ лучей солнечныхъ озеро. Пышная весна жизни, роскошь и блескъ развившейся юности горѣли въ ея очахъ, въ ея богато-развитыхъ формахъ, въ крови и сердцѣ, а вокругъ, казалось ей,

все было холодно, равнодушно. Этотъ лѣсъ, которому она повѣряла свои думы, вовсе не для нея затягивалъ свою суровую пѣсню; это озеро, по гладкой поверхности котораго такъ часто скользили ея взоры и мечты, это небо, безграничное и бѣлое, куда такъ часто возносились ея молитвы — все безучастно смотрѣло на ея слезы и скорбь. Дунѣ стало страшно грустно; съ нахмуренными бровями она посмотрѣла на черную деревянную церковь, доживавшую свой вѣкъ на пустынномъ берегу, и пошла домой. Долго она пробиралась по камнямъ сквозь колючія вѣтви, наконецъ пошла по самому берегу озера, покрытому кустарникомъ. Здѣсь идти было легче; но едва она сдѣлала нѣсколько шаговъ, какъ остановилась въ испугѣ... На большомъ черномъ камнѣ, возлѣ самаго берега, бокомъ къ ней сидѣлъ молодой человѣкъ и удилъ рыбу. Свѣтлорусые волосы его падали изъ-подъ сѣрой шляпы на плечи. Прекрасное юное лице его и голубые глаза дышали необыкновенною добротою. Дуня стояла какъ вкопанная. Она никакъ не ожидала встрѣтить незнакомца въ этомъ заброшенномъ лѣсу, гдѣ столько лѣтъ она не видала живой души. Дуня не знала, идти ли ей впередъ или воротиться въ лѣсъ. Между тѣмъ молодой человѣкъ, выдернувъ уду, обернулся, чтобы взять пойманную рыбку. Каково же было его изумленіе, когда онъ увидѣлъ предъ собою высокую, стройную дѣвушку съ черными кудрями, которыми прихотливо игралъ лѣсной вѣтеръ. Сначала онъ сконфузился, потомъ поклонился. Дуня робко отвѣчала тоже поклономъ.

— Вы, вѣрно, гуляете? спросилъ молодой человѣкъ, не зная, какъ бы начать разговоръ.

— Да-съ, отвѣчала Дуня.

— Вы изъ сосѣдней усадьбы?

— Да-съ, я — дворовая дѣвушка.

Молодой человѣкъ съ ногъ до головы оглядѣлъ Дуню. Красота, изящество наряда, не совсѣмъ обыкновенное въ простой дѣвушкѣ, и вообще особенное достоинство всей ея фигуры поразили его.

— Позвольте спросить, сказалъ онъ: — какъ васъ зовутъ?

— Дуней-съ, отвѣтила дѣвушка.

— Вы гуляете, а я вотъ ужу рыбу... да вы, кажется, испугались меня... Я изъ города.

— Нѣтъ, я ничего, отвѣчала, оправляясь, Дуня:— но...

— Я почти все время провожу здѣсь, на озерѣ; въ городѣ тоска — ужасъ.

— Вы давно здѣсь?

— Нѣтъ, недавно. Я пріѣхалъ издалека. Моя фамилія Каменецкій. Вы слышали?

— Да, слышала. И вамъ очень скучно? робко спросила Дуня.

— Ахъ, ужасно! Здѣсь въ лѣсу, по крайней мѣрѣ, не видишь никого, не видишь этихъ жалкихъ людей, которые только пьютъ и спятъ. Вы здѣсь часто бываете?

— Бываю, отвѣчала Дуня, не понимая, отчего у ней билось такъ сердце и отчего ей было такъ жаль этого молодаго человѣка.

— Значитъ, мнѣ можно будетъ видѣть васъ?

— Можно, тихо отвѣтила Дуня.

— Ну, вотъ, благодарю васъ. Я очень счастливъ; вы, кажется, добры. Когда же вы придете?

Дуня сконфузилась и не знала что сказать.

— А вы? прошептала она.

— Я — завтра, я каждый день здѣсь; вы придете, Дуня?

— Приду, задумчиво отвѣтила дѣвушка.

— О, вы будете единственною моею собесѣдницею; спасибо вамъ.

Каменецкій протянулъ руку Дунѣ; та подала свою и сама не знала, какъ у нея навернулись слезы. Можете себѣ представить, какъ тронуло юношу такое искреннее, нѣжное участіе простой дѣвушки. Слезы показались у него самого подъ вліяніемъ глубокаго чувства; онъ подошелъ къ дѣвушкѣ и сжалъ крѣпко ея руки.

У всякаго изъ насъ есть своя фея, которая иногда суровый путь жизни неожиданно озаряетъ блескомъ радостей и счастія. Вотъ и фея Каменецкаго сдѣлала для него рай изъ дикаго, пустыннаго края. Непостижимыя силы, воспитавъ вдали другъ отъ друга два существа, свели ихъ на берегу большаго озера. Куда поведутъ онѣ ихъ дальше? Дуня слушала и заслушивалась рѣчей юноши. Она узнала всю его исторію. Голосъ скорби, столь знакомый ей съ дѣтства, прямо палъ на ея сердце. Каменецкій же нашелъ въ прекрасной дѣвушкѣ глубоко-любящую, нѣжную натуру. Ему представилась возможность помѣститься у Дуниной госпожи учителемъ ея внучекъ. Дуня, конечно, предалась страстно первой въ ея жизни привязанности,

и мы уже видѣли, къ какому роковому исходу привела эта страсть, зародившаяся въ дикомъ лѣсу.

Стоялъ уже октябрь на дворѣ. Солнце свѣтило рѣдко или уныло. Лѣсъ какъ будто постарѣлъ. Еще сосны и ели зеленѣли, но другія деревья, лишенныя листьевъ, придавали лѣсу печальный видъ. Глинистая почва просвѣчивала сквозь обнаженные сучья. Облетѣлъ и нашъ знакомецъ садъ. Сухія вѣтви сердито бились по волѣ осенняго вѣтра. Кой-гдѣ сидѣли на нихъ, нахохлившись, вороны, печально поглядывая вокругъ; желтые листья клубами подымались съ дорожекъ. Однажды Дуня вбѣжала къ Каменецкому, страшно блѣдная и взволнованная.

— Слышалъ? вскричала она: — слышалъ?

— Что такое, Дуня? что съ тобой?

— Слышали? васъ увозятъ, увозятъ — о!

— Какъ! куда?

— Увозятъ, о, Господи милосердый! кричала дѣвушка, падая на колѣни возлѣ дивана: — что мнѣ дѣлать! Павелъ Александрычъ, научи, что мнѣ дѣлать?

— Да что съ тобою? Скажи мнѣ, ради Христа, говорилъ, поблѣднѣвъ, Каменецкій, смутно предчувствуя истину.

— О, тебя увозятъ далеко, далеко, сейчасъ пріѣхалъ гость; онъ говорилъ, что тебя увезутъ въ другой городъ... О, Павелъ, что я буду дѣлать... научи — помоги.

И Дуня обнимала колѣни Каменецкаго. Тотъ самъ не могъ выговорить слова и стоялъ будто окаменѣлый.

Дѣйствительно, были слухи, что его хотятъ перевезти въ другой городъ, но Каменецкій этому не вѣрилъ. А теперь... «Боже мой,» думалъ онъ: «что будетъ съ этимъ чуднымъ, любящимъ существомъ?» За всю беззавѣтную ея любовь онъ заплатитъ — чѣмъ? тѣмъ, что покроетъ мракомъ всю ея жизнь. Что дѣлать? бездна раскрылась передъ Каменецкимъ во всемъ потрясающемъ ужасѣ.

— Не ѣздите, Павелъ Александрычъ, стонала безъ слезъ дѣвушка: — уйдемъ, убѣжимъ... убѣжимъ въ лѣсъ, скорѣе, Бога ради... я знаю весь лѣсъ: будемъ жить лучше съ волками, я буду беречь тебя, лелѣять: о, Боже мой!

И Дуня въ страшныхъ рыданіяхъ упала на диванъ. Каменецкій безмолвно смотрѣлъ на несчастную дѣвушку, видѣлъ ея смертную блѣдность и чувствовалъ, что не можетъ сказать ни слова въ утѣшеніе... Въ ту же ночь тройка везла Каменецкаго по замерзшему полю. Онъ раздавалъ всѣ имѣющіяся у него деньги ямщикамъ, лишь бы только везли его скорѣе: быстрымъ бѣгомъ онъ будто хотѣлъ вывѣтрить страшную тоску, поразившую его сердце.

Бѣды идутъ къ горю, какъ рѣки къ морю, говоритъ пословица. Къ довершенію несчастной участи Дуни, госпожа ея переѣхала на житье въ Петербургъ, вскорѣ послѣ отъѣзда Каменецкаго. Этого требовало воспитаніе дѣтей. На попеченіи Дуни оставленъ былъ домъ. Предоставляемъ судить читателю, что чувствовала дѣвушка, когда она, какъ безумная, бродила по аллеямъ сада, а листья хрустѣли подъ ея ногами и воронъ каркалъ надъ головою. Черный господскій домъ, гдѣ нѣ-

когда раздавался его голосъ, какъ гробъ стоялъ съ заколоченными ставнями. Въ этой бесѣдкѣ, гдѣ она такъ недавно была съ *нимъ*, хлопала теперь открытая рама; вольный вѣтеръ ходилъ по опустѣлымъ комнатамъ и шумѣлъ оборвавшимися обоями... Черезъ нѣсколько дней Дуню вытащили изъ озера, возлѣ того самаго большаго камня, гдѣ она впервые увидѣла Каменецкаго, и принесли домой безъ чувствъ.

Время! Вѣдь, собственно говоря, времени нѣтъ. Есть солнце, небо, звѣзды, горы, моря, долины, птицы, люди, а гдѣ же время? И напрасно говорятъ: прежне время, доброе старое время. Никогда оно не было ни старымъ, ни молодымъ, а тѣмъ менѣе добрымъ. Времени нѣтъ и не было. Есть только великія массы и простое механическое вращеніе меньшихъ глыбъ вокругъ неизмѣримо большихъ. Отъ этого бываютъ дни и ночи, весны и зимы, жары и морозы, пальмы и мхи, негры и англичане. Отъ этихъ простыхъ механическихъ вращеній высыхаютъ моря, стираются горы, нараждаются и гибнутъ цѣлые міры на океанахъ. Отъ этихъ же механическихъ и равнодушныхъ ко всему вращеній разцвѣтаютъ розы на щекахъ дѣвицы, бѣлѣетъ пѣною молодая грудь, а потомъ желтѣютъ щеки, вваливается грудь, блекнутъ глаза, и душистый черный локонъ становится безобразнымъ сѣдымъ клочкомъ. Отъ этихъ грубыхъ, безсмысленныхъ вращеній бьется сердце страстью къ женщинѣ, потомъ перестаетъ биться всякой страстью, и, наконецъ, совсѣмъ перестаетъ биться, дѣлаясь такой же грязной глыбой, какъ

и большія. И все это оттого, что одна меньшая глыба обернулась вокругъ большой 17, 25, 80, 1,000, десять тысячъ разъ... Весна лѣто, юность, дряхлость, любовь, смерть — что вы? Зачѣмъ же говорятъ: время — лучшій цѣлитель печали? Нѣтъ времени! Есть только вращенія великихъ массъ, отъ которыхъ планета наша мѣняетъ свою скорлупу безпрестанно. Сердце и мѣняетъ человѣка свою одежду, пока не износитъ ея. Слѣдовательно, не время лечитъ сердце, а изнашивается такъ или иначе сердце. То, что называютъ временемъ, вовсе не лечитъ, а забиваетъ медленной смертью все, нагребая вѣчнымъ своимъ заступомъ однѣ развалины на другія.

Глухимъ дремучимъ лѣсомъ глубокаго русскаго сѣвера мчалась моя почтовая тройка; колокольчикъ громко звенѣлъ по природному шоссе. Я уже довольно равнодушно глядѣлъ на однообразную, хотя въ высшей степени характерную природу: приглядѣлась — все лѣсъ да лѣсъ!

— Далеко эта лѣсъ-отъ? спросишь иной разъ ямщика.

— Э-э! отвѣтитъ обыкновенно ямщикъ:—въ эту сторону верстъ на 70 нѣту жила, а въ эту и совсѣмъ нѣтъ.

— Да что у васъ есть тутъ въ лѣсу-то?

— Да что! лѣсъ да каменья — больше ничего.

— Медвѣди, чай, есть?

— Есть много.

И крикнетъ опять ямщикъ на свою тройку, и помчится телѣга по гранитному шоссе; за ней по обѣимъ сторонамъ помчатся двѣ чудныя розовыя гирлянды шиповника, которымъ тамъ поростаетъ почти вся дорога,

и замелькаютъ колокольчики, кашка и другіе цвѣты сѣверной флоры. Сначала меня удивляло: отчего здѣсь цвѣты гораздо крупнѣе, чѣмъ въ другихъ сторонахъ, болѣе благословенныхъ природою. Но когда я приглядѣлся внимательнѣе къ этому, то оказалось, что цвѣты вовсе были не крупнѣе, а только виднѣе. Расли они на угрюмой почвѣ, покрытой черными, точно обожженными камнями или не менѣе чернымъ валежникомъ одряхлѣвшаго и павшаго лѣса. Кругомъ темнѣлъ сосновый лѣсъ. На этомъ черномъ фонѣ почвы и лѣса яркость цвѣтовъ обозначалась рѣзче, живѣе; ничто въ ихъ очертаніяхъ не скрадывалось.

— А далеко до станціи? спросишь иной разъ ямщика.

Ямщикъ отвѣтитъ лаконически какимъ нибудь однимъ словомъ. И станціи мелькаютъ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ лѣсъ становился мрачнѣе и мрачнѣе, камни чернѣе и громаднѣе. Сначала меня, напримѣръ, дивило, что наша телѣга и съ лошадьми ѣдетъ по одному огромному камню, а потомъ эти камни, какъ громадныя зданія, стали высовываться изъ лѣсу. Наконецъ они обращались въ скалы. Нерѣдко въ темнотѣ сосенъ виднѣлось что-то еще чернѣе лѣса: это каменная, черная, какъ уголь, гора, мѣстами только покрытая, какъ пѣной, бѣлыми пятнами сѣвернаго мха. Иной разъ эти скалы надвигались къ самой дорогѣ. Въ щели и разсѣлины ихъ вростали громадныя сосны. Иногда буря качала эти сосны и легко вырывала съ корнемъ изъ нетвердой почвы. На вершинѣ скалы каркалъ воронъ или сидѣла лисица, поставивъ переднія лапки на каменную скалу и востренькимъ носомъ зорко слѣдя за телѣгою. Разъ тройка взлетѣла на огромную гору. Ямщикъ, бѣло-

журый, красивый мужикъ лѣтъ подъ сорокъ, оборотился ко мнѣ и сказалъ:

— Бычья гора. Этто стоялъ когда-то лѣсопильный заводъ; на немъ былъ быкъ, матерой быкъ; вотъ на этомъ мѣстѣ онъ и убилъ медвѣдя: плохъ, видно, былъ. Съ этихъ поръ гора-то и зовется: бычья да бычья.

Я оглянулъ пространство. Страшно даже становилось. Сзади, спереди, кругомъ — вездѣ одна сплошная черная масса сосноваго лѣса. Тамъ въ глубинѣ сверкаетъ вода: это лежитъ озеро въ недоступныхъ нѣдрахъ непроходимаго лѣса. Вдали за черною тмою встаетъ и идетъ по горизонту тоже лѣсъ, только безконечно-дальній и слившійся въ сѣроватую мглу.

— Ономнясь ѣхалъ почтмейстеръ, — обратился ко мнѣ ямщикъ опять: — такъ на дорогѣ-то и лежитъ...

— Кто лежитъ?

— Да медвѣдь-то, отвѣтилъ равнодушно мужикъ.

— Такъ какъ же?

— Да такъ: воротился въ деревню, взяли мужиковъ и согнали.

— Значитъ, много здѣсь медвѣдей-то?

— Много, отвѣтилъ ямщикъ.

— Ты встрѣчалъ ихъ въ лѣсу-то?

Ямщикъ обернулся, поглядѣлъ на меня и, немного погодя, промолвилъ:

— Видалъ, слава-Богу, на вѣку-то: я охотникъ, такъ по запрошлой весной, седьмаго на третій десятокъ убилъ.

Меня молодецъ заинтересовалъ. Я хотѣлъ-было поговорить съ нимъ, но сталъ накрапывать дождь и ямщикъ погналъ тройку. Скоро она подкатила къ извѣст-

ному крыльцу со столбомъ, украшеннымъ надписями, съ изломанной лѣстницей, по которой едва можно войти, и съ непремѣнными мужиками у подъѣзда.

Войдя въ комнаты, я подалъ подорожную станціонному смотрителю: это былъ сѣдой, уже дряхлый, но весьма почтенной наружности старикъ. Онъ развернулъ подорожную и посмотрѣлъ: ну, штука незнатная, всего коллежскій ассесоръ, и притомъ не по казенной надобности.

— А что, лошадей можно? спросилъ я старика.

— Извините, ваше высокоблагородіе, обождать надо. Вотъ скоро воротятся изъ-подъ почты — сдѣлайте одолженіе.

Непріятно, да дѣлать нечего. Я велѣлъ внести вещи.

— Горяченькаго, ваше высокоблагородіе, не прикажете ли? добродушно спросилъ меня станціонный смотритель: — я самоварчикъ велю наставить.

— Ну, хорошо; что же больше дѣлать?

Дождикъ между тѣмъ сталъ понемногу накрапывать; небо все больше и больше сѣрѣло отъ набѣгающихъ облаковъ. Скоро пошелъ дождь безостановочно. Сидѣть на станціи, какъ извѣстно, всегда не весело, а въ такую погоду невыносимо. Кто-то вошелъ въ прихожую.

— Кто тутъ? спросилъ я.

— Ямщикъ, отвѣтилъ голосъ за перегородкою.

— Какой?

— Что съ вами пріѣхалъ, сказалъ смотритель.

— А! водку пьешь?

— Употребляемъ.

Смотритель вышелъ, а я, вынувъ изъ погребца свой дорожный запасъ, пригласилъ ямщика въ комнату и налилъ ему стаканъ водки. Мужикъ перекрестился, выпилъ и поставилъ стаканъ на столъ.

— А вотъ, ваше высокоблагородіе, посмотрите, какъ онъ меня ломалъ разъ, сказалъ ямщикъ, засучивъ рукавъ по плечо и показывая руку, которая была вся въ шрамахъ.

— Какъ? кто ломалъ?

— Медвѣдь, отвѣтилъ охотникъ.

— Какъ же это? разскажи, пожалуйста. Садись, да выпьемъ-ко чаю, говорилъ я, радуясь, что нашелъ такого интереснаго собесѣдника: — куришь ты?

— Нѣтъ, не куримъ, а за компанію для чего? отвѣчалъ собесѣдникъ, взявъ сигару и садясь въ кресло.

— Какъ же ты это попалъ?

— Оплошалъ, значитъ, ваше высокоблагородіе. Пуля-то по черепу скользнула только, а онъ на меня и сѣлъ.

— Какъ же ты?

— Богъ помиловалъ — вывернулся, да ужь другимъ-то выстрѣломъ прямо въ голову угодилъ.

— Ну, братъ, молодецъ, замѣтилъ я, не безъ удивленія смотря на ямщика, который разсказывалъ подобныя исторіи съ такимъ спокойствіемъ, будто говорилъ о погодѣ. Удивленія моего онъ даже не замѣтилъ и продолжалъ:

— А вотъ, разъ мы пошли втроемъ, съ лѣсничимъ да съ работникомъ. Не люблю я ходить съ народомъ-то, да ужь барина-то хотѣлося потѣшить — просилъ больно. Вотъ, обошли мы берлогу и встали насупротивъ, я въ серединѣ, по правую-то руку лѣсничій; Орѣшко — ко-

релка у меня была — экая добрая была собака! бросилась туда, заливается. Не успѣли мы взяться за ружья, какъ вдругъ летитъ нашъ мишка — да прямо на насъ. Что дѣлать? Я прежде всего какъ рѣзну лѣсничаго-то на-отмашь, такъ онъ, вотъ такъ какъ черезъ комнату-то, и отлетѣлъ.

— Зачѣмъ же? спросилъ я съ невольнымъ изумленіемъ.

— Жаль стало, ваше благородіе: молодой человѣкъ! А пока онъ тамъ барахтался, мы съ работникомъ въ два удара и порѣшили: я-то подъ мышку, а онъ прямо въ глазъ — не дохнулъ.

«Ну,» подумалъ я, «Богъ знаетъ, легче ли было лѣсничему, что не помялъ его медвѣдь, а пожалѣлъ пріятель,» — но ничего не сказалъ. Выпивъ еще стаканъ вина, разскащикъ значительно сталъ разговорчивѣе и опустошалъ чуть не десятый стаканъ чаю. Вдругъ скрипнула дверь и вошелъ смотритель. Ямщикъ, изъ уваженія къ начальству, всталъ и вышелъ въ прихожую.

— Прикажете, ваше высокоблагородіе, лошадокъ-то закладывать или нѣтъ? спросилъ меня смотритель.

Я посмотрѣлъ въ окно. Темная ночь глядѣла съ улицы. Дождь лилъ ливмя. На часахъ было десять. Куда ужь было ѣхать въ такую пору, да и оставаться не хотѣлось.

— Отдохните, ваше высокоблагородіе, замѣтилъ смотритель: — Куда въ экую ночь!

— Какова здѣсь дорога-то? спросилъ я.

— Дорога хорошая, отвѣтилъ старикъ: — да станція больно велика: 31 верста съ половиною.

— И все лѣсомъ?

— Лѣсомъ. Этто все лѣсъ.

— Эка у васъ сторона-то здѣсь дикая, замѣтилъ я смотрителю.

Тотъ не отвѣтилъ ничего, только взялъ изъ другой комнаты чистую простыню и сталъ постилать ее на диванѣ.

— А давно вы здѣсь? спросилъ я старика.

— Давно, ваше высокоблагородіе.

— А какъ?

— Годовъ тридцать ужъ есть.

— Что же, у васъ — семейство?

— Нѣтъ, одинокъ.

— Отчего вы не выберетесь отсюда?

Старикъ замолчалъ и вышелъ въ другую комнату; черезъ минуту онъ воротился и снялъ со свѣчи.

— Поздно ужъ выбираться-то мнѣ, молвилъ онъ. — Куда ужъ! Здѣсь-то я, какъ старый конь, ступаю по знакомой бороздѣ. А на новыхъ-то мѣстахъ гдѣ намъ? Ужъ мнѣ, ваше высокоблагородіе, не о мѣстахъ думать.

— Да все гдѣ-нибудь полюднѣе-то лучше.

Немного помолчавъ, смотритель поклонился и, сказавъ: «счастливо оставаться, ваше высокоблагородіе,» вышелъ.

Тотчасъ же по его уходѣ выступилъ изъ передней мой новый пріятель.

— Это онъ, ваше высокоблагородіе, не любитъ, какъ ему скажутъ *дикая-то*, молвилъ онъ: — потому и ушелъ.

— Какъ такъ?

— У него была жена дикая.

— Какъ дикая?

— Такъ, дикая совсѣмъ. На послѣдяхъ-то иной разъ страшно было и встрѣтиться. Ходишь этакъ день-то денской съ ружьишкомъ. Щелья да каменья, лѣсъ глухой, глядь — а она и сидитъ гдѣ-нибудь подъ елью, бѣлая, ровно мѣлъ.

— Что же, она съ ума сошла? Да садись, братецъ; мнѣ скучно, ты поговоришь.

— Нѣтъ, батюшка, въ полномъ разумѣ, отвѣтилъ ямщикъ, свободно садясь въ кресло и даже разваливаясь: — Видите, годовъ десять тому назадъ онъ уѣхалъ на побывку, на родину, значитъ. Пробылъ тамъ онъ мѣсяца два, да оттуда и пріѣзжаетъ — смотримъ, самъ другъ.

— Какъ, женился?

— Женился, ваше высокоблагородіе, ужъ старый-престарый. А она-то, Господи ты Боже мой! вѣдь этакой красоты была неописанной. Бѣлая — какъ вотъ бумага бѣлая, а глаза черные да большіе. Волосъ-то не заплетала, а такъ, значитъ, безъ косы ходила, по плечамъ-то такъ и разсыпались.

— Ну?

— Вотъ и живутъ они такъ, что любо. Только вдругъ наши бабы стали запримѣчать: — толстѣетъ наша смотрительша, съ первыхъ же недѣль. «Ай — говорятъ — опозорилъ сѣдину свою Аѳанасій Петровичъ!» Полно, молъ, вамъ, дуры — говоримъ мы — ваше ли дѣло? За своими-то дѣвками присматривайте. Ну, такъ вѣдь сами знаете: *куда чортъ не поспѣетъ, туда бабу пошлетъ*, говоритъ пословица-то.

— И родила?

— Родила черезъ пять мѣсяцевъ. Ужъ думали, онъ со стыда сгоритъ и ума лишится — ничего не бывало: смирненько да помаленьку, денекъ за денькомъ, зима наступила, смотримъ — наши бабы и дѣвки язычекъ прикусили, шастъ да шастъ къ смотрительшѣ.

— Зачѣмъ же?

— Ангельская душа была, ваше благородіе; въ голосѣ-то у нея было что-то такое сердешное. — Падежъ былъ у насъ. Изъ трехъ троекъ осталось у меня только пара пѣгихъ, самая что ни на есть худшая: какъ нарочно валило все лучшихъ. Тошно!—Сижу разъ я у воротъ-то, свѣту Божьяго не вижу... Вотъ она проходитъ да и говоритъ: «Что это ты, Иванушко, кручинишься?» — «Да такъ, молъ, Авдотья Гавриловна; хоть руки на себя наложить, такъ впору.» — Какъ учала она мнѣ говорить, ваше благородіе, какъ полились у нея слезы изъ глазокъ-то, такъ и теперь, какъ вспомню, на душѣ хорошо становится.

— Кто жъ у нея родился, дочь или сынъ?

— Дочка. Ужъ какъ холила ее, Господи ты Боже мой! Вѣдь словно княжеская была дѣвочка, такая красивая! И старый-то души въ ней не слышалъ: «благословилъ — говоритъ — меня Господь на старости и одиночествѣ». И вѣрите ли, онъ и жену-то ровно дочку держалъ; иной разъ смѣху было не мало: привезетъ, бывало, орѣховъ съ села, да обоимъ и раздѣлитъ пополамъ. Вѣдь оно, пожалуй, и такъ: она дочкой у него и была. Надо вамъ разсказать, какъ онъ женился-то.

— Да, да, разскажи, пожалуйста.

— Ужъ это послѣ слухи-то намъ пали. Пріѣзжаетъ онъ на родину. Побылъ онъ день-другой, вдругъ кричатъ разъ: «ай, ай, утопленница, Дуня утопилась въ озерѣ.» А это было на томъ же озерѣ, что и отъ насъ недалеко, только на другомъ концѣ, верстъ триста отсюда. Онъ тоже побѣжалъ къ озеру и видитъ — на берегу дѣвушка бѣлая-пребѣлая, и волосы черные, ровно вороново крыло... Взяли дѣвушку, начали качать, откачали — очнулась. Денъ пять была больна, а потомъ полегчало; только стала нелюдима. Сидитъ, чу, съ утра до вечера, опершись на руку, да все-то, чу, смотритъ въ поле и таково тяжело вздыхаетъ... — А вы видите, ваше высокоблагородіе, вонъ эту вышку-то? вдругъ обратился ко мнѣ разсказчикъ, указывая пальцемъ въ окно.

Тучи нѣсколько разсѣялись. Луна по зременамъ выглядывала изъ-за густыхъ облаковъ. Небо стало бѣлѣе. Черные лѣсные холмы значительнѣе обрисовывались на просвѣтлѣвшемъ горизонтѣ. Надъ лѣсомъ, влѣво отъ станціи, дѣйствительно что-то возвышалось.

— Что же это, — гора? спросилъ я.

— Гора, ваше высокоблагородіе, запримѣтьте.

— Для чего?

— А вотъ послушайте-ко... И говоритъ онъ ей однажды: «вы — говоритъ — несчастная.»

— Да — говоритъ — дяденька. «Послушайте-ко — говоритъ — вы здѣсь только надсадитесь; подьте — говоритъ — замужъ за меня. Вы будете у меня хозяйствовать, а я вамъ и дѣвочкѣ вашей буду, значитъ,

вмѣсто отца, я — говоритъ — сирота; вы, можетъ, и глаза мнѣ закроете. Такъ и женился, ваше благородіе.

— Ну, хорошо! да какъ же она дикой-то сдѣлалась?

— Ишь какъ мѣсяцемъ-то ее ляпнуло, ваше благородіе, гляньте-ко, — опять прервалъ свой разсказъ ямщикъ, указывая на гору. Дѣйствительно, правая сторона горы точно золотомъ покрылась отъ яркаго свѣта выглянувшаго мѣсяца.

— Вотъ тутъ и сидитъ, бывало; въ гущу такую забьется, что и увидать нельзя; сидитъ, опершись на ручку. А ужъ бѣлая какая, да худая — ахъ! иной разъ даже слеза прошибала...

— Да какъ же она дикой-то стала? разскажи.

Ямщикъ сталъ раскуривать свою сигару, которая у него безпрестанно гасла, потомъ началъ:

— Это ужъ какъ на кого пойдетъ. Вѣдь вотъ иной живетъ себѣ, какъ съ ножки на ножку перескакиваетъ — ничего. А на инаго бѣда за бѣдою такъ и валитъ. Только что дочка-то подросла, не наглядится она на нее. И все-то съ нею. Въ лѣсъ съ ней, въ церковь съ ней, и спала-то съ ней на одной кроваткѣ. И все ходила она вотъ на эту гору, а вѣдь дикая, дикая гора, ваше благородіе; но оттуда видно озеро-то, такъ значитъ, родину вспоминала.

— Ну, что же дальше? разсказывай, пожалуйста.

— А вотъ постой, ваше благородіе. Только подросла этакъ дочка-то, годочковъ семи стала. А Авдотья

Гавриловна все худѣетъ, да худѣетъ; вдругъ дочка-то и заболѣй! Господи ты Боже мой! Что ужъ это сдѣлалось съ моей Авдотьей Гавриловной — и сказать не можно. Въ двѣ недѣли кусочка не съѣла, только изопьетъ водицы.

— Ну, что же?

— Ахъ, ваше благородіе, вовѣки не забуду, какъ это шла она за гробочкомъ-то! Боже мой, вѣдь ужъ точно есть мертвецъ, лицо-то черное, да въ бѣломъ-то платьѣ, точно въ саванѣ, а вѣдь ни слезинки не выронила. Это хуже, ваше благородіе, если слезъ-то нѣтъ, значитъ — къ сердцу подступило.

— Ну, разсказывай, братецъ, пожалуйста.

— Вотъ на этой горѣ и похоронили. Приходъ отъ насъ 12 верстъ, тамъ было и могилку вырыли, — не дала...

— Какъ, значитъ, не на кладбищѣ?..

— Нѣтъ, не на кладбищѣ — не дала. Велѣла вырыть могилу вонъ на горѣ-то, туда и отнесли. Батюшко-то даже постоялъ за нее: ничего — говоритъ — все равно, земля еси въ землю и отъидеши. Ей на погостъ-отъ жаль было отпустить, далеко!

— Ну, разсказывай, дальше что было? торопилъ я охотника, хотя печальный исходъ разсказа, конечно, уже смутно предчувствовался. Собесѣднику я налилъ еще рюмку водки.

Ямщикъ выпилъ, закусилъ, а потомъ сказалъ:

— Погодите-ко, я посмотрю.

Дѣйствительно, мужикъ всталъ, посмотрѣлъ за перегородку, отворилъ даже дверь и заглянулъ въ сѣни,

потомъ опять сѣлъ. Вино сдѣлало его развязнѣе и откровеннѣе.

— Онъ не любитъ, ваше благородіе, какъ про нее говорятъ — сляжетъ сейчасъ. Старъ ужъ, э-э, старъ.

— Ну, дальше, дальше.

— Съ тѣхъ поръ и рѣшилась. Все больше да больше стала ходить на могилку-то, а вѣдь тамъ глушь такая, вотъ завтра посмотрите, стала наконецъ не только дневать тамъ, но и ночевать. Старикъ и такъ, и сякъ, и лаской, и силой — нѣтъ: въ лѣсъ, да въ лѣсъ, и одичала совсѣмъ.

— Какъ же одичала?

— Да такъ, что и людей стала бояться. И все-то худѣла да бѣлѣла. Бывало, какъ только станешь подходить къ ней, она, какъ кошка дикая, такъ и бросится въ самую-то гущу. И какъ навострилась ходить по каменьямъ-то! Мало стали и видѣть ее, да разъ...

Ямщикъ снова осторожно оглянулся.

— Чѣмъ же кончилось? гдѣ она теперь?

— Умерла, ваше благородіе. Чахнуть, да чахнуть стала, весной и умерла. И все-то въ лѣсу! Чѣмъ ужъ она и питалась, Богъ знаетъ! Старый-то и говорить о ней пересталъ; знаете, зазорно стало: кругомъ-то всѣ спознали, все *дикая*, да *дикая*, и имени другаго не было, такъ и рѣшилась. Вотъ завтра, какъ встанете, такъ сходимте на могилку-то.

— Какъ же она умерла-то? скажи, ради Бога.

— Да какъ-съ? Разъ пропала совсѣмъ, нѣтъ, да, нѣтъ, третьи сутки и слѣдъ простылъ. Старикъ ужь не могъ и ходить на гору-то, и рукой махнулъ. Вдругъ ребята прибѣжали изъ лѣсу: «ступайте—го-

ворятъ — тѣло.» Что же-съ? На горѣ-то обвилась руками вокругъ креста, да такъ и спочивала. Блѣдная, блѣдная, да въ бѣленькомъ-то платьецѣ, ровно восковая лежала на черномъ-то камнѣ.

Утромъ я тотчасъ же отправился на могилу. Путь былъ не дальній, но трудный. Надо было версты двѣ идти лѣсомъ, ступая съ камня на камень. Еще труднѣе было взобраться на гору. Вся она была болѣе ничего, какъ одна огромная каменная скала, почернѣвшая отъ времени и мѣстами растрескавшаяся. Изъ разсѣлинъ выростали сосны, такъ что вершина ея вся была покрыта лѣсомъ. На краю утеса дѣйствительно стояли два креста, тоже почернѣвшіе. Я взглянулъ внизъ — и признаюсь, сердце сжалось! Скала почти отвѣсомъ сходила внизъ. Черная стѣна ея мѣстами была покрыта мхомъ и кой-гдѣ торчали сосны. На противуположной сторонѣ лѣсъ такъ же круто всходилъ на скалу. Дна ложбины и видѣть было нельзя отъ нависшаго надъ ней лѣса. Ложбина эта шла влѣво. Куда бы вы ни устремили взоръ — вездѣ черный лѣсъ, да черные камни, сверху покрытые пѣною сѣвернаго мха, точно мертвые саваномъ. Сквозь узкое ущелье, въ нескончаемой дали, виднѣлось что-то синее: это было то самое озеро, на другомъ краю котораго родилась бѣдная женщина, спящая теперь въ виду его вѣчнымъ сномъ. Суровъ показался мнѣ и послѣдній пріютъ этихъ двухъ нѣжныхъ существъ.

Съ невольной тоскою воротился я на станцію. Тамъ уже готова была тройка. Нѣсколько ямщиковъ стояли вокругъ телѣги.

— Дикая гора? вопросительно замѣтилъ мнѣ одинъ изъ нихъ, зная, что я воротился изъ ущелья.

— Да, и сторона-то ваша, братцы, какая-то дикая, сказалъ я съ невольной досадой.

— Дикая, дикая, ваше благородіе, заговорили въ одинъ голосъ мужики: — э-э дикая!

Тройка тронулась и опять помчалась по темному лѣсу.

ГРЕЗЫ И СЛЕЗЫ.

РАЗСКАЗЪ.

Я помню, что ни одинъ предметъ не возбуждалъ такъ сильно моего дѣтскаго любопытства, какъ печка, стоявшая прямо противъ кровати. Тысячу разъ я засматривался на синіе цвѣточки, нарисованные на изразцахъ, на ея дюжіе, неправильно выпятившіеся карнизы, на заслонку изъ почернѣвшей мѣди, на которой изображены были не то солдаты, не то звѣри на заднихъ лапахъ. Всего болѣе удивляла меня совершенная неизмѣняемость печки. Рѣшительно все оставалось въ ней въ одномъ и томъ же видѣ, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ я ее помнилъ. Синіе цвѣточки были одни и тѣ же, ни синѣе, ни блѣднѣе. Сама она — бѣлая, бѣлая съ желтоватыми пятнами на нѣкоторыхъ мѣстахъ, была постоянно такъ же бѣла; самыя пятнышки никогда не сходили и не измѣняли своего вида; все оста-

валось въ одномъ и томъ же положеніи. А между тѣмъ вокругъ все мѣнялось! Штукатуренныя, напримѣръ, стѣны мѣстами обваливались и выставляли деревянныя драпки; мѣста эти мѣсяцевъ черезъ шесть заштукатуривались; стѣны, запыленныя и почернѣвшія, выбѣливались и совсѣмъ измѣняли свой видъ. Вотъ здѣсь, примѣрно, висѣлъ большой портретъ масляными красками, изображавшій какого-то курносаго господина въ красномъ кафтанѣ съ напудреннымъ парикомъ. Портретъ этотъ сняли, перевѣсили на другую стѣну, а къ тому мѣсту, гдѣ онъ висѣлъ, поставили шкафъ. И на дворѣ все измѣнялось! Была зима, весна, лѣто, пѣли жаворонки, цвѣлъ горохъ, золотилось поле, багрянѣлъ и облеталъ лѣсъ, стыли рѣки, все измѣнялось, а печка стояла совершенно такою, какою я ее помнилъ Богъ знаетъ съ которыхъ поръ. Вотъ хоть бы на задворкѣ, тамъ было одно поле; но вдругъ невѣдомо откуда пришли мужики, стали возить бревна, навалили ихъ цѣлую гору, потомъ эти бревна стали рубить, сдѣлали срубъ — и стало новое жилье въ полѣ, а печка все стояла такая же, съ неизмѣнными синими цвѣточками. Въ углу былъ вышибенъ кирпичъ, отчего это мѣсто рѣзко отличалось своимъ глиняннымъ цвѣтомъ отъ бѣлой наружности печки. Кирпичъ этотъ, вѣроятно, былъ вышибенъ въ незапамятныя времена, потому что, какъ я ни помню печку, глинистый уголъ постоянно бросался мнѣ въ глаза. Отчего это было такъ?

— Няня, спрашивали мы, бывало, осторожно трогая глинистый уголъ лежанки пальцемъ: — отчего это такъ нехорошо?

— Ну, что не хорошо, отвѣчала нянька, ворочаясь въ сору, который она подметала къ заслонкѣ: — ну, видишь, вышибенъ кирпичъ.

— Кто вышибъ?

Нянька видимо не умѣла отвѣтить на вопросъ и думала отдѣлаться молчаніемъ.

— Кто вышибъ, няня, а?

— Мужикъ, сердито говорила нянька, полагая, что отвѣтъ будетъ удовлетворителенъ.

— Зачѣмъ?

Нянька опять молчала, потому что и сама не знала, зачѣмъ мужику придетъ въ голову вышибать кирпичъ изъ лежанки.

— Няня, да зачѣмъ же онъ вышибъ?

— Ахъ, да отвяжись, закричитъ, бывало, старуха: — присталъ, какъ банный листъ! Ну, почемъ я знаю, зачѣмъ вышибъ; поди-ко лучше сядь на мѣсто.

Вечеромъ, бывало, уложатъ спать, а не спится. Передъ глазами таинственная печка, стоитъ, молчитъ, что-то думаетъ, уставилась прямо тебѣ въ глаза, хочетъ что-то сказать, вотъ говоритъ, вотъ даже зашевелилась, пошла, идетъ... вскидываешь вѣки, даже вскакиваешь въ испугѣ на постелѣ — печка смиренно стоитъ въ углу, слабо освѣщенная свѣтомъ лампады или морозною ночью, ярко смотрящею въ окно.

О, печка! а какія волшебныя зимнія сумерки проводились на твоихъ лоснящихся изразцахъ! Сидитъ, бывало, нянька въ углу, прижавъ старыя кости къ теплымъ стѣнамъ. Мы вокругъ нея. Идетъ разсказъ, какъ въ этомъ самомъ лѣсу, который вонъ-вонъ чернѣетъ за бѣлымъ полемъ, жили разбойники. Это было

давно, еще при прадѣдахъ. Разбойники бѣдныхъ людей не трогали, а богатымъ да злымъ господамъ отъ нихъ была бѣда. Налетятъ шайкою на усадьбу, прямо въ погреба, выкатятъ меды и вина сорокалѣтнія, загуляютъ, оберутъ деньги, серебро, золото, поблагодарятъ хозяина, да съ пѣснями и свистомъ домой. Или вотъ другой разсказъ: спитъ цѣлое царство; спитъ воевода съ опухшимъ лицомъ и краснымъ носомъ, растянувшись на ложѣ послѣ сытнаго обѣда; спитъ солдатъ на часахъ, спитъ генералъ, сидя на конѣ и показывая рукою куда-то въ сторону; спитъ сенатъ, сидя передъ законами, стоящими въ шкафахъ за стеклами; спитъ академія съ своими науками; спитъ прекрасная царевна на золотомъ ложѣ, спятъ деревья, птицы, мухи — дивится Иванъ-царевичъ, смотря на волшебное царство. Духъ занимается, не проронишь словечка. Что будетъ съ прекрасной царевной, что Иванъ-царевичъ? Какіе радужные міры открывались на этой печкѣ! Въ какія заоблачныя страны уносились мы съ ея чистыхъ изразцовъ!

Зимнее утро нахолодило комнату; вставать не хочется; лежишь, смотришь на синіе цвѣты и думаешь: кто ихъ нарисовалъ, какъ нарисовалъ, чѣмъ? Это, вѣроятно, было очень давно. Дверь однакожъ отворяется, входитъ дѣвочка, хорошенькая, съ подстриженными волосами. Это была Маша, нянина внучка, подруга нашего дѣтства.

— Вставайте говоритъ Маша: — Олена пріѣхала.

— Зачѣмъ, Маша?

— За вами: Секлетея Мироновна въ гости зоветъ.

Довольно. Не нужно было повторять приглашенія: вставали тотчасъ, одѣвались.

И вотъ закладываются крытыя сани парой, гусемъ; Иванъ Васильевичъ садится кучеромъ, а комнатный мальчикъ съ торчащими волосами, Мишка Кукишъ — лакеемъ. Олена, я съ братьями садимся въ сани. Ѣдемъ и пріѣзжаемъ къ небольшому барскому дому. На крыльцѣ встрѣчаетъ насъ маленькая старушка, обнимаетъ, цѣлуетъ. Введя въ комнату, раздѣвши и обогрѣвши, сейчасъ сажаютъ насъ за столъ, уставленный блинками, пирожками всѣхъ возможныхъ сортовъ. Затѣмъ начинаются подарки: одному даетъ, напримѣръ, колоду картъ, другому нитокъ десять разноцвѣтнаго бисеру; тому сниметъ со стѣны генерала Платова на конѣ, другому коробочку отъ лекарства; одному Соломона для гаданья, другому шнурочекъ разноцвѣтный играть въ лошадки. А время идетъ. Вотъ уже и сумракъ ложится на бѣлое поле, вотъ и звѣзда сверкнула на холодномъ небѣ, другая, третья и темная ночь легла на природу. Опять кормленіе. Передъ отъѣздомъ опять гостинцы; всѣмъ достается по серебряному гривенничку, потомъ сушеной малины, черники и даже каленаго гороха. Съ набитыми желудками, съ большими узлами, благословленные и перекрещенные пускаемся въ путь. Мишка сидитъ на козлахъ и всю дорогу что-то ѣстъ, вынимая изъ-за пазухи и изъ кармановъ. Вотъ Куребринскій оврагъ, возлѣ котораго ѣхать такъ страшно: дорога идетъ у самаго края и каждую минуту кажется, что сани туда валятся; вотъ лѣсъ — въ немъ, говорятъ, водится нечистая сила; страшно! за черными елками будто кто-то стоитъ; лѣсъ

съ бѣлыми отъ снѣга лапами точно хочетъ вытащить насъ изъ саней — то надвинется къ дорогѣ, то отбѣжитъ; вотъ опять поле — бѣлая снѣговая равнина лежитъ на огромномъ пространствѣ и вдали только Мотыкинскій курганъ неподвижно и сердито стоитъ среди поля; туда и смотрѣть страшно: тутъ закрытъ кладъ и злые духи его стерегутъ, по ночамъ тамъ теплится свѣчка, да и теперь теплится — точно теплится — страшно! — самъ Иванъ погналъ лошадей быстрѣе; мы зажмурили глаза, но свѣчка видна была и закрытымъ глазамъ. Пріѣзжали поздно ночью. Лампада горѣла передъ кивотомъ, печка нѣжно, мягко нагрѣла комнату, глаза слипались, печка тоже спала и синіе ея цвѣточки, кажется, качались.

— А Маша гдѣ? спрашивали мы, желая подѣлиться съ нею гостинцами.

— Спитъ, батюшка, отвѣчаетъ няька, раздѣвая и укладывая насъ въ постель.

Маша дѣйствительно спала въ сосѣдней дѣвичьей, куда выходила наша же печка, но тамъ было особая топка.

Дѣтство веселое — дѣтскія грезы.
Только васъ вспомнишь — улыбка и слезы.

Да, чистые годы, но зато какъ скоро они минуютъ! Какъ скоро жизнь начинаетъ вносить въ нихъ то, отъ чего тускнѣетъ ихъ свѣтлый, ясный горизонтъ! Насъ отвезли въ губернскую гимназію — и какъ все перемѣнилось! Въ первый же день, какъ только явился я въ классъ, меня оттаскалъ за волосы, неизвѣстно за что, какой-то гимназистъ, который былъ втрое выше

меня ростомъ: это, какъ оказалось впослѣдствіи, былъ Ѳедоръ, или, какъ его называли учители, Ѳедька Костаревъ — малый лѣтъ двадцати, кривой, басистый и бичъ всего класса. Началась наука. Явилась прежде всего грамматика Цумпта, съ ея правилами и исключеніями, съ склоненіями и глаголами. Учитель латинскаго языка былъ существо какое-то циклопическое. Мнѣ почему-то представлялось, что онъ жилъ гдѣ-то въ темномъ мѣстѣ, даже подъ землей, потому что онъ являлся всегда съ заспанными глазами и едва смотрѣлъ на свѣтъ. Это былъ мужчина высокаго роста, съ грубыми, мужиковатыми чертами лица, съ большимъ всклоченнымъ хохломъ волосъ на лбу, вѣчно наморщенными бровями и съ голосомъ, подобнымъ трубѣ. Онъ отлично давалъ прозвища гимназистамъ, зато и самъ извѣстенъ былъ у всѣхъ подъ именемъ Дурилы.

— Ну, ты, чортъ Буба, къ доскѣ! крикнетъ, бывало, Дурило своимъ басистымъ голосомъ. — Буба выходилъ къ доскѣ. Это былъ гимназистъ тоже лѣтъ восемнадцати, рябой и съ такими огромными, курчавыми волосами, что одинъ гимназистъ жаловался разъ на него инспектору, чтобы тотъ приказалъ ему остричься, «потому что возлѣ него сидѣть нельзя — волосы больно велики». Буба говорилъ рѣдко, да и это едва можно было понять, потому что только и слышно было: бу, бу, бу. Оттого дурило и прозвалъ его Бубой.

— Ну, ты, Пазонъ, выходи! продолжалъ учитель. Пазонъ былъ бѣлый, вялый и совершенно бездарный гимназистъ, у котораго былъ огромный носъ. Первое, бывало, удовольствіе учениковъ водить Пазона за носъ по

всему классу. Назонъ этому совершенно покорялся, отчего носъ у него чуть не съ каждымъ днемъ увеличивался.

Для меня учитель латинскаго языка былъ ужасенъ, а самый латинскій языкъ непостижимъ. Все, что я зазубривалъ дома, перевертывалось въ головѣ на страшныхъ урокахъ въ классѣ. Дрожа отъ страха, я чуть не со слезами вспоминалъ уединенную комнату и думалъ: о, печка, еслибъ ты видѣла!

Но истинная пытка для насъ были уроки изъ всеобщей исторіи. Надо вамъ сказать, что преподаватель исторіи, Петръ Михайловичъ Крестовоздвиженскій, принадлежалъ совсѣмъ не къ старому поколѣнію, къ которому принадлежалъ, напримѣръ, чистѣйшей породы бурсакъ Дурило; Крестовоздвиженскій былъ тоже бурсакъ, но только поновѣе; онъ понюхалъ науки въ Петербургѣ; онъ послушалъ нѣмца-профессора, у котораго много было знаній, учености, но совсѣмъ не было профессорскаго таланта. Вотъ пріѣхалъ къ намъ Крестовоздвиженскій и началъ по-модному читать лекціи, т. е. сначала съ часъ разсказывалъ самъ, а потомъ выдавалъ разсказанное въ рукописи, съ которой мы всѣ и списывали. Такимъ образомъ, къ необъятному моему удивленію, Петръ Михайловичъ увлекательнѣйшую изъ наукъ, какова исторія, довелъ до того, что классы его, даже сама исторія, а въ особенности его записки внушали положительное отвращеніе. Сухой, болѣзненный, бездарный, раздражительный, картавый, онъ монотонною своею рѣчью доводилъ обыкновенно классъ до того, что было тошно. Спать было нельзя — потому что увидитъ, слушать невозможно — потому что въ разсказѣ не было болѣе ничего какъ безпрестанныя

заиканья, картавленья, перескакиванья отъ одного къ другому, отъ послѣдующаго къ предъидущему, наконецъ совершенное непониманіе науки. Каково было положеніе господина, котораго, бывало, Петръ Михайловичъ, послѣ своего завыванья могильнымъ голосомъ, вызоветъ къ каѳедрѣ и заставитъ повторить разсказанное!

— Господинъ Сапожковъ, скажетъ, бывало, Петръ Михайловичъ, посмотрѣвъ въ списокъ учениковъ.

Медленно и лѣниво поднимается со скамейки красный, курносый, съ рыжими волосами дѣтина. Любимымъ его занятіемъ было слесарное искусство; онъ могъ отлично починять замки, гайки у рамъ, дверныя ручки, даже ружья.

— Повторите, говорилъ Петръ Михайловичъ Сапожкову.

Сапожковъ, разумѣется, ничего не слыхалъ. Онъ стоялъ молча, пыхтѣлъ, переминался съ ноги на ногу и краснѣлъ еще болѣе. Крестовоздвиженскій молчалъ долго; онъ зналъ, что этимъ невыразимо терзалъ жертву.

— Вы слышали, что я говорилъ?

— Слышалъ, отвѣчаетъ Сапожковъ.

— Ну, такъ отвѣчайте.

Опять пыхтитъ Сапожковъ; Петръ Михайловичъ опять молчитъ долго. Сапожковъ краснѣетъ еще болѣе; наконецъ прошибаетъ его потъ. Петръ Михайловичъ спрашиваетъ:

— О чемъ я читалъ?

Сапожкова въ жаръ бросаетъ; со скамей кричатъ: «О Магометѣ, о Магометѣ».

— О Магометѣ, отвѣчаетъ Сапожковъ, вздохнувъ нѣсколько посвободнѣе.

— Кто такой былъ Магометъ? спрашиваетъ Петръ Михайловичъ.

«Экъ донимаетъ какъ!» думалъ между тѣмъ Сапожковъ, смотря совсѣмъ въ сторону, и наводя немного ухо къ ученикамъ. Тамъ что-то шептали, но не слышно; «дуй ихъ горой!» да и слухъ-то у него какъ-то былъ туговатъ. Жестокое молчаніе.

— Кто такой былъ Магометъ? да отвѣчайте! крикнетъ настойчиво учитель.

«Эхъ бѣда,» подумаетъ Сапожковъ: «надо что-нибудь сказать.» И Сапожковъ сталъ соображать. Онъ слыхалъ когда-то о Ермакѣ, о томъ, что онъ былъ казакъ, и, немного погодя, брякнулъ:

— Донской казакъ.

Классъ разразился хохотомъ; даже никогда неулыбающійся Крестовоздвиженскій улыбнулся.

— Скажите, какая вѣра въ Турціи? сталъ наводить Петръ Михайловичъ Сапожкова.

Опять молчаніе; но со столовъ шепчутъ: «магометанская, магометанская.» Сапожковъ не дослышалъ и отвѣчаетъ:

— Лютеранская.

— У васъ десять нулей сряду! бѣшено вскрикиваетъ наконецъ учитель, покраснѣвъ до ушей.

«Слава-Богу,» думаетъ про себя Сапожковъ, воротя лице въ сторону: «теперь скоро кончится.» И дѣйствительно, Сапожковъ скоро отправляется на мѣсто. Послѣ него молчитъ другой, третій и такъ далѣе.

Но гдѣ есть люди, тамъ есть хорошіе люди; воспоминаніе мое съ глубочайшею любовью останавливается на одномъ прекрасномъ образѣ, хотя и при-

надлежащемъ къ тому же міру, который мы сейчасъ описали. Я говорю объ учителѣ рисованія. Это былъ маленькій, весь лысый, старичокъ съ добрѣйшимъ лицомъ. Если у описанныхъ нами педагоговъ мы были жертвами своихъ учителей, то почтенный учитель рисованія былъ истинная жертва учениковъ. Изъ тридцати-сорока человѣкъ въ классѣ едва ли рисовали пятеро; прочіе разговаривали, читали, расхаживали, дрались иной разъ, а добрѣйшій старичокъ сидитъ, бывало, за столомъ и поправляетъ рисунокъ, то-есть какъ поправляетъ? просто, рисуетъ самъ. И что это былъ за карандашъ! мягкій, теплый, поэтическій. Въ это же время онъ разсказывалъ о своей незабвенной академіи, о Брюлловѣ, о Егоровѣ, о многихъ другихъ. Разъ какъ-то мнѣ удалось достать гравюру Volpato — «Аѳинская школа». Вовсе не понимая, какое значеніе имѣетъ эта гравюра, я понесъ ее къ учителю, чтобы попросить совѣта — можно ли рисовать съ нея. Старикъ взглянулъ, положилъ ее передъ собою на столъ, да такъ и просидѣлъ передъ гравюрою весь классъ. Онъ былъ въ истинномъ восторгѣ. Тутъ-то я узналъ, что подлинныя гравюры Вольпато — современника и, кажется, друга Рафаэля — истинная рѣдкость, что въ «Аѳинской школѣ» изображены все историческія лица, великіе ученые, художники, поэты, начиная отъ Сократа до самого Вольпато и Рафаэля. Съ какою любовью онъ объяснялъ красоту и мудрость рафаэлевскаго рисунка, естественность, разнообразіе и прелесть его фигуръ, изящество и свободу драпировки. Никогда, ни прежде ни послѣ, я не слыхивалъ такого страстнаго и такого вразумительнаго слова о великомъ жи-

вописцѣ. Вотъ этотъ-то карандашъ учителя, его теплыя воспоминанія и разсказы о художественныхъ дѣятеляхъ и внушали нѣкоторымъ истинную любовь къ искусству. Бывало, Богъ знаетъ что нарисуешь вмѣсто головы человѣческой, а возмешь ее изъ-подъ карандаша учителя — живою, дышащею. Это былъ младенецъ-старикъ, чистый сердцемъ — настоящій художникъ.

Въ то время въ гимназіяхъ были еще классы послѣобѣденные. Оттого въ морозы, а иногда и лѣтомъ, по дальности квартиры, уходили въ гимназію на весь день, *съ обѣдомъ* — какъ говорилось тогда. Вотъ эти-то антракты и представляли иной разъ поистинѣ изумительнѣйшую картину. Въ началѣ, когда народу было мало и желудки не удовлетворены, такъ было тихо и спокойно. Эти минуты для меня были лучшими во все учебное время. Не было ни Костарева, ни воплей Дурилы. Можно было и заняться, и почитать; но когда народу мало-по-малу находило, поднимался такой гвалтъ, что ужасъ. Какой-нибудь Неѣвшинъ, маленькій, карявый, избалованный мальчишка, насядетъ на малютку-гимназиста и тормошитъ его всячески; повалитъ, напримѣръ, навзничь на полъ, сядетъ на него верхомъ, да и щелкаетъ въ носъ; тотъ, разумѣется, пищитъ, кричитъ, а этому любо: публика смотритъ, защитить не смѣетъ, потому что всякій боится попасть въ лапки къ Неѣвшину. Разъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, случилась поистинѣ поразительная исторія. Народу собралось уже много, Назона водили за носъ. Неѣвшинъ ѣздилъ на закрошкахъ Бычагина. Тамъ дрались, здѣсь спорили, причемъ одинъ гимназистъ показывалъ другому ку-

кишъ. Надо сказать, что классъ нашъ выходилъ окнами, которыя были очень невысоко отъ земли, на улицу. По улицѣ ходилъ козелъ, который былъ очень друженъ съ нами, ибо мы изъ окошка, во время обѣда, всегда кормили его хлѣбомъ. Въ такомъ случаѣ козелъ взбирался передними ногами на стѣну, уставлялъ голову прямо въ окно и бралъ изъ рукъ подаяніе. Какъ на грѣхъ случилось и въ этотъ разъ заглянуть козлу въ окно: поѣсть ли ему захотѣлось, или просто онъ желалъ посмотрѣть, что тамъ за гвалтъ происходитъ. Не прошло мгновенія, какъ подлетѣлъ къ козлу Ѳедька, и втащилъ козла въ классъ. Неѣвшинъ въ то же мгновеніе взмостился верхомъ на козла; Костаревъ и Тарапыгинъ потащили козла за рога по классу, и пошла потѣха. Восторгъ овладѣлъ собраніемъ. Съ крикомъ, съ хохотомъ, вприпрыжку всѣ толпились вокругъ козла, подхлестывая его сзади, толкая въ бока и т. п. Но вообразите изумленіе публики: когда упоеніе ея не знало предѣловъ и мы ничего не видѣли вокругъ, какъ только козла и всадника, вдругъ, у самой каѳедры, лицомъ къ лицу, встрѣтили заспанную, мрачную и свирѣпую физіономію Дурилы. Въ мгновеніе ока все превратилось въ гробовую тишину. Неѣвшинъ слетѣлъ съ козла, Костаревъ и Тарапыгинъ выпустили изъ рукъ козлиные рога, и козелъ, почувствовавъ свободу, началъ прыгать и лягаться. Дурило долго стоялъ молча, ероша хохолъ; это означало, что онъ разразится сейчасъ бурей. Дѣйствительно, онъ крикнулъ рѣзкимъ своимъ басомъ:

— Ѳедька, чортъ, вытащи козла вонъ!

Началось вытаскиваніе козла вонъ, а затѣмъ разборка и преданіе виновныхъ суду и наказанію. Помню, что утомленный всѣми этими сценами и, наконецъ, пораженный грознымъ видомъ учителя, я не выдержалъ, потихоньку выбрался изъ класса, бѣжалъ домой и неизвѣстно отъ кого спрятался за полѣнницу, гдѣ и просидѣлъ до вечера.

Само собою разумѣется, что лучшія мгновенія этого времени были мечты, воспоминанія о той, чьи голубые глаза нѣжно слѣдили за нами и вдалекѣ. Со слезами читались и перечитывались эти золотыя письма, посредствомъ которыхъ материнское вдохновеніе умѣло позлащать и этотъ непривѣтный бытъ! Что наша печка? Что наше поле? Яровымъ или оржанымъ поле засѣяно? Не вырублены ли эти зеленые кусты, которые росли прямо противъ нашего окна? Вотъ приблизилось уже незабвенное время. Близко было къ Петрову дню: подвигалось время къ вакаціи. Дни ужъ казались годами, часы считались. Вотъ, наконецъ, и классы кончились, а знакомой брички съ кучеромъ Иваномъ все нѣтъ. Я еще кой-какъ владѣлъ собою, а братъ мой, который не только не приходилъ въ отчаяніе отъ гимназическаго террора, но даже совершенно сжился съ нимъ, братъ приходилъ въ уныніе. Онъ просыпался разъ пять ночью и смотрѣлъ, не пріѣхали ли лошади. Наконецъ одинъ разъ я проснулся утромъ — кровать брата пуста. Я понялъ! Смотрю, на дворѣ бричка, лошади жуютъ сѣно, Иванъ Васильевичъ сидитъ съ братомъ возлѣ брички, въ тѣни, и любезно разговариваютъ о деревенскихъ новостяхъ. О, время, время!..

Съ самаго ранняго дѣтства мнѣ всегда нравился знойный блескъ жаркаго лѣтняго дня. Въ то время, какъ всѣ прятались отъ жары въ комнаты, въ тѣнь деревьевъ, въ рѣчныя воды, я любилъ бродить по окрестнымъ полямъ, подъ кровомъ раскаленнаго неба. Какая бездна свѣта! Какая благодатная, неутомляющая теплота! А поле! прислушайтесь: не видно живой души на немъ, а между тѣмъ все звучитъ вокругъ. Вверху звенитъ жаворонокъ, въ травѣ крикъ кузнечика, трескъ стрекозы, зловѣщее пѣнье пчелы, шелестъ ящерицы, словомъ — звуки милліоновъ существъ живыхъ, веселыхъ. Поле, какъ роскошная красавица, покоится въ цвѣтахъ и свѣтлыхъ водахъ, подъ взглядами лучезарнаго неба. Какъ пріятно бывало уединиться потомъ въ прохладную сѣнь нашей комнаты, гдѣ стояла та-же неизмѣнная печка и висѣлъ тотъ же курносый господинъ. Въ комнатѣ, однакожъ, появился новый предметъ, овладѣвшій всею моею нѣжностью: это—огромный сундукъ, обитый желѣзными, продолговатыми, крестъ на крестъ переложенными, планками. Онъ былъ, вѣроятно, когда-то краснаго цвѣта; но теперь отъ времени сталъ какой-то бурый; вообще на видъ онъ былъ угрюмаго характера; напереди былъ огромный внутренній замокъ, безъ ключа; по бокамъ толстыя желѣзныя скобки, за которыя его носили; но дороже всего для меня было его содержаніе. Какая радость, бывало, сѣсть возлѣ толстаго сундука и поднять тяжелую крышку. Затхлый запахъ прежде всего поражалъ обоняніе. Вотъ первый бросается въ глаза огромный фоліантъ, въ черномъ кожаномъ переплетѣ, «Регламентъ» Петра I-го—ну, его въ сторону; стоитъ

только взглянуть на портретъ — огромный, сильный мужчина въ латахъ, опершись на пушку. За нимъ «Степенныя книги» — ихъ тоже въ сторону. Вотъ пять томовъ in-quarto Ломоносова — ну, тутъ читалось многое, даже всѣ примѣры изъ его грамматики, а въ особенности:

Не право о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
Которые стекло чтутъ ниже минераловъ.

.... Вотъ двѣнадцать томовъ Хераскова; изъ этого многое начиналось, даже «Кадмъ и Германія», но и оставалось только при началѣ, хотя:

Владиміръ, Іоаннъ щитомъ его покроютъ
И въ храмъ безсмертья приведутъ.

Николевъ, милый Николевъ — все изъ него прочитано, такая крупная печать, такъ раскидисто напечатаны его стихотворенія, такъ ихъ много-много: но во всѣхъ ничего иль очень мало, только и помню, что онъ писалъ какой-то дамѣ:

Соку брусничнаго
Вамъ посылаю,
Кушать желаю.

«Уранія»! Розовая Уранія, съ отвратительной синей бумагой: стихи, проза — или плохо, или очень мудрено. Но вотъ книги, которыя не всегда и посмотрѣть рѣшались, такъ что вечеромъ... одному страшно: откройте — на первой страницѣ картинка: вверху глазъ въ треугольникѣ, подъ нимъ шаръ, подъ шаромъ дерево, къ дереву летитъ какая-то птица, сверху изви-

вается какая-то лента, на которой все надписи, удивительно глубокомысленныя. Вотъ огромная тетрадь синей бумаги, исписанная стариннымъ, но чрезвычайно четкимъ почеркомъ; на заглавномъ листѣ крупными и красивыми буквами написано: «Гермеса Трисмегиста познаніе естества и открывающагося въ немъ великаго Бога, въ 17 книгахъ содержащееся, сочинено Алеѳофиломъ.» Но вотъ заглавіе, которое такъ заманчиво сулило бездну наслажденій: «Духовный рыцарь или ищущій премудрости» — книга раскрывалась; но тамъ шла рѣчь вовсе не о турнирахъ, не о прекрасныхъ дамахъ и ихъ пажахъ, но о какихъ-то «духовныхъ сластолюбцахъ, прилежащихъ къ тайнымъ наукамъ не по любви къ истинѣ». Въ изумленіи становились мы передъ этими книгами! И хотѣли читать и непонятно. Да къ тому же и опасно: разъ отецъ засталъ меня съ книгою, на которой нарисованъ былъ глазъ, сердито взялъ ее и сказалъ, что мы еще малы для этихъ книгъ.

Но зато для насъ былъ кладъ въ этомъ сундукѣ въ другихъ книгахъ. Вотъ маленькіе томики, съ сѣренькими картинками, на которыхъ рисовались чудныя дамы въ перьяхъ, великолѣпнѣйшіе рыцари въ латахъ съ поднятымъ забраломъ и съ цѣлымъ возомъ перьевъ на шлемѣ. Черный замокъ стоитъ вдали, мостъ поднятъ, передъ мостомъ рыцарь трубитъ въ рогъ; на стѣнѣ замка стоитъ тоже рыцарь и тоже трубитъ въ рогъ, а вверху изъ башни, изъ самаго высокаго окна, глядитъ женское лицо. Что это такое? какъ любопытно! О вы, незабвенныя *Удольфскія таинства,* ты — *Полночный колоколъ или таинство Ко-*

генбургскаго замка, ты — *Амалія или хижина среди горъ*, какіе волшебные дни и вечера проводились здѣсь же возлѣ печки. Сколько страха, нетерпѣнія — что будетъ съ героями? Куда ведетъ чрезъ эти подземелья бѣлая женщина, съ покрываломъ и съ фонаремъ въ рукахъ?

И знаете что! Чѣмъ болѣе я знакомился съ внутренностью чернаго сундука, мнѣ все знакомѣе и знакомѣе становился курносый господинъ, въ красномъ камзолѣ и съ бѣлыми волосами на головѣ. Вѣдь и тамъ, между графами и милыми маркизами, были такіе. Я всматривался въ его черты, и онѣ все живѣе и живѣе мнѣ представлялись. Онъ какъ-то пристальнѣе и любовнѣе сталъ смотрѣть на меня, а въ особенности на сундукъ. Мнѣ казалось, что и самъ-то онъ родился изъ этого чернаго сундука, и что онъ очень хорошо зналъ, что означаетъ этотъ глазъ въ треугольникѣ и эта птица, и почему издатель регламента нарисовалъ нашего законодателя съ пушками.

Разъ, утомленный большою прогулкою, сидѣлъ я въ своей комнатѣ и читалъ книгу; вдругъ скрипнула дверь—вошла Маша. День былъ праздничный и жаркій. Маша была въ бѣломъ кисейномъ платьецѣ и съ лиловымъ атласнымъ кушачкомъ. Прекрасная ея головка, съ голубыми глазами, носила на себѣ еще слѣды младенческой чистоты и прелести; между тѣмъ какъ станъ, талія, пышно развившіяся плечи и грудь показывали, что Маша была въ томъ возрастѣ, когда ребенокъ становится уже дѣвушкою. Вся фигура Маши, въ бѣломъ праздничномъ нарядѣ, дышала такою чистотой, свѣжестью, что на этотъ разъ особенно бросилась мнѣ въ глаза ея красота.

— Вы читаете?.. я помѣшала?..

— Нѣтъ, нѣтъ, Маша, войди; когда жъ ты мѣшала?

Маша вошла и стала противъ меня. Въ этотъ пріѣздъ я впервые видѣлъ ее въ нарядномъ праздничномъ платьецѣ; мнѣ бросились въ глаза ея полныя дѣвственныя плечи, которыя были открыты.

— Что вы смотрите на меня? спрашивала Маша.

— Я... какая ты Маша стала... большая... и...

— Ну, что еще скажете?

— Хорошенькая!

Маша улыбнулась.

— Какъ ты мила въ этомъ платьецѣ?

— Это мнѣ маменька ваша подарила къ святой недѣлѣ. Что это вы читаете?

При этомъ Маша наклонилась и, опершись локтями на столъ, заглядывала ко мнѣ въ книгу; бѣлыя молочныя плечи были передъ моими глазами; платье, обтягивавшее молодыя формы груди, слегка отдѣлилось; сердце у меня замерло и въ глазахъ потемнѣло!

— Что вы читаете? что? спрашивала Маша.

Я не слыхалъ словъ Маши и не могъ проговорить слова.

— Пушкина: «Кавказскій Плѣнникъ»? Да что вы не говорите?

При этомъ Маша взглянула на меня, потомъ къ себѣ на грудь, вспыхнула какъ заря, и поднялась отъ стола. Долго она не знала, какъ начать разговоръ, а я только смотрѣлъ въ книгу, боясь и взглянуть на Машу. Наконецъ, она тихо спросила:

— Читали вы «Амалію» или «Хижину среди горъ»?

— Нѣтъ.

— Прочтите.

— А ты, Маша, читала «Поля и Виргинію»? спросилъ я, будто осѣненный внезапною мыслью.

— Нѣтъ, не читала.

— Прочти, Бога ради, или я тебѣ прочту. Знаешь ли что? Тамъ дѣйствующее лицо Виргинія — дѣвушка. Ахъ, какъ она похожа на тебя!

— Ну, что же?

— Прочти, милая Маша; вотъ книга, прочти, ты узнаешь себя... о, когда бы я могъ!

— Ну, что же?

— Да ты разсердишься.

— Нѣтъ, полноте.

— Если бы я могъ быть Полемъ, сказалъ я, вспыхнувъ.

Маша усмѣхнулась и вышла съ книгою въ рукѣ. Какъ все перемѣнилось! Я положительно не зналъ, что за чудное чувство явилось у меня на душѣ: я, такъ сказать, только задыхался отъ счастья! Сердце билось такъ, что мнѣ казалось оно выскочитъ. Образъ Маши представлялся мнѣ херувимскимъ. Читать я уже не могъ, сколько ни принимался; въ умѣ, въ глазахъ, все была Маша, Маша, Маша... ея ротикъ, плечи... Я не зналъ, что это такое со мной сдѣлалось, но мнѣ страшно хотѣлось быть съ Машей, видѣть ее, говорить съ ней, держать бы ее за руку, даже странно... хотѣлось бы поцѣловать, обнять крѣпко-крѣпко и такъ бы остаться навсегда. Я не зналъ, отчего и что произошло у меня въ сердцѣ. Я и прежде любилъ Машу, но мнѣ и въ голову не при-

ходило желанія цѣловать ея ручку, напримѣръ, а теперь... странно!... да, сердце замирало при одной мысли... Я уходилъ изъ комнаты, бродилъ по полю. Прежде, бывало, я засматривался на эти пригорки, откуда открывались тихія, скромныя, но цвѣтущія картины полей нашихъ, на эти небольшія группы деревьевъ, называемыя кустами, а теперь ничего этого я не видѣлъ — Маша, Маша была всюду.

Маша прочла «Поля и Виргинію». Сначала ей было совѣстно, что я сравнивалъ ее съ такимъ прелестнымъ существомъ, какова Виргинія; но мнѣ не трудно было увѣрить ее, что она даже лучше несравненно. Затѣмъ попасть въ Поли мнѣ уже ничего не стоило. Маша тотчасъ признала, что если она не хуже Виргиніи, то я уже никакъ не ниже Поля, даже еще лучше, особенно, когда во всей формѣ, то-есть, въ гимназическомъ мундирѣ, съ золотыми петлицами. «А скоро вы будете офицеромъ?» спрашивала при этомъ Маша.

И вотъ пошли мечты и волшебные замки! Жить вмѣстѣ въ лѣсу намъ нисколько не казалось страннымъ. Волковъ здѣсь не было, о медвѣдяхъ и помина нѣтъ; къ тому же, я умѣлъ стрѣлять. Вотъ, только зимой, казалось намъ, будетъ немножко холодно; такъ мы построимъ прелестный шалашекъ, въ которомъ будетъ очагъ; Маша будетъ тутъ варить варенье — прелесть да и только!

Лѣто было въ разгарѣ. Жары стояли невыносимые; днемъ было особенно душно. Ночь наступила, но не принесла прохлады. Машѣ что-то нездоровилось; да она и часто прихварывала, жаловалась на какія-то боли въ груди; но прежде я не замѣчалъ ея

болѣзней, а теперь, когда я пожаловалъ себя въ Поли, мнѣ стало крѣпко жаль дѣвушку и скучно безъ нея. Я легъ спать и долго не могъ заснуть. Въ комнатѣ было душно, а оконъ отворять не велятъ; зажмешь глаза, а въ глазахъ все рожи какія-то; откроешь — темно, только печка стоитъ, стоитъ, да какъ будто поклонится; вотъ, задремлешь, спишь; вдругъ кто-то тебя давитъ, давитъ — вскочишь, а никого нѣтъ. И такъ нѣсколько разъ. Наконецъ, я заснулъ, но безпокойнымъ сномъ. Во снѣ мнѣ слышалось, что кто-то страшно возился въ печкѣ. Не разъ я просыпался; слышу — въ печкѣ, дѣйствительно, возятся, а въ комнатѣ никого нѣтъ. Страшно становилось! Я опять засыпалъ, но во снѣ опять слышалъ возню въ печкѣ.

Утро уже сіяло полнымъ блескомъ, когда я открылъ глаза. Прохладная тѣнь была у меня подъ окномъ, а далѣе поле, рѣчка; прекрасные берега ея, возвышавшіеся холмами, были залиты солнечнымъ свѣтомъ; все дышало какимъ-то ликованіемъ, праздникомъ. Пронесется легкій вѣтерокъ, рожь проволнуется въ одну сторону, кустарники, и ивы и березы слегка закачаются. Луга пестрѣли цвѣтами. Только воронъ, сидѣвшій на березѣ, недалеко отъ нашего сада, совсѣмъ уже не гармонировалъ съ веселымъ пейзажемъ. Вотъ онъ каркнулъ — «О, дуракъ,» подумалъ я: «какъ глупо каркаетъ-то!» Воронъ еще каркнулъ, разъ, два и полетѣлъ къ селу. Я любовался мирною прелестью окрестностей и задремалъ, какъ вдругъ вошелъ совсѣмъ неожиданно всклокоченный Мишка съ сапогами.

— Вставайте-съ.

— Да, вѣдь, еще рано.

— Рано-съ, да надо; вставайте поскорѣе, священники придутъ: Маша умерла.

Сначала я даже не понялъ смысла мальчишкиныхъ словъ. Я думалъ, онъ съ ума сошелъ. Во всякомъ случаѣ, на меня произвели слова маленькаго слуги такое впечатлѣніе, какое производитъ на насъ обыкновенная, непонятная чепуха.

— Что ты говоришь? спросилъ я.

— Сегодня ночью сильно захворала Марья грудью. Она вѣдь часто хворала; но ночью-то очень ужь ее схватило. Послали за лекаркой, баушкой Соломонидой — она ей и дала выпить большой стаканъ известки. Та выпила и сегодня умерла утромъ.

Я чувствовалъ, что вся кровь остановилась въ моихъ жилахъ. Я не могъ сказать слова, даже встать, сердце у меня замерло. Мнѣ такъ чудесно, такъ непостижимо, такъ неясно представилось событіе: я понять его хорошо не могъ, а тѣмъ не менѣе оно было, существовало.

— Гдѣ же Маша? спросилъ я почти безсознательно.

— Въ дѣвичьей, на столъ положили. Дѣдушка Симонъ домовище дѣлаетъ, маменька велѣла выгнать изъ усадьбы баушку-то Соломониду. Сегодня всю ночь печку-то топили, все полотенца теплыя клали на грудь-то — страшно билась грудью-то чу!

Боже мой! Тутъ объяснилась мнѣ странная возня въ печкѣ, будившая меня ночью. Могъ ли я думать, могъ ли воображать, что въ то время, когда я спалъ безсмысленно, та милая, еще дѣтски чистая грудь, въ мукахъ испускала послѣднее дыханіе. Эта печка, вѣр-

ная своему призванію, отогрѣвала эту грудь, уже холодѣвшую подъ безобразною рукою смерти! Истина предстала наконецъ во всей своей грозной дѣйствительности; сердце у меня замерло, я упалъ на подушки, и рыданія задушили мое горло.

И знаетъ ли милая тѣнь, когда ея дѣтскому другу привелось посѣтить тѣ мѣста, гдѣ цвѣло и отцвѣло наше дѣтство? О! тогда, когда уже и имъ былъ почти пройденъ земной путь, когда и ему близка уже та могила, которая такъ рано скрыла ея младенческія красы. Тяжело растворились передо мною рѣшетчатыя ворота палисада, которымъ огороженъ былъ нашъ дворъ: при этомъ одна половинка ихъ упала, оттого что петли перержавѣли. Я въѣхалъ на дворъ, который весь поросъ крапивой, репейникомъ и разными дикими травами. Я вошелъ по знакомой лѣстницѣ, которая и вся-то была немного выше человѣка, а между тѣмъ я живо помнилъ время, когда я едва могъ взбираться на эту лѣстницу, и когда она мнѣ казалась чуть не Араратомъ. О, печка! Тоска давно уже давила мое сердце, когда я бродилъ по знакомымъ комнатамъ; но сердце рѣшительно замерло, когда я подошелъ къ двери незабвенной комнаты! О, жизнь человѣческая! Не есть ли ты ничего болѣе, какъ постоянный рядъ жестокихъ утратъ и грустныхъ воспоминаній! Сколько дорогихъ существъ не стало съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ эту комнату почти ребенкомъ. Вскорѣ послѣ смерти Маши отправилась на тотъ свѣтъ и ея бабушка, наша незабвенная подруга дѣтскихъ лѣтъ.

А потомъ мы выѣхали. Скоро не стало и той, чей всезнающій геній угадывалъ мысли, чувства, нужды каждаго изъ насъ. Комната была пуста, только стояла еще въ углу почернѣвшая дѣтская кроватка. Печка, печка! Синіе цвѣты ея также неподвижно стояли передо мною; но сама она почернѣла отъ пыли и паутинъ, постарѣла и какъ будто ждала смерти. Гдѣ тѣ дряхлыя, но неутомимыя руки, которыя блюли за твоей чистотой? Вышибенный кирпичъ такъ и оставался вышибеннымъ; но глина отъ пыли и времени почернѣла. Ни господина въ красномъ кафтанѣ, ни знаменитаго сундука не было. Передъ окномъ грустно разстилалось то же поле, но и оно очень измѣнилось. Кусты въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были вырублены, зато въ другихъ мѣстахъ изъ маленькаго прутняка, который, я помню, былъ немного болѣе полевой травы, поднялся значительный березнякъ. Поле грустно и тихо смотрѣло на меня, а на мысли мои: узнало ли оно того, кто по цѣлымъ часамъ всматривался въ его тихія и зеленыя нивы, поле не отвѣчало. Тоска рвала мое сердце. Знакомою тропою пошелъ я къ приходской церкви. Все та же она, красивая, бѣлая церковь, съ большими красными куполами; всюду возлѣ нея кресты и могилы, а вокругъ знакомый деревянный палисадъ съ кирпичными столбами; но гдѣ дорогія могилы? Боже мой! самое расположеніе кладбища измѣнилось. Вотъ тутъ нѣкогда расли прекрасныя молодыя липы, а теперь ихъ нѣтъ; зато вотъ здѣсь, у могилы бригадира, гдѣ былъ только сѣрый камень и на немъ бѣлый мраморный крестъ, разросся рябинникъ. Съ ужасомъ я видѣлъ, что и самыя могилы-то,

вѣроятно, стерлись о колесо времени. Пришелъ священникъ, котораго я просилъ отслужить панихиду, совсѣмъ незнакомый, а за нимъ старый дьячекъ. Этотъ узналъ меня, но онъ былъ крайне дряхлъ и едва слышалъ, что ему говорятъ.

— Гдѣ же могилы-то ихъ? спросилъ я священника.

Тотъ растопырилъ руки, въ первый разъ слыша объ именахъ покойницъ. Дьячекъ тоже ничего не могъ сказать, да онъ едвали помнилъ тѣхъ, кто схороненъ въ этихъ могилахъ, потому что совсѣмъ выжилъ изъ ума.

Отслужили панихиду. Одиноко звучала надгробная пѣснь подъ куполомъ равнодушнаго неба: *идеже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная...*

— Да неужели ты не знаешь могилъ-то ихъ, старикъ? допытывался я: — ну, помнишь нашу няньку, внучку ея?

— Помню, помню, сударь, болталъ дьячекъ, плохо разслышавъ мой вопросъ: — какъ не помнить!

— Да могилы-то гдѣ? допрашивалъ я.

Старикъ не отвѣчалъ и, завертывая священническое облаченіе, снова затянулъ: «ни печаль, ни воздыханіе, *но жизнь безконечная!*»

ЛѢСНЫЕ ГОЛОСА.

— А много лѣсу, Григорій Семеновичъ? спросилъ я моего путника.

— И-и! отвѣчалъ тотъ, покачавъ головою: Еще здѣсь коло жилья-то онъ повырубленъ да порасчищенъ: то на дрова, то подъ поляны надобится. А вонъ тамъ, на Рамени-то, ухъ какая сила Божія! И днемъ солнышка не увидишь, глухо.

Темною грядой шелъ лѣсъ по крутогору рѣки. По дорогѣ же онъ порасталъ березовыми рощами; зеленая его чаща перемежалась то вырубленнымъ подъ огнище лѣсомъ, то поляной, засѣянною льномъ или пшеницей, посреди которой сверкалъ розовый куколь и чернѣли обгорѣлые пни, то просто пустыремъ, покрытымъ пнями и ломомъ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ гуще надвигался лѣсъ на дорогу. Скоро и самая дорога превратилась не болѣе какъ въ тропу съ едва замѣтными слѣдами пѣшеходовъ. Наконецъ и тропа исчезла; мы пошли прямо лѣсомъ.

— И далеко тянется этотъ лѣсъ? заговорилъ я снова.

— Да верстъ на сто, почитай, будетъ. По рѣкѣ-то онъ идетъ сплошмя, а здѣсь есть жилье, такъ обходитъ поле и деревни. Рамень же верстъ на двѣсти— одинъ дремучій лѣсъ. Вонъ тамъ, баринъ, походить-то!

И Григорій Семенычъ махнулъ рукой и улыбнулся. На лицѣ его ясно выразилось убѣжденіе, что лучше ничего и быть не можетъ, какъ походить тамъ.

Путникъ мой, Григорій Семеновъ, былъ не кто иной, какъ дворовый семидесятилѣтній старикъ, совершенно еще бодрый. По старости онъ былъ освобожденъ отъ тяжелыхъ работъ, но безъ дѣла никогда не былъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ прекрасныхъ и, кажется, уже исчезающихъ типовъ нашего помѣщичьяго быта, которые честностію, покорностію и исполненіемъ долга придаютъ какое-то достоинство даже самому рабству. Время и старость отнимаютъ у нихъ силы, но не уменьшаютъ ихъ хлопотливой дѣятельности. Вѣрные своему призванію, они до самой смерти преданы труду. Какъ муравьи, они вѣчно копошатся надъ чѣмъ-нибудь. Дѣдушка Григорій былъ уже и слѣпъ, и глуховатъ, а вѣчно за дѣломъ; то дралъ онъ лыко, то плелъ лапти, то съ бреднемъ въ рукѣ бродилъ по мелководнымъ сосѣднимъ ручьямъ и ловилъ рыбу, которую любилъ невзначай приносить господамъ; но главнымъ, такъ сказать, офиціальнымъ его дѣломъ было водить за ягодами и за грибами дворовыхъ дѣвушекъ и бабъ. Кому не извѣстно великое значеніе ягодъ въ хозяйственномъ быту господскихъ помѣстій? Кто не упивался чудными наливками, водянками всѣхъ сортовъ и видовъ? Кто не объѣдался до тошноты различными ва-

реньями и пастилами. Во всемъ этомъ играютъ роль наши родныя малины, поляники, смородины, морошки и т. п. Поэтому-то, въ продолженіе лѣта все дворовое населеніе, неспособное къ тяжелой работѣ, обрекается почти на постоянное хожденіе по лѣсамъ за ягодами и грибами. Эти путешествія бываютъ иногда чрезвычайно отдаленны. Случается проводить цѣлыя сутки въ лѣсу. Тутъ-то и былъ необходимъ Григорій Семенычъ. Онъ какъ свои пять пальцевъ зналъ, гдѣ, когда и какая именно ягода поспѣваетъ.

— Не пора ли за малиной? говорятъ, бывало, дѣдушкѣ Григорью.

Григорій Семенычъ только покачаетъ головой. Это значитъ, что онъ уже былъ въ своихъ заповѣдныхъ мѣстахъ, и видѣлъ, что ягода не поспѣла. Въ другихъ случаяхъ, онъ самъ, бывало, потребуетъ спутниковъ.

— Матушка-сударыня, скажетъ онъ своей госпожѣ, — время за поляникой, поспѣла. Ягода нѣжная, какъ разъ сойдетъ, да и мало ея какъ-то нынче стало, оберутъ, пожалуй.

— Отчего же ея мало стало? спрашиваетъ госпожа.

— Вырождается все, кормилица, молвитъ старикъ: Не тѣ времена, родная, становятся, и земля ужь какъ-то родить плохо стала. Вотъ хоть бы малина: въ старые годы, бывало, только выйдешь за Архипову поляну—такъ и бери; лукошками, бывало, таскали, родимая! А нынче верстъ за двѣнадцать, почитай, надо идти.

Пріѣхавъ въ деревню ненадолго и уже скучая въ однообразной, хотя и благополучной жизни, я давно сбирался походить по окрестностямъ. А кто же въ

этомъ дѣлѣ могъ быть лучшимъ товарищемъ, какъ не Григорій. Вотъ съ ружьемъ въ рукѣ и съ дворовою собакой, про которую Семенычъ говорилъ, что она отлично ищетъ утокъ, я отправился съ нимъ на Высачевское озеро. Онъ мнѣ давно хвалилъ это озеро, утверждая, что утокъ тамъ видимо-невидимо.

— А хорошо ты знаешь лѣсъ? спросилъ я опять Григорья, желая навести старика на любимый разговоръ.

— Этотъ-то? Какъ, батюшка, не знать! Вѣдь родился коло него. Еще ты маленькій былъ, какъ я пасъ здѣсь скотину. Глаза-то плохи стали, такъ работать стало не въ силу. Папенька твой хаживалъ со мною на охоту. А въ молодости, кормилецъ, при дѣдушкѣ твоемъ, — царство небесное—въ Рамени-то медвѣдя убилъ одинъ-на-одинъ, только съ Камчадалкомъ— экая большая добрая была собака. — И старикъ рукой показалъ, что собака была ему чуть не по грудь.

— Такъ ты и Рамень знаешь, значитъ?

Старикъ поглядѣлъ на меня съ недоумѣніемъ, какъ будто не понявъ вопроса; потомъ отвѣтилъ:

— Кто же знаетъ Рамень? Вѣдь это лѣсъ дремучій и непроходимый — какъ его знать! Кому надо, тотъ ходитъ, конечно, есть примѣты, ну, и по солнышку выдти можно. А узнать какъ Рамень?

Лѣсъ становился все гуще и гуще. Темныя сосны шумѣли надъ головой; подъ ногами хрустѣлъ валежникъ, а иногда зеленѣла сочная трава выше колѣна. Наконецъ, скучно и утомительно стало это сумрачное однообразіе лѣсной природы. Но вдали что-то просвѣтлѣло.

— Что это тамъ? спросилъ я Григорья.

— Гдѣ, кормилецъ?

— А вонъ впереди.

— Это Высачевская просѣка.

Лѣсъ какъ будто отрѣзало. Мы вышли на огромную долину, всю окруженную темными стѣнами сосноваго лѣса; по опушкѣ стѣны эти были убраны яркою зеленью рябины, черемухи и розовымъ цвѣтомъ шиповника. Долина была точно нарочно вычищена. Не было на ней ни сучка, ни кочки, ни листика древеснаго. Вся покрытая мягкою травой, она, какъ бархатная, лежала подъ тѣнью деревьевъ.

— Не отдохнуть ли намъ здѣсь? сказалъ я, любуясь долиною.

— Нѣтъ, рано, родимый,—вѣдь намъ еще далече. Этакъ мы, пожалуй, и не воротимся. А взойдемъ на Высачево, такъ тамъ и перекусить можно будетъ.

— А далеко ли это?

— Да вѣдь Богъ знаетъ, здѣсь не мѣряно. Версты еще съ четыре будетъ хорошихъ. Да всходить-то трудновато. Бугоро-тъ великъ больно.

И мы опять пошли подъ навѣсами хвойнаго лѣса. Солнце горѣло ярко; не смотря на лѣсную тѣнь, жара была страшная. Шли мы часа два, и я усталъ чрезвычайно.

— Да скоро ли, наконецъ, Высачево-то, Григорій Семенычъ? отнесся я къ своему спутнику.

— А вонъ, отвѣчалъ старикъ, ткнувъ рукой впередъ. Густой лѣсъ скоро сталъ разступаться на двѣ стороны. Вправо онъ пошелъ черною стѣной сосноваго лѣса, а по лѣвой сторонѣ зазеленѣлъ елошникомъ.

Посрединѣ обозначалось что-то въ родѣ давно забытой и заросшей дороги, которая не круто, но весьма на дальнее разстояніе подымалась въ гору. Въ самой дали, гдѣ уже глазъ едва различалъ предметы, была вершина горы, совершенно безлѣсная и песчаная, горѣвшая на этотъ разъ яркими лучами солнца.

— Такъ этакую-то даль намъ взбираться! сказалъ я съ невольною досадой.

— Да, надо подняться, родной мой, говорилъ старикъ: — оно можно бы идти и лѣсомъ, полѣвѣе, пожалуй бы и поближе было; но тутъ такой ломъ да валежникъ, что и не пролѣзешь. А здѣсь будетъ почище.

И мы стали подыматься на вершину этой отлогой горы. Закутанные лѣсомъ, медленно мы тащились на гору. Ея лысая вершина, гдѣ торчали два-три тощія дерева, была первая отдѣльная точка, которую мы встрѣтили въ этомъ лѣсу; до сихъ поръ глазъ только и упирался въ стволы близстоящихъ деревъ. Зной былъ сильный. Утомленный и безъ того, я окончательно выбился изъ силъ, поднимаясь болѣе получаса на гору. Ужь мнѣ было досадно и на себя, и на Семеныча, что пустился я въ этакую даль. Но дѣлать было нечего. Черезъ нѣсколько минутъ мы встащились на глинистую вершину горы, и Григорій Семенычъ, переведя духъ, сказалъ: вотъ тѣ и Высачевскій бугоръ.

Вздохнулъ и я наконецъ свободнѣе, отирая потъ съ лица и отыскивая мѣсто, гдѣ бы присѣсть и укрыться отъ зноя. Но лишь только я успѣлъ взглянуть вокругъ себя, то, что представилось моимъ глазамъ, заставило забыть и усталость, и зной, и голодъ. Впереди бугоръ

или, лучше сказать, высокая, хотя и отлогая гора, нѣсколько круче и далѣе чѣмъ пройденная нами покатость, опускалась внизъ такъ, что съ высоты можно было озирать необъятное пространство, и все это пространство, до тѣхъ самыхъ предѣловъ, гдѣ уже зрѣніе отказывалось служить, было покрыто чернымъ непроходимымъ лѣсомъ. Ни одна долина не проглядывала, ни одинъ холмъ не возвышался, только кой-гдѣ долговязая осина выскакивала изъ этого мрачнаго царства, и играла на солнцѣ своими бѣлыми и безпокойными листьями. Это былъ какой-то сумрачный океанъ, мѣстами окрашенный солнцемъ, а мѣстами, гдѣ лучи закрывались облаками, совершенно темный. И какъ ни былъ неподвиженъ этотъ океанъ, но временемъ, при порывѣ вѣтра, черная его масса тяжело подвигалась, и сильный шумъ сосенъ несся изъ лѣсной дали.

— Это и есть Рамень? спросилъ я Григорья.

— Рамень, отвѣтилъ старикъ, спокойно садясь на лежащее тутъ дерево и отирая потъ рукавомъ.

— А это что? вскричалъ я почти внѣ себя отъ удивленія.

— Гдѣ? спросилъ старикъ, смотря по моему указанію и накрывая глаза отъ солнца ладонью: — Это? Что бѣло-то? Это и есть озеро.

Пройденное нами пространство также видно было все, какъ на ладони, съ этого возвышенія, очевидно огромнаго. Все оно, какъ мы сказали уже, было покрыто лѣсомъ. Но между этимъ пространствомъ, зеленѣвшимъ сзади, и безконечною Раменью, чернѣвшею впереди, лѣсъ былъ рѣдокъ, и тамъ, вдали, межъ деревьевъ, подъ непроницаемымъ и блестящимъ паромъ,

который нерѣдко образуется отъ зноя, горѣло что-то какъ яркое золото, вспыхивало какъ клинокъ стали, но что именно—неизвѣстно: блескъ солнечныхъ лучей былъ такъ ярокъ, что не позволялъ долго смотрѣть въ эту сторону.

— Ишь какъ палитъ, говорилъ мой спутникъ, — инда паръ стоитъ! Верстъ на семь идетъ это озеро. Лежитъ себѣ въ лѣсу Божіемъ, чисто какъ стеклышко.

— И глубоко оно, вѣроятно? спросилъ я.

— А Господь его знаетъ, отвѣчалъ Григорій: — вѣдь въ него не лазили. Никто въ немъ не плавывалъ и не лавливалъ. По берегамъ-то ходи сколько хочешь, а на средину какъ попадешь? Отродясь тамъ никто и не бывалъ.

— Какъ, неужели никто? спросилъ я невольно, слыша о такой странной пустынности озера.

Старикъ, помолчавъ немного, продолжалъ, улыбаясь: — Вонъ облачка-то, что бѣгутъ по небу, и были тамъ, но вѣдъ не скажутъ; да осенью еще, когда журавли летятъ въ теплыя страны, такъ съ берега-то видно, какъ черная ихъ вереница тянется по озеру. Поди, спроси ихъ, что они тамъ видятъ? Глубокое озеро!

— Да почему бы не завести тутъ лодокъ, рыбную ловлю? допытывалъ я у старика: — Вѣдь, я думаю, тутъ рыбы много?

— Какія тутъ лодки! насмѣшливо перервалъ меня старикъ: — глушь экая! кругомъ лѣсъ стоймя стоитъ.

Знойный паръ густѣлъ; но когда вѣтеръ или другая какая причина разрывала эту свѣтящуюся завѣсу, изъ-за зеленыхъ вѣтвей выставлялась бѣлая, какъ зеркало, блестящая поверхность озера. Дальняя часть его

вся пряталась въ лѣсъ, и только этотъ знойный паръ обозначалъ его мѣсто.

Пораженный такими блестящими красотами мѣста, которыми не очень изобилуетъ русская природа, я долго и молча ими любовался. Но мой товарищъ скоро покончилъ съ природой. Вынувъ изъ берестяной сумки большой ломоть хлѣба, завернутаго въ тряпицу, онъ круто посолилъ его и, набожно перекрестясь, сталъ ѣсть. Тутъ я вспомнилъ, что и мой яхташъ былъ не пустой. Послѣ добраго стакана вина и сытнаго завтрака старикъ задремалъ, а я продолжалъ всматриваться въ дивныя подробности этого громаднаго пейзажа. Я готовъ былъ провести тутъ весь остатокъ дня; но старикъ помнилъ свое дѣло.

— Ну, кормилецъ, пойдемъ, сказалъ онъ, немного погодя: — надо походить по озеру, да и домой добраться до ночи.

Какъ заколдованное невѣдомое царство, лежалъ темный безконечный лѣсъ вправо, какъ въ бархатѣ покоилось озеро въ зелени лѣсовъ и кустарниковъ влѣво, надъ всѣмъ пылающій зноемъ куполъ неба, въ которомъ гдѣ-то громко свистѣли птицы; густой смолистый запахъ наполнялъ воздухъ. Мнѣ жаль было разставаться съ этимъ очаровательнымъ мѣстомъ; я готовъ былъ сказать Семенычу, что можно бы не идти далѣе; но онъ уже спустился съ горы и шелъ прямо къ озеру. Надо было догонять его. Съ каждымъ шагомъ великолѣпная панорама стала скрываться изъ глазъ, съ каждымъ шагомъ мы погружались опять въ лѣсъ; черезъ нѣсколько времени въ воздухѣ стала чувствоваться значительная прохлада; скоро сквозь стволы деревьевъ

засвѣтились горящія воды озера и мы очутились на его берегу. Громадная водная поверхность лежала посрединѣ лѣса, который заглядывалъ въ нее со всѣхъ сторонъ. Мѣстами берегъ былъ луговой, мѣстами лѣсистый. Вдаль же озера и смотрѣть было невозможно — такъ горѣло оно отъ лучей солнца.

— Вотъ и стрѣляй здѣсь, кормилецъ, сказалъ мой товарищъ: — тутъ утки и другой птицы и не вѣсть что, только ходить не лѣнись; вотъ ступай по берегу-то, а я пойду лѣскомъ, грибковъ поберу, ступай не бойсь! Я выйду къ тебѣ тамъ на ручьѣ-то.

Дѣйствительно Семенычъ удалился въ лѣсъ, оставивъ меня на берегу. Признаюсь, прелесть этого лѣснаго пейзажа значительно охладила мои охотничьи страсти. Я бродилъ, любуясь дикими берегами озера, котораго уединеніе было такъ полно и торжественно. Но все-таки я не забывалъ наблюдать за собакой. Иногда сильный валежникъ примыкалъ къ самому озеру, и надо было далеко обогнуть его лѣсомъ; Семенычъ то появлялся, то исчезалъ. Въ воздухѣ было легко и пріятно. Сильный жаръ уже миновалъ, притомъ влага озера значительно умѣряла зной.

— Однако, Семенычъ, замѣтилъ я моему товарищу, — озеро-то не очень къ намъ милостиво: вѣдь ни одной штуки не попалось, точно нарочно.

— А вотъ, кормилецъ, пойдемъ къ этому сосняжку-то; за нимъ пойдетъ луговинка, на которой лежатъ болота, такъ тамъ бываетъ всякой птицы такая пропасть, что ужасъ! Ступай, сударь, туда лѣсомъ-то, а я подымусь маленько вотъ на эту горку.

Я прошелъ соснякъ и вышелъ на поляну. Почва ея дѣйствительно была болотистая, что можно было видѣть по кочкамъ и травѣ, но самыхъ болотъ вовсе не было — лѣто давно ихъ высушило. Я обошелъ всю долину, собака вынюхала каждый кустъ—нѣтъ ничего да и полно! Что прикажете дѣлать? Я не пошелъ далѣе; хоть я и не былъ изъ числа страстныхъ охотниковъ, но все-таки проходить цѣлый день и въ такой дали, измучиться и не убить ничего — не хорошо! Еще ретивѣе пустился я впередъ; берегъ пошелъ лѣсистый и довольно ломный? Перескакивая съ кочки на кочку, я пробивался межъ колючими вѣтвями довольно долго. Озеро нѣсколько отдалялось, ибо по берегу его пошла такая чаща, что пройдти было невозможно. Наконецъ и лѣсомъ даже идти было нельзя: путь пересѣкался ручьемъ, котораго берега поросли можжевельникомъ. Перейдти его въ этомъ мѣстѣ было совершенно невозможно, какъ по чрезвычайной крутизнѣ береговъ, такъ и потому, что ручей тутъ былъ довольно широкъ.

— Семенычъ! крикнулъ я.

— О-го! отозвался голосъ впереди, и я рѣшился пойдти по направленію оврага, чтобъ или обойдти его, или отыскать мѣсто, удобное для перехода. Лѣсъ все дѣлался гуще и гуще, влажный воздухъ озера сталъ замѣняться смолевымъ теплымъ воздухомъ лѣса; ручей нѣсколько поворачивалъ влѣво. Я шелъ по его берегу, смотря на черныя щетинистыя его кручи. Оврагъ становился все меньше и меньше, ручей все уже и уже; я спустился къ ручью, перешагнулъ его и повернулъ вправо къ озеру.

Шелъ я долго и скоро, но озера не было, а лѣсъ все темнѣе и темнѣе. Я поглядѣлъ наверхъ — вѣковыя сосны висѣли надъ головой и скрывали небо.

— Семенычъ! вскрикнулъ я.

Отвѣта не было.

— Григорій! повторилъ я громко. Молчаніе. Я остановился, прислушался и наконецъ крикнулъ: «ау!»

Вскорѣ послышалось отвѣтное ау, но совершенно не въ той сторонѣ, куда я шелъ. Разумѣется, я пошелъ на голосъ, думая: охота же старому хрѣну отставать такъ далеко! А лѣсъ все чаще и гуще покрывалъ пространство, въ воздухѣ уже повѣяло прохладой, сквозь нависшія тучи лѣса виднѣлись небеса, которыя начали окрашиваться розовымъ цвѣтомъ послѣднихъ лучей солнца. Сильная усталость показывала мнѣ, что пройденный мною путь былъ великъ, а лѣсъ былъ теменъ какъ ночь.

«Ау!» закричалъ я Семенычу, и прислушался. Отвѣта не было. Я опять остановился и громко крикнулъ: «ау!» Лѣсное эхо прокатилось подъ сводами деревьевъ, и когда послѣдніе отголоски его стихли въ воздухѣ, изъ дальней, дальней стороны лѣса, тихо, чуть слышно, поднялся голосъ и замеръ въ глубинѣ темнаго пространства.

Ясно, что старикъ былъ далеко. Я бросился на голосъ. Сухія вѣтви и ломъ хрустѣли подъ ногами; лѣсъ становился такъ густъ и теменъ, что трудно было даже видѣть. Удваивая шаги, я пробирался сквозь чащу, перелѣзалъ валежникъ, шелъ долго, шелъ неутомимо, наконецъ остановился и аукнулся снова. Когда смолкло эхо, я весь обратился въ слухъ, но от-

вѣтомъ было одно мертвое молчаніе. Я собралъ всѣ свои силы и крикнулъ ау! Громко аукнулось со мною эхо, и болѣе ничего! Мрачный, дремучій лѣсъ обступалъ меня кругомъ, и на небольшомъ клочкѣ неба, который видѣнъ былъ сквозь сосенъ, мигала серебристая звѣздочка.

Читатель, конечно, пойметъ мое положеніе. Проживъ большую часть жизни въ городѣ, я, разумѣется, неимѣлъ никакой опытности для деревенской жизни, а особенно для такого положенія, въ которомъ находился теперь. Самая охота была не больше, какъ шалость. Да и кому бы то ни было, пріятно ли остаться въ дремучемъ лѣсу на ночь, безъ всякой надежды вырваться. Даже собака, привыкшая больше къ старику, чѣмъ ко мнѣ, въ послѣднее время исчезла и не возвращалась. Это мнѣ окончательно подтвердило, что Григорій разошелся со мною, то-есть, или самъ, заблудился, или слишкомъ далеко отошелъ отъ меня. Мнѣ стало ясно, что я ошибся въ направленіи, зашелъ въ Рамень и въ этомъ дремучемъ лѣсу, гдѣ, по выраженію Григорья, и *днемъ солнышко не свѣтитъ*, долженъ буду остаться одинъ на всю ночь. Признаюсь, когда въ первый разъ мысль эта обрисовалась въ моей головѣ, холодный потъ выступилъ у меня на лбу и сердце замерло. Я собралъ послѣднія силы и бросился впередъ, чтобы, пользуясь слабымъ свѣтомъ сумерекъ, найдти хоть какую-нибудь тропу и, быть-можетъ, выбраться. Черныя лапы елей били меня по лицу, можжевельникъ обдиралъ платье и руки, каждый сукъ, ломавшійся подъ ногами, будилъ ночное эхо. Мнѣ пришло на мысль испытать послѣднее средство: выстрѣ-

лами подозвать къ себѣ моего товарища. Но едва только мелькнула спасительная мысль въ головѣ, какъ тотчасъ же я долженъ былъ отказаться отъ нея; оказалось, что рога съ порохомъ не было на мнѣ. Продираясь сквозь чащу, я вѣроятно обронилъ его, и остался съ однимъ только зарядомъ, который былъ въ ружьѣ. Естественно, что нельзя было тратить напрасно эту единственную защиту въ случаѣ опасности. Черезъ нѣсколько шаговъ медленнаго пути, я долженъ былъ совсѣмъ остановиться; дорогу пересѣкъ оврагъ, дно котораго чернѣло, но что тамъ было? лѣсъ, валежникъ или вода — нельзя уже было видѣть; наступившая ночь все покрыла мракомъ. Въ страшномъ изнеможеніи и въ полномъ отчаяніи я упалъ на сырую землю.

Не знаю, долго ли я лежалъ такимъ образомъ, не знаю, былъ ли я въ безпамятствѣ или спалъ послѣ сильной усталости. Будь все спокойно и тихо вокругъ, можетъ-быть, я пролежалъ бы такъ и до утра; но въ томъ-то и дѣло, что въ этомъ дремучемъ, повидимому совершенно-молчаливомъ лѣсу, куда рѣдко попадаетъ человѣкъ, ни минуты не было спокойно. Я лежалъ еще въ совершенномъ безпамятствѣ, какъ вдругъ надъ головой моею раздался пронзительный крикъ птицы, вѣроятно схваченной какимъ-нибудь звѣремъ. Тихій лѣсъ внезапно огласился этими криками, такъ что я въ ужасѣ вскочилъ на ноги. Молчаніе водворилось снова, но не надолго. Возлѣ меня явно кто-то шевелился. Посреди тишины, на ломной почвѣ лѣса, слышался шелестъ, — былъ ли то шагъ какого-нибудь звѣря, птицы, змѣи, — во всякомъ случаѣ, положеніе

было невыносимо. Эта приводящая въ отчаяніе неизвѣстность положенія была мучительна; я рѣшился, по крайней мѣрѣ, голосомъ отогнать невидимое, и кашлянулъ. Боже мой, какъ страненъ показался мнѣ собственный голосъ! какъ сердито повторило его эхо! Но вдругъ, не вдалекѣ отъ меня, въ оврагѣ послышался шумъ, который привелъ меня въ совершенный ужасъ. Тамъ ворочалось какое-то огромное животное; оно то тяжело дышало, то стонало, очевидно могучею грудью. Разумѣется, мнѣ припомнились разсказы Семеныча о медвѣжьихъ охотахъ въ Рамени, и я долженъ былъ рѣшительно предпринять что-нибудь для собственной безопасности. Конечно, другого нельзя было придумать ничего, какъ взлѣсть на дерево, что я и сдѣлалъ. Ощупью нашелъ я огромную сосну, сучья который едва могъ достать руками, взлѣзъ на ея смолистыя вѣтви, и выбравъ, сколько возможно, поудобнѣе мѣсто, сѣлъ такъ, что можно было прислониться къ дереву. Лѣсъ снова повелъ свои рѣчи. Страшный храпъ звѣря и его ворчаніе то замолкали, то, вдругъ, потрясали воздухъ. Посреди глубокой тишины внезапно раздался трескъ падающаго дерева; одряхлѣвшее и уже сгнившее на корню, оно падало отъ собственной тяжести, какъ будто нарочно выбравъ для своей смерти эту торжественную минуту ночи. Тишина возвращалась снова, но непонятный, неизвѣстно отъ чего происшедшей взлетъ птицы, оглашалъ лѣсъ хлопомъ крыльевъ. Испуганныя птицы вскрикивали въ разныхъ мѣстахъ разными голосами, и снова все умолкало. Чьи-то явные шаги хрустѣли внизу лѣса; осторожно, молчаливо, мѣрно шелъ кто-то подъ вѣтвями, но кто — неизвѣстно.

Лѣсъ точно испугался невѣдомаго пришельца и смолкъ въ гробовую тишину. Неизвѣстный шелъ, мракъ застилалъ все, и видѣть идущаго было невозможно, а между тѣмъ, мысль: *не видишъ ли онъ меня?* ворочалась на душѣ. Шаги медленно, тихо проходили, сердито молчалъ надъ ними лѣсъ, и опять все утихло. Только величавый шумъ, подобный шуму морскихъ волнъ, вдругъ пронесся сверху; это порывъ вѣтра прошелъ по громаднымъ деревьямъ и покачалъ ихъ вѣковыя вершины. Признаюсь, каждый трескъ сука, каждый крикъ птицы наводилъ ужасъ на непривычное сердце. Всѣ эти звуки, совершенно обыкновенные днемъ, были совсѣмъ иные ночью, въ глубинѣ Рамени, въ этомъ страшномъ, глухомъ уединеніи. И вой звѣря, и стонъ вѣтра, и трепетъ листа какъ-то иначе звучали, — отчего? отъ сумрака ночи или отъ испуганнаго воображенія, я не знаю. Какъ-то страненъ, чуждъ уху былъ каждый шелестъ листа, каждое движеніе насѣкомаго. Когда умолкло все дневное, тогда-то лѣсъ и повелъ свои рѣчи, поднялъ свои таинственные, невѣдомые голоса. И каждый изъ нихъ грозилъ мнѣ бѣдою. Но изъ всѣхъ этихъ голосовъ, пронзительныхъ какъ крикъ заѣденной птицы, шумныхъ какъ вопли вѣтра, таинственныхъ какъ ночной ходъ невѣдомаго существа, страшнѣе всего былъ тотъ голосъ, которому я не знаю имени; это голосъ молчанія, голосъ невыразимый безпробудной тишины. Выдавались минуты, которыя, конечно, казались часами, когда подъ черною гущей лѣса воцарялась невообразимая тишина. Не ворочалась травка, спалъ червякъ, не шепталъ листокъ, не хрустѣлъ верескъ, не дохнулъ вѣтеръ — точно какъ окаменѣло

все это лѣсное царство. Молчаніе разливалось кругомъ. Кто-то невѣдомый беззвучно бесѣдовалъ съ вами, охватывалъ своими безплотными объятіями. Звуки хоть и пугали, но все-таки намекали на жизнь, напоминали знакомое; но это страшное молчаніе выводило рядъ призраковъ, рой лѣсныхъ духовъ. Они-то и вели бесѣду этимъ грознымъ молчаніемъ. Тоска овладѣвала сердцемъ; мракъ томилъ глаза, хотѣлось что-нибудь увидѣть, успокоить глазъ на чемъ-нибудь знакомомъ. Кругомъ мракъ. Я взглянулъ на небо — часть его была видна сквозь сосновыя лапы — но и тамъ было не спокойно: густыя тучи безпрестанно закрывали его поверхность; то мохнатымъ звѣремъ, то неуклюжимъ великаномъ ползли онѣ по этому пространству, и безпрестанно закрывали свѣтившіяся звѣздочки.

Но къ какому положенію не привыкнетъ человѣкъ, какія силы не покоритъ эта сильнѣйшая изъ всѣхъ силъ вселенной! По истеченіи времени, не знаю какого, не такъ уже сильно пугали меня стоны и храпъ звѣря, шелестъ оборвавшейся бѣлки и, вообще, этотъ ночной ходъ природы, той же самой благодатной природы, которая такъ весело сіяетъ днемъ. Привыкъ нѣсколько глазъ къ этой безпредметной темнотѣ, освоилось ухо съ страшнымъ молчаніемъ. Тучи перестали ползать по небу, но на мѣсто двухъ звѣздъ появилась одна, которая горѣла такъ ярко, потомъ начала бѣлѣть. Лѣсъ былъ также теменъ, но какъ будто побѣлѣе стали небеса; звѣздочки опять не стало. И на темныхъ пространствахъ лѣса стало что-то обозначаться: одно было черно какъ ночь, другое уже не такъ черно. Будто головы огромныхъ звѣрей выставились вокругъ и ка-

чали косматыми гривами. Небесный клочокъ сдѣлался еще бѣлѣе. Кто-то свиснулъ въ вышинѣ, смолкъ и опять свиснулъ. Въ лѣсу показались неясныя краски, на небесахъ утренняя синева. Послышался иной свистъ въ другомъ мѣстѣ, потомъ въ третьемъ. Бѣлыя легкія облачка заалѣли. Лѣсъ уже пѣлъ тысячами голосовъ въ вѣтвяхъ, въ травѣ, въ воздухѣ. Звѣрь стоналъ въ оврагѣ. Облака вспыхнули огнемъ и улетѣли. Въ сосновыя вѣтви проскользнулъ лучъ великаго свѣтила, и заигралъ въ слезкѣ росы, лежавшей на листкѣ травки. Подскочилъ заяцъ и сталъ глодать молодую осину, но, увидѣвъ меня, умчался въ чащу. Что-то брякнуло вдали, что-то похожее на человѣческій голосъ коснулось уха. Я притаилъ дыханіе и слушалъ. Лучи солнца засвѣтились пятнами на зеленой травкѣ, и благотворная теплота разливалась постепенно.

Осмотрѣвъ ружье, я пошелъ къ оврагу, въ которомъ теперь все молчало. Непроходимо ломный валежникъ покрывалъ его дно, чернымъ звѣремъ глядѣлъ оттуда пень, покрытый черноземомъ. Но гдѣ же тотъ, который пугалъ въ молчаніи ночи? — А, вотъ онъ! Звѣрь этотъ смотрѣлъ на меня вовсе не грозно, а съ мольбой о спасеніи — это была лошадь, завалившаяся въ ломъ и почти издыхающая. Не имѣя силъ помочь ей, я отвернулся и пошелъ по лѣсу. Что-то опять прозвонило вдали; смолкло; кажется, пѣсня? Да, это пѣсня! Ближе, яснѣе — сердце забилось живѣе, пѣсня звучала сильнѣе; звонъ колоколка все ближе, можно было различить и напѣвъ пѣсни. Я бросился на голосъ, и скоро межъ деревъ замелькалъ кто-то. По довольно торной дорогѣ, верхомъ на лошади, ѣхалъ мо-

лодой парень — безъ шапки, босикомъ, и вольнымъ русскимъ голосомъ пѣлъ нашу сѣверную пѣсню:

«Милъ навѣки отъ тебя
Бѣгу въ темныя, лѣса —
Я во темны, во дремучи,
Гдѣ травонька зелена.»

Разумѣется, что съ этимъ всадникомъ я выбрался изъ лѣса; но, къ крайнему сожалѣнію, дома я узналъ, что Григорій не возвращался. Старикъ только къ вечеру притащился домой, худой и блѣдный. На вопросъ: какимъ образомъ онъ заблудился, Григорій сначала не отвѣчалъ ни слова, а только махнулъ рукой; но послѣ объяснилъ, что это насъ лѣшій обошелъ.

— Всю ночь, говоритъ — ухалъ да ахалъ, кормилецъ; глазъ сомкнуть не далъ. И этакой голосъ не хорошій!

Такъ лѣсные голоса не одного меня тревожили во мракѣ ночи.

КИВАЧЪ.

Не громъ гремитъ — падунъ шумитъ.
(Мѣстная поговорка.)

Петрозаводскъ, по своей наружности, совсѣмъ не заслуживаетъ той величавой мѣстности, на которой онъ расположенъ. Это маленькій городокъ, съ восемью, кажется, церквами, въ числѣ которыхъ нѣсколько деревянныхъ; съ улицами, снабженными тоже деревянными мостками. Невзрачные деревянные домики, посѣрѣвшіе и большею частію постарѣвшіе, каменныя присутственныя мѣста, губернаторскій домъ, ряды и, наконецъ, совершенная тишь на улицахъ, пыльныхъ лѣтомъ и грязныхъ осенью — вотъ физіономія Петрозаводска, почти общая всѣмъ нашимъ небогатымъ провинціяльнымъ городкамъ. Но идите только на набережную или, правильнѣе, на пристань, и вы сейчасъ же получите иное впечатлѣніе. Городъ стоитъ на берегу Онежскаго озера, или, лучше сказать, при одномъ изъ его заливовъ. Налѣво заливъ этотъ идетъ

между лѣсистыми берегами и въ виду вашемъ, верстахъ въ десяти, кончается узкимъ проливомъ, которымъ онъ соединяется съ другимъ небольшимъ озеромъ, Логмозеромъ. Возлѣ самаго этого соединенія, на довольно высокой порфировой скалѣ, стоитъ село Саломенское, бывшая пустынь, нынѣ упраздненная. Названіе свое село получило отъ корельскаго слова *саломе*, означающаго проливъ. Сельская церковь, устроенная на берегу пролива, вся помѣщается на одномъ камнѣ. За нею высится еще скала, покрытая уже чернымъ лѣсомъ. Видъ церкви на темномъ лѣсномъ фонѣ, на берегу голубаго озера, чрезвычайно красивъ. Да и весь этотъ берегъ, противоположный Петрозаводску, съ своими высокими холмами, покрытыми лѣсомъ, исполненъ какого-то спокойнаго, молчаливаго величія. Между этимъ чернымъ лѣсистымъ берегомъ и Петрозаводскомъ, вправо, разстилается верстъ на триста необъятная уже для взора, ширь великаго озера, за которымъ идетъ, знаменитая въ исторіи нашего раскола, пустыня — *Заонежье*, *Заонежскій край*. Съ какою почтительною любовью произноситъ олончанинъ имя своего озера — *Онего!* Въ простой рыбачьей лодкѣ пускается онъ иной разъ по озеру верстъ за сорокъ, за шестьдесятъ, не смотря на то, что бури Онего угрожаютъ нерѣдко и пароходамъ.

Разъ, въ глубокую осень, вечеромъ, сидѣлъ у меня *сказатель* Леонтій Богдановъ, имя котораго весьма часто упоминается въ сборникѣ древнихъ былинъ г. Рыбникова *). Онъ уже лѣтъ семидесяти: наружность его

*) Сказателями называются здѣсь пѣвцы древнихъ русскихъ былинъ, сохранившихся отъ временъ до-историческихъ. Ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ каликами, съ пѣвцами извѣстныхъ духовныхъ

сановитая и исполнена достоинства и вмѣстѣ добродушія. Пѣлъ онъ намъ свои былины про *Волгу Буслаевича*, про *рѣчку Смородинку*. Былъ ужъ часъ второй ночи. Леонтій Богдановъ сталъ наконецъ прощаться. Я приглашалъ его посидѣть еще. Старикъ отказывался.

— Да куда же торопиться? спросилъ я: — теперь рабочее время.

— Какъ куда? отвѣчалъ Леонтій: — вѣдь теперь какая ужь пора, самъ знаешь! Пожалуй, пріѣхалъ на лодкѣ, а уѣдешь на саняхъ.

Оказалось, что семидесятилѣтній старикъ, въ глухую осеннюю пору, прибылъ изъ своихъ Кижей, за сорокъ, кажется, верстъ, въ простой рыбачьей лодкѣ, съ тремя земляками-рыбаками, и спѣшилъ уѣхать изъ опасенія, чтобы озеро не замерзло!

— Помилуй, вскричалъ я въ изумленіи: — вѣдь утонешь теперь!

— Утонешъ! заговорилъ, какъ бы удивляясь, старикъ: — зачѣмъ тонуть, не надо тонуть!...

И дѣйствительно, сказатель на другое утро, въ восемь часовъ, отправился и прибылъ благополучно въ Кижи.

Берега озера, гранитные, порфировые, мраморные, иногда дики и скалисты, но большею частію покрыты зеленою растительностію или сосновымъ лѣсомъ. Верстахъ въ десяти отъ Петрозаводска есть деревня Сельга, которая стоитъ на большой каменистой возвышенности. Оттуда въ хорошую погоду озеро видно верстъ на

стиховъ: это нищіе, тогда какъ сказатели большею частію зажиточные крестьяне, поэты, по страсти изучающіе былины. Таковъ и Леонтій Богдановъ.

шестьдесятъ въ окружности. Мнѣ случилось быть въ деревнѣ въ дурную, къ сожалѣнію, погоду. Шелъ дождь; но зато солнце, свѣтившее гдѣ-то очень далеко, точно играло на озерѣ. Вдругъ, верстахъ въ двадцати, на гладкой синей поверхности, загорѣлась желтая полоса: это вспыхивалъ вдругъ островъ, освѣщенный солнцемъ. Полоса гасла: за то въ другомъ мѣстѣ загорался дугообразный дальній берегъ озера.

Изъ всѣхъ окрестностей Петрозаводска, Кивачъ пользуется самою громкою извѣстностію.

«Видѣли ли вы Кивачъ? Какъ не стыдно до сихъ поръ не видѣть Кивача!» со всѣхъ сторонъ слышите вы въ Петрозаводскѣ, если вы пріѣзжій.

Кивачъ — тотъ знаменитый водопадъ, который Державинъ воспѣлъ стихами:

«Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четыремя скалами» и т. д.

Я поѣхалъ взглянуть на этотъ любопытный водопадъ. Уже въ Сулажгорѣ, въ деревнѣ, верстахъ въ шести отъ Петрозаводска, открывается характерный олонецкій пейзажъ. Справа еще виднѣется заливъ съ Саломенскою церковью, а передъ вами съѣздъ съ горы и громадная лѣсистая даль. Мы пустились въ лѣсъ. Черезъ нѣсколько верстъ, на лѣвой сторонѣ, стало что-то просвѣчивать сквозь деревья.

— Что это такое? спросилъ я у ямщика.

— Озеро, отвѣчалъ тотъ.

Въ самомъ дѣлѣ, съ пригорка, по которому мы ѣхали, открылось озеро, окруженное красивымъ лѣсомъ. Пустынныя свѣтлыя воды отражали прибрежныя

лѣсныя группы деревьевъ и бѣлое небо. Лѣсъ скрылъ озеро. Въ семнадцати верстахъ отъ Петрозаводска надо было переправиться чрезъ рѣку Шую на паромѣ.

Здѣшнія рѣчки носятъ тоже особенный характеръ: дно ихъ каменисто. А потому большія, судоходныя рѣки обилуютъ порогами и водопадами, а маленькія устланы черными, разныхъ величинъ, камнями, которыхъ вершины выставляются надъ поверхностью рѣки. Вода, пробираясь между ними, должна брать, такъ-сказать, съ бою каждый шагъ; она бросается на каждый камень, разбивается въ бѣлые брызги и идетъ далѣе. Эти бѣлые брызги посреди черныхъ камней даютъ олонецкимъ рѣчкамъ неспокойный, сердитый видъ. Шуя не такова. Она глубока и ея теченіе спокойно, по крайней мѣрѣ, тамъ гдѣ я ее видѣлъ; но черные камни, торчащіе изъ воды, и здѣсь не рѣдки. Тутъ же, къ удивленію моему, мнѣ встрѣтилась лошадь, запряженная въ зимнія дровни.

— Что это значитъ? спросилъ я опять ямщика.

— Снопы возятъ, отвѣтилъ равнодушно мужикъ.

— Да какъ же, на саняхъ-то?

— А какъ же иначе? вѣдь видишь здѣсь все каменья, сказалъ ямщикъ, указывая въ поле.

Дѣйствительно, когда я взглянулъ на полевую дорогу, то повѣрилъ, что по ней, если можно что провезти, такъ только въ подобномъ экипажѣ. Вся дорога представляла сплошную массу набросанныхъ камней, вросшихъ въ землю.

— А вонъ тамъ въ лѣсу, продолжалъ ямщикъ, — и на саняхъ не проѣдешь.

— Такъ какъ же ѣздятъ?

— Верхомъ, либо на смычкахъ.

— Что же это за смычки?

— А такъ, положатъ двѣ жерди, переплетутъ веревками, а на переплетъ прикрѣпятъ тебѣ доски, либо рогожу. Одни-то концы жердей привяжутъ къ лошади а другіе-то, значитъ, волокомъ пойдутъ. Вотъ-те и смычки. Этта везли такъ лѣсничаго, верстъ двадцать. Какъ ругался! бока-то растолкало по каменьямъ, рожу сучьями выхлестало — плохая ѣзда!

Чѣмъ дальше, тѣмъ лѣсъ становился все больше и больше загроможденъ огромными черными камнями, мѣстами покрытыми бѣлымъ мохомъ. Точно сгорбившіеся окаменѣлые старики, они прижимаются къ деревьямъ. Иногда вы вдругъ видите, что во мглѣ лѣса стоитъ что-то черное, исполинское: это каменная скала, обожженная солнцемъ и молніями. Скалы эти подвигаются къ самой дорогѣ. Изъ трещинъ ихъ и разсѣлинъ растетъ лѣсъ. Вы дивитесь, какимъ образомъ могутъ держаться эти громадныя сосны на такой скудной каменной почвѣ, а между тѣмъ онѣ держатся тутъ вѣка.

Какъ часто, въ моихъ скитаніяхъ по Олонецкой губерніи, приходили мнѣ на мысль наши живописцы, туристы, ученые. Посѣтите наши художественныя выставки. Какихъ видовъ Германіи, Швейцаріи, Италіи вы не увидите! А русскіе гдѣ? Да нѣтъ ихъ. Природа, говорятъ, бѣдна. Какихъ вы путешествій ни читали, а путевыхъ записокъ о русской землѣ много ли? Попробуйте-ко заикнуться объ Олонецкой губерніи, объ Онегѣ, о Заонежьѣ, о Выгѣ! «О, какая дичь! кто туда поѣдетъ!» отвѣтятъ вамъ.

Дичь! дѣйствительно дичь! но какая грандіозная, могучая дичь! Грозно смотрятъ на васъ эти каменныя громады. Черныя сосны тяжело качаютъ надъ ними свои не легко двигающіяся массы; плакучая береза ласково треплетъ ихъ суровыя плечи своими зелеными вѣтвями; розовый шиповникъ весело взбирается вверхъ по щелямъ и какъ гирлянда огибаетъ кусты деревьевъ; брусника усыпаетъ, какъ бисеръ, почву; крушина и волчьи ягоды ярко выставляются изъ черной лѣсной тѣни. Наши колокольчики, кашки, астры и т. п. тамъ крупнѣе, оттого ли, что природа, сокращая время лѣта, даетъ имъ болѣе роскоши, или на этой черной почвѣ среди темнаго лѣса они виднѣе? И все лѣсъ! Вправо онъ какъ будто проваливается въ огромную необозримую пропасть, и только вдали на горизонтѣ поднимается уже голубоватою безразличною массою. Слѣва безмолвно лежитъ озеро, и надъ нимъ, въ черную тучу, погружается солнце. Лѣсное море облекается мало-по-малу въ молчаливый сумракъ.

Здѣсь же удивило меня одно оригинальное явленіе. Ямщикъ остановилъ тройку, чтобы поправить упряжь. Колокольчикъ и стукъ экипажа смолкли, и меня поразилъ странный шумъ, подобный отдаленному гулу морскихъ валовъ, не смотря на то, что вѣтра совсѣмъ не было.

— Что это такое? спросилъ я.

— Осина, отвѣтилъ ямщикъ.

Тутъ только я вспомнилъ народную поговорку, что *осина и безъ вѣтру шумитъ.*

Часа въ три пополудни мы прибыли въ Кончезерскій чугуноплавильный заводъ. Выдѣлка же-

лѣза изъ рудъ составляла исконный промыселъ жителей этого края. При Іоаннѣ Грозномъ отправлялся уже въ Англію посолъ, Іосифъ Непѣя, съ цѣлію привезти оттуда рудокоповъ для олонецкаго края. Потомъ русское правительство старалось добыть ихъ отъ Шведовъ; но прочно устроено рудокопное дѣло въ оленецкомъ краѣ тою же хозяйственною рукой, которая видна всюду въ русскомъ мірѣ, куда ни погляди, рукою Петра. Въ 1701 году построенъ былъ на Олонецкихъ горахъ мѣдиплавильный Петровскій заводъ; потомъ въ томъ же году, при впаденіи рѣки Лососинки въ Онего, основанъ былъ чугуноплавильный и пушечный заводъ. При немъ сперва образовалась заводская слобода, а въ послѣдствіи губернскій городъ, Петрозаводскъ. Въ 1707 году построенъ заводъ при озерѣ Кончезерѣ, отъ котораго и получилъ названіе. Заводы эти дѣйствуютъ и до сихъ поръ.

Видъ, представляющійся путнику съ возвышенности Кончезерскаго завода, прекрасенъ и характеризуетъ олонецкую природу съ другой стороны. Передъ вами огромное плоское пространство. На этомъ пространствѣ лежатъ три озера, изъ которыхъ Кончезеро довольно велико. Всѣ эти озера, не смотря на близость, находятся совершенно на разныхъ высотахъ. Такъ, Пертноволоцкое озеро находится отъ Кончезерскаго всего шагахъ въ шестидесяти, а между тѣмъ уровень его выше на десять саженъ. Такое расположеніе озеръ идетъ и далѣе къ сѣверу. Каменные бассейны удерживаютъ озерныя воды въ своихъ предѣлахъ, не допуская ихъ сливаться. Все пространство представляетъ унылую сѣверную картину, освѣщенную робкимъ, осла-

бѣвшимъ свѣтомъ сѣвернаго солнца. Вдали по окраинамъ тоже лѣсъ. Глубокое молчаніе облекаетъ всю эту даль какимъ-то особенно унылымъ покровомъ. Все пространство будто замерло или спитъ волшебнымъ сномъ.

Пообѣдавъ, мы двинулись далѣе. Намъ уже немного оставалось сдѣлать сухимъ путемъ: только до деревни Вороново. Отсюда уже до мѣста назначенія добираются водою вверхъ по рѣкѣ Суннѣ. Въ Вороновѣ ожидала насъ лодка съ шестью гребцами, крестьянами этой деревни. Рѣка Сунна шириною отъ 20 до 60 саженъ; каменные берега ея, покрытые большею частію лѣсомъ, зелены и красивы, особенно правый, который, сколько я припомню, болѣе гористъ. На срединѣ пути есть пороги, которые пугаютъ нѣкоторыхъ боязливыхъ дамъ; но прежде чѣмъ онѣ успѣютъ ахнуть, лодка переѣзжаетъ черезъ порогъ съ едва замѣтнымъ колебаніемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ позволяютъ берега, лодку тянутъ бечевою: напоръ воды такъ силенъ, что на веслахъ, противъ теченія, плыть чрезвычайно тяжело. За нѣсколько верстъ до водопада рѣка уже покрыта пѣною, плывущею отъ кипучей бездны. Версты за три до мѣста лодка начинаетъ дрожать. Это тѣмъ болѣе поражаетъ васъ, что повидимому къ тому нѣтъ никакой причины. Въ лѣсу тишина мертвая; вѣтеръ не шелохнетъ; шума водопада за поворотомъ рѣки да за лѣсомъ не слышно, а лодка дрожитъ. Значитъ, вода и самая почва, сотрясаются отъ паденія громадной массы воды. Но вотъ вы слышите дикій шумъ. Шумъ этотъ все болѣе и болѣе увеличивается; хотя водопада все еще не видно. На-

конецъ, круто повернувъ по рѣкѣ, мы очутились почти передъ самымъ жерломъ его. Здѣсь, на самой водѣ, устроена платформа, на которую выходятъ изъ лодки— и передъ вами Кивачъ! Сначала, въ недоумѣніи, вы какъ будто не знаете, куда себя дѣвать. Прямо на' васъ несется съ высоты шести или семи саженъ водяная гора. Гора эта съ четырьмя уступами, изъ которыхъ послѣдній, самый большой и совершенно отвѣсный, падаетъ возлѣ васъ въ бездну. Огромнѣйшія деревья окружающаго дремучаго лѣса, сброшенныя сверху водопада, стоймя низвергаются въ эту бездну и совершенно скрываются въ ней; далеко отъ нея они снова поднимаются на поверхность воды. Бездна эта реветъ, клокочетъ, пѣнится и брызжетъ вверхъ, такъ, что брызги взлетаютъ не только выше черныхъ скалъ, стоящихъ по бокамъ водопада, но даже выше растущаго на нихъ лѣса, а скалы эти возвышаются саженъ на восемь надъ поверхностію воды. Растрескавшіяся мѣстами, онѣ чрезвычайно красивы; правая имѣетъ чрезвычайное сходство съ головой слона. Съ нижней площадки вы поднимаетесь вверхъ по чрезвычайно-удобной лѣстницѣ, идущей прямо по обрыву скалы, и входите въ прекрасный двухъэтажный лѣтній домъ, устроенный по случаю посѣщенія водопада Государемъ Императоромъ. Въ немъ нѣсколько комнатъ, оклеенныхъ красивыми обоями, даже кухня. Изъ этого павильйона выходите вы на балконъ. Передъ глазами вашими верхняя часть водопада, а нижняя подъ ногами. Это второй видъ водопада. Рѣка съ самаго верхняго уступа несется передъ вами и у вашихъ ногъ разсы-

пается въ безднѣ, орошая окрестныя скалы милліонами брызгъ *).

Къ крайнему сожалѣнію, погода совершенно испортилась, когда мы прибыли на Кивачъ. Небо покрылось тучами; пошелъ дождь. Наступила темная ночь. Видъ Кивача измѣнился. Между черными скалами, посреди чернаго сосноваго лѣса, подъ тмою ночи мчалась бѣлая снѣговая масса и разсыпалась внизу: это была уже не вода, а снѣговая рѣка, вся бѣлая отъ пѣны. Не смотря на дождь, я нѣсколько разъ выходилъ на балконъ и не безъ ужаса смотрѣлъ на эту грозную природу. Ночная тма висѣла надъ лѣсомъ, и грохотъ воды гремѣлъ въ тиши дикой природы.

Олончане вѣрятъ, что въ лѣсу живутъ лѣсовики, лѣшіе — *лѣсъ*. Главный начальникъ надъ русскими лѣсовиками, по ихъ словамъ, *Мусаилъ-лѣсъ*.

— Ну, а здѣсь водятся они? спросилъ я одного изъ гребцовъ, старика, вмѣстѣ со мною стоявшаго на балконѣ.

— Есть, отвѣтилъ онъ лаконически.

— Тебѣ не случалось видѣть ихъ?

— Нѣтъ, не случалось.

Старикъ опять замолчалъ, но немного погодя началъ: — Онъ вѣдь синеобразный. Вотъ на Шуньгѣ есть старичокъ-охотникъ. Идетъ онъ разъ изъ городу; птицу ходилъ продавать. Вдругъ подходитъ къ нему молодецъ, хорошій такой. Ипатьичъ-то поглядѣлъ на него, а онъ синеобразный. Ну, думаетъ, быть бѣдѣ:

---

*) Водопадъ или *падунъ*, какъ называетъ народъ здѣсь всѣ водопады, будто *киваетъ* вамъ своими четырьмя склонами, отчего, вѣроятно, и получилъ названіе *Кивача*.

не передъ добромъ вѣдь они появляются. И подымись вдругъ гроза — Боже ты мой. Смотритъ старикъ, а *онъ* и пропалъ. Старикъ сѣлъ отъ дождя подъ ель. Какъ дождь-то прошелъ, онъ и отправился домой. Приходитъ въ деревню, а изба-то его и горитъ — отъ воли Божіей.

Другіе же разсказываютъ, что *лѣсъ* не только бѣды людямъ не дѣлаетъ, но что онъ даже и не синеобразный, а такой же, какъ и всякій человѣкъ. «*Синчаки*-то ужь совсѣмъ нечистая сила,» полагаютъ они.

Воды Олонецкой губерніи, ея великія озера, ея шумящія пѣнистыя рѣчки, ея знаменитые падуны, породили въ воображеніи олончанъ другихъ существъ, которыхъ называютъ *водяниками*. Эти не такъ благосклонны, какъ *лѣсъ*. Они уносятъ людей въ подводное царство. Водяникъ силенъ; это высокій здоровенный мужикъ; голова у него какъ сѣнная копна. Подъ водой у нихъ цѣлые города, села и деревни. Они часто хватаютъ людей и топятъ ихъ, особенно дѣвокъ. Вотъ что слышалъ на Шуй-наволокѣ г. Рыбниковъ: «Въ деревнѣ Середкѣ, позапрошлымъ лѣтомъ поѣхали въ лодкѣ двѣ дѣвки: одна-то на выданьѣ, а другая-то еще не *человиковитая* *). Начала дѣвочка сказки сказывать, какъ подъ водой живутъ водяники въ хрустальныхъ палатахъ. А старшая и говоритъ: «Пшь какъ у нихъ хорошо, хоть бы однимъ глазкомъ посмотрѣтъ на подводное царство.» И не было ни вѣтра, ни волны, вдругъ заколебалась вода и поднялся черный мужикъ. Волосы у него взъерошенные; ухватилъ дѣвку за руку.

---

*) Т.-е. еще не такого возраста, въ какомъ можно идти замужъ.

какъ та ни билась — стащилъ ее подъ воду, только ее и видѣли. И все это дѣвочка видѣла своими глазами.

«По вѣрованію заонежанъ, говоритъ г. Рыбниковъ въ своихъ *Замѣткахъ съ дороги* (*День* за 1862 г., № 52) земля, кромѣ людей, населена несмѣтнымъ числомъ видимыхъ и невидимыхъ существъ, которыхъ нельзя причислить къ благимъ духамъ. Трудно пріискать для нихъ общее народное названіе. Замѣчу только что у нихъ нѣтъ никакой связи съ библейскимъ дьяволомъ. Въ представленіи заонежанъ человѣко-ненавистникъ — дьяволъ самъ по себѣ. Это совершенно отвлеченное существо, о которомъ, внѣ круга религіозныхъ вѣрованій, они знаютъ лишь изъ особаго рода сказаній. Въ жизни же они имѣютъ дѣло съ духами совершенно инаго порядка, которые и по природѣ, и по наклонностямъ близки къ человѣку, но только сильнѣе его. Это домовики, лѣсовики, лѣсные старики, водяники, водяныя женщины и т. п. Когда-то эти духи были языческими геніями, иные изъ нихъ принадлежали къ лику боговъ, но, по введеніи христіанства, потеряли свои престолы. Впрочемъ, отнявъ у нихъ значеніе, христіанство не лишило ихъ совсѣмъ власти, потому, вѣроятно, что культъ ихъ былъ не общественный, а семейный.

«Чтобы какъ-нибудь согласить существованіе своихъ пенатовъ съ христіанскими понятіями, народъ сложилъ слѣдующую легенду: «по досюльскому окіянъ-морю плавало два гоголя: первый бѣлъ-гоголь, а другой черенъ-гоголь. И тыми двумя гоголями плавали самъ Господь Вседержитель и Сатана. По Божію повелѣнію,

по Богородицыному благословенію, сатана выздынулъ со дна синя моря горсть земли. Изъ тоя горсти Господь-то сотворилъ ровныя мѣста и путистыя поля, а сатана понадѣлалъ непроходныхъ пропастей, щельевъ и высокихъ горъ. И ударилъ Господь молоткомъ въ камень и создалъ свое воинство. И пошла между ними великая война: по началу одолѣвала было рать сатаны: но подъ конецъ взяла верхъ сила небесная. И сверзилъ Михайла Архангелъ съ небеси сатанино воинство, и попадало оно на землю въ разныя мѣста: которые пали въ лѣса, стали лѣсовиками, которые въ воду — водяниками, которые въ домъ — домовиками; иные упали въ бани и сдѣлались баянниками, иные во дворахъ — дворовиками, а иные въ ригахъ — ригачниками.»

Долго я любовался дикою ночью среди дремучаго лѣса. Наконецъ, мы легли спать, съ тѣмъ, чтобы завтра утромъ отправиться назадъ; но я не могъ сомкнуть глазъ по совершенной непривычности положенія. Отъ паденія воды, скала и стоящее на ней зданіе сотрясались. Непомѣрный шумъ, который отъ движенія воздуха или отъ большаго или меньшаго напора воды нѣсколько измѣнялся; наконецъ, этотъ подземный гулъ, этотъ ужасающій голосъ бездны, не давали покоя. Проворочавшись почти всю ночь, я очень обрадовался, когда на вершинахъ деревъ замѣтилъ первые лучи солнца. Я немедленно вышелъ на балконъ. День былъ чудный, свѣжій, послѣ вчерашняго дождя. Я слѣдилъ, какъ солнце, вставая, кралось съ вершинъ деревьевъ все ниже и ниже; наконецъ, освѣтило верхнюю часть водопада и заиграло радугами въ брызгахъ, которые

извергала бездна. Радуги эти переходили съ мѣста на мѣсто, по мѣрѣ солнечнаго движенія. Напившись чаю, мы переѣхали на ту сторону, то-есть на скалу, которая похожа на слоновую голову. На ея вершинѣ построенъ бельведеръ, изъ котораго третій видъ на водопадъ. Когда я взглянулъ внизъ, сердце у меня замерло. Вся рѣка была ниже насъ, а клокочущая бездна подъ ногами реветъ, крутится и высылаетъ прямо въ лицо столбъ водяной пыли. Съ ужасомъ я смотрѣлъ на эти мчащіяся массы воды, а между тѣмъ мои гребцы карабкались по отвѣсному берегу прямо надъ первымъ уступомъ водопада, и сбрасывали туда огромныя деревья.

— Это составляетъ первое удовольствіе всякаго пріѣзжаго на Кивачъ.

— Лонись (то-есть лѣтось, въ прошломъ году), замѣтилъ мнѣ одинъ изъ гребцовъ, — три мужичка свалились въ падунъ-то.

— Какъ! Какимъ образомъ?

— Сплавляли лѣсъ, да какъ-то и свернулись.

— Ну, и утонули?

— Нѣтъ, двое остались живы, выкинуло тамъ вонъ, возлѣ бугра, только о каменья сильно ободрало. Третій утонулъ.

У Державина прекрасно и чрезвычайно вѣрно описанъ внѣшній видъ водопада.

«Жемчугу цѣлые холмы.
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми,
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ
Далече ревъ въ лѣсу шумитъ.»

Обратное путешествіе наше совершилось также благополучно. Въ Кончезерѣ ко мнѣ подошелъ кто-то и предложилъ рябчиковъ. Я отказался, такъ какъ рябчиковъ и въ Петрозаводскѣ было достаточно. Предлагавшій, однакожь, объявилъ, что вѣдь это рябчики живые; противъ такого чисто мѣстнаго сюрприза нельзя было устоять, и мы привезли въ Петрозаводскъ пару живыхъ рябчиковъ.

Да, угрюмъ, теменъ, дикъ этотъ край. Человѣку здѣсь непріютно; климатъ суровъ, почва непроизводительна. Оттого и народонаселеніе здѣсь рѣдко, хотя и сохранило въ себѣ здоровую, простодушную натуру древняго человѣка. Селенія разбросаны на дальнія разстоянія.

Въ безконечномъ отдаленіи вѣковъ волканическія силы выдвинули эти каменныя громады: онѣ такъ и замерли. На нихъ поросъ дремучій лѣсъ. Въ немъ бродитъ медвѣдь, спасается отъ охотника олень, порхаетъ рябчикъ, кроется въ бѣлый мохъ черный мошникъ, что-то въ родѣ тетерева — и на безлюдьѣ, по ночамъ, гайгайкаетъ съ своимъ воинствомъ *Мусаилъльсъ*.

ПОДЪ БЕРЕЗАМИ.

ПОВѢСТЬ.

Въ то время, когда еще не было не только паровъ и телеграфовъ, но даже стеариновыхъ свѣчъ, въ одномъ далекомъ, очень далекомъ краю, въ обширной комнатѣ, стѣны которой были уконопачены мохомъ, стоялъ большой круглый столъ, а на столѣ горѣли двѣ сальныя свѣчи. За столомъ сидѣла дама, еще далеко не старая, съ нѣжными, чрезвычайно добрыми чертами лица, и читала вслухъ огромную книгу славянской печати. Слушателями были: мальчикъ лѣтъ семи, который, облокотясь руками на столъ и крѣпко напрягая слухъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобы не уснуть; пожилой человѣкъ, стоявшій у дверей, прислонясь плечомъ и даже головой къ косяку, да старуха лѣтъ шестидесяти, въ бѣломъ чепцѣ, съ серебряными круглыми очками на носу и съ чулкомъ въ рукахъ.

«Хрисанфъ нача къ дѣвицѣ глаголати: аще маловременнаго ради со мною, человѣкомъ смертнымъ, сочетанія, о чудная дѣво! толикою лѣпотою украсилася еси, да развратиши душу мою, инаго любовію одержимую; то кольми паче подобаетъ ти попещися, да у безсмертнаго Царя Сына Божія любовь обрѣсти. Ангели тебѣ будутъ другами, апостолы пріятельми, мученицы ближними.»

Въ эту минуту чтеніе было прервано страшнымъ ударомъ въ стѣну, какъ будто кто выстрѣлилъ изъ ружья. Ребенокъ вздрогнулъ и вскрылъ во всю круглоту большіе, черные глаза, старушка сотворила молитву, и всѣ съ вопросительнымъ недоумѣніемъ посмотрѣли другъ на друга.

— Это морозъ, матушка, Марья Степановна, сказалъ спокойно стоявшій у дверей человѣкъ.

— Ахъ! такъ видно сильный морозъ, Ѳедя? спросила тревожно Марья Степановна.

— Знатный морозъ, сударыня; вызвѣздило такъ, что ужасъ!

— Боже мой! они перемерзнутъ, бѣдные, неужели Иванъ не догадается завезти ихъ погрѣться, хоть въ Щепкино? Вѣдь 25 верстъ проѣхать въ этакой морозъ — ужасно!

— Какъ, мать моя, не заѣхать, возразила старушка: — Экой морозъ! что онъ злодѣй, что ли, что станетъ морозить дѣтей малыхъ?

— А отчего это морозъ стучитъ? спросилъ мальчикъ, видимо еще не оправившись отъ испуга.

— Это, батюшка, онъ зябнетъ, сердечный, отвѣчалъ мужчина, стоявшій у двери, тотъ самый Ѳедя,

съ которымъ говорила Марья Степановна: — зябнетъ, такъ и просится погрѣться.

Всѣ улыбнулись, а мальчикъ еще больше раскрылъ свои глаза и глядѣлъ вопросительно, не зная, шутка это, или чистая истина.

— Это, свѣтикъ мой, стѣны-то деревянныя трескаются отъ мороза, бревна-то щелятся, такъ и трещатъ, прибавила успокоительно старушка, полагая, что ея замѣчаніе вполнѣ объяснило, почему морозъ трещитъ.

Чтеніе опять продолжалось:

«Та и множайшая Хрисанфу святому глаголющу, вѣрова Дарія во единаго истиннаго Бога Господа нашего Іисуса Христа и совѣщашася оба жить въ безбрачномъ супружествѣ, храняще непорочное дѣвство. И раздѣлишася въ особенные аки монастыри устроенные домы...»

При этихъ словахъ опять всѣ вздрогнули: странный шумъ и трескъ раздался въ сѣняхъ, которыя отдѣлялись одной небольшой прихожей. Кто-то сильно скребъ въ сѣнныя двери и стучался. На этотъ разъ мальчикъ первый нашелся:

— Это Гремилушко просится; пусти его, мама, онъ озябъ.

— Ахъ онъ песъ толстомясый! возразила старуха сердито, — переполошилъ до смерти, я думала и Богъ знаетъ что.

— А что вы думали, Ѳедора Ларивоновна? сказала Марья Степановна, — вы думали, домовой!

— Э, мать моя, что ты къ ночи-то говоришь, Господи помилуй, ну его...

— Мама, пусти, приставалъ мальчикъ, — онъ озябъ.

— Пусти его, Ѳедоръ, сказала Марья Степановна.

Ѳедоръ не совсѣмъ охотно отсталъ отъ косяка и, перейдя прихожую, растворилъ двери въ сѣни. Огромная черная собака робко вошла въ залу и начала шумно ласкаться у ногъ каждаго, тыкая мордой руки и полизывая ихъ; не преминула подвернуться и подъ самыя ноги старухи, такъ что та, въ испугѣ, закричала.

— Лежать! крикнулъ сердито Ѳедоръ, и песъ тотчасъ присмирѣлъ. Сѣвъ возлѣ стула мальчика, собака ласково положила свою хохлатую голову, отъ которой вѣяло свѣжестью мороза, на колѣни дитяти и скоро задремала. Когда чтеніе началось, Гремилушко нѣсколько разъ покушался упасть отъ дремоты и наконецъ дѣйствительно свалился и заснулъ у стула. Ребенокъ нѣжно посматривалъ на своего добраго сосѣда, но продолжалъ слушать съ глубокимъ вниманіемъ.

Въ книгѣ разсказывалось, что когда увеличилось число послѣдователей Хрисанфа и Даріи, «возста въ городѣ мятежъ великъ и молва». Народъ говорилъ: оскудѣетъ родъ людской, если мужской полъ будетъ отлучаться отъ женскаго страннымъ ученіемъ и волшебною прелестію Хрисанфа и Даріи. Тогда повелѣно было мучить ихъ до тѣхъ поръ, пока они не принесутъ жертву богамъ. Хрисанфа заключили въ темницу, а Дарія въ безстыдный домъ отведена была; но въ защиту дѣвы бѣжалъ левъ изъ затворовъ, и легъ у

ногъ ея. Увѣдавъ о томъ, Нумеріанъ царь повелѣлъ лютыми погубить ихъ муками. Оба были брошены въ ровъ глубокъ и засыпаны камнями. «Такъ, имѣя въ жизни сей общее въ духовномъ супружествѣ житіе, Хрисанфъ и Дарія скончалися вмѣстѣ, пріявъ мученическіе вѣнцы отъ Господа нашего Іисуса Христа, ему же слава державы нынѣ и во вѣки вѣковъ, аминь!»

Чтеніе кончилось. Марья Степановна задумчиво перебирала листы разогнутой книги; старушка заливалась горькими слезами, снявъ очки и отыскивая платокъ въ ридикюлѣ; фыркалъ какъ-то и Ѳедоръ, чѣмъ всегда обозначалось его внутреннее волненіе; безучастно оставалось только дитя. Ребенокъ не осилилъ долгаго чтенія, и, положивъ гладко-остриженную головку на правую ручку, спалъ крѣпкимъ сномъ.

— Вотъ какъ святые-то угодники трудились да молились, молвилъ Ѳедоръ: — А мы то, грѣшные, за чѣмъ, за чѣмъ не гоняемся! Иной разъ и разгорюешься, а о чемъ? о самыхъ пустякахъ, индо разревешься. А, вѣдь, передъ Богомъ такъ не вспла-чешь; хоть по щекѣ рѣзни, слезинки не выронешь.

— Да, Ѳедя, сказала Марья Степановна съ чувствомъ, грѣшные мы люди, грѣшные!

— Охъ, грѣшные, матка моя, грѣшные! — вскричала, хныкая, старуха: — Бога-то гнѣвимъ какъ, Боже мой! Вотъ хоть бы я: на-ко третью недѣлю у обѣдни не была. Господи Боже мой, а вѣдь...

— Постойте-ко... ровно ѣдутъ, колокольчикъ, сказала, измѣнясь въ лицѣ, Марья Степановна: — слышите?

Всѣ смолкли; на минуту всѣ притаили дыханіе, и въ комнатѣ стало совсѣмъ беззвучно.

— Нѣтъ-съ, это сторожъ въ доску колотитъ въ Пашковѣ. Они, сударыня, сегодня уже не будутъ; кабы пріѣхать, такъ пріѣхали бы ужь.

— Почему же?

— Да такъ-съ. Въ Тычиху-то они пріѣхали поздно; потому съ утра была мятель сильная; ну, покормили лошадей, погрѣлись, вотъ ужь и ночь; куда пускаться ночью въ такой морозъ? Они выѣдутъ на разсвѣтѣ, и къ завтраку сюда будутъ.

— Такъ ты думаешь, Ѳедя?

— Да, сударыня, надо быть такъ. Иначе какъ бы ужь не пріѣхать, вѣдь ужь пѣтухи пропѣли.

Марья Степановна грустно задумалась, и молчаніе было продолжительно; прервалъ его Ѳедоръ:

— А вы, сударыня, сказалъ онъ Марьѣ Степановнѣ, — Михайлу-то Сергѣичу попеняйте; все-таки послабленія нельзя давать-съ.

— Да какъ попенять-то? грустно сказала Марья Степановна: — не умѣю, Ѳедя.

— Ну, да такъ-съ скажите: нехорошо, молъ, батюшко, учиться надо: ученье свѣтъ, неученье тма: надо, молъ, тебѣ ученьемъ выходить въ люди, у тебя, молъ, состоянія нѣтъ...

— Ахъ, Ѳедоръ! да что же говорить безпрестанно о томъ, что они и безъ того, къ несчастію, узнаютъ: зачѣмъ заранѣе буду пугать ихъ бѣдою, — говорила сквозь слезы Марья Степановна.

— Такъ-то такъ, сударыня, да, вѣдь, я по любви же къ нимъ говорю. Вѣдь, надо же ихъ маленько под-

держать, а то, вѣдь, пожалуй, и въ слѣдующемъ классѣ на другой годъ останутся, — нехорошо-съ.

— Правда, правда, Ѳедя. Я внушу ему, внушу.

— Кушанье поставлено-съ? сказала изъ двери дѣвушка, которую въ темнотѣ только и можно было замѣтить по бѣлому переднику?

Малютку приняла въ свои объятія нянька и уложила тотчасъ же въ постель, такъ что онъ не чувствовалъ какъ его раздѣли почти до-нага. Прочіе встали и отправились въ столовую, не исключая и Гремилушки, который разсчитывалъ тамъ на вѣрную поживу. Деревенскій ужинъ былъ продолжителенъ, но наконецъ кончился; всѣ распростились и побрели предаться покою, которому и отдались скоро. Первый уснулъ, растянувшись на полу, Ѳедоръ Никитичъ. Въ этомъ можно было удостовѣриться потому, что тотчасъ же раздались по комнатѣ страшные разговоры его. Во снѣ онъ говорилъ въ тысячу разъ болѣе, чѣмъ въ бодрствованіи. За нимъ заснула Ѳедора Ларіоновна, долго и усердно кладя земные поклоны на колѣняхъ; за нею успокоилась и прислуга, переставъ стучать посудою; послѣ нихъ уснула мать, со слезами на глазахъ, мечтая о завтрашней встрѣчѣ; уснуло все; не спала только одна — ночь морозная! Когда погасъ мерцавшій и робкій свѣтъ свѣчей, когда смолкли домашній говоръ и суета, она глянула въ окна яркими своими очами. И сколько жизни, движенія, блеска было въ этой холодной красавицѣ! Миріадами огненныхъ блестокъ сверкали блѣдноголубыя небеса, ослѣпительно горѣлъ бѣлый полный кругъ мѣсяца, какъ парча свѣтлѣло бѣлое поле; на немъ тамъ, въ дальней сторонѣ, какой-то

черный великанъ сердито махалъ громадными руками: это вѣтряная мельница работала при блескѣ бѣлой ночи; влѣво сторонился темный лѣсъ; въ него прятался кто-то бѣлый и вспрыгивалъ на черныя лапы сосенъ; прямо бѣжалъ огородъ, а возлѣ него какъ-будто кувыркался и вертѣлся какой-то призракъ; дальше была даль, синяя, безбрежная, но не пустая, тамъ тоже былъ кто-то. Тамъ:

Мѣсяцъ свѣтитъ, долъ сребрится,
Мертвецъ съ дѣвицею мчится.

II.

«Ѣдутъ!» раздалось гдѣ-то въ комнатахъ, на другой день, часу въ 12-мъ утра; «ѣдутъ!» вскричалъ мальчикъ, который все время стоялъ на окнѣ и внимательно смотрѣлъ на дорогу; «ѣдутъ!» закричали дѣвки въ дѣвичьей, бросясь со всѣхъ ногъ на крыльцо; «ѣдутъ!» кричалъ комнатный мальчикъ Мишка, молніей промчавшись мимо оконъ, причемъ онъ перекувыркнулся не разъ въ снѣгу, и отворялъ уже ворота: «ѣдутъ, ѣдутъ,» лаяли собаки, весело помахивая хвостами. Дѣйствительно, скоро остановилась у крыльца крытая кибитка, запряженная тройкою гусемъ. Изъ кибитки вышли два молодые человѣка, и быстро пошли по лѣстницѣ, не смотря на то, что ихъ съ обѣихъ сторонъ хватали за руки, цѣловали, обнимали, тыкались въ ноги собаки и Богъ знаетъ что; наконецъ и мальчикъ, вчера слушавшій Четьи-Минеи, бросился имъ на шею, крича: «братцы, братцы!» Вотъ и она — мать.

Марья Степановна не выбѣжала на крыльцо, не вышла даже въ переднюю, она не бросалась дѣтямъ на шею, не плакала и не кричала отъ радости: она просто стояла, какъ каменная, посреди залы, и только по нѣкоторой блѣдности лица и по какому-то, едва замѣтному, движенію губъ можно было замѣтить, что всякая крикливая и мечущаяся въ глаза радость — ничто въ сравненіи съ этимъ молчаливымъ, скрытымъ въ груди чувствомъ. Только когда подошли къ ней дѣти, и когда она почувствовала горячіе ихъ поцѣлуи, румянецъ вспыхнулъ у ней на щекахъ и слезы въ три ручья брызнули у матери, у дѣтей, а потомъ и у всѣхъ окружавшихъ.

Ѳедоръ Никитичъ, разсчитывавшій, что Марья Степановна непремѣнно сурово приметъ сына, не переведеннаго въ классъ, самъ плакалъ чуть не больше всѣхъ, обнимая молодыхъ людей.

Марья Степановна Званова была вдова полковника, умершаго лѣтъ шесть назадъ. Задолго до происшествій, которыя будутъ здѣсь описаны, полковникъ Сергѣй Александровичъ Звановъ привезъ свою семью, состоявшую изъ молодой, прекрасной собою жены, Марьи Степановны, и двухъ маленькихъ сыновей, въ имѣнье свое, Нелидово. Отцы и дѣды Званова давно были извѣстны въ томъ краю, а его никто почти и не видывалъ, потому-что еще маленькимъ онъ былъ отвезенъ въ корпусъ, откуда прямо поступилъ на службу. Познакомившись съ имѣніемъ, полковникъ сразу понялъ, что тутъ надо сильно работать, чтобы имѣть хоть кусокъ хлѣба. Впослѣдствіи оказалось, что и этого было мало. Съ увеличеніемъ семьи средства все становились

недостаточнѣе. Какъ ни усиливалъ онъ своихъ трудовъ, какъ ни вставалъ въ третьемъ и четвертомъ часу утра, чтобы наблюдать самому за работами — ничто не помогало. Бѣдность, нищета, даже совершенное разореніе грозило семьѣ. Разумѣется, Марья Степановна ничего этого не знала: мужъ окружалъ ее довольствомъ, какимъ могъ, и тщательно хранилъ отъ нея страшную истину. Заложивъ руки за спину, съ трубкою вакштафа, полковникъ прохаживалъ цѣлыя ночи въ этой же самой залѣ, гдѣ жена его читала передъ нами Четьи-Минеи; онъ придумывалъ средства къ спасенію, но приходилъ только къ отчаянію. Были у него далеко, тамъ, въ Петербургѣ, знатные родные, но... полковникъ не писалъ къ нимъ, да и они, кажется, постарались забыть, что онъ существуетъ. Наступила грозная для Россіи эпоха. Появились слухи о смертоносной болѣзни, шедшей къ намъ изъ Индіи. Слухи превратились въ страшную дѣйствительность — и уныло все. Полковникъ ожилъ. Героическому его сердцу открылось великое поприще. Стоны людей, тысячи жертвъ звали его на помощь. Верхомъ, на старой рыжей кобылѣ, ѣздилъ онъ по селеніямъ, потерявшихъ бодрость, крестьянъ и подавалъ тамъ помощь, въ другомъ мѣстѣ — утѣшеніе; но недавно кто-то сказалъ: «мудрено ли смерти, или какому-нибудь другому бѣдствію, вырвать изъ жизни того, кто совершенно уединенъ жизнью.» Однажды, выѣхавъ, по обыкновенію, рано утромъ къ больнымъ, полковникъ Звановъ воротился ранѣе обыкновеннаго, съ страшно измѣнившимся лицомъ. Онъ тотчасъ же позвалъ къ себѣ Ѳедора (камердинера и управляющаго, единственнаго человѣка, которому онъ повѣ-

рялъ всѣ муки души своей), велѣлъ постлать на диванѣ постель, и чрезъ полтора часа сказалъ, что часовъ въ 12 ночи онъ умретъ. Жену онъ выслалъ и благословилъ дѣтей. Послали за докторомъ. Вечеромъ пріѣхалъ маленькій, кругленькій человѣкъ, въ которомъ еще не вывѣтрился казенный студентъ нашихъ университетовъ. Осмотрѣвъ больнаго, онъ обложилъ его горчичниками и припарками; черезъ полчаса полковникъ сбросилъ всѣ эти припарки, сказавъ голосомъ, слишкомъ хорошо извѣстнымъ: *будетъ!* Дѣло въ томъ, что больной, по разосланнымъ описаніямъ болѣзни и по собственнымъ наблюденіямъ понялъ, что у него страшная и неизлечимая холера, и, что ему остается жить не болѣе какъ нѣсколько часовъ. Онъ подозвалъ Ѳедора и, взявъ его за руку, сказалъ: «умираю, другъ Ѳедоръ, помоги женѣ и дѣтямъ.» Ѳедоръ, по обыкновенію, фыркнулъ разъ, другой, третій, и когда въ состояніи былъ говорить, сказалъ: «умирайте, сударь, спокойно, буду служить до послѣдняго издыханія.» Полковникъ въ двѣнадцатомъ часу ночи дѣйствительно умеръ. Всѣ ожидали, что Марья Степановна, которая дышала единственно любовью къ своему другу, непремѣнно за нимъ послѣдуетъ; но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ опредѣляетъ. Марья Степановна была цѣлый мѣсяцъ на краю гроба, потомъ встала, и скоро преблагополучно разрѣшилась младенцемъ, который лишенъ былъ счастія видѣть своего отца, а потому и названъ былъ его именемъ. Это именно тотъ самый мальчикъ, Сережа Звановъ, который, въ описанный нами вечеръ, уснулъ, слушая Четьи-Минеи.

Слѣдуя изрѣченію *сила моя въ немощи совершается*, Марья Степановна обратила всю свою душу на дѣтей и имѣнье. Весь геній матери, весь неистощимый запасъ женскаго сердца устремился къ одной цѣли — и чудо! гдѣ изнемогъ духъ ея мужа, одержала побѣду женщина больная, неопытная. Чрезъ два, три года имѣнье стало освобождаться отъ долговъ, дѣти пристроены: младшіе въ кадетскіе корпуса, а старшіе, тѣ, которыхъ пріѣздъ ожидался, одинъ Леонидъ, оканчивалъ уже курсъ въ университетѣ, а другой, Михаилъ, былъ въ одномъ изъ старшихъ классовъ гимназіи. Онъ-то и не перешелъ въ слѣдующій классъ. Это былъ мальчикъ лѣтъ шестнадцати, съ бѣлокурыми волосами, тонкими, нѣжными чертами лица, очень похожими на материнскія. Старшій же Леонидъ, хотя и былъ еще очень молодъ, казался гораздо серьезнѣе и развитѣе. На красивомъ его лицѣ, скорѣе задумчивомъ чѣмъ веселомъ, были уже замѣтны легкія линіи на челѣ. Сережа только оставался при матери, но и тотъ уже былъ записанъ въ корпусъ.

Большой круглый столъ покрылся уже яствами. Деревенскіе пироги, ватрушки, птицы, грибы и грибки, моченые, соленые, отварные, стояли въ порядкѣ на столѣ.

— Покушай, Мишенька, покушай, говорила Ѳедора Ларіоновна: — Гляди-ко, ты какой худенькій: заморили тебя ученые-то.

— И ты похудѣлъ, Ли, сказала мать: — здоровъ ли ты? (Сережа еще младенцемъ звалъ старшаго брата Леонида: Ли; такъ это имя и осталось за нимъ).

— Здоровъ, мамаша, отвѣтилъ Леонидъ, — но вы?

— Плохо, мой другъ, все плохо. Докторъ говоритъ, что пройдетъ скоро, но...

Ли грустно уставилъ лицо въ тарелку и не продолжалъ разговора.

— Кушай грибки-то, Леонидушка, шептала Ѳедора Ларіоновна, — кушай, голубчикъ, не береги, вѣдь здѣсь не купленное, родной мой, да нынче ихъ таки много было.

— А что ваше Рожново, Ѳедора Ларіоновна? все такое же милое?

— Все, слава Богу, родной мой, слава Богу, стоитъ-себѣ.

— А Журка вашъ живъ? спросилъ Миша.

— Живъ, живъ, батька мой. Охъ голубчикъ мой! все-то онъ помнитъ. Живъ, лѣтомъ было-захирѣлъ, думала околѣетъ, но поправился.

Завтракъ наконецъ кончился. Миша развязалъ чемоданы и сталъ вынимать гостинцы и разныя городскія диковинки, а Леонидъ, отошелъ и взглянулъ въ окно: слезы навернулись у него на глазахъ. Невозмутимо-спокойно лежало чистое поле; ничто въ немъ не измѣнилось: та же вѣтряная мельница, Архипа Данилыча; въ сторонѣ перелѣсокъ, гдѣ лѣтомъ родятся отличныя масленки, а осенью — рыжики и волнушки; вонъ дорога къ приходу. Сколько путешествій совершилось по ней то веселыхъ, то грустныхъ — и все дѣтство, веселое и милое, воскресло передъ Леонидомъ... А перелѣсокъ... лѣто... пѣсни... и вечеръ, вечеръ... Вотъ и онѣ — березы. Дѣйствительно, изъ окна былъ видѣнъ садъ, почти пустой, только въ дальнемъ углу его стояли три громадныя березы. Покрытыя бѣлымъ

инеемъ, онѣ, какъ сѣдые великаны, стояли неподвижно, возвышаясь надъ всей усадьбою. За березами, на другомъ краю оврага, стояла, покосившаяся на бокъ, старая изба, въ которой жила старуха Аграфена. Еще при полковникѣ пришла она откуда-то, и выпросила позволеніе жить тутъ; съ-тѣхъ-поръ и жила, хотя нерѣдко уходила иногда надолго, но куда — никто не зналъ. За избою блестѣло, отъ лучей солнечныхъ, опять поле.

— Ли, сказалъ, подошедши къ студенту, Сережа, — подъ березами видѣли лѣтомъ орла.

— Въ самомъ-дѣлѣ? улыбаясь, спросилъ Леонидъ Сергѣевичъ.

— Да, орла. Вотъ Ѳедосья видѣла; издалека, чу. летѣлъ; все этакъ кружился, кружился; перелетѣлъ черезъ березы да и сѣлъ на крышу Аграфены.

— Ѳедосья мало ли что тебѣ наскажетъ, возразилъ старшій братъ, стараясь показать, что онъ слишкомъ ученъ, чтобы вѣрить въ такіе пустяки. — А вотъ мнѣ хотѣлось бы пойти къ березамъ, посмотрѣть на нихъ, да, вѣдь, нельзя, я думаю?

— Можно, можно! вскричалъ мальчикъ, подпрыгивая отъ удовольствія, и ожидая, что и онъ, вѣроятно, пойдетъ съ старшимъ братомъ, — отчего нельзя? тутъ тропинка есть.

Березы дѣйствительно составляли въ Нелидовѣ *нѣчто*. Во-первыхъ, положительно никто не помнилъ, когда онѣ были меньше; всѣ знали ихъ такими, какъ теперь: громадными, старыми, навѣсившими свои вѣтви надъ оврагомъ, на берегу котораго онѣ стояли. Сколько поколѣній воспиталось и выросло подъ этими березами — кто знаетъ? только не мало преданій время на-

вѣсило на ихъ старые сучья. Здѣсь, напримѣръ, тетушка Лукерья Даниловна, завивала разъ вѣнки въ семикъ съ дѣвушками; бросали эти вѣнки въ ручей: у всѣхъ барышень вѣнки-то завертѣлись и поплыли, а тетушкинъ утонулъ.

Что же-съ? Тетушка съ тѣхъ поръ стала худѣть да чахнуть, и въ самую послѣднюю пятницу передъ масляницей, когда вѣнчался сосѣдъ ея на высоковской барышнѣ, скончалась, Богъ знаетъ отъ какой болѣзни. А старый баринъ, бригадиръ, который жилъ тутъ когда еще пудру и косу носили, любилъ здѣсь посидѣть съ священникомъ и дьякономъ, потолковать съ ними о духовныхъ предметахъ, причемъ они нерѣдко страшно горячились.

Но березы были милы нашимъ молодымъ людямъ не по дѣдовскимъ преданіямъ. Собственная жизнь ихъ, отъ ранняго дѣтства до прекрасной юности, развилась вся подъ кудрями этихъ плакучихъ березъ. Тутъ, когда весенніе ручьи потекутъ съ горъ, мельникъ Ларіонъ, устроивалъ имъ подъ горою маленькую мельницу; лѣтомъ отецъ собственноручно дѣлалъ имъ тутъ крестовки. Какъ весело, бывало, украдкой взобраться на самую вершину дерева, и съ этой высоты смотрѣть на мирную зеленую окрестность! Нелидово принадлежало къ тѣмъ помѣстьямъ средней руки, которыя не гнались за красотою мѣстоположенія, а предпочитали хозяйственныя удобства. Все оно облегалось полями; съ одной стороны зеленѣло, какъ венеціянскій бархатъ, яровое; съ другой — желтѣла рожь и переливалась мягкими волнами по вѣтру; внизу бѣжала рѣчка, усыпанная вся камнями безконечно-различныхъ

величинъ, такъ что маленькіе были меньше горошины, а на большомъ могло отужинать цѣлое семейство; рѣчка то пряталась въ зеленый елошникъ, то сверкала на цвѣтистыхъ лугахъ, то вдругъ придвигалась къ высокой обрывистой, глиняной стѣнѣ берега, на которой кой-гдѣ зеленѣла мать-и-мачиха; дальше былъ лѣсъ, — не глухой, не страшный лѣсъ: зеленый березнякъ мѣшался съ колючимъ ельникомъ; тамъ весело звучали колоколки, иногда раздавалось ржаніе коня или мычаніе коровъ: это — выпускъ, гдѣ мирно пасутся стада; по дальше, на горизонтѣ, синѣется, уже покрытый мглой, дремучій лѣсъ, а выше-выше, чуть замѣтно, что-то желтое, свѣтлое.

— Что это? спрашивалъ, бывало, Ли комнатнаго мальчика Сысоя, который, какъ бѣлка, вертѣлся на самой вершинѣ дерева.

— Это Чернягинскія горы, отвѣчалъ тотъ, гордясь своими познаніями надъ барриномъ.

— Далеко онѣ отсюда?

— Какъ же не далеко-съ! только вотъ въ красный день и видны бываютъ — верстъ 20 отсюда... мы съ папенькой вашимъ ѣздили туда лошадей покупать; дѣдушка Микита былъ кучеромъ, а я лакеемъ-съ.

— Высоки эти горы?

— Высоки-съ! отвѣчалъ мальчишка.

И Леониду ужасно хотѣлось бы перелетѣть черезъ дремучій лѣсъ и побывать на этихъ горахъ, въ золотой дали, высившейся надъ темнымъ лѣсомъ подъ голубыми небесами.

Бѣлая кора березъ была настоящая лѣтопись: тутъ обозначались всякаго рода чувства и событія; сколько

было тутъ вензелей, знаковъ различныхъ, стиховъ—и Богъ знаетъ чего! Дѣвушки выписывали тутъ завѣтныя имена и памятные дни; дѣти, глядя на нихъ, тоже вырисовывали собственныя свои вензеля, числа и годъ. Отставной поручикъ Самоваровъ, служившій засѣдателемъ, порядочно выпивши разъ чаю съ французской водкой, начертилъ на березахъ, ни съ того, ни съ сего: *Ура, Кутузовъ!* а Лизавета Васильевна, дѣвица лѣтъ 45-ти, необыкновеннаго роста и толщины, написала тутъ же:

Законы осуждаютъ
Предметъ моей любви!

Но удивительнѣе всего то, что сосѣдній помѣщикъ, Власъ Никандровичъ Пузыревъ, пожилой уже человѣкъ и большой штукарь на разныя вещи, вырѣзалъ на корѣ дерева трефовую даму. И вообще, порядочную лѣтопись хранили на своихъ стволахъ эти маститыя творенія нелидовскаго растительнаго царства. Не мало случалось тутъ и чудесъ. Разъ — и это видѣлъ собственными глазами самъ Леонидъ Сергѣевичъ, который былъ тогда уже въ высшихъ классахъ гимназіи — разъ, во время ужина, всѣ внезапно устремили глаза къ оврагу: на противоположномъ концѣ его поднялся огненный шаръ и понесся къ березамъ. Растягиваясь все болѣе и болѣе въ линію, онъ вился змѣеобразно надъ избой Аграфены и разсыпался искрами. Въ ужасѣ всѣ кричали: «змѣй, змѣй!» Леонидъ Сергѣевичъ сказалъ, что это метеоръ; но слово это испугало еще болѣе, потому что змѣй хоть и страшенъ, но все-таки понятенъ; а ужъ метеоръ — рѣши-

тельно ни для кого не былъ понятенъ. Въ другой разъ со всѣхъ ногъ вбѣжала къ Марьѣ Степановнѣ горничная дѣвка, Варвара, крича издалека:

— Матушка, Марья Степановна, смотрите-ко подъ березами чудо-то какое!

— Что такое, что такое? спрашивала Марья Степановна.

— Смотрите-ко, матушка... кричала Варвара, открывая передникъ.

И дѣйствительно удивительно: въ передникѣ у Варвары были шесть бѣлыхъ грибовъ.

— Гдѣ ты ихъ нашла?

— Да подъ березами.

— Полно!

— Истинный Христосъ, подъ березами, на лужайкѣ-то, гдѣ обѣдаютъ, подъ самой большой березой.

— Да ты обыскала ли, дура, хорошо? спросила ключница Анисья, прибѣжавшая на шумъ, — нѣтъ ли тамъ еще?

— Обыскала, нѣту больше.

— Ну! ужь ты обыскала!

— Ей-богу, обыскала, подите хоть сами посмотрите.

— Ну, пойдемъ, дура, я сама посмотрю; ужь если найду, я тѣ клочья-то всчищу, говорила Анисья, неизвѣстно за что ругая Варвару. За ними пошли всѣ, искали грибовъ долго, перешарили каждый листочекъ и ничего не нашли. Да и вообще грибовъ подъ березами, ни прежде, ни послѣ, не нахаживали. Обстоятельство это было найдено необыкновеннымъ. И дѣйствительно, въ тотъ же годъ, передъ самымъ

рождественскимъ постомъ, Варвара, совершенно ни для кого неожиданно, разрѣшилась ребенкомъ, который, впрочемъ, скоро умеръ.

III.

Хороню я, хороню
Чисто золото,
Чисто серебро.,
Палъ, палъ перстень
Въ калину, малину,
Въ черную смородину.

Такъ пѣло множество голосовъ мужскихъ и женскихъ въ той же самой комнатѣ, гдѣ мы впервые встрѣтились съ Марьей Степановной. Но зала эта теперь блистала отъ множества свѣчей, разставленныхъ по столамъ и даже окнамъ. Толпа, наполнявшая залу, представляла такую пестроту, что въ глазахъ рябило. Кромѣ разноцвѣтныхъ сарафановъ, шубъ и платьевъ, тутъ были турки, армяне, цыганы, уланъ, неизвѣстной націи лице въ какомъ-то соломенномъ колпакѣ, татаринъ и даже медвѣдь. Это — ряженые, любезный читатель, это — святки нашей затѣйливой старины. Марья Степановна кажетъ своихъ сынковъ сосѣдямъ; всѣ они, ближніе и дальніе, барыни и барышни, съѣхались къ ней на вечеръ, а за ними уже въ слѣдъ, дворовыя дѣвушки, молодцы и молодицы сошлись со всѣхъ сторонъ — попѣть пѣсни, поводить хороводы, поиграть въ святочныя игры и т. п. Вотъ въ рядъ сидятъ молодые и старые, мужчины и женщины. Одна дѣвушка, съ перстнемъ въ рукѣ, обходитъ всѣхъ,

кладя въ руку этотъ перстень, тогда какъ пѣсня продолжаетъ:

Гадай, гадай, дѣвица:
Въ чьей рукѣ перстень?
Да у дворянина,
Да у молодаго,
На правой на ручкѣ,
На правомъ мизинцѣ.

Избранный долженъ узнать, у кого въ рукѣ перстень. Не узнаетъ — пѣсня начинается снова и тотъ снова долженъ угадывать; если же онъ угадаетъ, то тотъ, у кого найдется перстень, становится на его мѣсто.

Наши сельскія забавы, не смотря на видимую вольность, цѣломудренны и роскошны; въ нихъ еще уцѣлѣла наша старинная искренность и веселость; тутъ нѣтъ ни чопорности, ни бездушности нашихъ раззолоченныхъ гостиныхъ, гдѣ скука служитъ даже признакомъ высшаго тона.

— Отгадайте загадку, сказала дѣвушка съ сильно развитыми формами, подойдя къ Мишѣ.

— Ну, загадай, Наташа, загадай!

— «Заря-заряница — красная дѣвица, къ церкви ходила, ключи обронила; мѣсяцъ увидѣлъ, солнце скрало.»

— «Роса, роса,»— шептали сзади Мишѣ.

— А вотъ еще:

Криво-лукаво
Къ лѣсу бѣжало,
Зелено-кудряво
Спрашивало:

«Криво-лукаво,
Куда ты бѣжишь?»
— Зелено-кудряво,
Тебя стеречи.

Миша опять не зналъ.

— Ну, да что это: *зелено-кудряво?* спрашивала дѣдушка.

— Лѣсъ! сказалъ Миша.

— А *криво-лукаво къ лѣсу бѣжало.*

— Огородъ, огородъ, говорили кругомъ: — Эка загадка! Лѣсъ стережетъ — знамо.

— А вотъ, постой-ко, я тебѣ загадаю, Наталья Васильевна, сказалъ Ѳедоръ Никитичъ, который хотя былъ и старъ, но постоянный уставщикъ всѣхъ возможныхъ игръ.

— Ну, ужь вы загадаете! сказала, смѣясь, Наташа.

— Да, да, угадай-ко:

Сахаръ-виноградъ,
На блюдѣ не бывалъ,
А всякъ его ѣдалъ.

— Ха-ха-ха! раздалось въ толпѣ: — у нея много этого сахару-то винограду.

Дѣвушка раскраснѣлась и тотчасъ скрылась въ толпу, но и тамъ ей было небезопасно: мозолистая рука татарина прямо направлялась *къ сахару-винограду* Наташи.

— Къ столбушкѣ, къ столбушкѣ! раздалось гдѣ-то.

При этомъ словѣ даже изъ гостиной всѣ вышли. Леонидъ Сергѣевичъ, сидѣвшій съ гостями и разсказывавшій о столичныхъ диковинкахъ, тоже вышелъ. Тогда какъ Миша, съ дѣтскимъ весельемъ, вполнѣ предавался святочнымъ забавамъ въ залѣ, Леонидъ Сергѣевичъ только временно участвовалъ въ нихъ, а временемъ сидѣлъ съ гостями.

Игра, къ которой дошла очередь, много значила для красоты и молодости. Кто-нибудь выходилъ къ дверному косяку и говорилъ: *горю, горю у столбика.* Его спрашивали: *по комъ?* Называли кого-нибудь: мужчины—дѣвушекъ, а дѣвушки, разумѣется, мужчинъ. Названный цѣловался съ тѣмъ, который стоялъ у двери или *горѣлъ,* какъ говорится, и самъ становился на мѣсто. Онъ снова говорилъ: *горю, горю,* и т. д. Легко представить, сколько было тутъ веселаго, шутливаго, а вмѣстѣ и страстнаго, затаеннаго, понятнаго только для молодости. Кровь, самолюбіе, ревность, а иногда и благословенная любовь, разыгрывали здѣсь свои роли.

— Вотъ какая красотка! молвила Марья Степановна, указавая на одну дѣвушку своей сосѣдкѣ, Лизаветѣ Васильевнѣ Отрадной, той самой, которая подъ березами неосторожно выразилась, что

Законы осуждаютъ
Предметъ ея любви.

— Да, матушка, Марья Степановна, растетъ, растетъ, отвѣтила та, глядя съ нѣжностію на дѣвушку.

Леонидъ Сергѣичъ протѣснился сквозь толпу, и, взглянувъ на ту, о которой говорили, вспыхнулъ. Впереди густой толпы ряженыхъ и неряженыхъ стояла дѣвушка въ голубомъ шелковомъ сарафанѣ, въ бѣлой батистовой рубашкѣ и въ прекрасномъ головномъ уборѣ, который въ описываемомъ нами краю называется *рефетъ*. Это нѣчто въ родѣ діадемы изъ разноцвѣтныхъ камней, которые у богатыхъ бываютъ очень дорогіе. Но не въ нарядѣ было дѣло. Необыкновенная красота и благородство всей фигуры отдѣляли дѣвушку отъ толпы—сразу. Лице ея и руки до такой степени были бѣлы и нѣжны, что прочія дѣвушки казались при ней совсѣмъ другой породы. Даже барышни, увидя ее, какъ-то странно отворачивались. Прекрасные свѣтло-русые волосы ея выбивались изъ-подъ повязки и роскошной косой спускались сзади; большіе голубые глаза, покрытые темными рѣсницами, взглядывали съ такою нѣжностью и вмѣстѣ ясностью, что не всякій смѣло заглядывалъ въ нихъ. Красавица знала, что на нее смотрятъ, слегка потупила глаза, и покраснѣла.

— *Горю, горю у столбика*, говорилъ, между прочимъ, какой-то господинъ, который былъ наряженъ офицеромъ; но такъ какъ бумажные эполеты и шарфъ были оборваны, то вышелъ ни болѣе, ни менѣе, какъ сынъ отца Ѳедора — писарь изъ дворянской опеки.

— По комъ?

— По Матренѣ Даниловнѣ, отвѣтилъ офицеръ.

И Матрена Даниловна, *вольная дѣвица*, какъ ее называли, рябая и непростительно-высокаго роста, вышла къ бывшему офицеру, поцѣловалась три раза и стала на его мѣсто.

— *Горю, горю...*

— По комъ?

Дѣва долго думала, наконецъ, ужимаясь и закрывая лице рукавомъ, назвала турку. Турка всталъ и вызвалъ горничную Марьи Степановны и т. д.; наконецъ молоденькая дѣвочка лѣтъ 16-ти, съ черными глазами, бойкая и вертлявая, усмѣхнулась и вызвала старшаго барина, Леонида Сергѣича.

— Ну-ко, батько мой, ну-ко, твердила весело Ѳедора Ларіоновна, — ступай! что со старухами-то тутъ трешься.

Немного сконфуженный, Леонидъ Сергѣичъ, долженъ былъ выйти и стать на мѣстѣ.

— *Горю, горю...*

— По комъ?

Молодой человѣкъ назвалъ «Соню». Дѣвушка въ голубомъ сарафанѣ вышла изъ толпы и подошла къ нему. Всѣ невольно обратили вниманіе на красивую пару. Явно-сконфуженная во время поцѣлуевъ, Соня скоро оправилась и стала у стѣны.

— *Горю, горю!...*

— По комъ?

Дѣвушка, едва удерживаясь отъ смѣха, назвала Кирила Аѳанасьевича.

Вся зала грянула отъ смѣха.

— Кирила Аѳанасьевича, — кричали отвсюду, ха, ха, ха!...

И всѣ обратились въ уголъ, гдѣ, не обращая ни на кого вниманія, мирно покоился Кирилъ Аѳанасьевичъ. Это былъ смотритель хлѣбныхъ магазиновъ, необыкновенной толщины, лысый и съ носомъ, похо-

жимъ на картофелину. Выкушавъ пуншику, а потомъ *и запрещеннаго плода*, стоявшаго въ столовой на столѣ, въ графинахъ и бутылкахъ различныхъ сортовъ и величинъ, онъ раскраснѣлся, вспотѣлъ и дремалъ въ потемкахъ; но, вызванный всеобщимъ хохотомъ, онъ всталъ и долженъ былъ подойти къ дѣвушкѣ. Въ залѣ рѣшительно померли со смѣху, когда на мѣсто бѣлоснѣжной дѣвушки сталъ лысый и тучный Кириллъ Аѳанасьевичъ и когда онъ, густою октавою, возгласилъ: «горю, горю».

На вопросъ: *по комъ*? Кириллъ Аѳанасьевичъ серіозно отвѣтилъ:

— По Ѳедорѣ Ларіоновнѣ.

Хохотъ раздался снова въ залѣ.

— Ахъ ты толстопузый! ахъ ты старый хрѣнъ! кричала Ѳедора Ларіоновна: — ну, чтобы тебѣ помоложе-то? Не пойду, не пойду.

— Нѣтъ, нельзя, нельзя! — говорили со всѣхъ сторонъ: — надо идти.

Смотритель флегматически возгласилъ снова: «горю, горю»...

— По комъ?

— По Ѳедорѣ Ларіоновнѣ.

Хохотъ снова раздался, и Ѳедора Ларіоновна, со смѣхомъ и бранью, выползла съ чулкомъ въ рукѣ и расцѣловалась съ нимъ.

— Соня, какъ ты похорошѣла, нашелъ случай сказать Леонидъ во время игры.

— Не насмѣхайтесь, отвѣтила Соня.

— Какъ же ты можешь такъ думать? Развѣ ты меня не знаешь? Всѣ говорятъ, что ты красавица.

— Всѣ говорятъ, что вы, московскіе — насмѣшники.

— Да, вѣдь, я не московскій, а здѣшній. Ты ужь теперь невѣста. О, я думаю, сколько жениховъ-то у тебя!

— Ни одного.

— Ха, ха, ха! снова раздалось въ толпѣ. Посреди комнаты явилась въ своемъ черномъ платкѣ и въ бѣлыхъ очкахъ Ѳедора Ларіоновна, а съ нею пѣтухъ необыкновенной величины. Пернатый только что прохлопалъ крыльями и прокричалъ полночь, какъ былъ схваченъ невѣдомыми ему руками и, не смотря на всѣ его усилія, унесенъ въ комнаты. Велико было изумленіе полуночнаго крикуна, когда онъ очутился въ ослѣпительно-освѣщенной комнатѣ, посреди многочисленнаго собранія.

— Кольца, кольца, дѣвки! кричала между тѣмъ, Ѳедора Ларіоновна. — Ну-ко, матка моя, давай твое первое, — обратилась она къ Марьѣ Степановнѣ и стащила съ ея руки обручальное кольцо: — давайте-ко сюда!

И Ѳедора Ларіоновна разсыпала собранныя кольца вмѣстѣ съ пшеницею.

Пѣтухъ робко осмотрѣлся и сталъ клевать пшеницу, не трогая колецъ. Наконецъ задѣлъ ненарочно чье-то кольцо, отчего оно выкатилось далеко.

— Ну, Маврушка, замужъ... замужъ... Гляди-ко къ городу: видно, за гостиннаго.

Маврушка, толстая и коротенькая дѣвка, съ красными руками, подняла кольцо и спряталась за плечи сосѣда.

Пѣтухъ, между прочимъ, выбросилъ кольцо Сони.

— Ну, — заговорили вокругъ, — суженый, Софья Васильевна, суженый; да, гляди-ко, подъ бокомъ.

Пѣтухъ продолжалъ клевать и по временамъ выбрасывать кольца. Наконецъ ему, вѣроятно, надоѣло подобное занятіе, онъ остановился и сталъ смотрѣть вокругъ. Сообразивъ, что теперь такое время, въ которое лучше спать, чѣмъ заниматься гаданьемъ, онъ махнулъ крыльями и взлетѣлъ на столъ, полагая, что эта родная насѣсть. Тутъ пошла кутерьма. Пѣтухъ сшибъ со стола двѣ свѣчи, изъ которыхъ одна покатилась подъ диванъ, потомъ онъ перепугался и полетѣлъ подъ диванъ, причемъ сшибъ съ татарина ермолку и такъ задѣлъ его по щекѣ, что тотъ разсердился и чуть не треснулъ пѣтуха кулакомъ. Перепуганный суматохой и всеобщимъ гамомъ и хохотомъ, пернатый со всѣхъ ногъ бросился въ гостиную и угодилъ прямо подъ красное платье Анфисы Даниловны, той самой, которая любитъ подпѣвать въ церкви такъ громко, что иногда заглушаетъ и пономаря. Наконецъ пѣтуха загнали какъ-то въ уголъ и поймали.

Игры начались снова. Въ гостиную доносились то пѣсни, то поцѣлуи. Вотъ молоденькая дѣвушка, съ опущенными рѣсницами, ходитъ по комнатѣ и поетъ:

Какъ по морю,
Какъ по морю.

Хоръ подхватываетъ:

Какъ по морю,
Морю синему;
Какъ по морю,
Морю синему.

Дѣвушка продолжаетъ:

Плыла лебедь,
Плыла лебедь.

А хоръ снова подхватываетъ:

Плыла лебедь
Лебединая.

Лили и олово, играли и въ жмурки. Въ гостиной старушки начали уже позевывать.

— Слушать, слушать, — зашептали дѣвушки.

— Слушать, слушать, — повторяли мужчины.

— Слушать, батька мой, слушать, — кричала Ѳедора Ларіоновна, толкая Мишу, — пойдемъ въ амбаръ слушать.

— Соня, пойдемъ, — сказалъ Леонидъ Сергѣевичъ, взявъ дѣвушку за руку.

— Пойдемте, — отвѣтила она, надѣвая большой бѣлый платокъ на блестящую повязку.

Ночь была свѣтлая, лунная. Голоса женскіе и мужскіе пробудили ея задумчивое молчаніе. Всѣ разбѣжались, кто въ овинъ, кто къ амбару, кто къ банѣ. Гдѣ прозвенитъ золотомъ, будетъ мужъ богатъ; гдѣ прошумитъ сусекъ хлѣбомъ — будетъ мужъ тароватъ, а гдѣ повѣетъ въ лицо мѣхомъ — будетъ любить крѣпко. Леонидъ остался наединѣ съ дѣвушкой. Ея бѣлое личико еще бѣлѣе казалось при серебряномъ сіяніи мѣсяца, горѣвшемъ на ея повязкѣ.

— А куда мы пойдемъ? спросилъ студентъ.

Дѣвушка молчала.

— Пойдемъ, Соня! Ахъ, какая ты хорошенькая, сказалъ молодой человѣкъ, взявъ спутницу за руку.

Дѣвушка вырвала руку и остановилась. Леонидъ тоже не зналъ что говорить.

— Пойдемте къ проруби подъ березы, вынемте камешекъ: вынется гладкій — будетъ мужъ красивый; вынется шаршавый — будетъ мужъ скупой.

Соня сбѣжала въ оврагъ, подошла къ проруби и, опустивъ бѣлую свою руку въ прорубь, вынула камень.

— Смотрите, какой? А? какой?

Дѣвушка съ чрезвычайнымъ любопытствомъ ждала отвѣта; но Леонидъ, вмѣсто отвѣта, нагнулся и поцѣловалъ ея холодныя отъ мороза губки. Софья потупилась, и стояла какъ вкопанная. Легкій вѣтеръ покачалъ вершинами деревьевъ и обвѣялъ обоихъ инеемъ. Соня мяла рукою бѣлый платокъ и не знала что дѣлать.

— Соня, ты любишь кого-нибудь? — спросилъ робко Леонидъ Сергѣевичъ.

Дѣвушка молчала.

— Скажи, ты любишь кого-нибудь? — приступалъ онъ, взявъ ее за руку и привлекая къ себѣ.

Соня вырвала руку и пошла къ дому, но воротилась и спросила.

— Вы будете завтра у барышни?

— Буду, буду, прощай до-завтра.

— Ну, прощайте.

— Соня... погоди...

— Что вы?

— Соня... поцѣлуй меня!

Соня, не сказавъ ни слова, быстро побѣжала.

Когда Леонидъ пришелъ домой, гости расходились. Марья Степановна ласково всѣхъ провожала, но добрѣйшій нашъ Кириллъ Аѳанасьевичъ, не могъ отправиться домой: ноги ему совсѣмъ отказались служить. Ѳедоръ и горничныя дѣвушки повели его въ столовую, и уложили на софѣ. Кириллъ Аѳанасьевичъ пытался, кажется, запѣть пѣсню, но только промычалъ и повалился на диванъ.

IV.

— А я такъ думаю, матушка Ѳедора Ларіоновна, все это вздоръ, ослѣпленіе человѣческое.

— Видѣла, видѣла сама, собственными глазами видѣла! подхватила Ѳедора Ларіоновна, вотъ какъ свѣчка, такъ и теплится на самой-то вершинѣ бугра. Ночь была вотъ такая же темная да бурная; ѣхала я, около Покрова, къ покойницѣ Глафирѣ Васильевнѣ. Только выѣхали мы изъ лѣсу-то — такъ-таки, на самомъ-то Толбухинскомъ бугрѣ, и теплится. Вѣтеръ такъ и крутитъ, а она, ровно ничего не бывало, горитъ, — страшно таково!

— Господи, помилуй насъ, грѣшныхъ, сказала при этомъ Марья Степановна, вздохнувъ, и продолжала шить.

— А что же, вырылъ кто-нибудь кладъ-то этотъ? спросилъ Миша, которому съ дѣтства былъ знакомъ бугоръ, про который говорила Ѳедора Ларіоновна.

— На вопросъ этотъ долго не было отвѣта. Старушка сморщила брови и шибко-шибко застучала спицами.

— Вырыли, чу-съ, насмѣшливо отвѣтилъ Ѳедоръ: бабушка, чу, наша Аграфена вырыла.

— А что жъ ты смѣешься, песъ пучеглазый! гдѣ жъ бы она денегъ-то взяла вклады-то дѣлать, да ризы-то золотыя ковать.

— Да гдѣ, матушка, ризы-то эти да вклады? кто ихъ видѣлъ?

— Охъ ужь! сердито сказала старуха и снова застучала спицами.

— Какъ же это? Разскажите, Ѳедора Ларіоновна, заговорилъ Миша.

— Грѣхъ мнѣ, батька мой, говорить-то про это на старости лѣтъ; не осуждай, такъ не осужденъ будеши. Свои грѣхи надо замаливать. Да вѣдь что же: на всякій ротокъ не накинешь платокъ. Вотъ ужь лѣтъ пять — именно съ той поры, какъ змѣй-то у ней показался — свѣчка-то не горитъ.

— Да кто же это вырылъ?

— А вотъ она, старая корга, поганая, Грунька, вотъ, что у васъ на задворкѣ-то живетъ, подъ березами.

— Какъ же это? съ любопытствомъ спрашивалъ Миша.

— А такъ. Кладъ-то этотъ былъ положенъ съ страшнымъ заклятіемъ: кто захочетъ его достать, такъ долженъ душу отдать нечистому; для этого долженъ написать рукописанье своею кровью. Посмотри-ко, у ней рука-то какъ вспорота...

— Ну, какъ же она это достала?

— Да такъ, мой свѣтъ, написала, чу, рукописанье, да ночью и пошла на бугоръ — ее, сказываютъ, и прежде тамъ видали; — взошедъ на самую вершину,

сняла крестъ, три раза обернулась, да и положила на земь. Застонала вдругъ мать-сыра-земля, словно, чу, какъ цѣпями кто-то загремѣлъ; золото-то все изъ-подъ земли и выкатилось — на силу, чу, принесла домой и съ-тѣхъ-поръ колдуетъ.

Мальчикъ усмѣхнулся, и тишина опять водворилась.

— Да мало ли грѣха на свѣтѣ бываетъ! молвила грустно Марья Степановна: — Человѣкъ жаденъ, а врагъ рода человѣческаго тутъ и стережетъ. Вотъ у насъ тоже было, еще матушка-покойница разсказывала, я и домъ-то видѣла: древній такой, но большой, двухъэтажный, каменный; говорятъ, и теперь пустой стоитъ.

— Отчего же, маменька?

— Да Богъ знаетъ, мой милый: Божія ли воля особая тутъ, или вотъ неправедное завладѣніе — Господь знаетъ. Усадьба-то эта стоитъ недалеко отъ матушкина имѣнія, верстахъ въ двухъ, на высокой горѣ, а подъ горой долина и озеро, Аѳанасьева пустынь называется, а попросту крестьяне называютъ *Пустынька*.

— Это кабакъ-то гдѣ теперь? спросилъ Миша.

— Эхъ, батька мой! смѣясь, прервала Мишу Ѳедора Ларіоновна: — вѣдь, кабакъ-то Пустынька — у насъ; а маменька тебѣ разсказываетъ про свою родину, въ ея губерніи.

— Да, это на моей родинѣ было, Миша, сказала, вздохнувъ, Марья Степановна, — далеко отсюда. Только все какъ-то не жили владѣльцы-то въ этой усадьбѣ; пріѣдутъ, да и уѣдутъ скорехонько, а не то продадутъ. Вотъ и купилъ ее одинъ господинъ. Калугинъ, Петръ, Петръ... какъ его? Петръ Ивановичъ, кажется. Ужь какъ купилъ онъ это имѣніе, Господь

знаетъ. Человѣкъ онъ былъ небогатый, а въ имѣньѣ было душъ 500. Носились про него недобрые слухи: будто онъ былъ опекуномъ надъ малолѣтными дѣтьми, у которыхъ было огромное состояніе...

— Ну, что же, матка моя? прервала нетерпѣливо Ѳедора Ларіоновна.

— А что? Онъ, говорятъ, ихъ разорилъ въ конецъ, по-міру пустилъ, а себѣ и купилъ это имѣніе.

— Господи, Боже милостивый! возразила, крестясь, Ѳедора Ларіоновна.

— Ну, что же? съ любопытствомъ спрашивалъ Миша.

— Вотъ и поселился Калугинъ въ Аѳанасьевкѣ. Живетъ такъ, что и не слыхивали и не видывали въ тѣхъ краяхъ. Лошади, кареты, пиры да обѣды, — ну, князь, да и только! Подходитъ дѣло къ свѣтлому Христову воскресенью, ну, у него всегда у перваго, какъ у знатнаго барина, обѣдаетъ духовенство, сосѣди. Петръ Ивановичъ заказалъ обѣдъ. Самъ-то онъ поѣхалъ еще съ вечера къ заутрени — распутица была, такъ надо засвѣтло добраться; а повара́ на кухнѣ всю-то ночь варятъ, жарятъ, да и только. Вотъ около полуночи главный-то поваръ взялъ фонарь, да и пошелъ въ подвалъ за винами заранѣе, т. е. заготовить. Только-что онъ туда сошелъ, какъ ударили въ колоколъ къ заутрени свѣтлаго Христова воскресенья; поваръ-то былъ старикъ набожный, перекрестился и молвилъ, по русскому обычаю: *Христосъ воскресе!*

— *Во истину воскресе!* вдругъ грянуло во всѣхъ стѣнахъ подвала.

Поваръ вздрогнулъ; онъ оглянулъ подвалъ, освѣтилъ — пусто. Кругомъ старыя почернѣвшія стѣны и своды, подъ ногами песокъ да бутылки. Старикъ сотворилъ крестное знаменіе, и уже почти безъ памяти повторилъ: «Христосъ воскресе!»

— *Во истину воскресе!* — раздалось повсюду въ углахъ, въ стѣнахъ, подъ ногами.

Поваръ обмеръ и чуть-живой выбрался изъ подвала. Поутру онъ разсказалъ дѣло Калугину, къ вечеру Калугинъ выѣхалъ неизвѣстно куда. Съ-тѣхъ-поръ усадьба стоитъ пустая, вотъ ужь лѣтъ сорокъ будетъ.

Всѣ смолкли; только, немного спустя, могла проговорить Ѳедора Ларіоновна:

— Что же это, матка моя?

— А что? Оказалось впослѣдствіи, что тутъ былъ нѣкогда монастырь; что монастырь этотъ былъ упраздненъ, по бѣдности, а церковь и службы монастырскія пришли въ ветхость, и сломаны въ незапамятныя времена, а земля-то и души подарены еще Петромъ Великимъ какому-то боярину; тотъ выстроилъ домъ да самъ не жилъ — вотъ и пошли мѣняться владѣльцы до самаго Калугина, а при Калугинѣ-то ужь и дознались...

— Что, матка моя?

— Что домъ-то построенъ на монастырскомъ кладбищѣ, и что подъ подваломъ-то и даже въ стѣнахъ все были гробы прежде почившихъ старцевъ.

Вдругъ, въ эту минуту, что-то страшно хлопнулось на полъ. Всѣ вздрогнули и обратились въ ту сторону.

Сережа, сидѣвшій на диванѣ и слушавшій страшный разсказъ, уснулъ подъ голосъ матери и упалъ съ дивана; но пока всѣ, въ испугѣ, глядѣли на него, Сережа, какъ

будто ни въ чемъ не бывало, вскочилъ съ пола, легъ на диванъ и тотчасъ же уснулъ сномъ праведныхъ.

— Да, сударыня, чужимъ добромъ не покорыстуешься, Марья Степановна. Это такъ; лучше свое отдать, чѣмъ взять чужое.

— Охъ, грѣхъ, батька мой! охъ, грѣхъ! Лучше отдать все, все, говорила Ѳедора Ларіоновна, которая дѣйствительно раздала все свое имущество Богъ знаетъ кому, и жила теперь, кто гдѣ пріютитъ.

— Зато Господь посылаетъ какъ за доброе дѣло, продолжалъ Ѳедоръ: — невидимо посылаетъ. Вотъ мнѣ тоже разсказывали: есть городъ уѣздный при огромномъ озерѣ; на самомъ берегу стоитъ монастырь старинный-престаринный, еще, чу, при татарахъ построенъ, богатѣйшій монастырь! церкви какія богатыя! иконы всѣ въ золотыхъ окладахъ! Озеро, чу, верстъ на сто въ окружности, и какія тутъ рыбныя ловли, Господи Боже мой! Вдругъ — ревизоръ отъ губернатора; требуетъ къ себѣ городское начальство и говоритъ: «Какъ это у васъ озеро только пять рублей въ казну доставляетъ, тогда-какъ весь городъ ведетъ рыбную торговлю? Это злоупотребленіе, говоритъ.»

Власти вышли отъ ревизора, потолковали — и ревизоръ на другой же день уѣхалъ съ отвѣтомъ къ губернатору, что озеро дѣйствительно только и доставляетъ пять рублей дохода. Дѣло, наконецъ, пронюхали въ Петербургѣ; пишутъ губернатору, что это-де не такъ; пошли, говорятъ, другаго. Тотъ послалъ. Что же, сударыня, оказалось...

— Что, батька мой, что?

— Вотъ, видите-съ: озеро-то принадлежитъ городу, и по закону отдается съ торговъ. Назначаются торги. Сходятся обыватели города, купцы, мѣщанство, ну, и дворяне, которые возглашаютъ оцѣнку озера «въ годъ пять руб.» Монахъ первый отвѣчаетъ: *пять руб.* — «Кто больше?» восклицаетъ оцѣнщикъ. Молчатъ. «Кто больше?» говоритъ тотъ снова. Опятъ молчатъ. «Кто больше?» восклицаетъ оцѣнщикъ въ третій разъ: по закону-то-съ до трехъ разъ надо возглашать. Опять всѣ молчатъ. Молотокъ стучитъ — и озеро остается за монастыремъ въ пяти рубляхъ.

— Мать, пресвятая Богородица! воскликнула Ѳедора Ларіоновна.

— Какъ же это? я не понимаю. Отчего же это? спросила Марья Степановна.

— А вотъ что-съ. Озеро-то это съ наидревнѣйшихъ временъ принадлежало монастырю Когда монастырскія-то земли отошли въ казну, то озеро приписали къ городу. Но жители твердо помнили, что оно изстари принадлежало угоднику. Съѣзжаться-то они съѣзжались на торги, кажинный годъ, но никогда не тягались съ угодникомъ. Монастырь, какъ и прежде, владѣлъ озеромъ, а городъ годъ-отъ-года богатѣлъ больше и больше.

Между тѣмъ, какъ въ залѣ шла эта бесѣда, Леонидъ сидѣлъ въ гостиной и не видѣлъ, что свѣтильня нагорѣла у него чуть не на вершекъ. Онъ нѣсколько разъ начиналъ читать развернутую книгу, и не могъ: глаза скользили по строкамъ, а голова не понимала; милый образъ безпрестанно представлялся его воспламененному воображенію. Студентъ всталъ. Черная ночь

смотрѣла въ окно. Онъ подошелъ къ нему и сталъ смотрѣть во мглу ночи; сначала, разумѣется, онъ ничего не видѣлъ, но потомъ глаза нѣсколько привыкли. Онъ увидѣлъ березы, гдѣ такъ недавно *она* была съ нимъ наединѣ; онъ какъ будто и теперь видитъ ея милое лицо, бѣлоснѣжныя плечи....

Вотъ и изба Аграфены. Какая досада! онъ видѣлъ Соню и послѣ, но не могъ быть съ ней наединѣ. Ахъ, какъ бы ее увидѣть? Но что это такое? Что это сверкнуло въ темной дали надъ крышею Аграфены? Что-то огненное! Студентъ протеръ глаза, протеръ стекло: огненная полоса извивалась надъ крышею — странно! Онъ еще внимательнѣе сталъ всматриваться, и наконецъ улыбнулся. «Змѣй! змѣй!» закричалъ онъ наконецъ громко.

— Охъ, мой батька! святые угодники! Ѳедя батюшка, родной! почти выла Ѳедора Ларіоновна; и всѣ въ залѣ остолбенѣли.

— Змѣй; ступайте поскорѣе; змѣй! кричалъ Леонидъ Сергѣичъ.

Съ любопытствомъ, но робко пошли всѣ въ столовую и ясно увидѣли огненную полосу, змѣеобразно вьющуюся надъ крышею.

Всѣ сотворили крестное знаменіе.

— Что бы это такое было? съ невольнымъ изумленіемъ проговорилъ самъ Ѳедоръ.

— Вотъ Ѳединька, говорила чуть живая Ѳедора Ларіонова, — вотъ, говорила я тебѣ: не смѣйся надъ премудростью; мало ли чего ты не понимаешь — и старые-то люди видали; вотъ Богъ-отъ.

— Ахъ, корга она окаянная, вскричалъ наконецъ Өедоръ и плюнулъ: — Это она еще не спитъ, полунощница.

— Эхъ, Өедора Ларіоновна, испугались! сказалъ Леонидъ Сергѣичъ: — полноте; пойдемте-ко лучше къ Аграфенѣ, погадаемъ.

— Нѣтъ ужь я стара гадать-то, поди-ко ты, свѣтъ мой, погадай; молоденекъ еще, — отвѣтила обидчиво старуха.

— А хотите, пойду, сказалъ Леонидъ Сергѣичъ.

— Не пойдешь одинъ-то, подхватилъ Митя.

— А пойду!

— Ну, нѣтъ, не пойдешь.

— Струсите, баринъ, ласково замѣтилъ Өедоръ.

— Струсите, струсите, смѣясь, заговорила Лизавета Васильевна, которая была тутъ же, но почти весь вечеръ молчала.

Довольно!

Если бы не сказала этого Лизавета Васильевна, та, которая завтра же разскажетъ все Сонѣ, да еще и съ прикрасами... довольно! Леонидъ Сергѣичъ быстро схватилъ фуражку, палку и тотчасъ же вышелъ къ общему изумленію и даже къ испугу всѣхъ, особенно Марьи Степановны. Черезъ десять или пятнадцать минутъ Леонидъ Сергѣичъ воротился въ залу блѣдный, какъ мертвецъ, и не въ состояніи былъ проговорить ни одного слова!

V.

Лизавета Васильевна Отрадная была ближайшая сосѣдка Марьи Васильевны. Усадьба ея, Толстухино, всего-то находилась черезъ поле. Огни, горѣвшіе въ Нелидовѣ, всегда были видны изъ оконъ Лизаветы Васильевны. Это была уже дѣвица лѣтъ подъ пятьдесятъ, высокая, толстая, дебелая, напоминавшая и теперь, что она была нѣкогда пріятною, т. е., какъ говорится, апетитною дѣвою. Она была единственная дочь помѣщика Отраднаго, старика временъ Екатерины, крутаго и сварливаго человѣка. Отецъ ее очень любилъ и лелѣялъ, впрочемъ, никакъ не больше ключницы своей Анны, молодой, полной и чрезвычайно умной женщины, отъ которой каждый годъ происходили на свѣтъ: Кати, Лукерьи, Лизы, Марьи и т. п. Да и нельзя было не любить молоденькую двадцатилѣтнюю Лизу: это было добрѣйшее существо, ласковое, простое, безхитростное. Тѣмъ не менѣе, старикъ съ грустью смотрѣлъ на свою дочь: онъ зналъ, что не оставитъ ей почти ничего, даже приличнаго воспитанія, потому-что большую часть своего состоянія онъ, по вольности россійскаго дворянства, частію проигралъ, частію промѣнялъ на гончихъ. И дѣйствительно, Лиза не получила бы никакого воспитанія, еслибъ не сосѣдъ Отраднаго, богатый помѣщикъ, старый его сослуживецъ, у котораго было множество сыновей и дочерей, а потому гувернантокъ и гувернеровъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ одинъ французъ, эмигрантъ, замѣчательной кра-

соты. Всѣ окрестныя барышни мечтали о немъ и украдкой, по ночамъ, сочиняли стихи въ честь прекраснаго иноземца.

Лиза, проводя большую часть времени въ семействѣ сосѣда, пріобрѣла лучшія манеры, нѣкоторыя понятія о наукѣ, о литературѣ и т. п. Вдругъ Лизавета Васильевна стала чаще пріѣзжать къ отцу; кромѣ того, была гораздо печальнѣе прежняго. Старика это сначала бѣсило, а потомъ онъ привыкъ, разсудивъ, что въ 25 и подъ 30 лѣтъ нельзя же быть такой же рѣзвушкой, какъ въ шестнадцать. Но, къ сожалѣнію, дѣло было не въ томъ. Разъ рано утромъ, когда старикъ Отрадный еще спалъ, Анна вошла къ нему въ комнату и долго оставалась наединѣ съ бариномъ; черезъ нѣсколько минутъ онъ, блѣдный и всклоченный, вышелъ изъ кабинета, прямо отправился въ спальню къ дочери, которая, въ утреннемъ платьѣ, сидѣла подъ окномъ, и по сухимъ и впалымъ глазамъ ея видно было, что она всю ночь не спала. Внезапный приходъ отца прямо къ ней въ спальню, его страшный видъ все сказали несчастной: она видѣла, что роковая минута настала — отецъ узналъ!

— Кто? вскричалъ ужасный старикъ, — говори!

Какъ громомъ пораженная, Лиза молчала.

— Говори, кто, мерзавка?.. я убью его! — И страшнымъ ударомъ кулака онъ свалилъ дочь со стула.

Лизавета Васильевна, какъ только могла придти въ чувство, отвѣтила отцу, что она въ его волѣ, что онъ можетъ ее убить, но что тайны своей не откроетъ. Старикъ вышелъ изъ комнаты, закричалъ, чтобы сейчасъ же оттопили свѣтелку, и велѣлъ запереть свою

дочь, *за то, что она ему согрубила*. Единственное лице, которому дозволялся входъ къ ней, была Анна. Она была беременна. Пять мѣсяцевъ просидѣла Лизавета Васильевна въ свѣтелкѣ и вышла только тогда, какъ Анна родила двухъ дѣвушекъ; одна изъ нихъ была Наташа, та бойкая и полногрудая дѣвушка, которую мы видѣли на вечерѣ у Марьи Степановны, а другая — именно Соня. Леонидъ Сергѣичъ, конечно, не зналъ этихъ подробностей скандалезной хроники Толстухина; но ему очень хорошо было извѣстно, что изъ всѣхъ многочисленныхъ и прехорошенькихъ дочерей Анны — Соню Лизавета Васильевна любила безъ памяти; ей посвящала она всѣ свои труды, всѣ забавы. Ее выучила она читать, писать; ей передала она всѣ свои знанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ нелѣпости, повѣрья и предразсудки, которыми сама она была преисполнена. Соня знала всѣ гаданья и твердо вѣрила въ сны и предсказанья. Она перечитала всѣ книги, которыя нѣкогда уносили Лизавету Васильевну на седьмое небо, какъ-то: Малекъ-Аделя, Атталу и Шактасъ, Бѣдную Лизу и т. п. Соня была нисколько непохожа на своихъ сестрицъ и товарокъ; въ ней было что-то среднее между дворовою и горничною дѣвушкою и уѣздною барышнею. Анна, съ упрямствомъ фанатизма, не позволяла своимъ дочерямъ, слѣдовательно и Сонѣ, ходить въ платьяхъ, но непремѣнно въ сарафанахъ. При замѣчательной ея красотѣ, при этомъ изяществѣ всей ея фигуры, Богъ-знаетъ, отъ кого полученной, отъ даровъ ли природы, или отъ кого-то по-крови, Соня представляла изъ себя такое странное и миловидное созданіе, что невольно обращала на себя общее вниманіе.

Лизавета Васильевна было существо добрѣйшее и милѣйшее во всѣхъ отношеніяхъ. Не было въ сосѣдствѣ праздника, прогулки, путешествія, чтобы она не присутствовала, съ цѣлой стаей своихъ дворовыхъ дѣвушекъ. Идутъ ли на богомолье — она тутъ; собираются ли куда-нибудь за ягодами — Лизавета Васильевна съ своими дѣвицами тутъ. Свадьба ли гдѣ затѣвается — Лизавета Васильевна шьетъ, кроитъ, рѣжетъ, работаетъ больше всѣхъ. При своемъ добрѣйшемъ, веселомъ и уживчивомъ характерѣ, она была любима всѣми; но зато ужь язычекъ у Лизаветы Васильевны былъ — извините! тайны у нея на душѣ не было. Если она знала что-нибудь, такъ ужь это немедленно узнавали всѣ. Разъ, при ней, не выдержалъ помѣщикъ Фроловъ и хватилъ въ ухо свою благовѣрную; Лизавета Васильевна употребила всю горячку своего сердца, чтобы примирить супруговъ, на колѣняхъ стояла передъ Фроловой, чтобы она простила мужа, но все-таки, тотчасъ же, разнесла по околотку, какъ подрались Фроловы.

Звановъ все это зналъ, потому и разсудилъ, что если бы онъ не пошелъ подъ березы, то Лизавета Васильевна на другой же день разсказала бы Сонѣ все: «вотъ-де московскій-то храбрецъ вызвался сходить къ Аграфенѣ, да и струсилъ.» Естественно, что молодой человѣкъ не могъ перенести этой мысли.

Да и что такое за важность пройти дворъ, садъ, оврагъ и войти къ Аграфенѣ? Правда, Аграфена была странная женщина. Разсказывали, что у нея умеръ мужъ, котораго она страшно любила; что послѣ смерти его она каждую ночь убѣгала на кладбище, откуда не

разъ приносили ее безъ памяти; что послѣ этого, будто, къ ней сталъ летать огненный змѣй, т. е. нечистый въ видѣ змѣя, который, прилетѣвъ къ ней, обращался въ ея мужа. Старуха почти ни съ кѣмъ не говорила, или говорила мало; пропадала она иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ. Гдѣ она бывала — никто не зналъ. Одни говорили, что она колдунья, другіе — богомолка, третьи — сумасшедшая; иные увѣряли, что она сдѣлала много добра, другіе — что она приворожила такого-то къ такой-то и потомъ женила, послѣ чего мужъ-то, чу, спился, а жена удавилась, — однимъ словомъ, это была странная старуха. Но Леониду Сергѣичу никогда не доводилось съ ней говорить.

Звановъ пошелъ. Пройдя дворъ и вступивъ въ широкую пустыню сада, онъ на минуту остановился и невольно подумалъ: «а зачѣмъ же я иду, не воротиться ли и сказать, что былъ?» Но, вѣдь, изъ оконъ могутъ увидѣть. Леонидъ пошелъ далѣе. Морозная ночь лежала надъ полями; собственные шаги его звонко отдавались около строеній, какъ будто съ нимъ шелъ кто-то другой, невидимый. Онъ невольно оглянулся. Бѣлая окрестность смолкла. Онъ подошелъ и *другой* опять пошелъ за нимъ, но уже въ другомъ мѣстѣ. Вотъ Звановъ подъ березами; онъ вздрогнулъ; кто-то вверху такъ страшно застучалъ палками, что онъ остановился, поглядѣлъ вверхъ: все было тихо, только сѣдыя вѣтви висѣли надъ нимъ молчаливо, и двѣ, три звѣзды свѣтились въ небѣ; но дунулъ вѣтеръ — и замерзшіе сучья снова застучали, какъ стучатъ кости у мертвецовъ въ балладахъ. «Скверно!» подумалъ Леонидъ, а дѣлать нечего. Онъ сталъ спускаться въ оврагъ и опять оста-

новился: внизу, возлѣ тропы, по которой ему надо было идти, лежалъ кто-то черный; въ молчаніи ночи слышалось, что тамъ кто-то ворочался. Звановъ, какъ околдованный, не могъ ни воротиться, ни идти далѣе: кто-то сверкнулъ въ темнотѣ. Звѣзда закачалась въ водѣ, и только тутъ нашъ спутникъ вспомнилъ, что это родникъ, и что въ этомъ мѣстѣ вода никогда не замерзаетъ. Вода не бѣломъ снѣгѣ казалась черною. Звановъ прошелъ мимо ручья, журчанье котораго было какъ-то странно въ замерзлой природѣ. Наконецъ онъ подошелъ къ избѣ и вступилъ не безъ робости въ сѣни. Ободрившись, однако, онъ тихо отворилъ дверь и тутъ ужь окончательно едва могъ устоять на мѣстѣ. Сначала поразилъ его ослѣпительный блескъ; потомъ, когда паръ, ворвавшійся въ избу со свѣжаго воздуха, разсѣялся, онъ увидѣлъ, спиною къ нему, покрытую всю въ бѣломъ, какъ въ саванѣ, женщину, которая сидѣла совершенно будто каменная. По бокамъ у нея, на столѣ, покрытомъ бѣлою же скатертью, стояли двѣ свѣчи; передъ нею было зеркало, а въ рукахъ другое. Звановъ рѣшительно не зналъ что дѣлаетъ Афрафена. Но, взглянувъ на блѣдную, точно мертвую руку держащую зеркало, онъ увидѣлъ, что рука эта — не старухи. Между-тѣмъ, женщина, не смотря на его приходъ, сидѣла, какъ статуя. Движеніемъ своимъ боясь нарушить странную тишину, Звановъ обдумывалъ: уйти ему или остаться. Наконецъ онъ рѣшился узнать, что это была за женщина, и заглянулъ въ зеркало: судите же его изумленіе, когда онъ увидѣлъ Соню, которая была бѣла, какъ мраморъ, и большіе глаза ея, неподвижные какъ у мертвеца,

смотрѣли вдаль; но въ самое мгновеніе, какъ Леонидъ увидѣлъ ее въ зеркалѣ, дѣвушка вскочила въ страшномъ ужасѣ, уронила столъ, свѣчи, и съ скрикомъ: «онъ, онъ, Боже мой, онъ»! бросилась бѣжать. Звановъ поспѣшилъ за ней, но Софья какъ вихрь мчалась по снѣжному полю. Мы видѣли, въ какомъ смущеніи воротился Леонидъ Сергѣичъ въ комнаты.

VI.

Ранняя зимняя ночь опять стемнѣла подъ березами. Въ избѣ у Аграфены свѣтилась лампада; сама она въ полумракѣ сидѣла, опершись локтями на столъ, и пристально смотрѣла въ поле. Померкшая снѣжная окрестность лежала за избой. Черный огородъ бѣжалъ вокругъ, кой-гдѣ темнѣли кусты деревьевъ. Вдали стоялъ лѣсъ; съ горы сползала какая-то черная масса: это, вѣроятно, запоздавшія дровни крестьянина тащила деревенская кляча. Въ окрестныхъ деревняхъ, какъ искры, вспыхивали огоньки и потухали. Тишина была въ избѣ, еще тише было въ полѣ, но никто бы не сказалъ, что это тишина мертвая. Надъ избою вился огненный змѣй, недавно испугавшій Ѳедору Ларіоновну. Это было не что иное, какъ обледенѣлое деревцо, стоявшее передъ избою Афрафены, и освѣщенное блѣднымъ свѣтомъ лампады. Изъ комнатъ господскаго дома видна была только змѣеобразная его вершинка, которая горѣла весьма ярко, если зажигалась въ избѣ лучина.

Чьи-то шаги послышались въ сѣняхъ, и дверь отворилась.

— Баушка ты?

— Это ты Софьюшка? Войди, свѣтикъ, я огонька вздую! Здорово, моя голубушка, можешь-ли?

— Слава Богу, баушка. Что это ты въ потемкахъ-то сидишь?

— Да что, матушка, даромъ лучину-то жечь! Работать-то слѣпа стала, да и не горазда, говорила Аграфена, высѣкая огонь, хотя огонь и былъ въ лампадѣ.

Зажженная лучина вскорѣ освѣтила избу, знакомую намъ дѣвушку и Аграфену. Это была высокая, стройная женщина, съ худощавыми чертами лица и черными глазами. Никто не далъ бы ей тѣхъ 70-ти лѣтъ, которыя она имѣла, еслибъ не сѣдой клокъ волосъ, который выбился на вискѣ изъ-подъ чернаго платка. Бѣлый, какъ снѣгъ, цвѣтъ кожи, черные, ясные, совершенно молодые глаза, и въ особенности руки, худыя, изсохшія, но чрезвычайно красивыя, говорили, что старуха была когда-то красавица. Все лице ея было бы строго, еслибъ не глаза ея, въ которыхъ была бездна глубокой нѣжности.

— Съ огнемъ-то, матушка, все какъ-то суетливо, да непокойно: то да другое; а какъ ляжетъ тма-то ночная, такъ таково хорошо на душѣ-то становится.

Старуха и Соня сѣли возлѣ свѣтца, въ которомъ ярко горѣла лучина; возлѣ задумчиваго и строгаго лица старухи Соня казалась еще милѣе, но на лицѣ ея было теперь столько тревоги, столько безпокойства.

— Ну, что у васъ, въ Толстухинѣ-то, матушка? здорова ли Лизавета Васильевна? Давно я у васъ не была.

— Давно, давно; и барышня-то все тебя поминала.

— Приду, приду, матушка.

Старуха и дѣвушка замолчали. Соня скинула шубу, платокъ съ головы и, опершись локтями на столъ, кусала ногти.

— Въ прошломъ-то году, говорила старуха, — именно вотъ въ эту ночь, Дарьюшка-то слила олово и вылила себѣ гробъ. Вотъ оно какъ!

— Неужели? быстро спросила дѣвушка.

— Да какъ же! И умерла ноньче въ Петровки, царство ей небесное.

Собесѣдницы снова замолчали. Соня перемѣнила лучину, и опять тревога выразилась у нея на лицѣ.

— Баушка... сказала она.

— Что, дитятко? отвѣтила Аграфена.

— Неужто и впрямь можно угадать свою судьбу?

— А какъ же, матушка! не во всякое время и не всякому, а судьбы Божіи нерѣдко открываются человѣку. Да какъ же и быть-то иначе? кому же пытать ихъ, коли не человѣку? Зачѣмъ же и тайны Божіи, если не въ разумъ и не въ поученіе ему?..

— Баушка... прервала дѣвушка старуху, сильно покраснѣвъ.

— Что родная моя?

— Я пришла къ тебѣ...

Соня замолчала.

— Что матушка?

— Я... какія же тайны, Аграфенушка, какія тайны? — спрашивала Соня старую собесѣдницу.

— Да тайны Божіи! Вѣдь, онѣ всюду, матушка, и въ лѣсѣ темномъ, и въ омутѣ черномъ, и въ тмѣ

полуночной, и въ листѣ древесномъ, и въ солнцѣ красномъ, и во взглядѣ ясномъ...

— Какія же это тайны, баушка, разскажи. Я знаю, что омутъ страшенъ, что тамъ...

— Да, матушка, все страшно, оттого, что все вѣковѣчно; повсюду скрыты вѣкожизненныя силы. Отъ тверди небесной до волны рѣчной — все имѣетъ душу живу. Погляди-ко, велика ли травка-то, цвѣтикъ полевой, а вѣдь растетъ самъ собой, никого не проситъ, да еще цѣлитъ тебя отъ болѣзни, а иной разъ...

Старуха замолчала.

— Что же, баушка?

— Иной разъ и бѣду нагоняетъ.

— Бѣду!..

— А какъ же, матушка, умному все раскрывается. Весь вольный свѣтъ начался отъ суда Божія. Старые люди говаривали, что наши помыслы отъ облакъ небесныхъ, а тѣлеса-то наши отъ сырой земли, слѣдовательно, какъ намъ и не знать своего? Ни одной былинки нѣтъ въ мірѣ, чтобы она не была на потребу, и всякое быліе полевое, значитъ, имѣетъ силу первозданную, свою, т. е., жизнотворную душу. Вотъ ты ее и постигай и знай, зачѣмъ она, для какой цѣли зародилась изъ-подъ ризъ Божіихъ. Вѣдь, матушка, все то, что есть, создано Богомъ живымъ или, какъ говорится, чу, въ книгахъ старыхъ: все то, что мы видимъ, есть обликъ божественный. Оттого-то все и живо, и сильно, и грозно!

— Баушка...

— Что, матушка...

— Я... пришла...

— Что тебѣ надо, дитятко?

— Нѣтъ, я пришла съ просьбою...

— Что тебѣ, матушка?

— Я... я... ты говоришь, баушка... что все можно знать, что все дано человѣку и что...

— Все, матушка, имѣетъ душу живу, оттого и человѣкъ ее имѣетъ; онъ самъ родится изъ персти земной, оттого намъ и мать — сыра-земля: она кормитъ, веселитъ и покоитъ насъ, потому мы ея дѣти, значитъ, и тайны ея намъ свѣдомы. Чего не откроетъ мать умному сыну? Вотъ и есть эти великоумные люди, которые...

— Какіе, какіе, баушка?

— А такіе, свѣтъ мой, которые знаютъ великія тайны великой матери нашей, природы, которые знаютъ силу травы полуночной и луча луннаго, силу волны журчащей и слова перелетнаго.

— Баушка, голубушка, я... я...

— Что, что Софьюшка?

— Голубушка, родная... говорила Соня, бросясь на шею старухи.

— Что тебѣ, свѣтикъ мой?

— Баушка, миленушка, помоги; я знаю, что ты можешь, помоги мнѣ!

— Да въ чемъ, радость моя? что съ тобой? — спросила старуха.

Теперь только замѣтивъ тревогу на лицѣ молодой своей собесѣдницы, она взглянула черными своими глазами на дѣвушку, которая не вынесла этого искрометнаго взора, вспыхнула, какъ заря, и потупила глаза.

— Что съ тобой, мой свѣтикъ? — спрашивала старуха.

— Не знаю, баушка, — почти прошептала Соня.

— Да что, матушка, можется ли тебѣ, радость?

— Да, матушка, Аграфенушка, неможется, кажется, т. е. не то, чтобы...

— Что же съ тобою, Софьюшка? разскажи, ради Бога. На тебѣ лица не видно, Господь съ тобой!

— Не знаю, баушка, только мнѣ тошно... Ахъ, да не гляди на меня такъ, баушка!.. И дѣвушка закрыла лице руками.

Старуха замолчала, перемѣнила лучину, сложила руки на груди и глубоко вздохнула. Уставивъ въ полъ темные глаза свои, она молчала; только лице ея, какъ тѣнью, покрылось глубокой, невыразимо-грустной думой. Соня тоже сидѣла и не знала что дѣлать отъ внутренняго волненія; она то кусала губы, то вертѣла синюю ленту, которая была вплетена въ косу ея, то мяла свой бѣлый фартукъ, наконецъ встала, быстро сѣла возлѣ старухи и, обнявъ ее, скрыла лице свое на костлявомъ плечѣ и говорила:

— Баушка, помоги, родимая — тошно мнѣ!

— Да что ты, мой свѣтъ, говори.

— Баушка...

— Ну...

— Я вчера въ зеркало глядѣла...

— Что же, родная?

— Видѣла...

— Кого?

Дѣвушка замолчала...

— Кого же, свѣтикъ?

— Суженаго, — чуть слышно отвѣтила Софья.

— Велика сила взора человѣческаго, — молвила старуха: — онъ смотритъ и въ бездны небесныя, и въ глуби морскія, и въ пропасти земляныя; онъ лечитъ и убиваетъ иногда, Софьюшка, вотъ оно что взоръ-то человѣка! Чрезъ него исходятъ великія силы: думы и помыслы человѣка.

— Я видѣла его, золотая моя: онъ мой, значитъ, баушка? значитъ, онъ мой суженый? А? баушка! — спрашивала дѣвушка, тряся старуху за плечо: — мой? А?

— Да кто, Софья, кто? кого ты видѣла?

Соня опять стала кусать свои ногти, но потомъ наклонилась къ уху старухи, что-то шепнула и сильно покраснѣла.

Старуха, въ свою очередь, замолчала, потомъ, обративъ сухое свое лице на юный и горѣвшій ликъ своей подруги, сказала:

— Любовь не пожаръ, а загорится — не потушишь; но все же пожаръ можно погасить въ началѣ, а послѣ... Туши, Соня, туши!

— Баушка, миленушка, помоги мнѣ, тошно, родная! умру я...

— Да что же съ тобою, Софьюшка? развѣ ужь...

— Здѣсь, здѣсь, родная, подъ березами мы гадали. Онъ... ахъ, баушка! я умру, помоги Аграфенушка, научи — ты, вѣдь, сама говорила, что человѣкъ все можетъ, изъ дна морскаго вынуть, лучъ со звѣзды вырвать...

— Ахъ, Соня, Соня, все можно да вѣдь можно и сгубить себя... Вѣдь онъ баринъ, Софья!

— Да, вѣдь я его видѣла! вскричала, поблѣднѣвъ, дѣвушка, — здѣсь въ зеркалѣ, онъ ко мнѣ пришелъ.

— Ахъ, Соня, Соня! знаешь ли что? Разскажу тебѣ я быль старинную, кручинную, но быль, быль про себя самое. Знаешь, вѣдь, у всякаго, и у стараго, и у малаго, свой воронъ! Назадъ тому лѣтъ 50 слишкомъ, я была такъ же молода, какъ ты, и такъ же, можетъ, красива какъ ты; была и коса такая же трубчатая, какъ твоя, и грудь лебединая, и такое же личико разгарчивое. Я только была черноволоса, а ты вотъ бѣлянка. Жили мы богато; отецъ мой былъ отпущенъ на волю, но оставался управляющимъ у богатѣйшаго князя — не стану ужь называть его; старый-то князь умеръ, а молодой служилъ въ Петербургѣ при дворѣ. Вдругъ, слышимъ, собирается князь къ намъ. Стали готовить покои. Лѣтомъ и дѣйствительно пріѣхалъ. Вотъ намъ всѣмъ дѣвушкамъ страшно хотѣлось увидѣть молодаго князя, котораго мы совсѣмъ и не знали. Разъ гуляли мы подлѣ сада въ рощѣ; только-что вошли въ алею, а смотримъ, князь-то и идетъ. Дѣвушки — которыя отбѣжали, другія въ кусты спрятались, а я, ни жива, ни мертва, очутилась прямо передъ нимъ — передъ юношей неизобразимой красоты, Софьюшка.

«Здравствуйте, говоритъ, милушка, какъ васъ зовутъ?» — «Груня, молъ, ваше сіятельство.» — «Вы гуляете? Пойдемте со мной, покажите мнѣ садъ; вѣдь, я его совсѣмъ не помню». Онъ сталъ ходить со мной, и все хвалилъ меня. «Какія, говоритъ, вы красивыя! Какъ это вы въ деревнѣ уродились такія?» Походивъ порядочно, онъ сказалъ: «Ну, спасибо вамъ. Пой-

демте ко мнѣ: я васъ поблагодарю.» И онъ взялъ меня за руку да такъ и пошелъ въ комнаты. Не помня себя, вошла я къ нему въ кабинетъ. Онъ, матушка, взялъ со стола брильянтовую пряжку, да собственными руками—теперь даже страшно вспомнить, Софьюшка—собственными-то бѣлыми руками и прикололъ ее къ моей груди, а грудь-то, Соня, была, что твоя лебединая! Я хотѣла поцѣловать руку, а онъ не далъ, обнялъ меня и поцѣловалъ прямо въ губы. Не помню, какъ я пришла домой, только весь этотъ день и ночь я была какъ въ огнѣ и не сомкнула глазъ ни на волосъ. Боялась съ ума сойти.

Старуха замолчала. Слушательница впилась въ нее глазами и спрашивала:

— Чтожъ, что же, баушка?

— Ну что! Изъ сердца не вынешь, а въ сердце не вложишь. Какъ одинъ денечекъ прошло все лѣто; я, какъ ангелъ въ небѣ, витала; потомъ князь уѣхалъ въ Питеръ, и я съ нимъ. Тамъ ходила въ бархатѣ, на пуху лебяжьемъ почивала, камнями самоцвѣтными, какъ горохомъ, катала, но...

— Но, что же? измѣнилъ, покинулъ?

— Нѣтъ, моя радость, не измѣнилъ, а покинулъ—умеръ!

— Умеръ! вскричала въ ужасѣ Софья... А ты?

— Вотъ видишь, жива! Пять разъ съ могилы меня приносили по ночамъ. Разъ однѣми руками до самаго гроба дорылась. Съ горы было бросилась... Съ тѣхъ поръ, моя радость, я весь свѣтъ исходила, была и въ Іерусалимѣ, и у соловецкихъ чудотворцевъ, видѣла и морскіе пески сыпучіе и горы толкучія, жила въ лѣ-

сахъ дремучихъ и въ дебряхъ пустынныхъ, видѣла пустыню Нила Сорскаго, знала и святителей, и людей глубокомудрыхъ, которые бури укрощаютъ, тоску и радость нагоняютъ, но и теперь еще какъ вспомню...

Глаза старухи потемнѣли отъ слезъ; она замолчала.

— Что же?

— Бываютъ, матушка, цѣлые дни, когда прошлая-то радость встаетъ въ думѣ, будто въ зеркалѣ, — тоска душитъ невыносимая, и рада бы я была лишиться свѣту вольнаго, да видно нельзя, Софьюшка!

Трудно представить, съ какимъ вниманіемъ слушала наша бѣлянка разсказъ Аграфены; только старуха достигла вовсе не той цѣли, которой надѣялась. Дѣвушка опять впала въ тревожное раздумье и, немного погодя, сказала:

— Вѣдь вотъ ты сама же говоришь: есть люди, которые могутъ знать и судьбу нашу, и читать, что у кого на сердцѣ...

— Можно, душенька моя, можно. Все открывается Божьей волей человѣку. Есть люди умудренные; видала я сама много на вѣку своемъ.

— Баушка, голубушка! — вскричала Соня, бросаясь на шею старой своей собесѣдницы, — научи меня, помоги, ради Бога помоги!

— Да что тебѣ, дитятко, надо?

— Узнай, любитъ-ли онъ меня, узнай!

Старуха задумалась и сказала наконецъ:

— Не испытуй сердца человѣческаго, Соня! Повѣрь, нехудо, что вѣкожизненная премудрость не всѣмъ открываетъ судьбы: иной разъ лучше не знать ихъ.

— Нѣтъ, баушка, ради Господа, молю тебя, лучше знать: пусть будетъ, что будетъ. Узнай, можно?

— Можно, отвѣтила старуха.

— Какъ? — спросила дѣвушка и, блѣдная какъ смерть, вонзила свои большіе глаза въ уста старухи; но та молчала.

— Есть у человѣка, — начала, немного погодя, Аграфена. двѣ силы — двѣ власти великія; нѣтъ ничего въ свѣтѣ сильнѣе этихъ силъ: онѣ громами повелѣваютъ, дожди и сушу посылаютъ, онѣ вѣтру путь даютъ, онѣ дно морское открываютъ и горы переставляютъ, онѣ вяжутъ и разрѣшаютъ, раскрываютъ сердце человѣка, онѣ движутъ его помыслами, онѣ шлютъ любовь или нелюбье, онѣ, Софьюшка, говорятъ, встарину, онѣ...

— Что, баушка? — спросила, поблѣднѣвъ, Соня.

Старуха помолчала немного, потомъ, наклонивъ разгорѣвшееся лице свое къ Сонѣ, сказала тихо:

— Мертвыхъ, говорятъ, поднимали изъ гроба, — такъ хочешь ли ты съ этими силами вѣдаться — а?

Соня въ ужасѣ отклонилась отъ старухи, которая стала еще блѣднѣе, и безсознательно проговорила:

— Какія же это силы, баушка Аграфена?

— Первая изъ этихъ силъ, продолжала та, какъ будто не видя и не слыша Сони, — взоръ человѣка! Это окно той храмины, въ которой заключено дыханіе Божіе. Чрезъ это окно исходитъ эта непобѣдимая, божественная мудрость; и змій отъ нея бѣжалъ, и левъ, царь пустыни, ложился у ногъ человѣка, и звѣрь дикій скрывался, и тучи расходились сторонами...

— Баушка, неужели?...

— Да, матушка, и посильнѣй твари безсловесной — человѣкъ, какъ агнецъ, покоряется этой власти, только будь мудръ.

— А вторая-то сила? робко спросила дѣвушка.

— Вторая... повторила старуха и замолчала: она какъ будто собиралась съ мыслями.

— Да, да, вторая.

— Слово! отвѣтила старуха и вперила очи въ дѣвушку.

— Слово! промолвила та въ удивленіи.

— Да, слово; то слово, которое родилось въ пресвѣтломъ раю, ходило, носилось по всему свѣту вольному, изсѣкало воду изъ горъ каменныхъ, раздѣляло надвое глуби чермноморскія. Имъ, матушка, солнце становилось, небеса омрачались, земля сотрясалась, камни распадались, сердца раскрывались, подымались и бились народы — да, матушка, это — слово человѣка!

Дѣвушка внимала рѣчамъ старой женщины и плохо понимала, къ чему ведутъ онѣ; но у нея слишкомъ много было въ сердцѣ, чтобы остаться только при намекахъ.

— Такъ какъ же, баушка? Научи меня.

— А вотъ, матушка: встань ты въ полночь глубокую, въ полнолуніе, и ступай въ комнату, гдѣ онъ спитъ. Возьми его за правую руку, смотри ему въ закрытыя очи, склонись къ устамъ и проговори тихо, такъ, чтобы только слышала ночь трепетная...

Разсказчица наклонилась къ уху своей сосѣдки и что-то прошептала.

— Слышала, матушка?

— Слышала.

— И онъ полюбитъ?

— Говорятъ, матушка.

— Страшно, баушка!

— Ну, матушка, страшно, такъ не ходи.

Софья поспѣшно надѣла шубу, обняла старуху и побѣжала съ такимъ же вихремъ чувствъ и помысловъ, какой крутилъ снѣгъ подъ ея ногами.

VII.

Слѣдующій день былъ для Сони чистая пытка. Кто не извѣдалъ могучаго и благословеннаго чувства, которому покорно все живое? кто не знаетъ его блаженства, съ которымъ едва ли можетъ сравниться другое какое-либо счастіе? но кто же не знаетъ и его мукъ, этихъ терзающихъ сомнѣній, безнадежнаго отчаянія? Короткій зимній день казался Сонѣ безконечнымъ, а съ другой стороны она съ ужасомъ ждала и ночи: идти къ нему одной, ночью, въ его спальню! ужасъ! Ну, если онъ проснется, что онъ подумаетъ? Ну, если ее увидятъ: ее опозорятъ и передъ кѣмъ же? передъ нимъ! О, Боже! — что дѣлать! Между тѣмъ солнце уже сѣло за бѣлую поляну; необъятное стадо воронъ носилось на потемнѣвшихъ небесахъ; вотъ уже и онѣ исчезли неизвѣстно куда: сумракъ легъ на снѣжныя пустыни; вспыхнули звѣзды на синемъ небосклонѣ; засверкали какіе-то огни въ чистомъ полѣ; кто говорилъ — это огоньки въ окнахъ деревни, кто — глаза волка, а другіе, что это кладъ кажется. Лизавета Васильевна благословила Соню и ушла спать, а Соня

отправилась въ свою свѣтлицу, куда и мы должны послѣдовать за нею. Соня дѣйствительно жила вверху, въ небольшой комнатѣ, которая звалась свѣтелкой. Она тихо взошла по лѣстницѣ, зажгла свѣчу и бросилась на постель; черезъ нѣсколько минутъ она встала и сѣла неподвижно на постели. Бѣлое личико ея, какъ-будто постарѣло, — такъ оно было полно тревоги, брови сжаты, губы окусаны, подъ глазами сине. «Ахъ, Боже мой! вскричала она: — Пресвятая Богородица! что мнѣ дѣлать?» Она посмотрѣла въ окно: темно. Въ Нелидовѣ, однакожъ, огни; вотъ огонь въ его гостиной: онъ тутъ спитъ, онъ читаетъ. «О, духи вѣковѣчные, думала бѣдная, скажите ему, какъ любитъ его Соня!» Она опустила занавѣску; сѣла за столъ. На столѣ лежала истасканная книга — пѣсенникъ. Соня закрыла глаза и наудачу развернула книгу: что откроется? Открылось:

Для тебя, отстала я отъ всѣхъ,
И отъ батюшки, и отъ матушки.
Я покинула родиму сторону,
Расплела я косу русую,
Повѣривши другу милому.

Соня улыбнулась, поспѣшно встала и опять отдернула занавѣску. Темная ночь опять кинулась ей въ очи, но огни въ завѣтныхъ окнахъ горѣли. «О, Боже мой! что мнѣ дѣлать?» Она отодвинула ящикъ, взяла тетрадку, въ которой, разными руками, было писано, по ея просьбѣ, все, что ей нравилось. Между этими листами былъ засохшій цвѣтокъ: въ прошлое лѣто они гадали *любитъ не любитъ;* ему вышло «не любитъ».

Онъ разсердился и бросилъ цвѣтокъ, а она потихоньку подняла и сберегла его. О, какъ ей хотѣлось сказать ему вслѣдъ: «любитъ»! Но, чу! что это? Соня притаила дыханіе — да, пѣтухи поютъ. Боже мой, теперь пора! Она подняла занавѣску — ужасъ! огни погасли. «Онъ зоветъ, зоветъ!» Дѣвушка отошла отъ окна и какъ статуя стояла посреди комнаты. «Не пойду, боюсь,» сказала она: «какъ воровка, ночью, въ чужой домъ. Да и вретъ эта старая колдунья.» Соня опять отдернула занавѣску: да, огня нѣтъ; онъ спитъ; онъ и не думаетъ о ней. Вотъ имъ женскія-то слезы: обнялъ, поцѣловалъ, зажегъ пожаръ въ сердцѣ дѣвушки, да и бросилъ — гори! Вотъ уѣдетъ послѣ Крещенья... тамъ другая — о, ужасъ! Дѣвушка отошла отъ окна и быстро стала одѣваться. Потомъ, совсѣмъ одѣтая, въ раздумьѣ, опять сѣла у стола. Что дѣлать: идти или не идти? Вдругъ мелькнула у нея мысль: она открыла ящикъ въ столѣ и вынула оттуда «Соломона». Глупая рожа, изображающая будто бы солнце, во всѣ глаза глянула на чистый ликъ дѣвушки, и Сонѣ даже страшно стало; круглый ликъ точно говорилъ ей: но что?... Соня взяла ржаное сѣмечко и бросила; сѣмя упало на цифру два. Соня нашла эту цифру и прочитала: *будетъ тебѣ, человѣче, якоже ты хощеши по желанію твоему, но не вскорѣ узриши.* Соня задумалась: что это значитъ? Дай еще кину! Вышло 50. *Готовъ путь твой и врата отверсты — мысль твоя сбудется съ великою радостію.* У Сони забилось сердце.

Ну, въ третій разъ. Можно до трехъ разъ! Соня бросила сѣмя, и въ третій разъ вышло 97. *Дерзай и не бойся ты, человѣче, поможетъ тебѣ Богъ по проше-*

нію твоему. Соня почти въ ужасѣ отбросила книгу, перекрестилась три раза передъ образомъ, потушила свѣчку и тихо стала спускаться съ лѣстницы. Все уже спало. Она отперла сѣнную дверь и вышла на дворъ; морозъ захватилъ ея дыханіе — она не чувствовала; почти въ безпамятствѣ она перебѣжала дворъ, хлопнула калиткой и вышла на дорогу. Только-что она ступила на скользкую укатанную дорогу, какъ сейчасъ увидѣла, что сзади ея изъ-подъ горы кто-то ѣдетъ. Дѣйствительно, впереди шелъ кто-то, а сзади подымалась лошадь. Соня отбѣжала назадъ и встала у своего забора. Проникнутой одною мыслію, одною страстью, дѣвушкѣ пришло на умъ еще попытать судьбу: какъ только прохожій прошелъ противъ нея, она спросила: «добрый человѣкъ, какъ васъ зовутъ?» Неизвѣстный остановился и громко отвѣчалъ: «*Леонидъ*». А васъ какъ? Отвѣта не было. Соня сначала вздрогнула, но потомъ, какъ стрѣла, бросилась домой. Прибѣжавъ въ свою комнату, она крѣпко заперла дверь, какъ будто боясь, чтобы путникъ не пришелъ. Наконецъ, придя въ себя, она заговорила: «Такъ вотъ онъ, по гостямъ ѣздитъ, ему и дѣла нѣтъ, и горя нѣтъ... а я? Боже мой! Такъ зачѣмъ же онъ цѣловалъ меня, зачѣмъ?... О, Боже мой!...» Дѣвушка снова бросилась на постель, но сонъ бѣжалъ отъ нея; только-что смыкались глаза, черный путникъ подходилъ къ ней и бралъ ее то за руки, то за пуховыя плечи. Соня вздрагивала и пробуждалась. Наконецъ, измученная страшною тревогою, она подошла къ окну и, приложивъ къ стеклу горячую голову, глубоко задумалась. Ночь уже была не темна, что-то *бѣлое*, жи-

вое примѣшалось къ ея мраку; на востокѣ за полями вспыхнула розовая полоса; полоса эта разгоралась все ярче и ярче, больше и больше, наконецъ пожелтѣла, какъ червонное золото, какъ пламя. Изъ пожара этого вырѣзались какіе-то два огромные луча: одинъ бѣлый, другой красный. Облака погрузились въ эту огромную бездну свѣта и пламени, и тоже загорѣлись. Загорѣлся дымъ, летѣвшій изъ трубъ деревенскихъ, пожелтѣли серебряныя отъ мороза вѣтви березъ и деревъ; загорѣлось и поле золотомъ — и бѣлый день выкатился на проснувшіяся поляны, — а дѣвушка все стояла у окна, погруженная въ глубокую думу; наконецъ, на лицѣ ея обозначилось что-то въ родѣ улыбки, что-то рѣшительное и покойное показалось въ глазахъ. *Пойду*, сказала она твердо, и въ этотъ же вечеръ рѣшила прибѣгнуть къ взору и слову.

VIII.

— Вѣра, батюшка Леонидъ Сергѣичъ, вѣра! «Имѣйте вѣру съ зерно горчишно», сказано въ писаніи, «такъ горы будете переставлять» — вотъ оно что! говорила на другой день вечеромъ Ѳедора Ларіоновна, сидя за тѣмъ же столомъ и постукивая тѣми же спицами. Марья Степановна лежала тутъ же, на диванѣ, потому что чувствовала себя нездоровой; Митя и Миша рисовали какіе-то прелестные ландшафты; черная, большая книга лежала на столѣ неразогнутая.

— Вѣра, вѣра, твердилъ задумчиво Леонидъ Сергѣичъ: — Что такое вѣра? Хотѣлось бы и знать иное.

— Вѣра, батюшка, вмѣшался Ѳедоръ въ разговоръ, — есть обличеніе вещей невидимыхъ, какъ видимыхъ, т. е. вещи, недоступныя видѣнію, будутъ для васъ яко бы видимыя.

— А вотъ что такое вѣра, перебила Ѳедора Ларіоновна, — вотъ я тебѣ, батька мой, разскажу. У меня въ городу есть старушка одна знакомая, предобрѣйшая и преблагочестивая: весь городъ ее знаетъ и уважаетъ. У нея былъ одинъ сынъ, и служилъ въ военной службѣ. Ужь какъ она любила этого сына, такъ ужь, Господи, Боже мой! я и описать тебѣ не могу! только и жила и дышала имъ.

— Ну, понятно: мать, сказала Марья Степановна.

— Нѣтъ, матушка моя, ужь это какъ-то мучительно до болѣзненности любила. Бывало какъ съ почтой не получитъ письма, такъ и клади хоть въ гробъ. Доктора то и знай начнутъ ѣздить. Вотъ разъ сынокъ-то и пріѣзжаетъ къ ней повидаться, да и говоритъ: «Теперь благословите, маменька: я на войну иду.» Ужь не помню, съ кѣмъ война-то тогда была, съ турками ли, съ персіянами. Такъ и поблѣднѣла моя старуха. «И не думай, говоритъ: въ гробъ, говоритъ, ты меня положишь — выходи лучше въ отставку!» — «Да нельзя, маменька.» — «Какъ нельзя?» — «Теперь не выпустятъ.» — Слегла старуха. Дѣлать, однако, нечего; надо ѣхать сынку. Вотъ старуха собрала его, провожаетъ, а сама не прощается. — «Поѣдемъ, говоритъ, къ Ѳедоровской! отслужимъ молебенъ напутственный. Въ соборѣ-то у насъ, вѣдь, явленная Ѳедоровская Божія Матерь.» Такъ и сдѣлала: отслужила молебенъ, благословила тутъ же сына, приложилась къ иконѣ и

распростились. Старуха пріѣхала домой будто ни въ чемъ не бывало. Вотъ проходитъ годъ и два—сынокъ не ворочается; пересталъ и письма писать. Проходитъ еще годъ — писемъ все нѣтъ и сынъ не ворочается. Кончилась и война; многіе ужь пріѣхали назадъ, кто съ ранами, кто съ крестами. Сынка нашего нѣтъ. Вотъ напечатанъ и списокъ убитыхъ. Глядь-поглядь — сынокъ-отъ въ убитыхъ. Что дѣлать? Сказать — значитъ уморить старуху; не сказать — странно: надо помянуть покойнаго, а чьи же молитвы угоднѣе Богу, какъ не материнскія? Но какъ сказать? А старуха спокойна, какъ нельзя болѣе. Ѣздитъ только по праздникамъ къ Ѳедоровской. Вотъ и начали ей понемногу намекать: что, молъ, долго нѣтъ? куда пропалъ? да ужь живъ ли? Старуха знай твердитъ: живъ, да и только. Наконецъ разъ приготовили маленько, сказали начисто и даже списокъ показали. Старуха оттолкнула списокъ, и слышать ничего не хочетъ. «Это вздоръ! говоритъ: я поручила его Царицѣ Небесной, такъ онъ воротится,—и толковать больше нечего!» Что же, батюшка? Прошелъ годъ послѣ того, старуха въ день своихъ имянинъ служитъ молебенъ у Ѳедоровской, только и входитъ какой-то офицеръ, въ дорожной шинели. Смотритъ старуха — а это сынокъ-отъ ея и есть. Онъ спѣшилъ на имянины-то, да пожелалъ прежде къ Владычицѣ заѣхать.

— Какъ же это случилось? спросилъ Сережа, который слушалъ старушку съ глубочайшимъ вниманіемъ.

— А такъ, батюшка: онъ попалъ въ плѣнъ къ черкесамъ, да тамъ и прожилъ, а потомъ какъ-то ушелъ. Въ убитыхъ-то записали его ошибкой, какъ про-

павшаго безъ вѣсти. Такъ вотъ, батюшка, вѣрато что!

Въ эту минуту вошла дѣвушка и сказала, что Лизавета Васильевна прислала къ Леониду Сергѣевичу просить книжекъ почитать. У молодаго человѣка забилось сердце. — Не она ли? подумалъ онъ.

— Кто пришелъ? спросила Марья Степановна.

— Ѳедора, отвѣтила та.

Юноша всталъ и вышелъ въ дѣвичью.

— Здорова ли Лизавета Васильевна?

— Слава Богу. Кланяться приказала; книжекъ приказала попросить.

— Да что жъ она къ намъ не пожалуетъ?

— Не знаю-съ. А вы-то чтожъ къ намъ-то-съ? вѣдь не вѣсть когда были. Вотъ что значитъ московскіе!

— Ахъ, мой другъ, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ. Я радъ бы. Вотъ сейчасъ я вынесу книги.

Молодой человѣкъ вошелъ къ себѣ, набралъ книгъ и не зналъ, какъ бы передать что-нибудь Сонѣ.

— Вотъ книги, кланяйся Лизаветѣ Васильевнѣ, да попроси, чтобы она къ намъ пожаловала, да нельзя ли...

— Что же? спросила лукаво Ѳедора.

— Съ вами, съ дѣвушками. Маменька скучаетъ... онѣ попѣли бы пѣсень.

— То есть съ Соней, замѣтила тихо Ѳедора. Ой ужь вы, полноте хитрить-то!

— Ну, да, и съ ней. Кланяйся ей, скажи, что я очень хотѣлъ бы съ ней видѣться, что я...

— Хотите ее видѣть? спросила Ѳедора.

— Хочу. Когда? гдѣ?

— Сегодня.

— Сегодня! — вскричалъ съ изумленіемъ Леонидъ Сергѣевичъ. — Гдѣ? Какъ?

— Когда лягутъ всѣ, придите подъ березы, къ баушкѣ Аграфенѣ, сказала тихо Ѳедора.

— Такъ кланяйся же.

— Буду кланяться-съ. Будете?

— Буду, буду.

О, молодость! откуда у тебя берутся такія бездны блаженства и упоенія? Гдѣ, въ какихъ тайникахъ, хранишь ты эти заповѣдные источники счастія? И куда потомъ они скрываются, когда наступаетъ такъ называемая мудрость зрѣлости и опыта? Леонидъ Сергѣевичъ воротился въ залу съ такимъ лицомъ, что можно было подумать, онъ въ раю былъ. Онъ положительно не слыхалъ, что говорили, насилу дождался ужина, и вотъ, когда всѣ улеглись, онъ надѣлъ фуражку и отправился подъ березы. Различныя чувства его волновали. Во-первыхъ, неизъяснимая робость, потомъ опасеніе, чтобы его не увидали; потомъ ему крайне стѣснительно было при Аграфенѣ: свидѣтель, и кто же? старуха! странная, болтунья, вѣроятно; вообще непріятно. «Однако же, все-таки я увижу ее, думалъ Ли, поговорю; можетъ, уговорю видѣться наединѣ.» Сердце перестало у него биться, когда онъ взялся за скобку, но, отворивъ дверь, онъ остановился въ изумленіи: въ стоявшей передъ нимъ дѣвушкѣ онъ почти не узналъ Сони.

Изба была ярко освѣщена; передъ образомъ горѣли двѣ лампады; на столѣ двѣ свѣчки; возлѣ стола,

держась за его уголъ, опустивъ черныя рѣсницы, стояла Соня. Она была въ красномъ штофномъ сарафанѣ, обшитомъ золотымъ позументомъ; батистовая рубашка не скрывала ея бѣлоснѣжныхъ рукъ. Молодая грудь еще ярче вырѣзывалась блескомъ обложившаго ее позумента. Въ этой черной, закоптѣвшей избѣ, при блескѣ свѣчъ, Соня, въ своемъ пышномъ нарядѣ, блѣдная отъ смущенія, была очаровательна.

— Соня! вскричалъ Леонидъ: ты ангелъ!

Разумѣется, что все это была минута. Скоро Софья сѣла и закрыла лице руками. Звановъ обнялъ ее и страстно поцѣловалъ въ щеку.

— Соня, скажи мнѣ, какъ ты могла родиться такой красавицей... Да полно же, мой ангелъ, закрываться-то! Такое личико и скрываешь.

Юноша отвелъ руки ея отъ лица.

— Здравствуй, милая Соня, здравствуй.

И Звановъ снова хотѣлъ поцѣловать дѣвушку; но та слегка отклонилась отъ него и сказала:

— Здравствуйте, Леонидъ Сергѣичъ!

— Какъ ты сюда пришла, Соня? какой ангелъ завелъ тебя?

— Я была въ посидѣлкахъ, — поспѣшно сказала поселянка, хотя, по свѣжести наряда, видно было, что онъ сейчасъ надѣтъ.

— А старуха здѣсь? тихо спросилъ Ли.

Софья замолчала; видно было, что ей трудно отвѣтить на этотъ вопросъ.

— Гдѣ она? повторилъ Леонидъ.

— Ушла.

— Придетъ?

Софья опять замолчала и чрезъ нѣсколько секундъ сказала:

— Придетъ. Вы гдѣ вчера были? — робко спросила она Леонида.

— У Толбухиныхъ.

— Веселились?

— Какое веселился! Скука была страшная. Но, Соня, вѣришь ли, послѣ того вечера, — помнишь, подъ березами? — мнѣ тоска страшная.

— Отчего? спросила дѣвушка, устремляя веселыя очи въ лице юноши.

Тотъ почти сконфузился и отвѣтилъ:

— Не знаю... только и думаю о тебѣ.

Соня слегка улыбнулась; молодой человѣкъ взялъ ее за руку и хотѣлъ вновь поцѣловать; но та вырвалась и отошла.

— Соня, сказалъ Ли съ упрекомъ: что это ты все отъ меня бѣгаешь? вчера убѣжала, подъ березами убѣжала... Ты боишься меня?

И Леонидъ привлекъ опять дѣвушку къ себѣ.

Та робко сѣла возлѣ него и вертѣла свою синюю ленту, которая до самаго пола падала изъ ея косы.

— Ты боишься меня? приставалъ Ли.

— Нѣтъ, отвѣтила его собесѣдница.

— Такъ зачѣмъ же бѣгаешь?

— Не знаю.

Упоительная мысль мелькнула въ умѣ юноши, таинственный вызовъ его черезъ Ѳедору, свиданіе наединѣ, нарядъ, видимо надѣтый для него...

— Соня, ангелъ мой, ты любишь меня?

Дѣвушка поблѣднѣла.

— Соня, красота моя, скажи: ты любишь меня или нѣтъ?

Соня облокотилась на столъ и закрыла лице рукою. Ей трудно было смотрѣть, даже дышать.

— Я умру, Соня, если ты не скажешь, — твердилъ, внѣ себя, Звановъ: — умру... скажи, любишь или нѣтъ?

— *Люблю*, прошептала Соня. Леонидъ сжалъ ее въ объятіяхъ, и прижалъ уста свои къ ея горящимъ губамъ. Соня едва удержалась на ногахъ, но, вырвавшись изъ объятій, отбѣжала въ темный уголъ и закрыла лице руками. Самъ Леонидъ Сергѣичъ не скоро пришелъ въ себя.

Но когда онъ опамятовался, когда онъ взглянулъ на зардѣвшееся лице дѣвушки, на ея опущенныя рѣсницы, тогда только почувствовалъ, какая бездна невозмутимаго счастія лежала въ душѣ его; какимъ моремъ благополучія осѣнило всего его одно малое, чуть слышно сказанное, слово крестьянки: *люблю*. Знала ли Софья, что взоръ и слово сдѣлали уже свое дѣло?

— Ахъ, Соня, ты не знаешь, какое блаженство ты мнѣ подарила. Зачѣмъ же ты такъ долго меня мучила?

— Когда?

— Да, отчего ты давно не сказала?

— Я не знала.

— Когда жъ ты узнала?

— Недавно.

— А прежде не знала? спрашивалъ молодой человѣкъ, цѣлуя восковую шею дѣвушки. Не знала! Да и не любила? Теперь только любишь?

Дѣвушка нѣжно отклонялась отъ ласкъ и почти изнемогала отъ волненія.

— Ты теперь только меня любишь? твердилъ Леонидъ, держа бѣлыя руки.

— Любила и прежде, но не знала; узнала недавно. А вы? робко спросила Софья, слегка поблѣднѣвъ.

— Соня!

— Да, вы? спрашивала твердо она, обнявъ рукою Леонида и смотря ему прямо въ глаза — вы?

— Соня! можешь ли ты сомнѣваться?

— Любите, а? любите?

— О, ангелъ мой, люблю, люблю больше всего на свѣтѣ.

— Любите, почти стонала дѣвушка, навѣчно, навѣчно?

— О, вѣчно, вѣчно!

Дѣвушка взяла въ обѣ руки голову Леонида, устремила свои большіе голубые глаза прямо ему въ очи и, какъ въ бреду, говорила:

«Мечитесь тоски,
«Бросьтесь тоски,
«Въ буйную голову,
«Въ волю и хотѣніе,
«Въ кровь горячую.»

— Что ты, мой ангелъ, шепчешь? спрашивалъ съ недоумѣніемъ Ли, цѣлуя ея руку.

Соня, вмѣсто отвѣта, говорила:

«Чтобы я ему казалась
«Милѣе свѣту бѣлаго,
«Краше солнца пресвѣтлаго.»

— О, мой ангелъ! и дѣвушка, въ изнеможеніи, бросилась на шею къ своему возлюбленному.

Есть мгновенія, читатели, которыя не описываются. Они потому и мгновенія, что будь они продолжительнѣе, слабый человѣческій составъ сокрушился бы отъ бездны блаженства.

Молодой человѣкъ каждый вечеръ видѣлся съ Софьей. Старуха куда-то ушла и надолго. Въ такихъ случаяхъ она отдавала ключъ отъ своей избы Сонѣ, которую, по странной симпатіи, она чрезвычайно любила. Софья завѣдывала ея хозяйствомъ. Всѣ это знали, а потому ни для кого не было удивительнымъ, что Аграфенина подруга ходила къ ней въ избу, въ ея отсутствіе.

IX.

День меркнетъ ночью, а человѣкъ — печалью, говоритъ русская пословица. Стало туманиться лице Марьи Степановны. Вмѣсто прежней радости, покрывалось оно иногда глубокой печалью; нерѣдко выпадала и слеза, которую Марья Степановна поспѣшно вытирала платкомъ. Дѣло въ томъ, что дѣти должны были скоро ее покинуть, а она чувствовала себя какъ-то не очень хорошо. Вотъ ужъ прошелъ и срокъ зимнихъ вакацій, но кто же заговоритъ объ отъѣздѣ? Неужели мать? Неужели Миша, который, по поясъ въ снѣгу, окруженный собаками и мальчишками, бродилъ по окружнымъ полямъ и лѣсамъ, забывъ, что существуетъ гдѣ-то гимназія; неужели Леонидъ? Послѣднему страшно было смотрѣть на тоску матери. На ея святомъ лицѣ онъ

читалъ безсловесный упрекъ, безмолвный судъ своему сердцу, высказанный безъ вѣдома самого судьи. Ему тошно было, что на безъисходную скорбь матери онъ не могъ отвѣтить тѣмъ же нераздѣльнымъ чувствомъ, тою же нераздѣльною скорбью. Не смотря на то, онъ любилъ мать страстно. Леонидъ принадлежалъ къ числу такихъ натуръ, изъ которыхъ выходяхъ или сильные люди, или замѣчательные негодяи. Онъ говорилъ о своихъ чувствахъ мало, а иногда даже во вредъ себѣ, такъ что клеветалъ нерѣдко на себя; но чувствовалъ онъ глубоко; онъ очень хорошо постигалъ всю силу скорби материнской, не разъ хотѣлъ броситься на шею къ матери и высказать все... Но молодость, молодость! Опасеніе за нее, за ту, въ которой для молодаго сердца было все.... Борьба счастія съ тоскою была невыносима. Утро встрѣчалъ онъ съ ужасомъ — днемъ ближе къ разлукѣ, а вечеръ провожалъ въ блаженствѣ съ Соней. Но время шло. Ѳедоръ Никитичъ явился поутру и робкимъ голосомъ спросилъ Марью Степановну: «какихъ лошадей прикажете приготовить?»

— Какихъ хочешь, Ѳедя, — коротко отвѣтила Марья Степановна. Тотъ постоялъ, постоялъ и пошелъ. Вотъ и утро настало роковое. Крытыя сани, запряженныя тройкой рыжихъ лошадей, стояли уже у крыльца. Путники одѣлись молча, грустно. Миша плакалъ навзрыдъ; Сережа ревѣлъ во все горло. Леонидъ не плакалъ, но, смотря на мать, положительно боялся, чтобъ она не умерла. Марья Степановна, съ сухими, впалыми глазами, блѣдная и худая, едва удержалась на ногахъ; слезы она уже выплакала ночью. Дѣти бросились къ ней на шею; она молча ихъ обнимала и крестила.

— Прощайте, прости Миша, молитесь за меня, ангелы мои! Простите!

— Матушка, хоть ты въ сѣни-то не выходи! кричала, вся въ слезахъ, Ѳедора Ларіоновна, и схватила Марью Степановну.

— Пустите! только могла сказать Марья Степановна и оттолкнула старуху.

— Маменька, ангелъ мой! не ходите,—кричалъ Миша.

Лошади тронулись, Марью Степановну унесли безъ чувствъ на постель. Миша скрылъ лице въ подушку. Но Леонидъ почувствовалъ въ душѣ своей что-то такое, чего онъ никогда не испытывалъ. Это было не горе, не скорбь, не отчаяніе, а что-то такое, что превосходило все это, взятое вмѣстѣ. Какъ тотъ фіалъ, въ которомъ нѣкогда были слиты всѣ бѣдствія людскія, грудь его наполнилась какимъ-то злымъ, вѣщимъ, грозящимъ чувствомъ! Эта тоска, эта *скорбь велія*, которую, по слову Евангелиста, придется нѣкогда испытать цѣлому міру, впервые была испытана имъ! Точно что-то навѣки уходило отъ него, что-то беззавѣтно-милое; точно онъ стоялъ на распутіи двухъ міровъ, предъ вратами смерти, и ему надо было покинуть одинъ вѣдомый и милый, чтобы вступить въ другой — невѣдомый и потому грозный. Чувство не обмануло юношу, онъ простился навѣки съ двумя дорогими сердцу сокровищами — съ матерью и молодостью.

Солнышко на лѣто, зима на морозъ, говорится у насъ на Руси. Вотъ ужь и февраль наступилъ. Въ срѣтеньевъ день зима съ лѣтомъ встрѣтились. 28 февраля Василій капитель; утромъ морозитъ, а въ полдень, гдѣ солнышко пригрѣетъ, тамъ и каплетъ; ледяныя со-

сульки точно бахромой обвѣсили кровлю. 1 марта, Евдокіи свистуньи — свиститъ въ щели сильный вѣтеръ, но холоду не приноситъ; 4-го марта, Герасима-грачевника — грачи прилетѣли; 9-го, сорокъ мучениковъ — сорокъ утренниковъ, прилетѣлъ куликъ изъ-за морь, принесъ весну изъ неволья. Вотъ и теплый Алексѣй — полились съ горъ потоки; Матрена-наставница — отъ утренниковъ образовался настъ, т. е. утромъ отъ мороза снѣгъ затвердѣлъ, такъ-что можно было ходить по немъ, какъ по льду. Сережа, въ своей шубкѣ, каждый день бѣгалъ по насту. Кой-гдѣ показались проталинки. Дни стали такъ велики, что и огонь засвѣчать перестали. Солнце свѣтило ярко, привѣтно. Весело становилось въ природѣ, весело было и на душѣ человѣка, но не весело было подъ березами.

Марья Степановна, проводивъ своихъ дѣтокъ, слегла въ постель. Прежде она, бывало, скоро выздоравливала; но теперь какъ-то плохо поправлялась и была постоянно грустна. Ѳедора Ларіоновна плакала нерѣдко, глядя на нее; но сама Марья Степановна рѣшительно никогда не плакала. Только чаще прежняго она стала сидѣть на своемъ любимомъ мѣстѣ, передъ окномъ, и пристально смотрѣла въ любимую сторону. Прежде передъ этимъ окномъ было только поле, да лѣсъ за нимъ; но лѣтъ пять назадъ, середину лѣса вырубили, и сельская церковь, какъ яхонтъ, заблистала своею красною крышею посреди изумруднаго лѣса. Вотъ въ эту-то сторону и смотрѣла по цѣлымъ часамъ Марья Степановна, съ неизъяснимымъ выраженіемъ на лицѣ: то была не грусть, не слезы, а что-то глубоко-нѣжное, спокойное, и даже мудрое: тамъ ея другъ, тамъ ея молодость, лю-

бовь — все то, послѣ чего жизнь уже болѣе бремя, чѣмъ радость.

Ѳедоръ вошелъ въ комнату — онъ тоже похудѣлъ и какъ-то постарѣлъ — посмотрѣлъ на Марью Степановну и вздохнулъ потихоньку.

Марья Степановна его не слыхала.

— Здравствуйте, матушка Марья Степановна!

— А! здравствуй, Ѳедя!

— Какъ вы себя чувствуете, сударыня?

— Хорошо, Ѳедя!

— Что же вы, матушка, все печалуетесь такъ?

— Ничего, Ѳедя, такъ какъ-то все...

— Вы погулять бы, сударыня, вышли; воздухъ-то весенній, теплый; вѣтеркомъ бы васъ пообдуло.

— Вотъ и то думаю, да все какъ-то слаба, Ѳедя; ходить даже трудно.

Ѳедоръ украдкой вытеръ слезу и отошелъ.

Марья Степановна устремила взоръ свой въ дальнюю сторону и снова погрузилась въ свою глубокою думу. Увы! она обдумывала уже великій путь, который приходилось ей совершить скоро.

Съ горъ полились уже ручьи; вершины ихъ выставились изъ-за бѣлаго снѣга. Чирикали весело какія-то новыя, давно неслыханныя пташки. Почернѣла рѣчка. Солнце горѣло всюду и гнало зимніе покровы; небеса синѣли. Весело свисталъ жаворонокъ; но очень невесело было въ Нелидовѣ. Тамъ все пріуныло и притихло. И спицы Ѳедоры Ларіоновны умолкли, и бѣготня дѣвушекъ, и разговоръ Ѳедора; даже самому Сережѣ было какъ-то скучно. Какъ онъ ни вырѣзывалъ себѣ изъ бумаги, которой Ѳедора Ларіоновна да-

вала ему теперь вдоволь, разныхъ птицъ, солдатъ, церквей, но все было невесело.

Марья Степановна лежала въ постелѣ и была чрезвычайно слаба. Разъ она пожелала встать, и дѣйствительно встала, одѣлась, хотѣла-было идти, но не могла двинуться. Ее взяли подъ руки. Она попросила подвести ее къ окнамъ. Марья Степановна поглядѣла на весеннюю природу, уронила двѣ слезы и велѣла поскорѣе посадить на любимое мѣсто — устала! Перекрестясь на церковь, она сказала Сережѣ:

— Что ты, бѣгалъ ли сегодня?

— Нѣтъ, мама!

— Что же, другъ мой?

Мальчикъ скрылъ лице въ ея колѣняхъ и ничего не отвѣтилъ. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ зарыдалъ, крича: «Мама, мама, мнѣ скучно безъ тебя, скучно!» Марьѣ Степановнѣ сдѣлалось худо. Сережу вынесли.

Наконецъ она и сидѣть устала; ее вынесли въ спальню, раздѣли и снова положили въ постель. Это была послѣдняя прогулка Марьи Степановны.

Разъ она почувствовала себя какъ-то особенно нехорошо. Красная вечерняя заря потухала на небосклонѣ. Сумерки ложились на поле. Она позвала къ себѣ Ѳедора, который неотлучно былъ въ сосѣдней комнатѣ, и сказала тихимъ голосомъ:

— Плохо мнѣ, Ѳедя!

— Плохо-съ! Не послать ли, матушка, за докторомъ? спросилъ тотъ, блѣднѣя.

— Нѣтъ, Ѳедя, не надо, зачѣмъ?

Потомъ повернула къ нему голову и сказала: пора, Ѳедя!

Старикъ схватилъ сухую руку ея и зарыдалъ.

— Не плачь, Ѳедя! Воля Божія надъ нами — самъ знаешь. Всѣ тамъ будемъ. Я рада, что отхожу къ Господу, не оставляя враговъ. И *онъ-то*, голубчикъ мой, встрѣтитъ меня, какъ и прежде, незлобивую.

— Матушка, Марья Степановна, вы не упадайте духомъ, вѣдь вы часто хвораете, Богъ милостивъ...

— Нѣтъ, Ѳедя, нѣтъ, я ужь знаю...

Ѳедя фыркалъ и едва могъ держаться на ногахъ.

Пришелъ и мальчикъ прощаться, передъ сномъ. Марья Степановна велѣла себя поднять, велѣла поднять Сережу, сжала его въ объятіяхъ и долго не выпускала; уста ея что-то шептали. Потомъ она взяла образъ Смоленской Божіей Матери и благословила мальчика. Тотъ зарыдалъ, и Марья Степановна упала, въ изнеможеніи, на подушки.

Пріѣхалъ священникъ, исповѣдовалъ и причастилъ ее святыхъ тайнъ. Больная почувствовала себя нѣсколько лучше; она снова подозвала Ѳедора.

— Ну, Ѳедя, прости! сказала она: — не забудь меня. Сережу береги пуще глаза своего; я за тебя молиться буду — слышишь?

Ѳедоръ ничего не говорилъ, потому что боялся зарыдать. Скоро у больной показался бредъ; бѣдной матери казались то цвѣты, то дѣти. Изрѣдка она приходила въ память и спрашивала: «что Сережа?» Посылала благословеніе отсутствовавшимъ дѣтямъ, заповѣдывала молиться за нее. Наконецъ, когда утренняя заря загорѣлась на востокѣ, младенчески-добрая душа ея покинула тѣло. Смерть скоро покрыла мраморный

обликъ ея своимъ строгимъ величіемъ, и только одна слеза, повисшая на рѣсницѣ, свидѣтельствовала еще о земной нѣжности ея сердца, но и та скоро высохла.

Житейское море воздвизаемое зря напастей бурею, къ тихому пристанищу твоему притекъ, вопію ти... Житейское море вѣчное, обуреваемое, никогда неизмѣняемое! Что ты такое? смѣна ли однихъ поколѣній другими, одной весны другою, жизни — тлѣніемъ, тлѣнія — жизнью; или ты обликъ другихъ вѣковѣчныхъ силъ, неизмѣняемыхъ и навсегда живыхъ для самихъ себя? Тысячелѣтія прошли и идутъ, гадаютъ, пытаютъ, учатся, вѣрятъ, сомнѣваются, страдаютъ, отчаяваются, проклинаютъ — и все это для того, чтобы постигнуть тебя — что ты такое, житейское море... А ты равнодушно и неизмѣнно лежишь безбрежною ширью въ безконечномъ пространствѣ — и не даешь отвѣта! Бездна времени поглощаетъ все дорогое намъ, и насъ самихъ. Тоска отчаянія, вопли, молитвы взываютъ къ тебѣ съ вопросами: гдѣ они? что они? Дай отвѣтъ — отвѣта нѣтъ, по-крайней-мѣрѣ для многихъ бѣдныхъ тѣней, которыхъ ты носишь въ волнахъ своихъ, житейское море!

Вскорѣ Леонидъ Сергѣичъ прислалъ Ѳедору письмо, исполненное отчаянія. Въ немъ увѣдомлялъ, что, окончивъ курсъ наукъ, онъ съ радостью воспользовался предложеніемъ одной ученой экспедиціи, ѣхать вокругъ свѣта. «Прощай, добрый Ѳедоръ! — прибавилъ онъ: — надолго. Я не въ силахъ воротиться въ тѣ края, гдѣ жила она, гдѣ она любила такъ безмѣрно, а я такъ мало былъ достоинъ этой любви! Прости! Отрываю отъ сердца все, что дорого — въ жертву ей!»

Ѳедоръ, прочитавъ письмо, бросился на постель и зарыдалъ какъ ребенокъ. Онъ одинъ! никого изъ тѣхъ, кого онъ такъ любилъ. Но горе Ѳедора улеглось потомъ въ тихія обыденныя формы. Жизнь потекла въ Нелидовѣ обычнымъ равнодушнымъ шагомъ, мѣрно отсчитывая день, ночь, лѣто, зиму. Только и было замѣчательнаго, что однажды Ѳедоръ свезъ Сережу въ кадетскій корпусъ, да разъ осенью была буря сильная. Вѣтеръ рвалъ соломенныя крыши мужиковъ и разносилъ по полю.

Ночь была страшно темна; однако же, по увѣренію окружныхъ жителей, на Толбухинскомъ бугрѣ, не смотря на вихоръ, всю ночь горѣла свѣча. Возлѣ видны были какія-то двѣ тѣни, которыя исчезли, какъ только погасла свѣчка. Утромъ избу Аграфены нашли растворенною настежь; все имущество ея оставалось тутъ, но сама она болѣе не возвращалась.

X.

Прошло пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ опустѣло Нелидово. На дворѣ стояла апрѣльская распутица, т. е., что называется, ни прохода, ни проѣзда. Между тѣмъ противъ Нелидова, по высокому берегу, утромъ въ великую субботу, тощая тройка тащила кого-то въ телѣгѣ. Ямщикъ видимо старался придать бодрости лошадямъ, но это не всегда ему удавалось. Тройка перекидывалась то въ ту, то въ другую сторону дороги, стараясь объѣзжать колеи, ямы и не вездѣ разстаявшій ледъ. Колоколчикъ то замолкалъ, то звенѣлъ по пу-

стому, невеселому полю. Телѣга спустилась къ рѣкѣ. Лѣтомъ черезъ нее курица перейдетъ, а теперь она бойко мчалась, неся иногда съ собою пни, даже цѣлыя деревья.

— Можно ли тутъ проѣхать? погоди — сказалъ проѣзжій ямщику.

— Да вѣдь какъ знать, можно ли, отвѣтилъ ямщикъ, остановивъ лошадей.

— Глубоко ли тутъ?

— Богъ знаетъ!

— Встань-ко лучше, да посмотри, нѣтъ ли гдѣ другаго проѣзда.

Ямщикъ задумался; но потомъ вдругъ, вмѣсто всякаго отвѣта, хлеснулъ лошадей и пустился въ воду. Рѣка сбила-было тройку, а телѣгу совсѣмъ поворотила по теченію, но ямщикъ закричалъ и замахалъ руками. Лошади дернули сразу и выѣхали на другой берегъ. Старый нашъ знакомый, Ѳедоръ Никитичъ, заслышавъ колокольчикъ, вышелъ на дворъ и глядѣлъ за одинокою тройкой, рѣдкою гостьею этихъ отдаленныхъ сторонъ. Странную какую-то грусть и почти слезы пробудилъ въ Ѳедорѣ колокольчикъ. — Ѣдетъ же къ кому нибудь на радость, думалъ онъ, къ свѣтлому-то празднику! — Когда телѣгу понесло-было по теченію, то Ѳедоръ хотѣлъ уже бѣжать на помощь; но тройка тронулась на гору, прямо къ Нелидову. Ѳедоръ какъ будто чего-то испугался. Сердце въ немъ забилось сильно. Телѣга остановилась у воротъ; старикъ бросился къ пріѣзжему и тотчасъ узналъ въ весеннемъ путникѣ своего старшаго барина.

Леонидъ Сергѣичъ видѣлъ бури океана, былъ при землетрясеніи, когда поднявшееся море въ глазахъ его смыло цѣлый городъ, слышалъ громы на Андскомъ хребтѣ, видѣлъ пожаръ степей въ Америкѣ; но никогда ему не было такъ страшно, какъ въ то время, когда онъ двинулся изъ сосѣдняго города въ свое Нелидово. Какъ увидитъ онъ тѣ мѣста, гдѣ жила его мать, гдѣ самъ онъ былъ нѣкогда чистъ, какъ ангелъ Божій? Путникъ думалъ, что при этихъ воспоминаніяхъ *надорвется грудь отъ муки*, — и ошибся! Едва только вершины знакомыхъ березъ показались изъ-за пригорка, что-то чудное повѣяло на его душу. И чѣмъ ближе, ближе, чѣмъ знакомѣе являлись мѣста, тѣмъ отраднѣе, свѣтлѣе, благодатнѣе становилось въ сердцѣ. Наконецъ, когда онъ вступилъ въ обитель своего дѣтства, когда все вокругъ него повѣяло благодатью любви и младенчества, душа его наполнилась такимъ блаженствомъ, какого ни прежде, ни послѣ онъ не испытывалъ. Все на него смотрѣло лаской и радостью, все говорило съ нимъ, какъ съ дитятею, и отвсюду неслась къ нему *ея* вѣчная и святая нѣжность.

— Ну, Ѳедя, — сказалъ Леонидъ Сергѣичъ: надо ѣхать къ приходу. Я сегодня же хочу отслужить панихиду и завтра быть въ церкви.

— Какъ же, батюшка Леонидъ Сергѣичъ, отвѣтилъ тотъ: — я ужь велѣлъ и лошадей приготовить.

Всѣмъ извѣстно, что въ дальнихъ нашихъ захолустьяхъ, гдѣ нѣтъ ни мостовъ, ни дорогъ, всѣ, желающіе быть у заутрени въ Свѣтлое Христово Воскресенье, ѣдутъ къ приходу засвѣтло, съ вечера. Иначе рискуютъ просидѣть не только заутреню, но и обѣдню

гдѣ-нибудь въ оврагѣ. У прихода всѣ, смотря по рангу, располагаются: кто у причетниковъ, кто у просвирни, кто у дьякона, аристократія же у попа. Когда Леонидъ Сергѣичъ, отслуживъ панихиду, вошелъ въ домъ священника, то сосѣдніе помѣщики и помѣщицы были уже тамъ. Почти всѣ они были ему знакомы; но какъ-то ужь не тѣми казались, чѣмъ прежде! Никакъ онъ не могъ заговорить съ ними въ тактъ, да и они какъ будто дичились при немъ. Грустно стало Леониду: жизнь разъединила! Черезъ нѣсколько времени разговоръ завязался въ залѣ. Первый подалъ къ тому поводъ Василій Никандрычъ, который, возвратясь изъ церкви, объявилъ, что онъ прочиталъ пять главъ Дѣяній, и что теперь, по милости его, къ благовѣсту все кончатъ. Фока Петровичъ возразилъ на это глубокомысленно, что это вздоръ, что и безъ него бы кончили, какъ всегда кончаютъ.

Въ другомъ кружкѣ разговоръ шелъ одушевленнѣе: спорили о томъ, кто храбрѣе—Багратіонъ, Кутузовъ или Наполеонъ. При этомъ остроумно объясняли, что фамилія Багратіонъ значитъ: *Богъ-рати-онъ*, а слово Наполеонъ — *На-полѣ-онъ*. Въ углу молодой человѣкъ предлагалъ барышнѣ прочитать великолѣпный романъ: Юрій Милославскій, но барышня отказалась, сказавъ, что папенька ей не позволяетъ читать романы; зато онъ ей привезъ изъ Петербурга чудесную книгу, только не романъ, а драму: Венеціянскую актрису, Гюго.

Леониду чужды были всѣ эти толки, споры, разсужденія; но этому онъ даже былъ радъ. Чѣмъ шумнѣе былъ говоръ, тѣмъ уединеннѣе могъ быть Леонидъ Сергѣичъ. Не до разговоровъ было ему. Было

близко уже къ благовѣсту. Тайная, безъ воли его выступающая, тревога овладѣла душой. О, сердце человѣческое! «Глубота ли ты, глубота, океанъ море.» Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Леонидъ Сергѣичъ пріѣхалъ въ церковь съ единственною цѣлью, чтобы поклониться праху матери и быть за великой службой тамъ, гдѣ бывалъ въ младенческіе годы. Но, плывя еще по океанамъ, подъ тропическими жарами, въ тѣни ліанъ, когда находила на него тоска, онъ уносился въ тихія долины своей родины и вызывалъ тѣни прошедшаго. Въ этихъ-то тѣняхъ всегда, безъ вѣдома его, возникалъ свѣтлый, чудный образъ, какъ лучъ лунный, чистый. Образъ этотъ пронесся съ нимъ вокругъ свѣта, сквозь бурю страстей, мудрость опыта, знаній, и во всемъ благоуханіи нѣжной свѣжести возникъ, какъ вживѣ, когда онъ очутился подъ березами. Гдѣ она? что она! Спросить о ней Ѳедора было какъ-то совѣстно, а тому и въ голову не приходило, разумѣется, говорить объ этомъ: онъ ходилъ до-сихъ-поръ, какъ въ чаду, и не могъ опомниться отъ радости, что пріѣхалъ старшій баринъ. Кого же? Съ мучительнымъ безпокойствомъ онъ прислушивался, не заговоритъ ли кто-нибудь хоть о Лизаветѣ Васильевнѣ. Но, какъ нарочно, о ней и помина не было. Онъ рѣшился было заговорить самъ; но съ ужасомъ отказался отъ этой мысли. Что можетъ онъ услышать? Вѣдь пять лѣтъ прошло! Быть можетъ, ея ужь нѣтъ на свѣтѣ, можетъ, она умерла чахоткой, тоскуя по немъ, быть можетъ бросилась въ омутъ, ужасъ! А можетъ быть,— Леонидъ горько улыбнулся, — можетъ быть, мѣситъ она теперь въ курной избѣ квашню, торопясь испечь хлѣбы,

а то, если не поспѣютъ, мужъ придетъ, да, пожалуй, и пощечинъ надаетъ, не смотря на праздникъ. Потемнѣла ея кожа чистая, выцвѣли глаза чудные и высохла грудь лебединая, о, Боже мой! И Леонидъ Сергѣичъ сталъ гнать тревожныя мысли. Онъ сталъ прислушиваться къ шумному говору. Но неотвязныя думы не уходили.

— Да вѣдь и я чудакъ, говорилъ самъ съ собою Леонидъ, невольно стыдясь своихъ мыслей. Будто пять лѣтъ пронеслось, какъ пять дней надъ нею и надо мною. Неужели теперь сарафанъ и синяя лента въ косѣ тоже будутъ значить для меня, что прежде, на зарѣ юности, для чистоты и невинности сердца. Кого не освѣтитъ ореоломъ страстная душа юности! И Леонидъ закрылъ лице руками, потому что готовъ былъ почти плакать. Но внезапно умолкнувшій говоръ будто пробудилъ его. Онъ взглянулъ, и въ первыя мгновенія не зналъ что подумать!

— Не бредъ ли это воображенія, не призракъ ли?

Въ дверяхъ противъ него стояла Соня, въ бѣломъ, какъ воздухъ легкомъ, платьѣ съ брильянтовою брошкой на груди. Красота дѣвушки, и въ особенности блѣдность и смущеніе на лицѣ поразили все собраніе. Софья сейчасъ только узнала отъ Ѳедора, что Леонидъ Сергѣичъ тутъ.

— Гдѣ онъ? гдѣ? раздался чей-то голосъ за нею: покажите, гдѣ онъ, батюшка Леонидъ Сергѣичъ, откуда, надолго ли?—И путникъ нашъ очутился въ тучныхъ объятіяхъ Лизаветы Васильевны.

Когда она вспомнила, наконецъ, что тутъ есть другіе ея знакомые, и начала разсыпать щедро по-

цѣлуи, объятія и рукожатія, Звановъ подошелъ къ Софьѣ.

— Соня, ужели ты?

Какъ заря вспыхнула та при звукахъ незабвеннаго голоса.

— А вы... ты... тотъ же ли?

— О, мой ангелъ, тотъ же! И ты не прокляла меня, ты любишь?

— Вѣчно, вѣчно! Я вѣрила, что ты воротишься.

— Вѣрила!

— Да, потому что я знаю твою душу, и она, она...

— Кто она?

— А старуха, Аграфена, помнишь? Она постоянно увѣряла меня, что ты воротишься. Безъ нея я бы умерла.

И Соня разсказала про ту страшную ночь, когда старуха простилась съ нею. Аграфена ушла въ пустыню спасаться. Прощаясь съ нею, она отдала рыдающей Софьѣ множество драгоцѣнныхъ вещей, которыя старуха хранила на Толбухинскомъ курганѣ. При этомъ, утѣшая Софью, она говорила, что Леонидъ будетъ ея непремѣнно, потому что «душа душу знаетъ».

— И вотъ ты любишь? шептала Соня, глядя небесными глазами въ очи возлюбленному, — любишь?

— Вѣчно, вѣчно... А ты моя навсегда, такъ?

— О, другъ...

Леонидъ подошелъ съ Соней къ Лизаветѣ Васильевнѣ. Софья что-то шепнула ей на ухо...

— Охъ, знаю, знаю, заговорила та, обращаясь къ Леониду, со слезами на глазахъ: — я и прежде-то васъ, какъ родныхъ дѣтей любила. О, матушка Марья Сте-

пановна, въ селеніяхъ-то небесныхъ благослови. Съ этими словами Лизавета Васильевна подала Леониду руку своей дочери.

Само собою разумѣется, что ни Ли, ни Соня, ни мать ея, которая подъ старость лѣтъ перестала скрывать, что Соня дочь ея, не слыхали, какъ кончился благовѣстъ, какъ понемногу выбрались всѣ изъ комнаты. Они отправились къ заутренѣ только тогда, когда крестный ходъ загорѣлся вокругъ церкви и до слуха ихъ долетѣли слова великой пѣсни: *Ангелы поютъ на небеси; и насъ на земли сподоби, чистымъ сердцемъ Тебе славити.*

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

—

Стр.
Лѣсъ 1
Вода 75
Студенческія воспоминанія о московскомъ университетѣ . . . 167
Не забудь. 249
Дикая 355
Грезы и слезы 383
Лѣсные голоса 409
Кивачъ. 429
Подъ березами 445

C 54

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Dec. 2006

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

THE LIBRARY OF CONGRESS

WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa.
July — Aug. 1986
We're Quality Bound

LIBRARY OF CONGRESS
00025306776